

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

Сентябрь — Октябрь
1982

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Брук, В. М. Кабузан (Москва). Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции	3
А. А. Зубов (Москва). Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР	21
Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева (Москва). Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР)	33
Г. П. Васильева (Москва). Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана)	41
Л. Н. Фурсова (Москва). Формирование метисного населения Канады	51

Сообщения

Ч. А. Бахышов (Баку). Изменение этнического состава населения Азербайджанской ССР (по данным переписей 1897—1979 гг.)	65
А. Б. Дзадзиев (Орджоникидзе). Традиционные формы проведения досуга в общественном быту осетинских крестьян в XIX — начале XX в.	72
Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева (Томск). Музей и студент (К 100-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета)	78
В. Е. Гусев (Ленинград). На окраине Белорусского Полесья	82
М. В. Крюков (Москва). Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии	89
В. Н. Шинкарев (Москва). Сакральные предводители общин у нага	97
М. Гадгил (Бангалор), К. Ч. Малхотра (Калькутта). Экология пастушеской касты гавли-дхангаров	107

Поиски, факты, гипотезы

С. С. Савоскул (Москва). Русская народная драматическая игра «Лодка» в с. Марково на Чукотке	120
--	-----

Научная жизнь

И. И. Земцовский (Ленинград). Международная конференция по фольклоризму	123
Н. А. Дубова, Н. А. Долинова, Л. Т. Яблонский (Москва). Вторая все-союзная антропологическая конференция	125
Я. Ланяускайте-Моркунене, И. Мардоса (Вильнюс). Конференция литовских этнографов	127
Е. С. Соболева (Ленинград). Четвертые Маклаевские чтения	129

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ВОДОГОДАКАЯ

Н. Я. Дараган (Москва). Московская конференция молодых специалистов по проблемам методологии в Институте этнографии АН СССР	133
Б. В. Иванов (Ленинград). Этнографы на БАМе	134
Коротко об экспедициях	135

Критика и библиография

Общая этнография

Л. Е. Куббель (Москва). <i>Этнография</i> . Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова	137
А. М. Решетов (Ленинград). <i>С. И. Брук</i> . Население мира. Этнодемографический справочник	139
Б. А. Фролов (Москва). <i>Л. А. Файнберг</i> . У истоков социогенеза	142
Т. В. Егорова, В. И. Козлов (Москва). <i>Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия</i>	144
М. Я. Гольберг (Дрогобыч). <i>Ю. Д. Левин</i> . Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX в.)	148

Народы СССР

А. А. Сусоколов (Москва). <i>В. О. Рукавишников</i> . Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды)	150
Т. В. Лукьянченко (Москва). <i>А. А. Киселев, Т. А. Киселева</i> . Советские саамы: история, экономика, культура	152
Л. А. Тульцева (Москва). <i>Н. К. Гаврилюк</i> . Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев)	155
Л. С. Христолюбова (Ижевск). <i>С. С. Курогло</i> . Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в.	157
А. А. Лебедева (Москва). <i>Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета</i>	159
В. К. Соколова (Москва). <i>К. В. Чистов</i> . Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания; <i>И. А. Федосова</i> . Избранное	161
Е. А. Окладникова (Ленинград). <i>М. А. Дэвлет</i> . Петроглифы Мугур-Саргола	163

Народы Зарубежной Азии

В. А. Макаренко (Москва). <i>Andrew B. Gonzalez</i> . Language and Nationalism. The Philippine Experience Thus Far	165
<u>Людмила Николаевна Терентьева</u>	169

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, **И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов, С. И. Брук, Н. Г. Волкова** (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель** (зам. главн. редактора), **А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков, А. И. Першиц, Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции **Н. С. Соболев**

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
 телефон 126-94-91

Зав. редакцией **Е. А. Эшлиман**

С. И. Брук, В. М. Кабузан

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и претворение в жизнь ленинской национальной политики привели к коренным социальным, экономическим и культурно-бытовым преобразованиям в нашей стране. Были ликвидированы эксплуататорские классы и, следовательно, социально-классовые привилегии и частная собственность на средства производства, преодолены замкнутость и культурная разобщенность отдельных слоев населения. Индустриализация страны и рост крупных городов, коллективизация сельского хозяйства, решение национального вопроса, национально-государственное строительство и образование 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик, постоянная экономическая и культурная помощь ранее отсталым народам, особенно со стороны самого крупного народа страны — русского, привели к ликвидации отсталости и к выравниванию уровней экономического и культурного развития различных народов.

Для национального развития населения Советского Союза характерны две основные тенденции: расцвет социалистических наций и народностей и их сближение в ходе строительства социалистического и коммунистического общества. Темпы сближения этносов все более ускоряются. Этот процесс сопровождается широким распространением двуязычия и возрастанием роли русского языка в качестве языка межнационального общения. Практическое осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы между народами — одно из самых крупных завоеваний социализма. *За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ.*

Отмеченные тенденции, однако, не означают прекращения действия факторов, связанных с национальным самосознанием людей, их языково-культурными и другими различиями; эти факторы играли и еще длительное время будут играть важную роль в жизни нашего государства. Советские республики отличаются многонациональным составом населения. В ряде республик за последние годы значительно увеличилась численность граждан некоренных национальностей, имеющих свои специфические запросы в области языка, культуры и быта.

Коммунисты всегда были «сторонниками постепенного, все более полного сближения наций на истинно демократической, истинно интернационалистской, как говорил В. И. Ленин, базе. Становление бесклассового общества явится важной вехой в дальнейшем развитии этого закономерного процесса, раскрытого марксистско-ленинской наукой. Нет ничего более чуждого коммунистической идеологии, чем стремление искусственно подталкивать данный объективный процесс или препятствовать ему. Задача состоит в том, чтобы дать простор его естественному развитию на основе добровольности, равенства и братского сотрудничества народов»¹.

* Динамике численности и расселения русских до Октябрьской революции посвящена статья тех же авторов в предыдущем номере журнала.

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. — Правда, 1982, № 52, 21 февраля.

60 лет тому назад был образован Союз Советских Социалистических Республик. Решающую роль в создании единого союзного государства сыграла Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, «вокруг которой на добровольных началах сплотились все советские республики. Будучи первым многонациональным Советским государством, РСФСР явилась прообразом Союза ССР. Русский народ не считаясь с трудностями и лишениями, оказывал бескорыстную помощь другим народам страны в отстаивании их революционных завоеваний, внес неоценимый вклад в преодоление отсталости бывших национальных окраин»².

Решению этой задачи способствовала интенсификация миграционных процессов (особый размах они приобрели в годы индустриализации страны), в которых наибольшее участие приняли русские. В результате в настоящее время за пределами РСФСР живет 23 875 тыс. русских — 17,4% их общей численности в стране. В РСФСР, где насчитывается 113 522 тыс. русских (82,6% жителей республики), они образуют абсолютное большинство населения во всех краях и областях, а также в пяти из 16 автономных республик (в Бурятской АССР — 72,1%, в Карельской АССР — 71,3, в Коми АССР — 56,7, в Удмуртской АССР — 58,3 и в Якутской АССР — 50,5%), в четырех из пяти автономных областей и в восьми из десяти автономных округов. Русские — крупнейшая этническая группа Казахстана (5991 тыс. человек, или 40,8% его населения), они составляют почти треть жителей Латвии (821 тыс., или 32,8%), более четверти населения Эстонии и Киргизии (в первой — 409 тыс., или 27,9%, во второй — 912 тыс., или 25,9%), более одной пятой населения Украины (10 472 тыс., или 21,1%). Лишь в Закавказских республиках и Литовской ССР русских меньше одной десятой всего населения. В большинстве союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов, где русские не образуют большинства, они уступают по численности лишь коренной национальности.

* * *

Для характеристики динамики численности и расселения русских в послереволюционное время имеется немало статистических материалов. В первую очередь это данные шести переписей населения: 1920, 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг.³ Учитывая нужды национального и культурного строительства, в программы всех переписей были включены вопросы о национальности (в переписи 1926 г. — о народности) и родном языке; а в программы переписей 1970 и 1979 гг. — и о другом языке народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый. Кроме того, в переписях, а также в материалах текущего учета содержатся различные данные о миграциях, смешанных в национальном отношении семьях, естественном движении населения (рождаемость и смертность) и др. В большинстве случаев данные об этническом составе вполне сопоставимы, так как во всех переписях населения определение этнической принадлежности опрашиваемых основывалось на их самосознании и осуществлялось обычно постановкой прямого вопроса о национальности⁴.

Трудности сравнительного анализа связаны не с недостатком статистических данных, а с несопоставимостью границ страны на разные годы и частыми изменениями ее внутреннего административного деления.

² Там же.

³ Перепись населения 1920 г. не была проведена на большей части территории Белоруссии, в Закавказье, Крыму, Дагестане, Киргизии, Якутии, на Дальнем Востоке, значительной части Украины и в отдельных губерниях РСФСР. Поэтому в нашем исследовании, относящемся к стране в целом, ее данные не использованы.

⁴ В переписи населения 1926 г. был включен вопрос о народности. В разъяснении к ответу на этот вопрос указывалось: «... Перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения... Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят» (см.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. М., 1928, в. 4, с. III). Такая постановка вопроса не могла не оказать влияния на данные о численности отдельных народов, что затрудняет сравнение их с данными последующих переписей (см. об этом ниже).

Численность населения регионов, вошедших в состав СССР в 1939—1945 гг.
(тыс. чел.) *

Регионы	1926 г.		1939 г.	
	всего	в том числе русских	всего	в том числе русских
Эстония	1045	37	1052	50
Латвия	1805	145	1885	170
Литва	2700	70	2880	75
Западная Белоруссия	3114	16	3343	20
Западная Украина (включая Закарпатскую область, Северную Буковину и часть районов Бессарабии, вошедших в состав Одесской области УССР)	9054	210	9584	215
Бессарабия (без районов, вошедших в состав УССР)	2003	117	2162	140
Тува	75	15	87	15
Волости Эстонии и Латвии, вошедшие в состав РСФСР после 1940 г.	110	110	115	115
Итого	19 906	720	21 108	800

* Данные по Эстонии см: Пуллат Р. Этнический состав городского населения Эстонии в 1917—1940 гг. — Ежегодник этнографического музея, Таллин, 1968, т. XXIII, с. 339 (на эст. яз.); данные по Латвии: Четвертая перепись населения Латвии. Рига, 1935, с. 287 (на лат. яз.); по Западной Украине: Наулко В. Етнічний склад населення Української РСР. Київ: Наук. думка, 1965, с. 75, 79; по Туве: Сердобов И. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 256, 289, 377; по Бессарабии: Зеленчук В. С. Население Молдавии (Демографические процессы и этнический состав). Кишинев: Штиинца, 1973, с. 40, 48; данные по Литве и Западной Белоруссии исчислены на основе переписей населения Литвы (1923 и 1925 гг.) и Польши (1921 и 1931 гг.).

Исследование проведено нами в современных границах СССР по существующим в настоящее время административным единицам — 15 союзным и 20 автономным республикам, 8 автономным областям, 10 автономным округам, 6 краям и 123 областям. Сводные таблицы составлены по союзным республикам (РСФСР и Украинская ССР разбиты на экономические районы, деление на которые принято при планировании народного хозяйства⁵) и автономным республикам РСФСР.

Бывшая Российская империя включала Привислинские губернии и Белостокскую область, входящие теперь в состав Польской Народной Республики, Финляндию и бывшую Карскую область, отошедшую по договору 1921 г. к Турции. СССР в современных границах помимо территорий бывшей Российской империи (за исключением указанных районов) включает Бухару и Хиву⁶, а также территории, вошедшие в состав СССР в 1939—1945 гг.: Северную Буковину (1939 г.), Туву (1944 г.), Закарпатскую Украину, нынешнюю Калининградскую область, Клайпедскую область (1945 г.). Кроме того, в 1945 г. Советский Союз восстановил свои права на Южный Сахалин и Курильские острова.

Для того, чтобы использовать материалы переписей населения 1926 и 1939 гг., нам необходимо было определить численность населения регионов, вошедших в состав СССР в 1939—1945 гг. (табл. 1).

* *

Обобщенные результаты наших исследований приведены в табл. 2—5. За рассматриваемый период (62 года) население страны в современных границах увеличилось на 60,4%, численность же русских возросла

⁵ Для удобства рассмотрения данных по союзным республикам Калининградская область включена нами в Северо-Западный район РСФСР, а не в Прибалтийский район, как это принято плановыми органами.

⁶ Бухарский эмирят и Хивинское ханство не входили в состав Российской империи. На их территории в результате революции в 1920 г. были образованы Бухарская и Хорезмская народные советские республики, вошедшие в 1923—1924 гг. в состав СССР. После национально-территориального размежевания в Средней Азии, проведенного в конце 1924 г., эти республики стали частями Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.

**Изменение численности и удельного веса русского населения СССР в 1917—1979 гг.
(в современных границах) ***

Годы	Численность (тыс. чел.)		Доля русских в общем на- селении, %	Среднегодовой прирост	
	всего населения	русских		всего населения	русских
				‰	
1917	163 596	76 497	46,8		
1926	166 934	78 511	47,0	2,1	2,6
1939	191 665	100 392	52,4	11,6	20,7
1959	208 827	114 114	54,6	4,3	6,4
1970	241 720	129 015	53,4	13,4	11,3
1979	262 436	137 397	52,4	9,2	7,0
1917—1979	—	—	—	7,7	9,5

* При пользовании таблицами 2—5 необходимо учитывать следующее:

1. В 1917 г. в границах Российской империи конца XIX в. общая численность населения составляла 171 750 тыс. человек, а численность русских — 76 676 тыс., т. е. 44,6% населения страны (см. *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.).— *Сов. этнография*, 1982, № 4, с. 14, табл. 1. Для того, чтобы определить общую численность населения и численность русских на этот же год в современных границах СССР, нам потребовалось вычесть данные по Привислинским губерниям и Белостокской области (всего 13 293 тыс., в том числе русских 167 тыс.), по Финляндии (соответственно 2921 тыс. и 7 тыс.), а также по Карской области (411 тыс. и 16 тыс.) и прибавить данные по Бухаре и Хиве (2909 тыс.), Туве (70 тыс. и 5 тыс.), большей части Восточной Галиции (4887 тыс. и 6 тыс.) и Закарпаты (605 тыс.). Таким образом, общая численность населения в современных границах сократилась на 8154 тыс., в том числе русских — на 179 тыс.

2. По переписи населения 17 декабря 1926 г. (Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. М.: ЦСУ СССР, 1928), в СССР в границах того времени насчитывалось 147 028 тыс. человек, в том числе 77 791 тыс. русских. По переписи населения 17 января 1939 г., в тех же границах значилось 170 557 тыс. человек, в том числе 99 592 тыс. русских (все сведения на 1939 г. о национальном составе исчислены нами по книге: *Козлов В. И.* Национальности СССР. М.: Статистика, 1975, с. 108—112, табл. 13 и с. 250). Для того, чтобы определить данные на 1926 и 1939 гг. в современных границах СССР, нам потребовалось учесть население территорий, вошедших в состав СССР в 1939—1945 гг. (а также скорректировать данные по союзным республикам в связи с преобразованием Молдавской АССР в союзную республику и включением Крыма в состав УССР).

Следует иметь в виду, что в официальных данных ЦСУ СССР о численности населения страны на начало 1939 г. (190 678 тыс. человек) не учитывалось население Закарпатской области (900 тыс.) и Тувы (87 тыс.).

3. Данные на 1959 г. см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М.: Госстатиздат. 1962—1963, т. 1—16.

4. Данные на 1970 г. см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 1.— Численность населения СССР. М.: Статистика, 1972; т. IV — Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973.

5. Данные переписи населения 1979 г. см.: Вестник статистики, 1980, № 7—11.

на 79,6%. Среднегодовые темпы роста населения в целом составили 7,7‰, русских — 9,5‰. Ежегодный прирост всего населения был равен 1,6 млн. человек. Эти темпы следует признать высокими, особенно если учитывать последствия гражданской и второй мировой войн.

С 1917 по 1922 г. население страны уменьшилось более чем на 7 млн. человек (погибшие на фронтах гражданской войны, умершие от эпидемий вирусного гриппа и сыпного тифа, а также от голода, охватившего пораженные засухой 1921 г. Поволжье и другие районы). Кроме того, около 2 млн. человек составила так называемая белая эмиграция⁷. В течение четырех лет после Октябрьской революции (1918—1921 гг.) из-за тяжелых условий жизни естественный прирост населения был отрицательным⁸. К концу 1926 г., т. е. за 9 лет, прошедших после революции, население увеличилось всего на 3,3 млн. человек, в том числе русское — на 2 млн.

В годы второй мировой войны прямые потери СССР составили свыше 20 млн. человек; не менее велики были так называемые косвенные потери, связанные со снижением рождаемости и увеличением смертно-

⁷ Дробизев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М.: Наука, 1973, с. 278.

⁸ По мнению Боярского (*Боярский А. Я.* Население и методы его изучения.— Сборник научных трудов. М.: Статистика, 1975, с. 226), естественная убыль населения сменялась приростом в 1922, а не в 1921 г.

Таблица 3

Численность и расселение русских по союзным республикам в современных границах СССР (тыс. чел. и % к населению каждой республики и района)

Союзные республики и экономические районы	1917 г.		1926 г.		1939 г.		1959 г.		[1970 г.]		1979 г.		Рост численности русских с 1917 по 1979 г.
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	%
РСФСР	70 013	77,4	72 292	77,8	90 467	83,4	97 864	83,3	107 748	82,8	113 522	82,6	162,1
Северо-Западный	7 734	90,7	7 653	88,5			9 942	86,6	11 169	86,7	39 385	91,7	136,9
Центральный	21 031	97,0	21 439	95,3			24 330	94,6	26 049	94,2			
Волго-Вятский	4 701	82,0	5 968	78,5			6 309	76,5	6 276	75,2	6 295	75,2	133,9
Центрально-Черноземный	8 400	78,3	7 805	81,8			7 434	95,7	7 689	96,1	7 482	95,8	89,1
Поволжский	9 844	59,4	9 610	64,6			10 937	68,5	12 439	67,7	13 177	67,9	133,9
Северо-Кавказский	5 306	52,6	3 928	43,0			8 898	76,7	10 395	72,8	10 859	70,7	204,7
Уральский	5 690	80,8	6 691	81,0			11 332	79,9	12 260	80,7	12 620	81,1	221,8
Западно-Сибирский	5 020	80,6	5 916	79,6			9 557	84,9	10 521	86,9	11 274	86,9	224,6
Восточно-Сибирский	1 985	66,1	2 482	73,4			5 379	83,1	6 291	84,3	6 881	84,4	346,6
Дальневосточный	302	35,2	800	50,9			3 746	77,5	4 659	80,6	5 549	81,1	1837,4
Украинская ССР	3 620	9,9	3 328	8,6	4 315	10,4	7 091	16,9	9 126	19,4	10 472	21,1	289,3
Донецко-Приднепровский	1 180	10,1	1 579	11,5			4 415	24,9	5 592	27,9	6 324	30,1	535,9
Юго-Западный	1 179	5,8	585	2,9			1 110	5,8	1 364	6,6	1 578	7,3	133,8
Южный	1 261	27,7	1 164	26,7			1 566	30,9	2 170	34,0	2 570	36,3	203,8
Белорусская ССР	462	6,1	400	4,9	382	4,3	660	8,2	938	10,4	1 134	11,9	245,5
Эстонская ССР	27	2,8	37	3,5	50	4,8	240	20,1	335	24,7	409	27,9	1514,8
Латвийская ССР	154	6,7	145	8,0	170	9,0	556	26,6	705	29,8	821	32,8	533,1
Литовская ССР	120	4,0	70	2,6	75	2,6	231	8,5	268	8,6	303	8,9	252,5
Молдавская ССР	126	5,9	185	8,2	188	7,7	293	10,2	414	11,6	506	12,8	401,6
Грузинская ССР	190	6,7	96	3,6	309	8,7	408	10,1	397	8,5	372	7,4	195,8
Армянская ССР	13	1,2	20	2,3	51	4,0	56	3,2	66	2,7	70	2,3	538,5
Азербайджанская ССР	224	8,7	221	9,6	528	16,5	501	13,6	510	10,0	475	7,9	212,1
Казахская ССР	1 259	20,5	1 280	21,2	2 459	40,3	3 950	42,5	5 522	42,4	5 991	40,8	475,9
Узбекская ССР	129	2,8	244	5,2	727	11,5	1 114	13,7	1 473	12,5	1 666	10,8	1291,5
Туркменская ССР	39	3,9	74	7,4	233	18,6	263	17,3	313	14,5	349	12,6	894,9
Таджикская ССР	7	0,7	6	0,6	135	9,1	263	13,3	344	11,9	395	10,4	5642,9
Киргизская ССР	114	11,9	116	11,6	303	20,8	624	30,2	856	29,2	912	25,9	800,0
СССР в целом	76 497	46,8	78 511	47,0	100 392	52,4	114 114	54,6	129 015	53,4	137 397	52,4	179,6

Таблица 4

Численность и расселение русских по автономным республикам РСФСР (тыс. чел. и % к населению каждой республики)

Автономные республики РСФСР	1926 г.		1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		Увеличение численности русских с 1926 по 1979 г.
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	%
Башкирская	1013	39,8	1282	40,6	1417	42,4	1546	40,5	1548	40,3	152,8
Бурятская	205	52,7	393	72,0	503	74,6	597	73,5	648	72,1	316,1
Дагестанская	93	12,5	146	14,3	214	20,1	210	14,7	189	11,6	203,2
Кабардино-Балкарская	17	7,5	126	35,9	163	38,7	219	37,2	234	35,1	1376,5
Калмыцкая	14	10,7	82	45,7	103	55,9	123	45,8	126	42,7	900,0
Карельская	149	57,1	296	63,2	413	63,4	486	68,1	522	71,3	350,3
Коми	15	6,6	70	22,0	396	48,6	512	53,1	630	56,7	4200,0
Марийская	213	43,6	268	46,1	310	47,8	321	46,9	335	47,6	157,3
Мордовская	745	59,2	718	60,5	592	59,1	606	58,9	591	59,7	79,3
Северо-Осетинская	19	6,6	152	37,2	179	39,6	202	36,6	201	33,8	1057,9
Татарская	1115	43,1	1250	42,9	1252	43,9	1329	42,4	1516	44,0	136,0
Тувинская	15	20,0	15	17,2	69	40,1	88	38,3	97	36,2	646,7
Удмуртская	444	43,3	681	55,7	760	56,8	810	57,1	870	58,3	195,9
Чечено-Ингушская	14	2,6	209	28,8	348	49,0	367	34,5	336	29,1	2400,0
Чувашская	178	20,0	241	22,4	264	24,0	299	24,5	338	26,0	189,9
Якутская	30	10,4	147	35,5	215	44,2	314	47,3	430	50,5	1433,3
Итого по автономным республикам РСФСР	4279	35,8	6076	41,4	7198	45,3	8029	43,2	8611	43,1	201,2

Размещение русского населения по союзным республикам и экономическим районам СССР (% ко всем русским в современных границах)

Союзные республики и экономические районы	1917 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
РСФСР	91,4	92,1	90,1	85,7	83,5	82,6
Северо-Западный	10,1	9,7		8,7	8,7	
Центральный	27,5	27,3		21,3	20,2	28,7
Волго-Вятский	6,1	7,6		5,5	4,9	4,6
Центрально-Черноземный	11,0	10,0		6,5	6,0	5,4
Поволжский	12,9	12,2		9,6	9,6	9,6
Северо-Кавказский	6,8	5,1		7,8	8,0	7,9
Уральский	7,4	8,5		9,9	9,5	9,2
Западно-Сибирский	6,6	7,5		8,4	8,1	8,2
Восточно-Сибирский	2,6	3,2		4,7	4,9	5,0
Дальневосточный	0,4	1,0		3,3	3,6	4,0
Украинская ССР	4,7	4,2	4,3	6,2	7,1	7,6
Донецко-Приднепровский	1,5	2,0		3,9	4,3	4,6
Юго-Западный	1,5	0,7		1,0	1,1	1,1
Южный	1,7	1,5		1,3	1,7	1,9
Белорусская ССР	0,6	0,5	0,4	0,6	0,7	0,8
Эстонская ССР	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3
Латвийская ССР	0,2	0,2	0,2	0,5	0,5	0,6
Литовская ССР	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Молдавская ССР	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4
Грузинская ССР	0,2	0,1	0,3	0,4	0,3	0,3
Армянская ССР	...	...	0,1	0,1	0,1	0,1
Азербайджанская ССР	0,3	0,3	0,5	0,4	0,4	0,3
Казахская ССР	1,6	1,6	2,4	3,5	4,3	4,4
Узбекская ССР	0,2	0,3	0,7	1,0	1,1	1,2
Туркменская ССР	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Таджикская ССР	...	...	0,1	0,2	0,3	0,3
Киргизская ССР	0,2	0,2	0,3	0,5	0,7	0,7
СССР в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Менее 1 тыс. человек, или менее 0,1%

сти. Лишь через девять с половиной лет после войны, к началу 1955 г., численность населения вновь достигла довоенного уровня. Известно, что в предвоенные годы население ежегодно увеличивалось примерно на 3 млн. человек (на 1,5%). Если принять эти показатели и для последующих лет, то окажется, что страна в результате прямых и косвенных потерь в годы второй мировой войны недосчиталась 40—45 млн. человек.

За исследуемый период заметные изменения претерпела доля русских в общем населении страны. Большие сдвиги произошли также в расселении русских. Все это — следствие *неодинаковых темпов естественного прироста у разных народов СССР, развивающихся этнических процессов и усиления миграций, связанных с индустриализацией и урбанизацией страны*. На динамику численности различных народов в целом по стране влияют первые два фактора, на расселение — все три.

Степень воздействия тех или иных факторов на динамику численности и расселение русского этноса целесообразно рассмотреть по периодам, ограниченными переписями населения и в определенной мере совпадающим с периодизацией истории советского общества. Так, первый период (1917—1926 гг.) — это период гражданской войны и восстановления народного хозяйства; второй (1927—1938 гг.) — период социалистической реконструкции народного хозяйства и построения социализма; третий (1939—1958 гг.) — период борьбы за полную и окончательную победу социализма, включивший годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства; четвертый (1959—1979 гг.) — период, в основном совпадающий с функционированием зрелого социалистического общества.

По нашим расчетам⁹, совпадающим с выводами Б. Ц. Урланиса¹⁰, естественный прирост населения в России в 1913 г. составлял 15,5‰ (рождаемость—45‰, смертность—29,5‰), т. е. был в 1,5 раза выше, чем в других странах Европы. В 1914 г. он еще несколько возрос (до 16‰), а затем стал резко падать (1915 г.—9,0‰, 1916 г.—4,8‰). В 1917 г. коэффициент смертности превысил коэффициент рождаемости, и абсолютная убыль населения достигла 0,6 млн. человек. При этом можно с уверенностью утверждать, что уровень естественного прироста в последние годы перед Октябрьской революцией был у русских ниже, чем у большинства других народов России (во многих центральных губерниях Европейской России, населенных исключительно русскими, он не достигал и 10‰, в то время как в нерусских районах редко опускался ниже 15—20‰).

О первых годах после революции, когда коэффициент смертности превышал коэффициент рождаемости, уже говорилось. С 1922 г. естественная убыль населения сменилась приростом в большинстве областей страны. К 1926 г. рождаемость увеличилась до 43,7‰, а смертность уменьшилась до 20,3‰, что дало прирост населения почти на 2,5% в год¹¹.

Что касается показателей естественного прироста у отдельных народов, то имеющиеся данные на 1927 г.¹² свидетельствуют о сравнительно небольших различиях в коэффициентах рождаемости (данные о смертности мы не берем, так как в ряде случаев, особенно в окраинных районах страны, имел место недоучет смертности населения). Резко повышенным уровнем рождаемости отличались армяне и азербайджанцы (58—59‰ в год, что близко к физиологическому максимуму)¹³, пониженным — башкиры, украинцы, карелы, белорусы, чуваша. Коэффициент рождаемости у русских (44,7‰) был близок к среднесоюзному или даже несколько его превосходил. Если же принять во внимание, что при высокой тогда средней смертности населения она еще выше была у отсталых народов национальных окраин, то естественный прирост у русских в первое десятилетие Советской власти несколько превышал средний по стране.

Для исследования динамики населения в последующие годы мы вынуждены пользоваться данными по административным единицам¹⁴, которые при введении определенных поправок позволяют с достаточной степенью достоверности судить о естественном движении у разных народов.

С конца 1926 г. до начала 1939 г. население страны увеличилось почти на 25 млн. человек (т. е. оно возрастало более чем на 2 млн. в год), в том числе русское — на 21,9 млн. Как известно, этот период характеризуется стремительным развитием индустриализации и урбанизации, резко возросшей подвижностью населения (особенно русских), переселением значительной части его на восток, а также в города национальных автономий, быстрым ростом общеобразовательного уровня, широким вовлечением в общественное производство женщин. Все это не могло не оказать влияния на различные демографические показатели. Доля городского населения увеличилась с 18 до 32%, численность населения в четырех восточных регионах РСФСР (Уральском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном) возросла на 31,1%, при об

⁹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в.—1917 г.).— История СССР, 1930, № 3, с. 81.

¹⁰ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 2081.

¹¹ Население СССР (Численность, состав и движение населения). 1973. М.: Статистика, 1975, с. 69; Козлов В. И. Национальности СССР. М.: Статистика, 1975, с. 136.

¹² Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930, с. 40.

¹³ Можно предположить, что для коренных народов Средней Азии (о них на середину 1920-х годов данных нет) был характерен такой же высокий уровень рождаемости.

¹⁴ После 1927 г. данные о естественном движении населения публиковались только по административным единицам.

Естественное движение населения в экономических районах РСФСР на 1940 г., в ‰*

Экономические районы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Северо-Западный	28,1	22,1	6,0
Центральный	28,3	18,9	9,4
Волго-Вятский	33,7	25,4	8,3
Центрально-Черноземный	28,3	17,2	11,1
Поволжский	34,7	21,7	13,0
Северо-Кавказский	33,1	16,0	17,1
Уральский	39,6	26,2	13,4
Западно-Сибирский	37,0	20,7	16,3
Восточно-Сибирский	38,7	18,6	20,1
Дальневосточный	48,9	20,7	28,2
РСФСР в целом	33,0	20,6	12,4

* Козлов В. И. Указ. раб., с. 162.

шем увеличении по РСФСР на 16,7%. За исследуемые 12 лет существенно изменились и параметры естественного движения. Смертность продолжала снижаться, однако более замедленными темпами, чем рождаемость.

В 1940 г. рождаемость по стране в целом снизилась до 31,2‰, смертность — до 18,0‰, и естественный прирост составил 13,2‰. Значительных колебаний показателей естественного прироста по республикам не наблюдалось. Так, если рассматривать только рождаемость, то она была традиционно низкой в Прибалтике (16,1—23,0‰), пониженной в остальных западных республиках и Грузии (26,6—27,4‰) и значительно более высокой, чем по стране в целом, в Казахстане и Армении (41,1—41,2‰). В РСФСР рождаемость была в 1940 г. не ниже, чем в республиках Средней Азии, и несколько выше, чем в среднем по Союзу¹⁵. Таким образом, широко бытующее представление о том, что в Средней Азии и на Кавказе уровень рождаемости с давних времен был намного выше, чем в остальных районах страны, не соответствует действительности.

Большие различия в показателях естественного движения населения наблюдались по экономическим районам РСФСР.

Анализ приведенных данных (табл. 6) дает основание считать, что в центральных и северо-западных районах РСФСР естественный прирост русских в 1940 г. был ниже, чем по стране в целом, а на Северном Кавказе¹⁶, в Сибири и на Дальнем Востоке — выше. В целом же по республике этот показатель близок к среднесоюзному (соответственно 12,4 и 13,2‰). Если же учесть, что в ряде других союзных республик (особенно в Среднеазиатских и Закавказских) естественный прирост русских был более высоким, то можно с уверенностью утверждать, что в предвоенный период естественный прирост русских находился примерно на уровне среднесоюзного.

В послевоенное время, в течение почти 15 лет, естественное движение населения в СССР характеризовалось высоким и стабильным уровнем рождаемости (в среднем выше 25‰ в год) и резко снизившейся смертностью (до 7—10‰ в год). Уже в 1950 г., т. е. всего через пять лет после кровопролитной и опустошительной войны, удалось добиться уменьшения средней смертности населения почти в два раза по сравнению с 1940 г. Это было достигнуто прежде всего благодаря резкому снижению детской смертности¹⁷. В результате среднегодовой прирост

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: ЦСУ СССР, 1981, с. 32—33.

¹⁶ Возможно, высокий естественный прирост населения в этом регионе связан с тем обстоятельством, что почти четверть его жителей образуют коренные народы автономных республик и областей Северного Кавказа, отличающиеся традиционно высокой рождаемостью.

¹⁷ В 1913 г. на 1000 детей в возрасте до 1 года умирало 269, в 1940 г. — 167, в 1950 г. — 81, в 1960 г. — 35, в 1970-х годах — 23—27 чел. См.: Народонаселение стран мира. Справочник. М.: Статистика, 1979, с. 170.

населения в эти годы не опускался ниже 17‰ (лишь в 1953 г. он равнялся 16,0‰). Как и ранее, средние показатели по РСФСР мало отличались от средних по Союзу. Однако в других республиках с конца 1950-х годов уже начали происходить определенные изменения в воспроизводстве населения: в Прибалтике и на Украине естественный прирост стал в 1,5 раза ниже, а в Среднеазиатских республиках, Азербайджане и Армении — в 1,5 раза выше, чем в среднем по Союзу. В целом же расчеты показывают, что и в этот период естественный прирост у русских был примерно равен среднему по стране.

В последний из исследуемых периодов демографическая ситуация существенно изменилась. С начала 1960-х годов среднегодовая рождаемость снизилась на 5—7‰, смертность стабилизировалась на прежнем уровне или даже несколько повысилась (сказалось значительное увеличение числа лиц старших возрастов), а естественный прирост уменьшился с 17,8‰ в 1960 г. до 8,0‰ в 1980 г.

Резкое снижение рождаемости в начале 60-х годов в основном затронуло РСФСР, Украину, Белоруссию, республики Прибалтики, Грузию, Армению. Сейчас уровень рождаемости в республиках Средней Азии в два с лишним раза выше, чем в РСФСР, УССР, БССР и Прибалтийских республиках, и в полтора раза выше, чем в остальных республиках. По уровню естественного прироста населения различия между республиками еще значительнее (так как в республиках с высокой рождаемостью коэффициент смертности из-за высокой доли детей ниже), причем с течением времени эти различия увеличиваются.

Из приведенных данных (табл. 7) видно, что после 1960 г. темпы прироста стали постепенно сокращаться практически во всех регионах страны. Однако это сокращение быстрее происходит там, где и раньше был низкий прирост, и медленнее — в районах с высоким приростом населения. Так, если в 1960 г. прирост населения в Среднеазиатских республиках был выше, чем в РСФСР, в 2,1 раза, то в 1980 г. — в 5,4 раза. При этом темпы его были в РСФСР все же несколько более высокими, чем в западных республиках СССР (кроме Молдавии).

Резко возросли и различия в естественном приросте населения отдельных регионов РСФСР (табл. 8).

Еще большие различия наблюдаются по отдельным областям РСФСР. Так, в 1973 г. в результате неблагоприятной половозрастной ситуации в семи областях (Новгородская, Костромская, Смоленская, Рязанская, Воронежская, Курская, Тамбовская) естественный прирост не достигал и 2‰, а в Псковской и Калининской областях был даже отрицательным. Относительно высокий прирост, около 10‰ (выше среднесоюзного, равного в 1973 г. 8,4‰), был характерен для Мурманской, Тюменской, Омской, Иркутской, Читинской областей и всех краев и областей Дальневосточного района. Еще выше (15—20‰) он был в некоторых автономных республиках (Дагестанская, Тувинская, Чечено-Ингушская и др.).

В целом по СССР в 1959—1979 гг. ежегодный прирост населения был равен 11,4‰, в РСФСР — 7,9‰. За это же время ежегодное увеличение числа русских по всей стране составляло 9,3‰, в РСФСР — 7,7‰, в остальных регионах — 19,4‰. За пределами РСФСР численность русских в послевоенное время была близка к численности нерусских народов, живших в РСФСР¹⁸. Если считать естественный прирост нерусских народов в РСФСР (более высокий, чем у русских) равным естественному приросту русских за пределами РСФСР (также более высокому, чем в самой республике)¹⁹, то естественный прирост у русских Сою-

¹⁸ В 1959 г. за пределами РСФСР жило 16 250 тыс. русских, а в РСФСР — 19 670 тыс. нерусских народов; соответствующие цифры для 1970 г. — 21 267 тыс. и 22 331 тыс., для 1979 г. — 23 875 тыс. и 23 888 тыс.

¹⁹ Так, по данным демографов Узбекской ССР (Муляджанов И. Р., Вороновский Ю. В., Ценковская Т. С. *Население Узбекистана*. Ташкент: Узбекистан, 1973. с. 117), в 1970 г. рождаемость русских в пределах республики достигла 19,3‰, в то время как средняя по РСФСР рождаемость населения составила всего 14,6‰. Такое же примерно различие было и в темпах естественного прироста.

Естественный прирост населения по группам союзных республик, ‰*

Группы республик	Годы			
	1950	1960	1970	1980
РСФСР	16,8	15,8	5,9	4,9
Украинская, Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская ССР	13,9	13,9	6,6	3,7
Казахская, Грузинская, Азербайджанская, Молдавская и Армянская ССР	23,1	28,4	16,7	14,7
Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР	23,1	32,8	27,4	26,4
СССР в целом	17,0	17,8	9,2	8,0

* Население СССР (Численность, состав и движение населения), с. 70—83; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 32—33.

Таблица 8

Естественный прирост населения по экономическим районам РСФСР, ‰*

Районы	Годы			
	1950	1960	1970	1973
Северо-Западный	15,1	13,1	4,5	4,9
Центральный	13,2	10,7	2,9	2,6
Волго-Вятский	16,4	16,6	4,8	4,2
Центрально-Черноземный	13,4	14,1	3,1	1,8
Поволжский	16,2	18,0	6,9	6,4
Северо-Кавказский	14,4	16,8	8,0	7,5
Уральский	20,1	17,8	6,8	7,1
Западно-Сибирский	20,9	19,8	7,1	8,1
Восточно-Сибирский	23,8	20,9	9,8	10,4
Дальневосточный	28,5	18,7	10,6	10,9
РСФСР в целом	16,8	15,8	5,9	5,9

* Население СССР (Численность, состав и движение населения), с. 90—93; Козлов В. И. Указ. раб., с. 162—163.

Таблица 9

Роль естественного прироста населения и этнических процессов в изменении численности русских в СССР

Годы	Общий прирост численности русских	В том числе вследствие		Доля в увеличении русских	
		естественного прироста	этнических процессов	естественного прироста	этнических процессов
		тыс. чел.		‰	
1917—1926	2014	1700	314	84	16
1926—1939	21 881	12 000	9881	55	45
1939—1959	13 722	9000	4722	66	34
1959—1970	14 901	12 400	2501	83	17
1970—1979	8382	7000	1382	84	16
1917—1979	60 900	42 100	18 800	69	31

за будет примерно равен естественному приросту всего населения РСФСР.

Приведенные расчеты позволяют приблизительно определить, какова роль в изменении численности русских естественного прироста населения и какова роль этнических процессов (табл. 9).

* * *

В советское время этнические процессы в стране заметно ускорились, причем русский народ, как самый крупный и мобильный, играл в них решающую роль.

Заселяя в течение ряда столетий многочисленные окраинные районы, русские вступали в тесные контакты с жившими там народами и неред-

ко смешивались с ними. Своеобразные этнокультурные группы образовали старообрядцы, бежавшие от преследований властей в различные районы страны и жившие там изолированно как от коренного населения, так и от прочих русских.

В результате многовекового исторического развития и взаимодействия с другими народами к середине XIX в. сложился ряд этнографических групп русского народа. Наиболее крупные из них — северные и южные великорусы, различающиеся некоторыми особенностями языка (окающие и акающие говоры), культуры и быта. Промежуточное положение занимает средневеликорусская группа, заселяющая центральные районы России — часть Волго-Окского междуречья (с Москвой) и Поволжья. Во многих районах страны длительное время сохранялись более мелкие этнографические группы, отличавшиеся известной культурно-бытовой спецификой: поморы на побережье Белого и Баренцева морей; пустозеры и устьицлемцы в низовьях Печоры; кержаки в лесной полосе Среднего Урала; мещера на севере Рязанской области, полехи в Калужско-Брянско-Орловском Полесье; старожильческое население Сибири и Севера (колымчане, русско-устынцы, марковцы, камчадалы и др.), воспринявшее многие черты культуры и быта окружающих народов; старообрядческие группы — «поляки» (на Алтае), «семейские» (в Забайкалье), «каменщики» (на р. Бухтарме в Казахстане). К этнографическим можно отнести и различные группы казаков, сложившихся как военное сословие в XV—XVII вв. в бассейне рек Дон, Кубань, Терек, Урал, а также в Сибири.

В годы Советской власти в результате усиления этноконсолидационных процессов все эти этнографические группы постепенно сливаются с окружающим их местным населением, и сейчас уже можно говорить лишь о некоторых культурно-бытовых различиях отдельных частей единого и монолитного русского этноса.

По сравнению с процессами внутриэтнической консолидации, не ведущими к изменению численности этноса, ассимиляционные процессы существенно влияют на количественные параметры.

Ранее мы уже писали, что ассимиляционные процессы стали оказывать большое влияние на численность русских и их долю в населении страны со второй половины XIX в.²⁰ Как известно, В. И. Ленин указывал, что даже в условиях дореволюционной России естественная ассимиляция, в отличие от насильственной, имела прогрессивный характер: «Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее... Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...»²¹.

В Советском Союзе в результате осуществления ленинской национальной политики и достижения всеми народами полного равноправия ассимиляционные процессы утратили свою прежнюю противоречивость. Растворение различных небольших национальных групп среди других народов получило особый размах в связи с интенсификацией миграционных процессов и процессов урбанизации, которые содействуют усилению культурных взаимовлияний, переходу на другой язык, распространению межэтнических браков. Темпы ассимиляционных процессов зависят от близости языка и культуры взаимодействующих этносов, степени национальной сплоченности ассимилируемых народов, характера их расселения (дисперсное или компактное, в городах или в сельской местности); особенно быстро ассимилируются группы, оторванные от своей основной этнической территории.

Одним из важных этапов этнической ассимиляции является языковая ассимиляция (хотя последняя и не всегда приводит к смене националь-

²⁰ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). — Сов. этнография, 1982, № 4.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

ности). Об интенсивности языковой ассимиляции можно судить по следующим данным. В 1926 г. число лиц, показавших своим родным язык другой национальности, составило 8,5 млн. человек, в том числе русский язык — 6,5 млн. Соответствующие цифры для 1959 г. — 11,9 и 10,2 млн., 1970 г. — 14,7 и 13,0 млн., 1979 — 18,2 и 16,3 млн. Смена родного языка происходит быстрее всего в городах, а также у национальных групп, живущих за пределами своих республик, в окружении других народов; компактно расселенное, однопациональное сельское население, за исключением, считает родным язык своей национальности.

Определенное влияние на ассимиляционные процессы оказывает и свободное владение каким-либо вторым языком народов СССР. В 1970 г. двуязычными оказались в стране 52,2 млн. человек, при этом русским языком свободно владели 41,9 млн. человек нерусской национальности, а в 1979 г. соответственно — 73,7 и 61,2 млн. Доля двуязычных среди нерусских составила в 1979 г. 55,1%. Русский язык, которым сейчас свободно владеют 214,8 млн. человек (82% населения страны), стал средством общения и основой сотрудничества народов СССР в общественной, политической, экономической, культурной и научной сферах, средством культурного обмена между республиками, приобщения к достижениям отечественной и мировой культуры.

Все возрастающее влияние на ассимиляционные процессы оказывают этнически-смешанные браки. Национальная принадлежность вступающих в брак при этом не меняется, но этническая ориентация детей может быть самой различной. В одних районах дети в таких семьях выбирают преимущественно национальность отцов, в других — матерей, в третьих — того из родителей, кто принадлежит к коренному этносу данной республики. Выборочные обследования показали, что в пределах РСФСР (особенно в городах) дети от смешанных браков русских с представителями других народов причисляют себя чаще всего к русским.

О широком распространении смешанных браков уже в первое десятилетие Советской власти свидетельствуют следующие данные. В 1927 г. в Европейской части РСФСР в смешанных браках состояли 13,5% украинцев, 41,7 белорусов, 28,3 армян, 23,5% евреев (русских — около 2%), в Украинской ССР — 28,3% русских, 16% молдаван (украинцев — 4,0%), в Белорусской ССР — 34,0% русских, 71,6% украинцев (белорусов — 3,8%)²². В 1959 г. в СССР около 5,2 млн. семей (из них 3,7 млн. в городах), или 10,2%, были смешанными в национальном отношении (в Латвийской ССР — 15,8%, Украинской — 15,0, Казахской — 14,4, Молдавской — 13,5%)²³. В 1970 г. уже 7,9 млн. семей, или 13,5% (в том числе 17,5% в городах и 7,9% в сельской местности), были национально-смешанными. В Латвийской ССР они составляли 21,0%, в Казахской — 20,6, Украинской — 19,7, Молдавской — 17,9%. Наиболее высоким удельный вес национально-смешанных семей был в городах Молдавии (более 1/3 всех семей), Украины (около 30%) и Белоруссии (тоже около 30%)²⁴.

Для того, чтобы понять причину быстрого роста численности русских с 1926 по 1939 г., следует проследить динамику численности близких им по языку, культуре и социально-классовой структуре украинцев.

В 1897 г. в России в границах СССР начала 1939 г. насчитывалось 20 233 тыс. украинцев, в 1926 г. — 31 190 тыс., в 1939 г. — 28 111 тыс. Обращают на себя внимание резкие скачки — увеличение численности украинцев с 1897 по 1926 г. на 54,2%, при среднем росте всего населения страны на 39,0%, и убыль с 1926 по 1939 г. на 9,9%, при росте населения страны на 15,7%. Особенно большие колебания отмечены в районах русско-украинского приграничья. Так, на Северном Кавказе в 1897 г. было учтено 1271 тыс. украинцев, в 1926 г. — 3107 тыс., а в

²² Национальная политика ВКП(б) в цифрах, с. 41.

²³ Исупов А. А. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1964, с. 38.

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1974, т. VII.

1959 г. — только 170 тыс., в Воронежской и Курской губерниях в 1897 г. — 1444 тыс., в 1926 г. — 1633 тыс., в 1959 г. (на той же территории) — всего 261 тыс. В Брянской губернии в 1926 г. было учтено 132 тыс. украинцев, последующие же переписи показали, что на соответствующей территории жили всего около двух десятков тысяч представителей этого народа.

Подобные колебания характерны и для других районов расселения украинцев вне Украины. Всего за пределами Украинской ССР в 1926 г. жили 7976 тыс. украинцев, в 1939 г. — 4794 тыс., в 1959 г. — 5095 тыс., в 1970 г. — 5470 тыс. и в 1979 г. — 5858 тыс. Таким образом, в 1979 г. за пределами Украины жило на 2 млн. меньше украинцев, чем в 1926 г.²⁵

Все это только в малой степени может быть объяснено возможными различиями в уровне естественного прироста. Основная причина — наличие крупных групп населения, находившихся вследствие длительного взаимодействия русского и украинского народов в этнически переходном состоянии. О таком состоянии свидетельствуют, в частности, резкие расхождения в показателях национальности и родного языка. В 1926 г., например, 88,4% украинцев указали своим родным языком украинский, в том числе в Украинской ССР — 95,5% и за ее пределами — 67,8% (на Северном Кавказе — 58,5%, в Азиатской части РСФСР — 55,2, в Казахстане — 76,8, в Средней Азии — 77,0%)²⁶.

Аналогичные процессы наблюдаются и у других народов, в первую очередь у белорусов и коренных этносов ряда автономных республик РСФСР, в течение нескольких столетий контактирующих с русскими и живущих чересполосно с ними. Не случайно численность нерусских народов в РСФСР с 1926 по 1939 г. уменьшилась на 2,6 млн. человек, а затем стала сравнительно медленно увеличиваться. С 1926 по 1979 г. в РСФСР численность нерусских народов увеличилась на 15,7% при общем росте численности населения здесь на 47,9% (необходимо учесть, что естественный прирост у русских был, во всяком случае, не выше, чем у остальных народов республики). Судя по динамике численности народов РСФСР в 1926—1979 гг., кроме русских и украинцев, наиболее активно участвовали в ассимиляционных процессах белорусы, мордва²⁷, карелы, поляки, евреи, финны, вепсы, коми-пермяки, калмыки, удмурты.

Трудно объяснимый скачок в численности украинцев и других упомянутых выше народов в 1926 г. связан, по-видимому, с тем обстоятельством, что программа переписи этого года была нацелена фактически на определение этнического происхождения и поэтому недостаточно учитывала происходившие в то время этнические процессы. Этнически переходные группы, с течением времени приобретшие более четкое самосознание, при ответе на прямой вопрос о национальности в последующих переписях населения стали причислять себя к другому этносу²⁸.

Следует подчеркнуть, что процесс естественной ассимиляции в СССР не носит характера слияния различных этнических групп только с русскими. В каждой союзной республике, а также в других национальных образованиях межэтнические взаимодействия присущи многим народам. Так, в 1979 г. в Украинской ССР основная часть поляков, так же

²⁵ Если условно считать естественный прирост украинцев вне Украины равным естественному приросту в своей республике, то численность украинцев за пределами УССР должна была бы увеличиться с 1926 по 1979 г. более чем на 4 млн. человек (даже без учета миграций значительных групп украинцев в восточные районы страны в период индустриализации и освоения целинных и залежных земель).

²⁶ Мало что изменилось и в последующие годы. В 1959 г. 87,7% украинцев назвали своим родным языком украинский, в том числе в Украинской ССР — 93,5% и за ее пределами — 51,2%. Соответствующие цифры для 1970 г. — 85,7, 91,4 и 48,4%, для 1979 г. — 82,8, 89,1 и 43,8%.

²⁷ Если принять для мордвы средний по РСФСР уровень естественного прироста, то в 1979 г. их должно было быть на 830 тыс. человек больше, чем в 1926 г.

²⁸ В переписи населения СССР 1926 г., в целом проведенной на высоком научном уровне, из-за определенной направленности вопроса о народности (см. примеч. 4), по нашему мнению, не только преувеличена численность отдельных народов, наиболее активно этнически взаимодействовавших с соседними этносами, но и названы в качестве самостоятельных народов многие этнические образования, фактически представлявшие собой этнографические группы. В результате этой переписи было выделено 185 этнических единиц (в переписи 1959 г. — 109, 1970 г. — 104, 1979 г. — 101).

как и 140 тыс. русских, считали своим родным языком украинский, в Белорусской ССР ³/₄ поляков и 17 тыс. русских назвали родным языком белорусский. В Узбекской ССР число каракалпаков, казахов, таджиков, киргизов и туркменов, считающих своим родным узбекский язык, превышает число представителей соответствующих этносов, перешедших на русский язык. Для значительных групп осетин и армян в Грузии родным является грузинский язык и т. д. Не только в Украинской и Белорусской ССР, но и в других республиках имеются большие группы русских, для которых родным стал язык коренного населения соответствующей республики.

Существенное снижение в конце 1940-х годов темпов ассимиляционных процессов связано в значительной степени с расцветом культур всех народов СССР, сильным ростом национальной интеллигенции, социально-экономическими и социально-культурными изменениями, происшедшими во всех без исключения национальных образованиях страны. Вместе с тем нельзя не учитывать и некоторых юридическо-психологических моментов. В начале 1930-х годов для значительной части населения, а позднее и для всех жителей страны, была введена паспортная система. Первоначально при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако с конца 1930-х годов выбор был ограничен национальностью родителей. И хотя при проведении переписей населения национальность фиксируется по определению самого опрашиваемого, влияние записи национальности в паспорте является, судя по всему, весьма значительным. Все это в определенной мере затрудняет выявление реальной картины этнических процессов, в частности процессов этнической ассимиляции ²⁹.

* * *

Мы не будем подробно рассматривать характер миграционных движений населения. Таблицы 2—5 дают ясное представление об их направленности и изменении во времени. Отметим лишь, что государственное планирование народного хозяйства в СССР создает предпосылки для организованного направления миграционных потоков внутри страны и избавляет миграцию от черт стихийности, что было характерно для дореволюционной России. Миграционные перемещения регулируются многими целенаправленными (прямыми или косвенными) экономическими и социальными мерами. Это и создание в подлежащих освоению районах улучшенных условий труда (более высокая зарплата, различные льготы, большие возможности профессионального роста), и общественный престиж участия в прославленных новостройках, привлекающих молодежь, и лучшее удовлетворение социальных потребностей. Осуществляются также организованная вербовка и направление в новые районы молодых специалистов. В то же время размах межрайонных миграций затрудняется из-за отсутствия негативных стимулов, оказывавших решающее влияние на миграции в прошлом («выталкивание» населения безработицей, аграрными кризисами и т. д.).

Для того, чтобы рассмотреть основное направление движения русских, достаточно исследовать их численность и долю в общем населении других союзных республик (кроме РСФСР), в пределах же РСФСР — в населении ее автономных республик, а также Сибири и Дальнего Востока, т. е. районов, притягивающих наибольшее число русских переселенцев.

Переселенческое движение русских, столь развитое в дореволюционный период, получило широкий размах со второй половины 1920-х годов, с началом индустриализации страны. В 1917 г. за пределами будущей Российской Федерации жили 6484 тыс. русских, в 1926 г. — 6219 тыс., а в 1939 г. уже 9925 тыс., в 1959 г. — 16 250 тыс., в 1970 г. — 21 267 тыс. и в 1979 г. — 23 875 тыс. Всего же за исследуемый период численность русских за пределами РСФСР увеличилась в 3,7 раза, при общем росте их в стране в 1,8 раза. Если не учитывать остальных факторов (таких,

²⁹ Козлов В. И. Указ. раб., с. 230—231

как различные темпы естественного прироста у русских в РСФСР и остальных союзных республиках, а также процессы ассимиляции), можно предположить, что примерно половина русских в других союзных республиках — 12 млн. человек — мигранты советского периода или их потомки³⁰. В течение длительного времени численность русских в автономных республиках РСФСР росла быстрее, чем численность коренного населения. В 1926 г. там насчитывалось 4279 тыс. русских (35,8% всего населения), а в 1959 — уже 7198 тыс. (45,3%). В дальнейшем абсолютная численность русских в автономных республиках продолжала увеличиваться (8029 тыс. в 1970 и 8611 тыс. в 1979 г.), но доля их в общем населении несколько упала (до 43,1% в 1979 г.). Что же касается восточных районов РСФСР (Урал, Сибирь и Дальний Восток), то численность русских увеличилась там с 12 997 тыс. в 1917 г. до 15 889 тыс. в 1926 г., 30 014 тыс. в 1959 г., 33 731 тыс. в 1970 г. и 36 324 тыс. в 1979 г. Таким образом, за исследуемый период численность русских на востоке РСФСР почти утроилась.

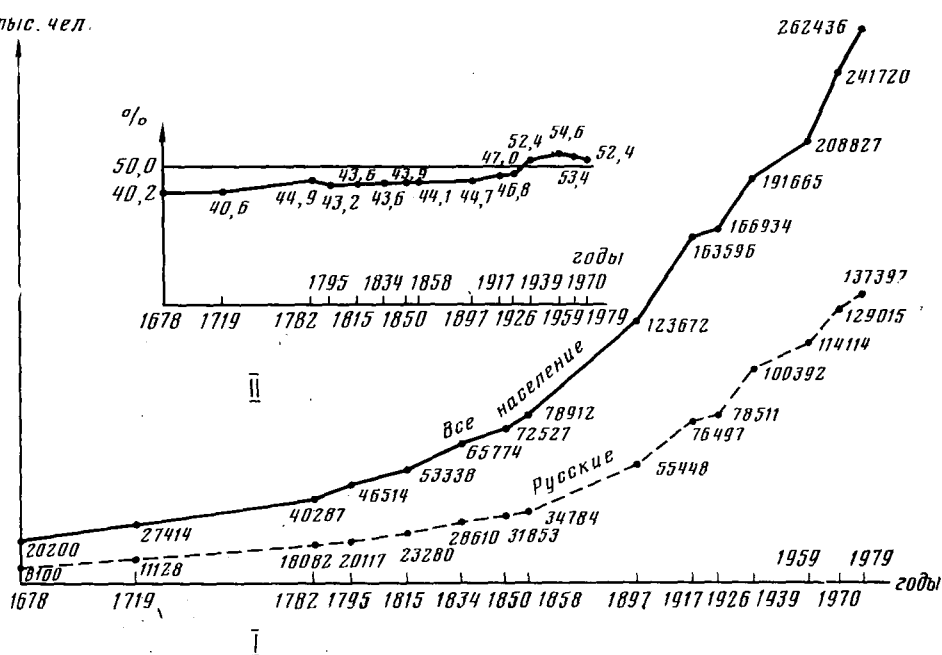
Анализируя приведенные выше данные, можно с уверенностью сказать, что миграционные процессы в стране имели наибольший размах в середине 1920-х — конце 1950-х годов и что в последние два десятилетия они уже не оказывают существенного влияния на расселение русских (да и других народов страны).

До революции значительная часть русских переселенцев оседала в городах Прибалтики, Украины и Закавказья, основывала новые города (главным образом в Сибири, Средней Азии и Казахстане), но численно все же преобладали земледельческие миграции (особенно в восточные районы). В результате к 1926 г. за пределами РСФСР сосредоточилось 6219 тыс. русских, из них почти половина (3073 тыс.) — в сельской местности; в Сибири и на Дальнем Востоке из 9198 тыс. русских 7963 тыс. (86,6%) были сельскими жителями.

После Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство русских осело в городах. За время Советской власти зафиксирована лишь одна крупная земледельческая миграция: в 1954—1960 гг. около 800 тыс. человек (русские, украинцы, белорусы и представители других народов) переселились на целинные и залежные земли в Казахстан, районы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Сельское русское население за пределами РСФСР увеличивалось мало (3073 тыс. в 1926 г., 4166 тыс. в 1959 г. и 4211 тыс. в 1970 г.), а в Сибири и на Дальнем Востоке даже уменьшалось (7963 тыс. в 1926 г. и 7358 тыс. — в 1970 г.). Таким образом, часть русских этих районов переехала из сельской местности в города. Лишь в трех республиках существенно увеличилась численность русских в сельской местности: в Казахстане (с 996 тыс. в 1926 до 2035 тыс. в 1970 г.), Киргизии (с 71 тыс. до 292 тыс.) и Узбекистане (с 36 тыс. до 161 тыс.). Однако объясняется это не только притоком русских на осваиваемые земли, но и сменой этнического самосознания у значительных групп живущего там в сельской местности украинского населения (так, с 1926 по 1970 г. численность сельских украинцев в Казахстане, несмотря на крупный приток их в годы освоения целины, уменьшилась с 881 тыс. до 432 тыс.).

В целом с 1917 по 1979 г. доля русских, живущих в РСФСР, во всем русском населении страны сократилась с 91,5 до 82,6%, и это несмотря на то, что теперь они составляют 82,6% населения республики (в 1926 г. — только 77,8%). Значительно вырос удельный вес русских в Украинской ССР (4,2% всех русских страны в 1926 г. и 7,6% — в 1979 г.), Казахской ССР (соответственно 1,6 и 4,4%) и Узбекской ССР (0,3 и 1,2%). В то же время продолжалось начавшееся еще несколько столетий назад уменьшение доли русских, живущих в центральных, западных и северных районах РСФСР, в общей численности русского насе-

³⁰ Следует отметить, что интенсивность потока населения из РСФСР в другие союзные республики систематически уменьшается и в 1975 г. число прибывших в Российскую Федерацию превысило число выбывших из нее (см. Население союзных республик. М.: Статистика, 1977, с. 41).

Численность населения в XVII—XX вв. на территории СССР (в современных границах): I — численность населения (тыс. чел.), II — удельный вес русских в населении страны (%)

ния. Так, в пяти районах (Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный и Поволжский) в 1917 г. жило 67,6% всех русских (в конце XVII в. — почти $\frac{1}{10}$), а в 1979 г. — только 48,3% (и это, несмотря на то, что здесь расположены два крупнейших города страны — Москва и Ленинград, численность жителей которых выросла за это время в несколько раз). При этом доля русских в населении этих районов даже несколько увеличилась — с 81,8 до 84,5%. Напротив, в четырех восточных районах РСФСР (Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный) в 1917 г. было сосредоточено 17,0% всех русских, а в 1979 г. — 26,4% (доля русских в населении этих районов увеличилась с 75,9 до 83,4%).

По данным переписи 1979 г., самой «русской» из областей страны является Тамбовская: русские составляют там 98,1% населения. За ней идут Липецкая (98,0%), Орловская (97,9%), Курская (97,6%), Костромская (97,5%), Рязанская (97,4%), Вологодская и Ярославская области (по 97,2%)³¹. Свыше 90% населения русские образуют еще в 21 области — Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Горьковской, Кировской, Белгородской, Воронежской, Волгоградской, Ростовской, Курганской, Кемеровской и Новосибирской.

Пересчитав ранее опубликованные нами данные³² для территории, ограниченной современными границами СССР, мы получили возможность проанализировать изменения удельного веса русского этноса во всем населении с 1678 по 1979 г. (см. рис.). За трехсотлетний период численность населения страны увеличилась в 13, а численность русских — в 17 раз. В XVIII в. население России удвоилось, в XIX в. выросло в 2,7 раза, а за 80 лет XX в., несмотря на две кровопролитные мировые войны, удвоилось. В эти же периоды повышалась численность русских: соответственно в 2,2, 2,8 и 2,4 раза (табл. 10).

³¹ Для сравнения укажем, что в 1917 г. в семи губерниях Центральной России русские составляли более 99%.

³² Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.), с. 14, табл. 1.

Численность населения на территории СССР в современных границах в XVII—XX вв.
(на начало года, в млн. человек)

Годы	Всего населения	В том числе русских	Годы	Всего населения	В том числе русских
1700	23,8	9,6	1900	129,7	58,5
1750	33,7	14,6	1950	178,5	95,5
1800	48,2	20,8	1980	264,5	138,6
1850	72,5	31,9	2000	300,0	152,0
			(прогноз)		

С 1678 по 1782 г. доля русских в населении страны выросла с 40,2 до 44,9%. Особенно быстрое увеличение ее характерно для 40—70-х годов XVIII в., что объясняется более высоким уровнем естественного прироста в великорусских районах, а также ассимиляцией русскими некоторых народностей (саами, коми, карелы, ижора, чудь, мордва Нижегородской губернии, удмурты и др.). С 1782 по 1795 г. удельный вес русских снизился до 43,2%, что было связано с эпидемиями и голодом в центральных районах России, населенных в основном русскими. В первой половине XIX в. доля русских почти не менялась, так как еще не получившие значительного развития в дореформенный период ассимиляционные процессы могли лишь компенсировать несколько более низкий уровень естественного прироста населения в великорусских районах. И, наконец, в пореформенный период вплоть до Октябрьской революции, в результате резкого усиления ассимиляционных процессов наблюдается ускоренный рост численности русских, хотя они по-прежнему выделялись среди остальных народов России более низким естественным приростом.

Послереволюционное время по характеру развития этнодемографических процессов можно разделить на два периода. В первый из них (1917 — конец 1950-х годов) доля русских в общем населении быстро увеличивалась, что объясняется довольно высоким их естественным приростом (не уступающим среднесоюзному) и широко развитыми ассимиляционными процессами. В этот период для русских была типична большая подвижность, значительные группы их переселились за пределы РСФСР, а внутри РСФСР — из западных и центральных районов в восточные. Второй период (1960—1970-е годы) отличается довольно сильным снижением естественного прироста у русских и ослаблением влияния этнических процессов на численность различных народов. В результате доля русских в населении страны стала несколько уменьшаться (54,6% в 1959 г., 53,4 в 1970 г. и 52,4% в 1979 г.). Сократилась также интенсивность миграционных потоков.

В связи с тем, что в общемировых сводках содержатся, как правило, данные о численности населения на начало и середину века, мы, исходя из рассмотренных выше сведений (относящихся к датам различных учетов и переписей), провели соответствующие пересчеты (табл. 10). Есть основание утверждать, что к 2000 г. общая численность населения СССР достигнет (или несколько превысит) 300 млн. человек, численность же русских все еще будет составлять немногим более половины населения страны (50,7%).

В ближайшее десятилетие в направленности этнодемографических процессов вряд ли можно ожидать каких-то существенных изменений. По-прежнему будет несколько уменьшаться доля русских в общем населении страны. Их удельный вес увеличится в республиках Прибалтики, Белоруссии, на Украине и в Молдавии, снизится в остальных республиках и останется примерно на современном уровне в РСФСР. В связи с решением такой важной общесоюзной народнохозяйственной задачи, как освоение топливно-энергетических и сырьевых богатств Сибири, Дальнего Востока и Севера, и улучшением материальных и социально-бытовых условий населения на востоке страны, весьма вероятно предполо-

жить ускоренное заселение этих регионов (однако не только русскими). В то же время осуществление крупных планов развития Нечерноземья должно привести к стягиванию в этот регион мигрантов и к совершенствованию половозрастной структуры населения. Последнее же неизбежно приведет к повышению темпов естественного прироста населения в этой части РСФСР. Не вызывает сомнения и то, что решение грандиозных задач, связанных с выполнением Продовольственной программы СССР на период до 1990 г., окажет существенное влияние на ход этнодемографических процессов.

А. А. Зубов

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «АНТРОПОЛОГИЯ» НА СОВРЕМЕННОМ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ И ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ В СССР

В период бурного развития науки и ее интеграции происходят существенные изменения методов, подходов, языка наук, взаимоотношений между науками. Все это, естественно, вызывает беспокойство специалистов за судьбы своих наук, желание разобраться в потоке нововведений, изменений, определить тенденции развития различных областей знания в будущем. Этот процесс затронул в той или иной степени все науки. Не явилась исключением и антропология, сам предмет исследования которой, человек, определяет общезначимость проблем, связанных с интерпретацией содержания понятий, относящихся к этой области знания. Но ведь человек — предмет многих наук. Суть проблемы в том, предметом каких наук является человек в эпоху великой интеграции знания, когда теоретически уже известно, что этот грандиозный процесс интеграции в конечном счете должен привести к «одной науке», ориентированной на человека. Какова в этот переходный период роль науки, название которой произведено от слова «антропос»? Казалось бы, что это уже обязывает ее стать в будущем своего рода «наукой наук». Ведь существует уже в философии выражение: «антропологизация всего знания». Давно осознали реальность этого процесса и естествоиспытатели. Так, например, П. Тейяр де Шарден писал: «Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в целостное представление о мире»¹. Но тогда эту «сверхфизику» будущего можно с тем же успехом назвать и антропологией. Здесь перед нами существенные вопросы динамики понятий, связанных с классификацией наук.

Содержание понятия «антропология» сейчас вызывает разногласия даже среди специалистов, а потому анализ этого понятия в его развитии, в диалектике, является, с нашей точки зрения, делом несомненно полезным. «Понятия не неподвижны, — писал В. И. Ленин, — а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, искусство оперировать с ними (Энгельс) требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов»². В работе, посвященной интеграции науки, М. Г. Чепиков пишет, что сам процесс изменения понятий имеет двоякий характер: либо уточняется старое понятие, либо рождается новое, более богатое по своему объему и содержанию³. Каков же характер несомненных и неизбежных изменений понятия «антропология» в период интенсивных интегративных процессов, охвативших современную науку? Перед тем как попытаться дать ответ на этот вопрос,

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965, с. 37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 226—227.

³ Чепиков М. Г. Интеграция науки. М.: Мысль, 1981, с. 238.

необходимо немного углубиться в прошлое. Термин «антропология» имеет чрезвычайно долгую историю, на протяжении которой его содержание весьма сильно менялось. Впервые употребивший это слово для обозначения науки о человеке Аристотель подразумевал в основном изучение духовной стороны сущности человека. С начала XVI в. появляются научные труды, в которых термин «антропология» уже больше связывается с изучением человеческого тела⁴, причем заметен характерный для современного антропологического подхода акцент на исследования вариаций физического типа человека. Продолжает, однако, существовать и направление, вкладывающее в понятие «антропология» смысл науки о человеческой душе или же о двух сторонах человеческой природы — духовной и телесной. Предельно расширяли рамки антропологии французские энциклопедисты, включавшие в это понятие практически все возможные знания, имеющие отношение к человеку. Такое понимание содержания антропологии наложило свой отпечаток на последующее развитие науки в ряде стран. Как мы знаем, в некоторых странах Западной Европы и в США и в наше время под «антропологией» подразумевают не только исследование физического типа человека, но также изучение культуры, быта, — иными словами, объединяют биологические и культурные аспекты изучения человека. Мы говорим «объединяют». Но означает ли это реальное слияние ряда смежных дисциплин в одну науку? К сожалению, даже сейчас мы не можем ответить на этот вопрос положительно, а тем более условный характер носило произвольное объединение разнородных областей знания, изучающих человека, в прошлые века. В работе «О современной классификации наук» Б. М. Кедров пишет: «Когда в эпоху Возрождения началась дифференциация наук, т. е. стали возникать отдельные отрасли научного знания, то этот процесс явился ярким выражением того, что познание человека вступило в аналитическую стадию своего развития. Интегративные тенденции в науке практически сначала отсутствовали полностью. Важно было исследовать частности, а для этого требовалось прежде всего вырывать их из общей связи»⁵. Такое положение вещей удерживалось до середины или почти даже до конца XIX в. Что же должно было произойти с понятием «антропология» в эпоху дифференциации, специализации, дробления наук? Всеобъемлющая форма названия науки с первых же шагов возникновения современной антропологии (конец XIX в.) уже находилась в противоречии с относительно узким ее содержанием. «В конце прошлого (XVIII в.), — писал Ф. Энгельс, — закладываются основы геологии, а в новейшее время — так называемой (неудачно) — антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»⁶. В период дифференциации и конкретизации системы наук термин «антропология» мог бы (или, скорее, должен был бы) исчезнуть совсем, не находя себе адекватного применения в установившейся классической схеме «один предмет — одна наука». Однако в силу традиции, в силу того, что этот термин веками не сходил со страниц фундаментальных трудов философов и естествоиспытателей, он закрепился в классификации наук. Нужно сказать, что в нашей отечественной науке правило «один предмет — одна наука» установилось в отношении антропологии в более четкой и строгой форме, чем, например, в США или Англии, где в понятие «антропология» вкладывается более широкое и менее определенное содержание. Нужно сказать, что в середине прошлого века в России это понятие также имело обобщенный широкий смысл. Например, в трудах Чернышевского и Добролюбова антропология понимается как область знания, охватывающая практически «все о человеке», о сущности человека. В дальнейшем, в процессе дифференциации естественных и общественных наук, в нашей стране происходила конкретизация понятия «антропология». С течением вре-

⁴ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978.

⁵ Кедров Б. М. О современной классификации наук. — Вopr. философии, 1980, № 10 с. 86.

⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1941, с. 148.

мени оформилось то содержание, которое большей частью вкладывается в понятие «антропология» в нашей стране в настоящее время, а именно антропология — это наука о вариациях физического типа человека в пространстве и во времени. Конечно, такое понимание антропологии базируется в основном на традиции и не устраняет несоответствия между словесной формулировкой названия и его содержанием, но традиция эта возникла в связи с необходимостью четкого оформления самостоятельной науки и с этой точки зрения может считаться оправданной.

В период интеграции наук вопрос о том, удачен ли термин антропология, снова приобретает актуальность и вызывает споры, попытки пересмотреть содержание прежнего понятия, сложившегося у нас, что связывается с возникновением новых междисциплинарных дисциплин.

В упомянутой работе, посвященной современной классификации наук, Б. М. Кедров пишет о нынешнем этапе развития науки как о периоде утраты прежней простоты и стройности в общей структуре знания, причем «эти моменты усиливаются теперь из года в год, создается впечатление, что в настоящее время мы находимся на распутье: существовавшие прежде взгляды на общую структуру науки начали ломаться, однако пока не настолько сильно, чтобы уступить место новым взглядам, а новые взгляды стали вступать в силу, но все же не настолько решительно и обстоятельно, чтобы вытеснить заметным образом старые. Старое и новое существует пока бок-о-бок, как бы пытаюсь найти контакт или компромисс, как это нередко случается накануне коренного революционного переворота, разрушающего крутым образом старое и прокладывающего решительно дорогу к новому»⁷. И далее: «...направленность от анализа (аналитического расчленения наук) к синтезу (синтетическому их соединению, их связыванию), причем ко все более возрастающему по силе и степени синтезу, осуществленному на основе предшествующего анализа, но преодолевающего односторонность последнего. Это выразилось в усилении интегративных тенденций в области разработки классификации наук... Сначала — анализ, затем, после него и на его основе, — как его преодоление — синтез»⁸. Таким образом, наше время можно считать переходным периодом в развитии всей науки, когда синтез только начинает одерживать верх и перспективы дальнейшего развития конкретных областей знания в этой ситуации только начинают выявляться, вызывая оживленные дискуссии. Советский психолог Б. Г. Ананьев, детально разработавший теорию эволюции наук о человеке, полагает, что уже «в ближайшее десятилетие теоретическое и практическое человекознание станет одним из главнейших центров научного развития. Об этом можно судить по трем важным особенностям развития современной науки, связанным именно с проблемой человека. Первой из них является превращение проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки»⁹. Второй и третьей особенностями периода автор считает процессы дифференциации и интеграции науки. «Своеобразная антропологизация и гуманизация многих областей знаний, впервые подступающих к исследованию человека, характеризуют явление генерализации антропологических подходов во всей системе наук»¹⁰. И далее: «Наступило время, которое предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс, предсказавшие, что естествознание и общественно-исторические науки сольются в единую науку об исторической природе человека»¹¹. Речь идет об одной науке будущего, о слиянии всех наук в единую науку, причем ориентированную на человека. И здесь опять, как мы видим, звучат слова «антропология», «антропологический подход». Какое же отношение имеет наша реально существующая антропология к этому грандиозному процессу? Нет ли здесь понятийной путаницы? Должно ли понятие «антропология» прийти у нас в соответствии с предметом исследования во всей

⁷ Кедров Б. М. Указ. раб., с. 85.

⁸ Там же, с. 86.

⁹ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977, с. 6.

¹⁰ Там же, с. 47.

¹¹ Там же, с. 22.

его полноте, т. е. какое место занимает эта наука в интеграционном процессе образующегося комплекса знаний о человеке (Б. Г. Ананьев называет такие естественно сложившиеся комплексы наук «конstellляциями»), получит ли это понятие смысл «науки наук» о человеке или, напротив, будет сметено потоком «нового человекознания», приобретающего колоссальный масштаб? Б. Г. Ананьев, говоря о «великой конstellляции» наук о человеке в будущем, употребляет термин «новое синтетическое человекознание». Автор не определяет точного соотношения между этой наукой будущего и современной антропологией, однако сам факт введения нового термина «человекознание» (который, правда, в сущности является лишь переводом на русский язык греческого слова), показывает, что, с точки зрения этого исследователя, целесообразно расширять содержание существующего понятия «антропология» до масштабов «сверхконstellляции». С другой стороны, Б. Г. Ананьев отходит и от традиционного принятого у нас строгого понятия «антропология», широко пользуясь выражением «антропологические науки», в частности в применении к таким областям знания, как теоретическая медицина.

Что же думают сами антропологи о содержании понятия своей науки в период интеграции знания? Нужно сказать, что по этому вопросу среди антропологов нет единства, а потому, кстати, я не могу сказать, что выступаю в данном случае от имени всех наших антропологов. В общем в антропологии определяются за последнее время несколько различных подходов к этому вопросу.

Одни считают, что антропология должна беречь свой предмет и метод, накопленный опыт и старые традиции, без которых наука просто перестанет существовать, как таковая. В целом, в самом главном, этот взгляд предполагает сохранение классического «физического» смысла понятия «антропология», сформулированного основателем этой науки в СССР В. В. Бунаком: «Всестороннее изучение нормальной (не патологической) изменчивости физического типа человека составляет содержание особой науки — антропологии»¹². Это определение только на первый взгляд может показаться узким, ведущим к изолированному рассмотрению чисто биологических сторон человеческой сущности. На деле исследование вариаций физического типа человека само собой предполагает выход в широкую сферу биологической и социальной проблематики. Это очень хорошо показал Я. Я. Рогинский, разъясняя данное им определение антропологии: «Антропология есть отрасль естествознания, которая изучает происхождение и эволюцию физической организации человека и его рас». И далее: «Задача антропологии — проследить процесс перехода от биологических закономерностей, которым подчинялось существование животного предка человека, к закономерностям социальным. Таким образом, антропология занимает в кругу биологических дисциплин особое место. Имея предметом своего исследования человека, она не может не выйти за пределы естественно-исторических вопросов; изучая человека, она вступает в ту область, где действуют факторы социально-исторические. Из этого пограничного положения антропологии в ряду наук вытекает и ее отношение к смежным отраслям знания. Антропология неразрывно связана с другими биологическими науками и, вместе с тем, самым тесным образом соприкасается с науками общественными. Антропология в этом смысле как бы увенчивает собой естествознание»¹³. Таким образом, антропология — наука биологическая, но отличающаяся от прочих биологических наук в силу особенностей самого предмета исследования. Развитие этой науки закономерно предполагает постоянное углубление контактов с самыми разными областями знания, в частности с общественными науками, что неизбежно должно вести к обогащению и расширению тематики. При этом, однако, антропология должна сохранять свою целостность, свою специфику.

¹² Бунак В. В. Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941, с. 6.

¹³ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978, с. 7.

К этой точке зрения на сущность антропологии, сформулированной В. В. Бунаком, Я. Я. Рогинским и другими основателями данной науки, примыкает большинство советских антропологов. В ясной и убедительной форме эту позицию отстаивает в своих многочисленных устных выступлениях М. И. Урысон¹⁴. Целиком и полностью ее разделяет и автор этой статьи, что будет показано ниже.

Вторая, наиболее пессимистическая точка зрения состоит в том, что современная антропология, технически слабо вооруженная, обладающая малочисленными кадрами и довольно отсталым математическим аппаратом, скоро «потонет в волнах интеграционного потопа» и будет поглощена другими, более могущественными областями знания. Например, некоторые считают, что современная антропология в процессе взаимодействия с другими науками попадает во все большую зависимость от последних и постепенно прекратит свое существование, будучи «разорванной на мелкие кусочки» нарастающим числом «более сильных» смежных дисциплин. Эта позиция не нашла отражения в печати, но, судя по высказываниям в частных беседах, на семинарах, сессиях, она имеет сторонников среди некоторых советских и зарубежных антропологов. По моему мнению, эти опасения связаны с перестройкой всей системы наук и не могут рассматриваться вне общего процесса интеграции. Антропология прошла закономерный путь дифференциации знания. В ее пределах выделился ряд новых, узких дисциплин и направлений, отражающих разные стороны морфофизиологической природы человека. Параллельно с этим процессом стали закономерно возникать так называемые «мостиковые» науки — области знания, связывающие данную науку с другими (например, с генетикой, биохимией), т. е. идет и процесс интеграции. Важно отметить закономерный характер взаимозависимости дифференциации и интеграции как двух диалектически связанных сторон одного процесса развития знания. По словам Б. М. Кедрова, «нарастающая интеграция наук стала осуществляться сама через дальнейшую их дифференциацию и благодаря ей»¹⁵. И более того, исследователи процесса интеграции знания считают характерным для нашего времени, что «на пути разрушающей дифференциации встает дифференциация интегрирующая»¹⁶.

Ведь антропология сама первоначально возникла как «мостиковая» наука, связывающая науки естественные и общественные (что в свое время отметил Ф. Энгельс), т. е. уже в прошлом веке, в эпоху, казалось бы, подавляющего преобладания процессов дифференциации, последние выступали уже в тесном единстве с интеграционным процессом (возникновение науки как «дробления» знания в то же время явилось шагом в сторону интеграции — образованию «мостика»). Следовательно, образование новых «мостиков» в период интеграции не означает дробления антропологии на части и потери ее самостоятельности, отмирания понятия. Это, кстати, относится и к другим наукам, представители которых также обеспокоены перспективой «размывания» границ их специальностей. «Синтез знаний есть не слияние наук в смысле стирания всяких различий между ними, а объединение их при сохранении качественных особенностей. Именно в этом научное понимание интеграции наук и научных знаний»¹⁷. Интеграция, таким образом, не есть отмена профессионализма. Она, напротив, предусматривает совершенствование узко профессиональных знаний при одновременном расширении кругозора ученых всех специальностей по мере углубления их контактов. Каждая наука и в период интеграции может и должна сохранять самостоятельность, пока профессиональные навыки ее представителей, ее традиции, ее теоретическое наследие, полезны и незаменимы. В настоящее время ни одна наука не может заменить современную антропологию при ис-

¹⁴ См., например, сообщение Н. А. Дубовой, Н. А. Долиновой и Л. И. Яблонского о II Всесоюзной антропологической конференции в настоящем номере журнала.

¹⁵ Кедров Б. М. Указ. раб., с. 87.

¹⁶ Чепиков М. Г. Указ. раб., с. 164.

¹⁷ Там же, с. 27.

следовании нормальных вариаций здорового человека с учетом эволюционных и расовых особенностей. Это, кстати, аргумент в пользу сохранения (в самом главном) прежнего смысла понятия антропология.

Границы науки при этом могут и должны быть подвижными за счет: а) возникновения новых «мостиковых» наук; б) за счет участия специалистов-антропологов в комплексных темах и приобретения ими новых навыков (в зависимости от характера тематики) в процессе сотрудничества с коллегами других областей знания. В ходе образования исследовательских комплексов, характерных для периода интеграции наук, ценность каждого специалиста всегда будет определяться прежде всего тем, в какой мере он владеет своей профессией.

Наконец, следует особо остановиться на позиции некоторых наших коллег, полагающих, что современная антропология есть не наука, а система наук.

Что можно было бы возразить сторонникам такого рода взглядов? Наиболее последовательным защитником этой точки зрения является Б. А. Никитюк, неоднократно высказывавший ее на конференциях и в печати. Так, например, в предисловии к книге Л. И. Тегакко, И. И. Саливон и А. И. Микулича «Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей» Б. А. Никитюк пишет: «Изучая человека как социальное (интегрально-социальное) явление, „биологическая антропология“ в своей научной основе постепенно насыщается новым содержанием. Она выполняет также ряд социальных функций учебно-воспитательного, прогностического значения. Поэтому выделение в этой науке (или скорее системе наук) биологического и социального компонента, весьма условно разграничиваемых, тесно взаимодействующих и взаимообогащающих друг друга, не должно вызывать особого удивления»¹⁸. С последним утверждением можно согласиться, как и с тем, что антропология должна насыщаться новым содержанием (что и происходит на практике). Удивляет другое — очень вольное обращение автора со сложившимся термином «антропология», которую он сначала называет «биологической» антропологией, а потом (исходя из тезиса «система наук») дробит на бесчисленное множество отдельных дисциплин: «анатомическую антропологию», «физиологическую» антропологию, «психологическую» антропологию, «педагогическую антропологию». Реальная антропология исчезает, а взамен дается неограниченная свобода придумывания новых «антропологий» во всех областях, как-то связанных с человеком.

Тезис «антропология — система наук» вовсе не является новым. Это возвращение к тому пониманию антропологии, которое мы находим еще у французских энциклопедистов. Во многих западных странах «антропология» практически всегда понималась как система наук, объединяющая ряд дисциплин биологического и историко-социологического профиля. Однако объединение «под одной крышей» общественных и естественных наук в период всеобщей дифференциации и специализации знания не привело к образованию органично слитного комплекса. Разделение на «физическую» и «социальную» антропологию, имеющее место в классификации наук в Западной Европе и Америке, фактически привело к тому же результату, что и у нас в стране, т. е. выделению «физической» антропологии в самостоятельную науку, аналогичную нашей антропологии, но при более громоздкой классификации. При этом «социальная антропология» была построена без какой-либо естественной логики. Набор дисциплин, в нее входящих, определился в основном традицией. Расплывчатость общего термина сказалась на всей системе наук, составляющих антропологию в целом. Попытки создать «новую» антропологию в таких условиях ведут лишь к еще большей неопределенности предмета науки. Ярким примером тому может служить вышедшая в 1972 г. книга Г. Гадамера и П. Фоглера «Новая антропология»¹⁹.

¹⁸ Тегакко Л. И., Саливон И. И., Микулич А. И. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей. Минск: Наука и техника, 1981, с. 3.

¹⁹ Gadamer H. G., Vogler P. Neue Anthropologie. Stuttgart, Thieme, 1972.

авторы которой выражают беспокойство по поводу того, что антропология превращается в набор фактов и методов, вырванных из разных областей знания, но в то же время высказывают оптимистическую точку зрения, что «интегральная антропология» должна преодолеть методические барьеры, поставленные дезинтеграцией, специализацией наук и профессиональной слепотой. Что же подразумевается под «новой интегральной антропологией»? Это система наук, направленных на решение проблем, связанных с человеком, его онто- и филогенезом, общественной жизнью, с его прошлым, будущим, с биологическими, социальными, техническими, философскими аспектами его существования. Называется ряд «антропологических» наук, которые должны составить необходимую «систему» («антропологическая кибернетика», «антропологическая биофизика», «психологическая антропология» и др.). Границы «системы» не определены, так же, как и критерий принадлежности к «системе», ее внутренняя логика, способ преодоления имеющихся междисциплинарных барьеров. Перед нами типичное «западное понимание» термина «антропология». Отметим, что, несмотря на его широту, в нем довольно мало элементов, реально связывающих «физическую» и «социальную» части. Например, значительно менее широко и основательно разрабатываются западными коллегами проблемы этнической антропологии. Вообще, наша «односоставная» антропология часто более органично связана с познанием социальных сторон природы человека, чем «двусоставная», «биосоциальная» антропология на Западе. В советской антропологии полнее учитывается социальная опосредованность биологической эволюции человека, теория антропогенеза и расогенеза теснее переплетается с данными исторических наук и базируется на основательно разработанной философской интерпретации природы человека. Таким образом, процесс интеграции наук о человеке у нас происходит не менее интенсивно, чем на Западе, и этому не мешает отсутствие общей терминологической «крыши», которая связывала бы нашу антропологию с историческими науками. Тенденции к интеграции созревают внутри каждой науки и не требуют искусственного собирания нарастающего числа смежных дисциплин под одним названием.

Сам факт наличия и образования большого числа «антропологических» наук — знамение времени. Это «антропологизация» знания, подвергавшаяся детальному анализу в ряде работ. Так, Б. Г. Ананьев насчитывает таких наук около 200, констатируя при этом появление все новых и новых, например эргономики, эвристики, сексологии и т. д. Теоретически можно включать в антропологию еще бесчисленное множество наук, но практически это лишено смысла, так как не создаст никакого нового «орудия познания». Таким образом, попытки создать «новую антропологию» на развалинах старой или из обломков других наук не новы. Делаются они без достаточного учета истории вопроса, а главное, без достаточного теоретического, методологического фундамента. Взгляд на антропологию как на «систему наук» фактически предполагает отказ от существующей у нас антропологии с ее традиционными принципами, от антропологического подхода к конкретному материалу и делает абсолютно неопределенным само содержание понятия «антропология», лишая его предметно-методической базы и внутренней целостности. Термин «антропология» отнимают у реальной науки и отдают нереальной системе. Нужно понять, что процесс формирования «человекознания» не отменяет традиционной антропологии, хотя и втягивает ее в свою орбиту, обогащая и расширяя ее содержание и связи.

Когда вводят термин «система наук», то нужно быть уверенным, что действительно речь идет о системе в современном смысле, т. е. о едином функционирующем «механизме», в котором части взаимосвязаны и подчинены целому. В данном же случае «система» так называемых «антропологических» наук находится на стадии в лучшем случае простой координации («внешнего соподчинения», по выражению Б. М. Кедрова) и не перешла на высшую стадию, основанную на принципе субординации, внутреннего соподчинения, подлинной системности. Советский фи-

лосф С. Н. Смирнов отмечает особую важность и сложность «поиска наиболее фундаментального единства всей совокупности дисциплин, образующих ту или иную форму междисциплинарности, ту или иную конкретную интегральную науку; речь идет о принципиальном, объективном обосновании того или иного конкретного интеграционного процесса»²⁰. Критикуя определения понятия «система», предложенные Л. Берта-ланфи («система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии») и И. Миллером («система — это множество элементов вместе с отношениями между ними»), советский исследователь теории систем В. Г. Афанасьев совершенно справедливо замечает, что «эти определения являются слишком широкими, поскольку включают в себя различного рода конгломераты, смеси, свойства которых аддитивны и сводятся к простой сумме свойств их составляющих»²¹. Далее сделан важный вывод, что система есть новое качество, обладающее интегративными свойствами, не присущими ее частям, компонентам. Где же в конгломерате «антропологических» наук свойства систем и как они могут возникнуть? Пока это лишь смесь, «складывание наук в общий ящик» (по выражению Б. М. Кедрова). Мы согласны с Б. Г. Ананьевым, что в принципе в будущем естественный ход интеграции (вместе с дифференциацией) наук приведет к созданию реальной системы — «синтетического человекознания», но пока этой системы не существует, рано вносить коррективы в понятийный аппарат классификации наук и приписывать понятие «антропология» той или иной случайно взятой группе наук либо всем «антропологическим» дисциплинам в целом, как внушительно ни выглядело бы их число.

Исторически сложилось так, что под «антропологией» у нас в стране понимают антропологию физическую. При общении с западными коллегами для лучшего взаимопонимания приходится к слову «антропология» (употребляемому в нашем смысле) добавлять «физическая», но переходить на западную терминологию внутри страны было бы сейчас нецелесообразно, так как добавление слова «физическая» повело бы у нас к терминологической перегрузке, появились бы названия дисциплин типа «социальной антропологии», которую пришлось бы конструировать искусственно, по традиционным западным образцам, или заново, в условиях, когда естественная система еще не может сложиться.

Можно и нужно в настоящее время говорить о синтезе наук, о возникновении комплексных систем знания, однако всякая излишняя поспешность в решении этих вопросов, тем более без достаточного учета данных философии, психологии, кибернетики, где эти вопросы давно исследуются, может принести науке вред или в лучшем случае приведет к тому, что все декларации о создании «системы наук» останутся на бумаге. Как замечает Б. М. Кедров, обсуждение вопросов о будущей структуре единой науки «в настоящее время было бы достаточно беспредметным, поскольку еще не ясно в деталях взаимоотношение между целым и его внутренними частями, а главное — между самими этими частями внутри целого...»²². Между тем как только мы касаемся науки (или наук) о человеке, мы непременно сталкиваемся с проблемой единой науки и «антропологизации» знания, затрагивающих всю науку в целом. Поэтому без основательного теоретического анализа подходить к этим вопросам и торопиться с «перекраиванием» классификации наук было бы величайшей неосторожностью. Познание есть отражение реального мира, а потому, если мы часто говорим теперь, что надо с крайней осмотрительностью и пониманием вмешиваться в естественный ход развития мира (как показал анализ экологического кризиса), то та же осмотрительность и мудрость требуется при попытках вмешаться в развитие процесса познания. «Классификация наук, — писал Ф. Энгельс, — из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд

²⁰ Смирнов С. Н. Предисловие к сборнику «Философия и интеграция науки»... Новое в жизни, науке и технике. Сер. Философия. М.: Знание, 1980, № 7, с. 8.

²¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980, с. 22.

²² Кедров Б. М. Указ. раб., с. 99.

связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно заключается ее значение... Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм (различные науки) должны с необходимостью вытекать одна из другой»²³. Итак, создание систем, «констелляций» наук должно быть естественным процессом, которому мы, конечно, можем и должны разумно способствовать на строго научной основе. Наша современная антропология со временем включится в систему высшего порядка как часть в целое, но сохранит свое собственное содержание, которое и определит ее место в высшей системе.

Любая возникающая система наук обязательно должна быть диалектичной, так как она отражает диалектику развития реального мира. Сама идея синтеза наук в единую науку (через ветвление и дифференциацию), базирующаяся на факте единства материального мира, глубоко диалектична. Феномен разветвления «древа» науки, а также появление «мостиков-переходов» между различными отраслями знания суть проявления диалектики взаимодействия наук на первых этапах становления единой системы. «Информационная модель мира», создаваемая человечеством в процессе познания, все более адекватно отражает реальный мир, приходит во все более точное соответствие с ним, а потому становится все более диалектичной, все более единой, все более гармоничными становятся ее внутренние связи и отношения.

Антропология в нашей стране возникла как *необходимое звено* между общественными и естественными науками. С чисто философской точки зрения основное содержание этой науки сводится к изучению процесса «диалектического снятия» низшего биологического уровня развития материи высшим — социальным и включения первого в последний. В этом смысле содержание нашей антропологии более диалектично, чем в западных странах, и лучше подготовлено к периоду интеграции знания. При изучении человека как высшей формы движения материи, системный, иерархический характер познания вскрывается особенно отчетливо. В искусственной «системе» наук о человеке, где господствует фактически принцип «соположения» и отсутствует диалектическая иерархичность, отражена только многосторонность человека как объекта исследования. Но этого по меньшей мере недостаточно: человек не только многосторонний объект, он объект «многоуровневый», и именно этим определится в будущем иерархия «великой констелляции» наук, направленных на человека. Этим же уже сейчас определяется и развитие нашей антропологии.

Содержание понятий той или иной науки во многом зависит от правильной теоретической оценки объекта. Нередко еще приходится слышать о «биосоциальной» природе человека. Такой дуалистический подход, отражаясь в классификации знания, может привести опять-таки лишь к принципу «соположения» естественных и общественных наук, так как он лишен диалектичности. В системе эволюции материи иерархическое положение объекта определяется по высшему достигнутому уровню (например, мы не называем животных «объектами биохимическими»). Если же учитывать все включенные и соподчиненные уровни, то мы должны были бы называть человека существом «социо-био-химико-физическим». В связи с этим нам представляется плодотворным определение, данное советским философом В. В. Орловым, предложившим называть уровень развития материи, к которому принадлежит человек, «интегрально-социальным»²⁴. Исследуя биологическую сторону природы человека, антропология в то же время постоянно обращается к проблеме соподчинения уровней. Так, например, изучая, скажем, дифференциацию расовых типов, антрополог сталкивается с проблемой возраста-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 564—565.

²⁴ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь: Изд-во ПГУ, 1974.

ющего «замораживающего» действия социальных факторов на ход онтологической эволюции»²⁵, изучая проблему продолжительности жизни, сталкивается с историей образования и формирования этноса, обычаями, этнической психологией. Можно думать, что в дальнейшем «социально опосредованные проблемы» будут занимать все больше места в антропологических работах. Например, огромная проблема антропологической динамики урбанизации схематически может быть представлена как «биологическое, включенное в социальное». Сюда же можно отнести исследования адаптивности (в самом широком смысле) человека и общества, вопросы глобальной метисации и стирания расовых различий, динамики эволюции физического типа человека в будущем, вопрос о вариациях физического типа человека в связи с изменениями спектра видов трудовой деятельности. В таких случаях должен сыграть роль «мостиковый» интегрирующий характер антропологии. Проблемы, носящие иерархический, многоуровневый характер, станут постепенно более многочисленными и придадут диалектически обусловленную структуру возникающим естественным комплексам-конstellляциям наук. В наше время классификация наук должна будет эволюционировать по принципу «от проблемы к дисциплине». Не науки будут «искать» проблемы, а возникающие, все более сложные, комплексные проблемы будут «искать» исполнителей среди представителей самых разных, пока мало связанных друг с другом наук. В этом залог естественности процесса развития знания. Этот процесс, конечно, происходит и сейчас и выражается в феномене «междисциплинарности», в создании научных комплексов, проблемных групп. Все более полное (и неизбежное) вскрытие всеобщей связи объектов ведет к развитию всеобщей связи наук. По Б. М. Кедрову, эта тенденция выступает сначала в форме образования междисциплинарных отраслей знания, затем в виде взаимодействия наук, изучающих один и тот же объект с разных сторон, затем в виде усиления их взаимодействия, доходящего до возникновения комплексного метода исследований и, как его результат, комплексных наук. Наконец, дальнейшая эволюция все в том же направлении приводит с полной определенностью к тому, что взаимодействие наук и их комплексность достигают всеобщих или глобальных масштабов. Теперь это распространяется на объекты, которые носят всеобъемлющий, универсальный и в точном смысле этого слова всемирный характер²⁶. Именно выход на глобальный уровень системы соподчиненных проблем ведет к естественному возникновению больших «конstellляций». Именно на этом пути возможно в будущем возникновение высших систем человекознания и, наконец, «синтетического человекознания». Во всяком случае на пути к этому далекому «созвездию наук» будущего наша скромная антропология, не меняя своего названия и в общем сохраняя свое главное содержание (хотя и постоянно обогащаясь методически и теоретически), должна сыграть роль одного из «интеграторов» (как говорят философы) в процессе образования комплексов. Сейчас роль интеграторов должны будут играть многие науки. В частности, Б. Г. Ананьев считает, что всеобщим интегратором «синтетического человекознания» явится психология. При этом он делает оговорку: «Однако интеграция наук, сочетающаяся с дальнейшим развитием их специализации, определяется прежде всего прогрессом философского учения о человеке»²⁷. Вопрос о роли философии в интеграции наук о человеке детально разработан в отечественной философской литературе. Об этом писали Б. М. Кедров, П. Н. Федосеев, А. Д. Урсул, А. Г. Мысливченко. Так, А. Д. Урсул называет «союз философии и естествознания важнейшей интегративной тенденцией в науке»²⁸. А. Г. Мысливченко, выражая сомнения в возможности возникновения синтетического человекознания путем естественного процесса ин-

²⁵ *Зубов А. А.* Интеграция как единая тенденция современного человечества.— Сов. этнография, 1976, № 5, с. 75.

²⁶ *Кедров Б. М.* Указ. раб., с. 95.

²⁷ *Ананьев Б. Г.* Указ. раб., с. 15.

²⁸ *Урсул А. Д.* Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция наук.— Вopr. философии, 1981, № 10, с. 71.

теграции наук, пишет, что задачу создания целостной концепции человека может выполнить «не комплекс частных наук, опирающихся на философию, а, наоборот, научная философия, опирающаяся на выводы частных наук и анализ всей общественной практики»²⁹. Этот автор считает, что «значение проблемы человека настолько возросло во всех сферах общественной жизни, что все более ощущается потребность в дальнейшей специальной разработке единой, общей теории, целостной концепции человека». При этом делается оговорка, что «пока нет объективных оснований для конструирования специальной философской науки о человеке — марксистской философской антропологии»³⁰. Академик П. Н. Федосеев пишет, что «марксистско-ленинская философия представляет тот логико-методологический фундамент, на котором воздвигаются „строительные леса“, соединяющие не только общественные и естественные, но и технические и другие частные науки»³¹. Действительно, роль философии в качестве интегрирующего фактора в период, когда нужно понять, осмыслить, упорядочить происходящие стихийные процессы интеграции, первостепенна, особенно в такой сложной области, как взаимодействие общественных и естественных наук. Возможность интеграции последних в единую науку основывается на диалектическом законе единства мира. Недаром именно этот закон Б. М. Кедров считает основным. Ф. Энгельс, говоря о единстве общественных и естественных наук, подчеркивал, что эти науки изучают «два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности»³². Методологическая основа процесса интеграции наук о человеке заключается именно в этих положениях марксистской философии. Между «двумя классами законов» нет и не может быть непроходимой пропасти. Понимая это, многие философы и естествоиспытатели ищут сейчас пути проблемного, понятийного и терминологического сближения этих систем наук. Предлагается, редуциционный подход (Л. Б. Баженов, В. И. Кремянский)³³, применяются метод аналогий (К. Б. Батороев)³⁴, метод выявления инвариантов социокультурного и биологического типов организации (Э. С. Маркарян)³⁵, практикуется использование понятийного аппарата других областей знания для описания организационных аналогов (например, «эволюционно-биологическая формация» в теории эволюции у К. М. Завадского и Э. И. Колчинского)³⁶. Для будущей всеобъемлющей интеграции необходим выход исследований на все более высокий теоретический уровень. С этим в области естественных наук связываются «надежды на плодотворность и эффективность интегративных процессов в познании жизни», в частности, на создание теоретической биологии (И. Н. Смирнов)³⁷. Аналогичный встречный процесс перехода к крупным обобщениям происходит и в общественных науках. Интеграция на уровне «жизнь» уже неизбежно смыкается с интеграцией на уровне «общество», и точка соединения этих двух пластов знания — человек. Отсюда возможность взаимопроникновения терминов, подходов, понятий. Отсюда, кстати, интегративные возможности нашей современной антропологии, достаточно хорошо отражающей преемственность законов двух уровней развития. Понятие «человек» по масштабу сравнимо с та-

²⁹ Мысливченко А. Г. Методологические проблемы исследования человека в философии. — *Вопр. философии*, 1981, № 7, с. 43.

³⁰ Мысливченко А. Г. Указ. раб., с. 50.

³¹ Федосеев П. Н. Идеи Ленина и методология естествознания XX в. — В кн.: *Современное естествознание и материалистическая диалектика*. М.: Наука, 1977, с. 13.

³² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20, с. 116.

³³ Баженов Л. Б., Кремянский В. И. Эволюция материи и ее структурные уровни. — *Вопр. философии*, 1981, № 2, с. 98.

³⁴ Батороев К. Б. О сущности и эвристической роли метода аналогий. — *Вопр. философии*, 1981, № 8, с. 167.

³⁵ Маркарян Э. С. О средствах оптимизации научно-интегративных процессов. — *Вопр. философии*, 1980, № 11, с. 119.

³⁶ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л.: Наука, 1977.

³⁷ Смирнов И. Н. Проблема интеграции знания в современной биологии. — *Вопр. философии*, 1981, № 11, с. 38.

кии всеобъемлющими категориями, как «материя», «развитие», «движение». Поэту очень плодотворной представляется разработка в нашей философии «всеобщей» концепции человека, также несущей в себе интегративный потенциал. Судьба будущего человекознания и, не в меньшей мере, судьба нынешней антропологии, а следовательно, и содержание этого понятия зависят от процесса интеграции общественных и естественных наук. Движение понятия «антропология» в любой его интерпретации должно отражать (и притом точно) этот процесс.

Вопрос о «кризисе» в антропологии фактически большей частью сводится к трактовке динамики содержания понятия этой науки. Потеря основного содержания, «ядра» понятия, действительно, означала бы кризис. Но понятие «антропология» у нас пока не претерпело и в ближайшем будущем, по-видимому, не претерпит качественного преобразования, отрицающего его основной смысл. Антропология развивается в целом естественно, в соответствии с диалектикой процесса дифференциации — интеграции (в чем убеждает нас предшествующий анализ), хотя и испытывает методические и организационные трудности. Происходит внутренняя дифференциация с образованием новых направлений (серология, одонтология, дерматоглифика) и интеграция: развиваются «мостиковые» науки-интеграторы (популяционная генетика человека, спортивная антропология, возрастная морфология и физиология). Углубляются и совершенствуются методы сложившихся направлений (фотография в антропометрии, ультразвук в изучении мягких тканей, новые системы признаков в антропоскопии и краниологии), постоянно совершенствуется методика обработки материала. Антропологи участвуют в разработке многих комплексных проблем, хотя «комплексность» во многих случаях остается пока на уровне «соположения» и координации выводов на уровне обобщений высокого порядка, что также представляет собой закономерный этап развития интеграционного процесса. Внутренние преобразования и нововведения равно, как и недостатки и слабые стороны касаются больше методической стороны науки, чем сущности ее понятия, расширение внешних контактов не должно рассматриваться как угроза самостоятельности науки, так как они — закономерное явление присущее всей системе знания.

Приток новой тематики и новых методик в любую науку — здоровое явление, если его не подменять произвольным соединением под тем же названием набора плохо подогнанных друг к другу дисциплин. Новая антропология — это все, что приходит в эту науку, обогащая ее и обогащаясь ее традициями, но не нечто внешнее, оставшееся инородным, и пережившее периода «срастания» с антропологией, случайно собранно. Антрополог — это одна из биологических профессий, научиться которой можно только у антропологов. Пока это бесспорно, и менять это положение в наши дни невозможно и нецелесообразно.

Трудно сказать сейчас, какова будет судьба понятия «антропология» в более отдаленном будущем, какие новые понятия и термины будут возникать на разных уровнях интеграции. Возможно, что со временем антропология составит часть естественно сложившегося (на основе общей крупномасштабной проблематики) системного образования — «конstellации наук» о человеке, обогатив этот комплекс сохраненной и усовершенствованной в процессе развития спецификой своего содержания, своим неповторимым опытом. Процессы дифференциации — интеграции не должны рассматриваться как слепая разрушительная стихия. Это жизнь науки. В соответствии с ее законами родилась и до сих пор развивалась наша антропология. Отсюда и устойчивость содержания понятия при его динамичности и гибкости. Интеграция происходит при сохранении профессиональных «ядер» наук и не означает превращения всей системы знания в общую аморфную массу, в которой будут функционировать не специалисты, а какие-то фантастические «ученые вообще». На любом уровне интеграции наук сохранится та или иная структурная иерархия. Сложившиеся структурные единицы должны не исчезнуть, а найти свое новое место в комплексах, складывающихся вокруг глобаль-

ных проблем. Ценнейшее основное содержание антропологии, созданное многими поколениями ученых, нужно, «не расплескав», но обогатив, донести до той ячейки, которую займет эта наука в будущих человековедческих комплексах высшего порядка.

Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

**(по материалам этносоциологических
исследований у народов СССР)**

На конкретных этапах исторического развития обрядность народов СССР имела специфические особенности как в символическом отражении представлений об идеале человека и отношениях между людьми в обществе и семье, так и в соотношении традиционных и новых форм в обрядах¹.

Проблема соотношения традиционного и нового в обряде — один из вопросов о многообразных формах адаптации традиционной культуры к новой эпохе, о тенденциях и перспективах ее развития в наши дни. Соотношение традиционного и нового в обряде имеет не только этнографический, но и социально-психологический аспект; оно касается внутренних взаимоотношений людей, типов их поведения в ритуально-обрядовых ситуациях. Исследования в этой области помогают раскрыть механизм передачи межпоколенной «этнической» информации.

Вопросы, связанные с изучением основных тенденций развития семейных обрядов, представляют интерес и для этнографов, и для этносоциологов.

Этносоциологи в первую очередь выясняют, насколько представители различных национальностей, возрастов и социальных групп приобщены к культуре своего этноса, в какой мере она определяет их поведение и интересы. Следование обычаям и обрядам, так же как и отношение к ним, является одним из свидетельств значимости традиционной культуры. Полученные в ходе массовых опросов материалы используются для решения этносоциальных проблем, например (применительно к теме) для выяснения влияния семейных обычаев на повседневное поведение людей различных национальностей или, скажем, влияния непомерно пышных свадеб на семейный бюджет или ценностные ориентации людей и т. п. В то же время полученные в ходе таких исследований материалы могут быть использованы и в целях этнографического изучения: например, для выявления степени распространения свадеб, управляемых по развернутому или редуцированному национальному ритуалу в разные исторические периоды (естественно, в пределах, которые охватывает память ныне живущих людей).

Выводы исследователей об отношении населения к семейным обрядам, а также об их реальном бытовании в различных возрастных и социально-профессиональных группах (например, среди высококвалифицированных и малоквалифицированных рабочих, художественной и производственной интеллигенции и т. д.) позволяют прогнозировать основ-

¹ Сабурова Л. М. Некоторые вопросы изучения новой обрядности. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ, 1969, в. II; Лобачева Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР. — Сов. этнография, 1973, № 4, с. 14; Угринович Д. М. Обряды: за и против. М.: Политиздат, 1975, с. 110—135; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980. с. 110—111 и др.

ные тенденции развития современной обрядности в ближайшем будущем.

В этносоциологических исследованиях, осуществляемых в ряде союзных республик (РСФСР, Узбекистан, Грузия, Молдавия, Эстония) Сектором конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР»², а также в этнографических исследованиях, проводившихся с применением этносоциологических методов в Белорусской ССР, в Удмуртской АССР, в Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, среди татар Сибири, предусматривался сбор материала о бытовании семейных обычаев и обрядов и отношении к ним различных кругов населения.

В зависимости от целей и задач конкретных исследований в упомянутых регионах, естественно, выдвигались различные проблемы. Так, Сектор конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР в соответствии с принятой программой фиксировал бытование традиционного свадебного и некоторых родильных обрядов и выяснял отношение к ним населения. При этом изучались нации, культура которых в прошлом существенно различалась, так как одни народы находились на стадии капиталистического развития, другие — феодальных отношений и религии, оказывавшие на них влияние, были различными — от католицизма и лютеранства на западе до мусульманства на востоке. Учитывалась также специфика современной культуры, определяемая разной степенью урбанизации и сохранения традиционного слоя культуры. В исследовании сосредотачивалось внимание на разнообразных факторах, влияющих на семейную обрядность, но сам обряд рассматривался без необходимых для этнографов подробностей, поскольку, как уже говорилось, целью данной работы было решение этносоциологических проблем.

В исследованиях этнографического характера более детально рассматривались сами обряды. Например, в работе М. Я. Устиновой, специально посвященной семейным обрядам латышского городского населения в XX в., была поставлена задача выявить отношение населения к свадьбам различного типа: с развернутым традиционным ритуалом, с современным ритуалом, вечеринке с некоторыми элементами традиционного ритуала, просто вечеринке, комсомольской (так называемой «общественной») свадьбе. При этом под развернутым традиционным ритуалом подразумевалась свадьба, состоящая из сватовства, венчания (которое при Советской власти иногда проводилось параллельно с регистрацией в загсе), обряда снятия фаты и венка, перевоза приданого и послесвадебных обрядов; под современным свадебным ритуалом — оформление брака в загсе, сопровождающееся коллективными выступлениями товарищей молодоженов с наставлениями, в том числе шуточными («брачные вестники»), чтением коллективных поздравительных телеграмм и соблюдением некоторых традиционных обычаев и обрядов: выезд разукрашенного свадебного «поезда» в загс, устройство почетных ворот по дороге домой, шуточная проверка трудовых навыков молодых у входа в дом, где справляется свадьба, встреча молодых хлебом-солью, традиционное снятие фаты и венка. Под вечеринкой с некоторыми элементами традиционного ритуала подразумевалась свадьба с редуцированным ритуалом — встреча молодых хлебом-солью, снятие фаты и венка и другие отдельные элементы традиционного обряда.

Столь же конкретно семейные обряды и отношение к ним рассматривались Л. С. Христолюбовой и Л. И. Семеновой у удмуртов, С. И. Каракеевой — у киргизов, Р. А. Григорьевой — у белорусов Латгалии³.

² О программе и принципах исследования см.: Арутюнян Ю. В. Социальное и культурное развитие наций в СССР. — Сов. этнография, 1972, № 4.

³ Устинова М. Я. Указ. раб.; Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1970; Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам

В этнографических исследованиях с использованием этносоциологических методов был получен вывод, который нам важно подчеркнуть,—отношение к родильным, свадебным и похоронным обрядам у людей, как правило, взаимосвязано. Те, кто положительно относятся к гражданскому обряду именнаяречения, как правило, считают, что в случае утраты близкого человека их чувства лучше выразит гражданский погребальный ритуал. То же можно сказать и о свадебных обрядах. При этом характерно, что люди более склонны к соблюдению традиционных свадебных, чем родильных обрядов⁴. Видимо, отношение к свадебному обряду в системе обрядовых циклов, связанных с жизнью семьи, является достаточно выразительным показателем для оценки сохранения и перспектив развития семейной обрядности. Выбор именно «свадебного» индикатора для изучения бытования современной семейной обрядности в наши дни обусловлен следующими причинами: во-первых, современная свадебная обрядность изучена значительно лучше обрядности других семейных циклов; во-вторых, у разных народов наибольшее число традиционных элементов содержится именно в свадебном торжестве; в-третьих, среди всех рекомендаций и сценариев, разрабатываемых работниками «обрядовой службы» для проведения тех или иных церемониалов, сценарии свадеб выделяются включением наиболее ярких, эмоциональных, этнопоказательных моментов традиционной свадьбы⁵. З силу вышеуказанных причин этот индикатор выдвигался на первый план не только в этносоциологических исследованиях, но и в работах этнографов, когда они стремились охарактеризовать генеральные тенденции развития обрядности у народов СССР⁶. Однако авторы данной статьи считают, что вопросы и перспективы развития семейной обрядности, в особенности же наиболее актуальный для современной этнографии вопрос о соотношении традиционного и нового, могут быть изучены на примере обрядности родильной и похоронно-поминального цикла⁷.

Первое, что обращает на себя внимание,—отношение к семейной обрядности взаимосвязано с бытованием у народов традиционной культуры в целом.

В республиках, где были проведены исследования (РСФСР, Узбекистан, Грузия, Эстония, Молдавия), пласт традиционной культуры в наибольшей мере сохраняется в Узбекистане. Здесь довольно прочно держатся традиции взаимоотношений старшего и младшего поколений, главенство мужчины в семье, нерасторжимость семейных союзов. Так, 88% узбеков считают, что брак должен заключаться с согласия родителей, и 84% полагают, что если у мужа или жены появилось новое сильное чувство, семья при наличии детей не может быть разрушена. Узбеки, как и все народы Средней Азии, чаще, чем жители других регионов страны, носят национальную одежду. В области духовной культуры они сильно ориентированы на народную музыку и танцы. Даже в городах ей отдают предпочтение 70—80% узбеков. И за свадьбу с развернутым или хотя бы частичным традиционным обрядом высказалось 80% узбеков (78% в городе и 82% на селе).

2. Ляльшур Удмуртской АССР).— Сов. этнография, 1981, № 1; *Каракеева С. И.* Опыт изучения культурно-бытовых аспектов образа жизни киргизской городской семьи (Программа, методика и первые итоги исследования).— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979; *Григорьева Р. А.* Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов Латгалии.— Сов. этнография, 1981, № 3.

⁴ *Пименов В. В., Христолюбова Л. С.* Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 1976; *Устинова М. Я.* Указ. раб., с. 92, 158—161.

⁵ Опыт такой работы в Эстонии широко освещался в печати. См. подробнее: *Калитс В. Я.* О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР.— В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981.

⁶ *Лобачева Н. П.* Указ. раб., с. 15; *ее же.* Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности.— В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР.

⁷ *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев: Наукова думка, 1981; *Тульцева Л. А.* Этнографические аспекты изучения религиозного поведения.— Сов. этнография, 1979, № 4; *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области.— Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980, и др.

В такой свадьбе, естественно, имеет место и гражданская регистрация брака в загсе, а в самом ритуале свадьбы сочетаются новые и старые элементы, зачастую переосмысленные. Так, в свадебное пиршество, которое по традиции для мужчин и женщин справляется отдельно, включается теперь праздничное застолье, во время которого чествуют жениха и невесту в присутствии их родителей, что свидетельствует о преодолении патриархального обычая избегания. Раздельное пиршество теперь вообще относится к числу уходящих свадебных традиций.

Общественным мнением осуждаются элементы традиционных свадебных обычаев, не отвечающие современному образу жизни. Так, до 80% узбеков при опросе высказались против калыма — заранее оговоренной платы за невесту дорогостоящими подарками. Конечно, в той или другой форме традиция дарить подарки остается, но они приобретают другой смысл: это уже не унижающая женщину плата за нее, а способ помочь молодым создать материальную базу для ведения собственного хозяйства.

Многие ритуальные действия тоже получают иное, чем прежде, значение. Так, джигитовка друзей жениха около свадебного поезда у хорезмских узбеков, киргизов, таджиков, имевшая в прошлом охранно-магический смысл, теперь приобрела черты жизнерадостного увеселения. У киргизов, например, даже в городе сохраняется красочный обычай старой свадьбы *чачыла* — осыпание невесты при входе в дом мужа сладостями, жареными в масле кусочками раскатанного дрожжевого теста (*боорсок*)⁸. В прошлом у большинства земледельческих народов СССР обрядовое осыпание жениха и невесты хмелем, коноплей, зерном злаков и др. было важным моментом свадебного церемониала. Обережно-магическое значение этого обычая, как правило, забыто, но сам обычай не исчез. В модифицированных формах он сохраняется во многих районах, особенно в сельской местности. Наряду с традиционными хмелем, зернами, жениха и невесту осыпают теперь конфетами или другими сладостями. Изменился и смысл, вкладываемый в обряд: это прежде всего пожелание молодым счастливой, «сладкой», жизни.

В современной свадьбе с традиционными элементами сохраняются танцы, музыка, пение. Впрочем, они нередко заимствуются из старой свадьбы, даже если справляется просто вечеринка (за такую форму свадьбы среди узбеков высказалось 16% в городе и 13% на селе). К свадьбе обычно готовят блюда традиционной кухни. Можно сказать, что в определенных ситуациях (в нашем случае на свадьбе) пища продолжает играть роль «этнического» символа в общении людей. Например, для многих народов Среднеазиатско-Казахстанского региона обязательным праздничным угощением являются баурсак и плов. В то же время в каждой области Узбекистана и сейчас еще сохраняются свои излюбленные специфические свадебные блюда⁹. У киргизов, по материалам С. И. Каракеевой, в свадебном угощении обязательны такие традиционные блюда, как лепешки, *беш-бармак* и *куйрук боор* (кусочки вареной печени с курдючным жиром) и др. Характерны и взаимовлияния. Так, на свадебном столе русских Среднего Поволжья можно встретить традиционные блюда других народов Поволжья (пирожки типа татарских *перемачей*, пельмени, орешки из теста и др.)¹⁰. Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже у народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, где традиции обрядовой пищи достаточно живы, на праздничном столе все чаще появляются блюда, заимствованные у других народов СССР.

Когда опрашиваемые говорили о предпочтении свадьбы с соблюдением полного или частичного традиционного обряда, то речь шла чаще

⁸ Каракеева С. И. Указ. раб., с. 155.

⁹ Фирштейн Л. А. Материалы по пище узбеков южного Хорезма. — Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. I. М.: Наука, 1972, с. 56—57.

¹⁰ Зорин Н. В. Изменение традиционной русской свадьбы за годы Советской власти. — В кн.: Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976, с. 30.

всего, как это показывали дополнительные беседы, о современной свадьбе с элементами традиционных обрядов, в которой обычно редуцирован предсвадебный и послесвадебный циклы.

По интенсивности предпочтения национального свадебного ритуала среди народов, у которых проводились исследования, вслед за узбеками идут молдаване, затем грузины и эстонцы и только потом уже русские. За свадьбу с полным или частичным соблюдением национальных обрядов высказалось 55% молдаван в городе и 76% в селе; среди грузин и эстонцев около половины опрошенных в городе и чуть больше (до 53—55%) сельских жителей; среди русских в РСФСР — $\frac{1}{3}$ в городе и около половины в селе.

Хотя в целом, как уже говорилось, отношение к традиционным свадебным обрядам соответствует степени сохранения традиционного комплекса культуры у народов в целом, у отдельных народов здесь проявляются и свои особенности. Например, у грузин довольно стойко удерживаются традиционные нормы взаимоотношений в семье (даже в городе $\frac{2}{3}$ грузин считает обязательным получить разрешение родителей на брак: свыше 70% считают развод недопустимым, если в семье есть дети; сохраняется ориентация на народную музыку и танцы — им отдает предпочтение большинство опрошенных). Однако за свадьбу с соблюдением национальных традиций высказалось не более 53% опрошенных. Таким образом, национальные традиции, национальное самосознание у грузин находят выражение в каких-то других сферах и символах. Возможно, довольно высокий процент лиц, предпочитающих простое застолье (37%) и затруднившихся ответить на вопрос о предпочтительной форме свадьбы (10%); связан с тем, что в конце 60-х — начале 70-х годов свадьбы с национальным ритуалом нередко были чрезмерно пышными, приобретали престижный характер, что вызывало осуждение определенной части населения. Когда общественные организации в республике начали вести борьбу с искажением народных традиций, то эти меры получили одобрение населения (во время опросов общественного мнения за очищение народных традиций от «чуждых им наслоений» высказалось 74% опрошенных¹¹).

Несколько иная ситуация сложилась в Эстонии. Эта республика, как известно, одна из наиболее урбанизированных в Советском Союзе; пережитки патриархальных норм в семейных отношениях здесь в основном изжиты. Достаточно показательно, что 78% эстонцев считают необязательным согласие родителей на брак и 50% допускают развод, если у супругов появилось новое сильное чувство. Высоко ценя национальную музыку, предпочтение народной музыке и танцам отдают не более 10% (а среди молодежи 2%) эстонцев. И вместе с тем 45% эстонцев в городе и 55% в селе высказались за свадьбу с редуцированным или развернутым национальным обрядом.

Отметим, что в сельской местности каких-то закономерностей в отношении к свадебному ритуалу различных возрастных групп не прослеживается. Ясно лишь, что доля молодежи, высказавшаяся за свадьбу по традиционному обряду, оказалась не меньше, чем доля лиц старшего и среднего возраста, а в городе даже несколько больше (в возрастных группах 18—19 и 20—24 лет за свадьбу с полным или частичным соблюдением обрядов высказалось 47—51%, в группе старше 50 лет — около 40%). Говоря же о реальном бытовании в составе современной свадьбы элементов традиционной эстонской свадьбы, исследователи отмечают, что «жизнь сделала свой отбор». Несмотря на красочность, не привились такие элементы старой свадьбы, как надевание чепца и передника на новобрачную, «починка» передника, «распределение свадебных подношений». В то же время приобрели популярность такие обычаи, как преграждение пути свадебному поезду, проверка «умения» молодых (новобрачные должны публично продемонстрировать свои хозяй-

¹¹ Литературная газета, 16 ноября 1977 г.

ственные способности), «похищение» невесты (свадебная игра, сопровождающаяся выкупом «похищенной» невесты)¹².

Возможно, традиционный свадебный обряд в его современной форме, лишенный патриархальных черт и унижительных обычаев¹³, становится одним из символов, в которых находит выражение этническое самосознание. Подобную роль у прибалтийских народов играют праздники национальной песни, в которых они принимают широкое участие. При этом они повседневно обращаются к профессиональной художественной культуре своего народа и других народов СССР и прогрессивной зарубежной культуре. Среди эстонской интеллигенции за свадьбу с традиционными элементами высказалось даже несколько больше представителей городской интеллигенции (среди специалистов высшей и средней квалификации в городе — 46—57%), чем работников физического труда (42—43%). Это еще раз подтверждает, что отношение к свадебному обряду связано с выражением национального самосознания.

У русских или молдаван подобной ситуации не обнаружено. У них урбанизация явно способствует падению интереса к традиционным ритуалам. Напомним, что среди русских в РСФСР за свадьбу по традиционному обряду в городе высказалось вдвое меньше опрошенных, чем в селе, у молдаван — примерно на треть меньше. Среди интеллигенции и квалифицированных рабочих по сравнению с менее квалифицированными группами у этих народов меньше лиц, предпочитающих соблюдение традиционных свадебных обычаев. У молдаван в городе за свадьбу по традиционному обряду высказались 50—55% рабочих низкой и средней квалификации и около половины интеллигенции; у русских — около 30% рабочих и около 20% интеллигенции. Ситуация, сходная с той, что сложилась у эстонцев, зафиксирована М. Я. Устиновой у латышей. С 60-х годов, когда в Латвии сформировалась современная свадебная обрядность, включающая традиционные элементы, отвечающие нынешним нормам жизни, интерес к ней возродился, и такая свадьба стала наиболее распространенной.

Рассмотренные формы современного свадебного ритуала народов СССР отражают в определенной мере и национальную политику нашего государства. Напомним, что при конструировании сценариев торжественного ритуала бракосочетания комиссиями по внедрению новых обрядов учитывалась общая тенденция, отмеченная этнографами.

Наблюдения этнографов показывают, что в 30—40-е годы стали выпадать отдельные этапы традиционного свадебного ритуала. Но уже к началу 50-х годов положение меняется. Этнографы, изучавшие быт населения горнозаводского Урала, отмечают: «Об устойчивости бытования традиционной свадьбы в 1940—1950-е годы мы неоднократно слышали от наших информаторов, подчеркивавших, что многое из того, что, казалось, уже совершенно ушло из быта, вновь возродилось в эти годы»¹⁴. Это явление было отмечено также у алтайцев, армян, эстонцев, литовцев¹⁵. Возрожденные элементы традиционной свадьбы тщательно фиксируются исследователями, занимающимися вопросами бытования традиционной свадебной обрядности в наши дни. Сошлемся на одно из последних свидетельств. Изучение русской свадьбы в Среднем Поволжье показало, что в 1946—1960 гг. традиционный свадебный ритуал пережи-

¹² См. подробнее: *Калитс В. Я.* Указ раб., с. 109—112.

¹³ Свадовство превратилось в знакомство семей будущих супругов, приданое в традиционном понимании у прибалтийских народов не существует и т. п.

¹⁴ *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974, с. 193. См. об этом также: *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964, с. 227; *Сабурова Л. М.* Указ. раб.

¹⁵ *Шатинова Н. И.* Семья у народов южной Сибири в свете современных этнических процессов. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. М.: Наука, 1972, с. 142—147; *Калитс В. Я.* Современная свадьба на острове Кихну. — В кн.: Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М.: Наука, 1962, с. 118.

вал здесь весьма определенную регенерацию¹⁶. Возрождение традиционных звеньев свадьбы ученые связывали с разными причинами¹⁷. Чаще всего указывалось на возросшее материальное благосостояние советских людей. Однако не исключено, что интерес к национальному свадебному ритуалу связан с проявившейся в 60—70-е годы общей тенденцией при помощи возрождения этнически своеобразных форм культуры избежать излишней стандартизации быта, связанной с научно-технической революцией, а также со стремлением к «эстетизации» быта и соответственно с желанием внести красочные, игровые элементы в эмоционально напряженные моменты жизни людей. Недаром в свадьбе возродились как раз развлекательно-игровые звенья, разумеется часто переосмысленные и наполненные новым содержанием. Однако некоторые свадебные традиции практически не прерывались. Например, молдавская свадьба, как и прежде, богата стихотворными декламациями¹⁸. Показательны наблюдения Н. В. Зорина в Среднем Поволжье. В «свадебную» анкету этого исследователя были включены вопросы, фиксирующие изменения в таких традиционных предсвадебных действиях, как переговоры о приданом, получение «кладки» с жениха, одаривание родственников жениха и невесты, рукобитие и «запой», помощь подруг невесты при подготовке к свадьбе, девичник и обрядовое посещение бани. Итоги исследования красноречивы: за последнее время не было отмечено ни одной свадьбы, где был бы выдержан весь этот комплекс предсвадебного периода. В собственно свадьбу большей частью включаются всего один-два традиционных элемента. Причем наибольшее распространение имеют «битие горшков» (около 37% свадеб, проводившихся в 1966—1970 гг.) и «поиски ярки» (19%). Характерны модификации этих обычаев. Традиционное битие горшков после брачной ночи сейчас заменено битьем тарелок «на счастье». Обычай «искать ярку» давно превратился в театрализованное действо, цель которого — возобновление свадебного пира. Простой забавой стали хождение ряженных по улицам села, подметание новобрачной пола и другие обряды¹⁹.

Наши материалы позволяют выделить этноспецифические особенности рассматриваемого явления. К тому же, говоря о повсеместном возрождении элементов традиционной свадьбы, нельзя не охарактеризовать это явление и с точки зрения его специфики в отдельных социально-демографических группах населения. Так, у узбекской молодежи интерес к традиционной свадьбе не вырос; он остался примерно на том же уровне. Но отношение узбеков к свадебным обрядам не может быть показательным, ибо подавляющее большинство из них придерживается национальных традиций в быту. Не наблюдается повышения интереса к свадебной обрядности и среди грузин. Это скорее всего связано с тем, что, как уже говорилось, в 70-е годы происходило очищение национальных традиций от наслоений, не соответствовавших требованиям социалистического образа жизни. В то же время, если говорить о русском населении РСФСР, этнокультурные бытовые традиции которого в итоге стремительных социально-экономических преобразований были размыты в наибольшей степени, то этносоциологическим исследованием Института этнографии АН СССР отмечен заметный разрыв в интересе к традиционному свадебному ритуалу: среди лиц старше 60 лет 40% в городе и 60% в селе высказались за свадьбы с традиционными элементами, в других же возрастных группах такую форму свадьбы предпочитает около 20% в городе и около 40% в селе.

Таким образом, возрождение интереса к традиционному свадебному ритуалу, зафиксированное исследователями у ряда народов, объясня-

¹⁶ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1981, с. 184, 187.

¹⁷ См. об этом подробнее: Тульцева Л. А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения. — Сов. этнография, 1979, № 4, с. 51, 56.

¹⁸ Зеленчук В. С., Губогло М. Н. Национальное и интернациональное в советском образе жизни. Кишинев: Штиинца, 1979, с. 41.

¹⁹ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье, с. 183—186.

ется не только потребностью в ярком, более красочном оформлении торжественных моментов в семейной жизни. Это явление, несомненно, связано также с выражением в свадебной обрядности этнического самосознания народов. Свадьба, как и любое другое явление культуры, занимает свое автономное место в этнической структуре народа. Соответственно функционирующие в нашей жизни элементы традиционной свадьбы играют определенную роль в системе ценностно-нормативных признаков этнического самосознания²⁰.

Закономерности изменений традиционных элементов в современной свадьбе определяются многими социокультурными условиями. Но важно отметить, что характер функционирования, ценностно-нормативных признаков этнического самосознания, проявляемого в современном свадебном ритуале, определяется, во-первых, диалектикой национального и интернационального в образе жизни советских людей и, во-вторых, еще более общим фактором — тем, что свадебное действо любого народа имеет общечеловеческие интернациональные черты. Примечательно, что при общей тенденции к восстановлению в свадебном ритуале традиционных элементов возрождаются именно те из них, в которых заложено интернациональное ядро, которые утверждают общегуманистические идеалы и являются символами добра и красоты. Межэтнические контакты, взаимовлияния и нарастание схождения свадебных традиций разных народов — вообще характерная черта современного развития национальных культур. Итогом социокультурного развития народов стало повсеместное утверждение новых форм современного свадебного ритуала, включающего торжественную регистрацию брака, новые формы свадебных поздравлений, застолья и развлечения и лучшие традиционные элементы народной свадебной обрядности.

Таким образом, если одни факторы, прежде всего такие, как урбанизация, преодоление отживших традиций, связанных с религией и патриархальными отношениями, ускоряющиеся темпы жизни и известная стандартизация ее, обусловленная научно-технической революцией, приводили к тому, что интерес к семейной обрядности падал, то некоторые другие, в том числе связанные с психологией людей, наоборот, повышали интерес к ней.

Дальнейшее изучение отношения к обрядам вообще, и к семейным в частности, в связи с изменениями в общественной психологии, этническом самосознании, функционированием общественного мнения может значительно обогатить наши представления о тенденциях и перспективах их развития.

²⁰ К сходным выводам о месте традиционного слоя культуры в общем культурном фонде народа приходят и другие исследователи. С. С. Савоскул пишет: «В социалистическом обществе... этнически консолидирующая роль традиционно-бытовой культуры может даже возрастать. Это особенно проявляется среди отсталых в прошлом народов, лишь недавно начавших создавать формы современной профессиональной культуры, которая вследствие этого имеет еще относительно небольшой объем. С ростом культурного уровня и подъемом национального самосознания этих народов естественно их обращение к традиционной культуре в поисках этнически особенного выражения их национального бытия» (*Савоскул С. С. Культура сельского населения Татарской АССР (Опыт этносоциологического исследования освоения культуры)*. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978, с. 18). На примере изучения культуры кабардинцев и балкарцев тот же вывод делает М. Г. Кумахов: «Традиционные элементы культуры, являясь этническими символами, как бы ни было велико расхождение между их знанием, фактическим распространением и ориентацией на них, играют на данном этапе развития кабардинцев и балкарцев этноконсолидирующую роль» (*Кумахов М. Г. Новое и традиционное в духовной культуре кабардинцев и балкарцев*. — В кн.: По пути Великого Октября. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нальчик: Эльбрус, 1980, с. 122). См. также работы Е. Клементьева, Г. Старовойтовой и др.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

[на примере народов Средней Азии
и Казахстана]

В послевоенные годы у всех народов нашей страны произошли существенные изменения в разных сферах материальной культуры. На эти изменения влияли различные процессы: консолидация наций и дальнейшее сближение культур отдельных народов; общие закономерности развития социалистической экономики и культуры; крупные перемещения населения в связи со стройками последних пятилеток и процесс урбанизации сельского населения. В результате сближения условий жизни города и деревни происходит модернизация и стандартизация быта, все шире распространяются общие для всех народов СССР современные урбанизированные, так называемые «городские» формы материальной культуры.

Социалистическое переустройство быта, включавшее также реконструкцию городов и сельских поселений Средней Азии и Казахстана, способствовало унификации типов и форм жилища, стиранию различий между городами и сельскими поселками, бытовыми условиями жизни в городе и на селе. Огромное значение в этом отношении имели электрификация и газификация. По внешнему виду, планировке, строительной технике жилища разных народов Средней Азии и Казахстана мало различаются. Во многих случаях это обусловлено сходными климатическими условиями, одинаковыми строительными материалами и сходством техники строительства. Важную роль в унификации типов жилища сыграло массовое строительство домов по типовым проектам в новых поселках, возникших на вновь осваиваемых землях, или перестройка старых домов в уже существовавших поселках. Правда, планировка типовых домов в дальнейшем в известной степени корректировалась самими колхозниками согласно их национальным традициям и индивидуальным вкусам. В настоящее время можно уже говорить о сложении определенного среднеазиатского типа жилища с новыми общими для большинства этих районов (кроме Северной Киргизии) традициями планировки (выделение для гостей лучшей и большей комнаты в доме, а не отдельного помещения; как раньше, повсеместное распространение в сельских местностях террас-айванов, вынесение летней кухни во двор, использование для сна и отдыха в летнее время деревянных настилов в саду или возле дома и т. д.), что, разумеется, не исключает сохранения локальных вариантов.

Несколько иные традиции в типах и планировке домов наблюдаются у кочевых или полукочевых в прошлом народов — казахов и северных киргизов¹. Оседлое жилище этих народов складывалось в основном в годы Советской власти под влиянием, с одной стороны, живших здесь русских и украинцев, а с другой — среднеазиатских народов — уйгуров, узбеков. В результате у них создавался тип дома, несколько отличный от среднеазиатского.

Что же касается костюма народов Средней Азии и Казахстана, то в нем в разной степени сочетаются элементы традиционной одежды с общеевропейскими городскими формами, причем в мужском костюме традиционных черт сохраняется значительно меньше, чем в женском. Люди старшего возраста, в первую очередь женщины, в сельской местности, особенно на периферии региона, сохраняют, как правило, свой традиционный костюм. Правда, в последние десятилетия он несколько модернизировался, так как отдельные элементы костюма (обувь, белье

¹ Южная Киргизия, расположенная в основном на территории Ферганской долины и окружающих ее горных склонов Тянь-Шаня и Памиро-Алая, входила в область распространения среднеазиатских традиций.

некоторые виды одежды) покупаются в магазине. В центральных районах республик и вокруг больших городов в результате длительных этнокультурных контактов разных народов можно проследить тенденцию к возникновению общесреднеазиатского костюма.

Таким образом, процесс сближения культурно-бытовых черт разных народов является непосредственным следствием усиления культурных контактов. Вместе с тем в материальной культуре идет и другой процесс — развитие и укрепление позитивных элементов традиционной национальной культуры.

О тенденциях развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана нам уже приходилось писать². Здесь же хотелось остановиться на том, как указанные выше процессы отражаются в культуре и быту каждой отдельной семьи и, что не менее важно, как изучение материальной культуры помогает получить интересные, иногда весьма важные данные для характеристики ряда глубинных явлений семейного быта, форм и структуры семьи.

При написании статьи были использованы работы советских этнографов, изучающих культуру и быт сельского населения республик Средней Азии и Казахстана, а также полевые материалы автора по туркменам. Хронологически все эти материалы охватывают в основном 1960-е — начало 1970-х годов.

Известно, что семья выполняет не только биологическую, многие социальные и бытовые функции, но и является микросредой этнических процессов; в структуре семьи и в семейном быту наиболее устойчиво сохраняются черты этнической специфики. Изучение семьи позволяет проследить ряд этносоциальных процессов, степень развития новых, общесоветских и изменение традиционных элементов культуры и быта, в том числе динамику изменений, происходящих в области материальной культуры.

О связи жилища с формой социального коллектива, населяющего его, писали многие исследователи. С. А. Токарев, например, пишет: «Жилище, как и любой другой предмет материальной культуры, не существует для этнографа вне своего социального бытования»³. М. О. Косвен считал, что история жилища является «выразительной иллюстрацией» к истории семьи⁴. А. Н. Кондауров и Н. А. Кисляков, изучая семейную общину горных таджиков, выявили непосредственную тесную связь между формами семьи и характером жилища, его размерами, планировкой и т. д.⁵

Историю развития семьи в средние века на материалах поселений и жилища по археологическим данным в одной из крупных историко-этнографических областей Средней Азии — Хорезме исследовала Е. Е. Неразик⁶; о том, насколько тесно связано изменение форм жилища с развитием современной семьи у узбеков и таджиков, писали, основываясь на своих материалах, А. Н. Жилина и Ф. Д. Люшкевич⁷.

² Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана. — Сов. этнография, 1979, № 3.

³ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — Сов. этнография, 1970, № 4, с. 14—15.

⁴ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во восточной литературы 1961, с. 103.

⁵ Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 59; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и обитатели дома у ягнобцев. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 40 и сл.

⁶ Неразик Е. Е. Поселения и жилище Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э. — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.

⁷ Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма. — Сов. этнография, 1969, № 3; *ее же*. Жилище и семья у узбеков. — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана; Люшкевич Ф. Д. Новое в развитии современной семьи и внутрисемейных отношений у узбеков и таджиков Бухарского оазиса. — В кн. Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980.

Большинство указанных выше авторов исследовали наряду с малой и бытовавшие здесь более ранние формы семьи — семейную общину, неразделенную семью и т. д. В наши дни наиболее распространенной формой, как известно, является малая семья. Так, по данным узбекского этнографа С. М. Мирхасилова, более половины сельских семей в Узбекистане — малые⁸. У народов среднеазиатского региона малая семья в целом больше по величине, чем у основных народов других союзных республик СССР⁹. Однако в сельских районах Узбекистана нередкими являются и неразделенные семьи. Они составляют около трети всех узбекских семей на селе¹⁰. В сельских районах других республик региона соотношение малых и неразделенных семей примерно то же.

Изучая быт семьи, исследователь неизбежно должен обращаться к жилищу, в котором она обитает. Функциональное распределение помещений, их характер, интерьер, форма хозяйственных построек свидетельствуют о многих сторонах быта семьи, ее социальной и национальной структуре. Вместе с тем наличие некоторых элементов архаики в семейно-родственных отношениях народов, недавно еще сохранявших патриархально-феодалные пережитки в быту и реликты родо-племенного деления, сказывается и на характере современного жилища и на использовании его. Исследователи отмечают, что даже в новых поселках, возникших в 1960-е—1970-е годы, семьи братьев, отца и сыновей, а иногда и более далеких родственников стараются получать участки рядом или, в крайнем случае, на одной улице, неподалеку друг от друга. Особенно прочно эта традиция сохраняется у узбеков, таджиков и туркмен¹¹. Зачастую семьи братьев или отца и старшего сына строят один дом, оставляя соседний участок пустым и используя его для огорода, или же, поставив дома на своих участках, совместно пользуются оставшимися частями приусадебных участков¹². В старых поселках такие родственные, экономически самостоятельные, но сохраняющие тесные связи семьи узбеков и таджиков живут обычно в одной большой усадьбе, разделенной на семейные ячейки¹³. У узбеков Хорезма это обособление малых семей, живущих в общем доме, проявляется в наличии нескольких (двух-трех) даланов (крытых коридоров-проездов) внутри усадьбы, вокруг которых группируются комнаты отдельной семьи¹⁴. В меньшей степени такая тенденция сохранилась у казахов, поселки которых в большинстве районов обычно многонациональны¹⁵. В основном и в старых, и в новых среднеазиатских поселках сохраняется традиционный характер расположения домов по отношению к улице. Вход в дом, обращенный к улице обычно глухой стеной, обязательно делается со двора, хотя теперь уже во многих домах и в наружной стене имеются окна. В этом одно из проявлений ликвидации строгой изоляции семейного быта, характерной в прошлом для народов Средней Азии. У казахов такое расположение домов сохраняется чаще всего в южных районах, примыкающих к Узбекистану; в остальной части республики, особенно в совхозных поселках, фасад дома повернут к улице¹⁶. В этом сказывается дав-

⁸ Мирхасилов С. М. Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана. — Сов. этнография, 1979, № 1.

⁹ По переписи 1979 г. средний размер сельской семьи в целом по СССР — 3,8 чел., у туркмен — 6,5, у таджиков — 6,7, у узбеков — 6,3, киргизов — 5,8 и казахов — 5,7 чел. Из других народов СССР лишь у азербайджанцев — 5,9 чел. (Вестн. статистики, 1981, № 2).

¹⁰ Мирхасилов С. М. Указ. раб.

¹¹ Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 77; Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе: Донш, 1974, с. 57; Полевые материалы автора 1963, 1966, 1968—1971 гг. и др. — Архив ИЭ АН СССР.

¹² Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 75—76; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 68—69.

¹³ Люшкевич Ф. Д. Указ. раб.

¹⁴ Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 81.

¹⁵ Востров В. В., Қауанова Х. А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 116.

¹⁶ Культура и быт казахского аула. Алма-Ата: Наука, 1967, с. 92.

нее влияние русских и украинских поселенцев, живущих зачастую в одном поселке с казахами.

Лишь в старых таджикских и узбекских селениях остались высокие глинобитные стены, огораживающие участок со всех сторон. Во двор ведут калитка или ворота; соседние усадьбы соединены обычно небольшой калиткой. В современных же поселках заборы сделаны из штакетника, камыша или хвороста. Иногда имеется невысокая глинобитная ограда или просто живая изгородь из кустарников и ряда деревьев¹⁷. Усадьбы братьев или других близких родственников, как правило, чаще всего вовсе не разгорожены, иногда же границы участков обозначаются рядом топей. У таджиков Дарваза замечена и такая закономерность: если между родственными семьями сохраняются хорошие отношения, входы стараются сделать рядом. Если женщины этих семей не ладят — то подальше или пробивают новый вход на другой стороне дома¹⁸. Хозяйственные постройки, как правило, выносят в заднюю часть двора, что позволяет держать жилые помещения в чистоте. Летняя, а иногда и зимняя кухни также строятся отдельно от жилого дома.

Размеры дома и его планировка зависят от разных причин: величины семьи и ее формы, социального состава, материальных возможностей. В подавляющем большинстве случаев дом бывает трех-четырехкомнатный, с коридором (*дахлиз*, *далан* — узб.) посередине и верандой-айваном. У таджиков и казахов эти коридоры еще в недавнем прошлом часто служили и зимней кухней¹⁹.

В новых домах делают застекленные веранды, расположенные либо под углом к комнатам, либо (чаще) вдоль всех жилых комнат; в старых домах айваны с внутренней стороны дома обычно не застеклены. Летом почти повсеместно они служат основным жилым помещением для семьи. Новые дома как в старых, так и во вновь возникших поселках обязательно строятся на фундаменте, имеют деревянные полы и потолки, большие окна.

Во многих новых колхозных и совхозных селениях в дома проведен водопровод, имеется паровое отопление. Пищу стали готовить на газе²⁰.

Все исследователи, изучавшие жилище народов Средней Азии и Казахстана, пишут о быстро растущей тенденции к новому функциональному распределению жилых помещений в современных домах, построенных по типовым проектам, и даже в домах традиционной планировки. Наряду с гостиной (традиционные *михман-хана* — узб.; *тор-уй*, *конак-уй* — каз., и др.) — самой лучшей и большой комнатой, обставленной богаче других, почти везде стали выделять своего рода «детскую» — комнату, в которой дети готовят уроки и спят. У киргизов, например, для приготовления уроков отводится особая комната, в которой нередко размещается и домашняя библиотека²¹. В новых домах колхозников обычно есть спальня, столовая, в домах сельской интеллигенции — иногда и кабинет²². Старикам-родителям обязательно отводится отдельная комната. У народов, в быту которых еще сохраняется юрта (киргизы, туркмены и др.), старшие члены семьи иногда живут в ней до наступления холодов. У каракалпаков же летом в юрту переселяются и молодые. В тех семьях, где старики живут вместе с молодыми, перед домом ста-

¹⁷ Там же; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 63.

¹⁸ Таджики Каратегина и Дарваза. В. II. Душанбе; Дониш, 1970, с. 21.

¹⁹ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 68; Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб. с. 115; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 171.

²⁰ Алымбаева Б. Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов. — В кн.: Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.). Фрунзе: Илим, 1979, с. 79; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 71; Абрамзон С. М. Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Новь киргизского села. — Сов. этнография, 1974, № 5 с. 34—35; Культура и быт казахского аула, с. 103.

²¹ Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 35.

²² Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161, 171; Жили на А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 80; Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб. с. 118—119; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 191; Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973, с. 103—104.

вят обычно две юрты — для старших и для младших членов семьи. Юрта молодых, как правило, более нарядная. Это объясняется тем, что все предметы убранства в ней новые, так как изготавливаются они молодой обычно накануне замужества и привозятся в дом мужа в качестве приданого²³.

У таджиков дети, особенно девочки 13—14 лет, чаще всего спят в комнате бабушки; мальчики этого возраста на ночь размещаются в михман-хане²⁴. Михман-хана используется иногда и как комната для молодоженов (до выдела сына)²⁵. Прежде михман-хана часто строилась отдельно от основного дома или юрты, где размещалась семья, и служила для приема гостей — мужчин²⁶. Теперь для михман-ханы, как указывалось, выделяется лучшая комната в основном доме. В ней наряду с традиционной обстановкой имеется и городская мебель. Здесь по вечерам, если нет гостей, женщины и дети смотрят телевизор²⁷.

Интересно отметить новое явление, уже становящееся традицией у большинства народов Средней Азии и Казахстана и отражающее не только рост материального благосостояния сельского населения, но и сочетание двух тенденций в преобразовании их быта — его интернационализацию и развитие национальных форм. Речь идет о появлении во многих сельских домах двух гостиных — одна, сохраняющая национальный стиль, имеет традиционное убранство, другая обычно обставлена городской мебелью. Киргизы Прииссыккулья помещают некоторые предметы городской мебели и в гостиной, обставленной по-традиционному²⁸. У таджиков Дальверзина в первой принимают родственников и близких знакомых, во второй — особо почетных гостей и приезжих из города. Тот же принцип распределения гостиных соблюдается и у туркмен²⁹.

В том случае, если михман-хана убрана по-городскому, а второй в доме нет, то «своих» гостей таджики обычно принимают на айване или в одной из больших комнат, убранных в традиционном стиле или с минимальным количеством городской мебели³⁰. Летом близких гостей зачастую принимают там, где сами проводят большую часть времени — во дворе на настиле из досок (*тахта*), широкой железной кровати (*каравот* — узб.) или глинобитной, приподнятой на 20—30 см над уровнем земли площадке (*спа* — туркм., *суфа* — узб.), находящейся под деревьями или навесом из жердей, обвитых виноградными лозами.

В Араванском районе Ошской области Киргизии исследователями отмечено появление еще одной гостиной, предназначенной специально для молодежи (*джаны* (*яны*) — уй — кирг.). Обычно это длинная комната, пристроенная к стене прямоугольного в плане четырехкамерного дома с выходом на узкую сторону айвана. Здесь собираются юноши и девушки, угощаются за длинным столом, занимающим большую часть комнаты, танцуют, развлекаются³¹.

Чрезвычайно важный материал для характеристики семьи и внутрисемейных отношений дает изучение интерьера, в котором ярко выражена этническая специфика.

²³ Этнография каракалпаков. XIX — начало XX в. (Материалы и исследования). Гашкент: ФАН, 1980, с. 38—39.

²⁴ Хамиджанова М. А. Указ, раб., с. 76.

²⁵ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161; *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 92; Таджики Каратегина и Дарваза, с. 57.

²⁶ В наши дни у узбеков в гостиной зачастую принимают как мужчин, так и женщин (Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 160; *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков, с. 88); Таджики и туркмены женщин-гостей, как правило, принимают в обычном жилом помещении (Хамиджанова М. А. Указ, раб., с. 75; Полевые материалы автора 1968, 1969, 1971 гг. и др.).

²⁷ Хамиджанова М. А. Указ, раб., с. 75.

²⁸ *Абрамзон С. М., Симakov Г. Н., Фириштейн Л. А.* Указ, раб., с. 35; Полевые наблюдения автора. Совхоз Оргочор Тонского района, 1981 г.

²⁹ Хамиджанова М. А. Указ, раб., с. 74; Полевые материалы автора, 1981 г.

³⁰ Хамиджанова М. А. Указ, раб.

³¹ Устное сообщение ст. научного сотрудника Ин-та истории АН КиргССР Б. Алымбаевой.

Убранство комнат среднеазиатского и казахского жилища чрезвычайно красочно и в большей или меньшей степени сохраняет традиционные черты. Так, у таджиков и узбеков большинства районов и у южных киргизов в стенах комнат делается много ниш разного размера квадратной или прямоугольной формы, используемых для размещения домашних вещей и утвари. Таджики Дальверзина устраивают в торцевой стене три ниши, из которых средняя делается больше других (в нее на день складывают постельные принадлежности)³². У узбеков центральных районов республики и равнинных таджиков в стене, противоположной входу, по традиции делают две большие широкие ниши, куда на день складывают постели, и одну узкую между ними. В боковых стенах ниши обычно встречаются значительно реже, а иногда их и вовсе нет³³. Прежде большие ниши обычно занавешивали занавесками, сузани или тушкизами, теперь закрывают застекленными дверцами³⁴. Пол покрывают коврами, паласами, войлоками и т. п. в зависимости от материальных возможностей семьи.

Обязательным элементом интерьера домов казахов и северных киргизов, убранных в национальном стиле, являются подставка (*джук аяк* — каз.) или сундук (*сандык* — кирг.) со сложенными на них одеялами, тканями и войлочными коврами, подушками и пр.³⁵ У туркмен роль такой подставки (*йукери, телер* — туркм.) иногда выполняют кровати, на которой обычно не спят, или невысокий шкафчик³⁶. Кровати у казахов и северных киргизов убирают подзорами, покрывают красивыми покрывалами, на которые кладут украшенные кружевными прошвами подушки. Занавески на окнах и полотенца в простенках между ними свидетельствуют о давнем влиянии русских: эти предметы убранства казахи и киргизы теперь считают национальными.

Городская мебель и предметы городского быта в том или ином количестве имеются во всех домах, хотя и не во всех комнатах в равной степени.

В домах сельской интеллигенции и колхозных механизаторов мебели больше и она используется более активно, чем в домах рядовых колхозников, особенно если там нет взрослой молодежи, обучающейся в высших и средних специальных заведениях. Обычно лучшая мебель и гарнитуры сосредоточены в гостиной; комната стариков бывает убрана в традиционном стиле. Юрта, как правило, сохраняет традиционное убранство, хотя и в ней появляются предметы городского быта — диван, стол, радиоприемник и др.³⁷

Проникновение в дом городской мебели и предметов современного быта зависит от многих причин, и в первую очередь от социальной принадлежности и культурного уровня взрослых членов семьи, роли и авторитета старших ее членов, степени приверженности к традиционной культуре и др.

Изучение народного костюма также дает возможность понять ряд характерных черт семейного быта.

Растущий уровень культуры и материального благосостояния советских людей находит отражение в разнообразии и высоком качестве одежды членов каждой семьи. У подавляющего большинства населения есть и национальные, и в разной мере европеизированные костюмы. Взрослые и дети имеют свои комплекты одежды; помимо повседневного есть и праздничный костюм, и рабочая одежда. Верхняя одежда различается по сезонам.

³² Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 67.

³³ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161, 179.

³⁴ Там же; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 67; Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана, с. 23.

³⁵ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 125—126; Абрамзон С. М., Симанов Г. Н., Фиштейн Л. А. Указ. раб., с. 36.

³⁶ Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 188—189.

³⁷ Культура и быт казахского аула, с. 112—113; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 189.

Как указывалось, степень сохранения традиционного костюма различна в разных частях отдельных республик и во многом зависит от степени удаленности от культурных центров и национального состава населения.

Так, у казахов северо-западных, северных и северо-восточных районов республики, где велик процент русского населения, традиционные виды одежды сохранились гораздо слабее, нежели в других районах³⁸.

Большое значение имеют и другие причины, например, уровень развития бытового обслуживания населения. За 12 лет (с 1965 по 1976 г.) во всех республиках региона (без Казахстана) число предприятий бытового обслуживания выросло в 2—2,5, а в Туркменской — в 3 раза. Объем бытовых услуг за этот же период увеличился более чем в 10 раз³⁹.

Одежда таджиков Матчинского района — одного из центральных горных районов республики, в котором стойко сохранялись традиционные формы, после переселения их на вновь орошенные земли Дальверина (Голодная степь) в 1960-е годы стала быстро изменяться⁴⁰. Ныне все мужчины, за исключением пожилых, стремятся носить современный костюм, хотя и сохраняющий отдельные элементы традиционного. У женщин степень бытования традиционного костюма зависит от места жительства (город, райцентр, село), возраста, образования и профессии.

Интенсивно идет процесс стирания различий в одежде и прическах девушек и молодых женщин у узбеков центральных районов республики⁴¹. Изменяется женская прическа и у других народов Средней Азии. Так, у памирских таджиков молодые женщины, прежде носившие две косы вдоль спины, собирают волосы в большой пучок на затылке, а некоторые девочки и девушки вместо многочисленных косичек носят короткую стрижку; в последнее десятилетие молодые киргизки Прииссык-куля стали носить модные прически⁴². Еще совсем недавно в семьях колхозников или рабочих совхозов женская одежда в основном шилась дома, самими женщинами; теперь, как отмечает этнографы, сельские жительницы стали чаще покупать одежду в магазинах (особенно верхнюю) или заказывать в ателье, имеющих, как правило, во всех крупных селениях. Однако выбор фасонов городской одежды (особенно женского платья) диктуется национальными традициями и вкусами⁴³. Ткани для одежды стали очень разнообразными; и все же для верхней одежды наиболее предпочтительны традиционные — бархат, вельвет, плюш. Много покупают также шелковых и шерстяных тканей, панбархата⁴⁴.

Даже в самых глухих, отдаленных районах при предпочтительном сохранении традиционного женского костюма у молодых женщин и девушек появляются отдельные предметы городской одежды (пальто, плащи). Женщины всех возрастов, так же как и девочки, начиная с трех-четырех лет, почти во всех районах Средней Азии и Казахстана независимо от покроя платья (туникообразного, на кокетке или подрезного в талии с отложным воротником) охотно носят жилетки — относительно новый элемент одежды. Молодые узбечки в 1960-е годы стали носить платья значительно короче, чем женщины старших возрастов⁴⁵.

³⁸ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 130—131.

³⁹ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977, с. 568, 572.

⁴⁰ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 150, 152.

⁴¹ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 190.

⁴² Моногарова Л. Ф. Указ. раб., с. 97; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н. *Фирштейн* Л. А. Указ. раб., с. 37.

⁴³ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 131; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., *Фирштейн* Л. А. Указ. раб., с. 37.

⁴⁴ Жилина А. Н. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 130, 135; Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 132; Культура и быт казахского аула, с. 115; Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад: Ёлым, 1976, с. 150.

⁴⁵ Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 136.

Почти у всех народов региона, кроме части туркмен и таджиков в сельской местности, среди женщин широко распространены короткие жакеты (*кастым* — кирг., каз.), надеваемые поверх платья.

Платья молодых туркменок, особенно в центральных районах республики, при сохранении внешнего традиционного облика — прямой несколько зауженный силуэт, часто шьются уже с вшивными рукавами.

Прослеживается явная зависимость предпочтения определенного фасона и одежды и обуви от социальной структуры семьи, роли старших в ней, степени ее «интеллигентности» и т. д. Так, у женщин местных национальностей, особенно молодых, в 70-е годы довольно широкое распространение получили современные модели обуви, босоножки и танкетки. Однако у казахов, например, в 60-е годы босоножки и танкетки носили только учительницы и школьницы старших классов⁴⁶. Многие женщины из местной интеллигенции, одевающиеся по-городскому, в качестве домашней одежды носят национальный костюм (традиционного покроя платье, длинные шаровары). В нем удобнее выполнять домашнюю работу, сидеть на полу, его лучше воспринимают старшие родственники⁴⁷.

В туркменских семьях, где сохраняются традиционные отношения и есть старшие родственники мужа, женщины средних лет чаще носят традиционный костюм. Там, где женщины более самостоятельны, они часто надевают один платок, завязывая его узлом на затылке и спуская концы на грудь. В семьях, где женщины менее самостоятельны, они продолжают носить второй платок, прикрывая им рот⁴⁸.

Мужская одежда, как указывалось, в основном покупная, фабричного производства, хотя люди старшего поколения сохраняют свою традиционную одежду, в той или иной степени сочетая ее с городской. Национальную одежду чаще всего шьют сами женщины (особенно рубахи и штаны), халаты заказывают в ателье. У людей с образованием, даже пожилых, традиционная одежда сохраняется в гораздо меньшей степени. Обычно пожилые мужчины считают традиционную одежду более приличной для их возраста, но не осуждают и новую, современную. Более того, как отмечают казахские этнографы, многие люди старшего возраста для поездки в город имеют одежду городского типа, специально сшитую в ателье⁴⁹. В некоторых случаях и молодые мужчины носят если не полный национальный костюм, то отдельные его части. Так, у людей, связанных с животноводством, традиционные формы одежды прочно сохраняются в качестве профессиональной, рабочей, так как хорошо приспособлены к условиям быта чабанов⁵⁰.

Из традиционных форм мужской одежды лучше всего сохраняется и широко бытует верхняя — различного рода халаты, а также головные уборы — тюбетейки и зимние меховые шапки⁵¹. У узбеков и таджиков традиционные зимние головные уборы заменила шапка-ушанка⁵².

Национальный костюм или отдельные его части широко бытуют в качестве праздничной и ритуальной одежды. У таджиков Дальверзина женщины среднего возраста для особых случаев (свадьба, похороны) имеют платья старинного туникообразного покроя, в обычное же время и дома, и на работе они носят так называемое «узбекское» платье на

⁴⁶ Культура и быт казахского аула, с. 124.

⁴⁷ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 186; Полевые материалы автора, 1979, 1981 гг.

⁴⁸ Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 214; Полевые материалы автора, 1977, 1979 гг.

⁴⁹ Востров В. В., Кацанова Х. А. Указ. раб., с. 131.

⁵⁰ Там же, с. 130; Моногарова Л. Ф. Указ. раб., с. 100; Абрамзон С. М., Симков Г. Н., Фириштейн Л. А. Указ. раб., с. 38.

⁵¹ Культура и быт казахского аула, с. 116, 118—119; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 200; Овезов Д. М. Указ. раб., с. 138 и др.

⁵² Жилина А. Н. Современная материальная культура, с. 135; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 152.

кокетке, широко распространившееся в наши дни почти по всей Средней Азии⁵³.

Свадебный костюм невесты (или отдельные его части) в большинстве районов до сих пор остается традиционным. У узбеков Ташкентской области жених еще недавно надевал яркий халат из полушелковой полосатой ткани (*бекасаб* — узб.), подаренный ему родственниками невесты. Такой же халат из бекасаба, а также тюбетейка, поверх которой повязывается традиционная чалма или, чаще, поясной платок, еще в 60-е годы был совершенно обязательен в свадебном костюме жениха долины Зеравшана. Для всех мужчин — и молодых и старых — во время похорон обязательной одеждой считается национальный халат, подпоясанный поясным платком⁵⁴.

Пожалуй, самым значительным изменениям за последние 10—15 лет подвергся костюм детей. Еще в 1950-е — начале 1960-х годов детей, особенно самых маленьких, одевали в традиционную одежду. Это было связано с долго сохранявшимися в быту повериями и обрядами, призванными охранять ребенка и оберегать его здоровье. Постепенное изживание их привело к тому, что одежда детей в большинстве районов Средней Азии приобрела совершенно иной облик. Теперь одежда детей, даже в отдаленных сельских местностях, мало отличается от городской. Для мальчиков уже с 2—3-летнего возраста, а для девочек с 3—5 лет часто покупают готовую одежду или шьют дома одежду городского типа. С исчезновением предрассудков (раньше детей намеренно одевали не очень опрятно и нарядно, боясь сглаза) родители стали много внимания и времени уделять костюму детей. Обычно в каждой семье ребенок помимо будничной имеет и праздничную одежду — шерстяные и вельветовые костюмчики, шелковые платьица, вязанные кофточки и др.⁵⁵ Одежда грудных детей, особенно в семьях интеллигенции, часто состоит из покупных распашенок, чепчиков, ползунков. Из традиционных видов детской одежды широко бытуют нагруднички, сшитые из кусочков материи. Лишь в тех семьях, где молодые родители находятся под влиянием старших религиозных родственников, или в отдаленных кишлаках, новорожденного одевают в традиционную туникообразную рубашечку с неподшитыми подолом и рукавами и привешивают к ней различные амулеты от сглаза⁵⁶.

Дети младшего школьного возраста, как правило, носят одежду городского типа, однако уже с 9—10 лет девочки во многих районах начинают одевать платье и шаровары национального покроя, а если и носят школьную форму, то снимают ее сразу же по возвращении из школы. И все же этот порядок все чаще начинает нарушаться.

Нельзя не остановиться на изменениях в области пищи — этом наиболее устойчивом элементе материальной культуры.

Хорошо известно, что за годы Советской власти в пищевом рационе народов рассматриваемого региона произошли значительные изменения. Развитие многоотраслевого общественного хозяйства, повышение уровня жизни, широкая сеть продовольственных магазинов явились главными причинами изменений в характере пищи. Она отличается от дореволюционной и разнообразием, и калорийностью. Значительно шире стал ассортимент блюд. Однако интенсивность процесса изменения пищи и режима питания не везде одинакова и зависит от характера хозяйства, степени отдаленности от городов и крупных поселков и многих других

⁵³ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 153; Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных процессов..., с. 20—21. Интересно отметить, что еще в начале 70-х годов пожилые женщины отдаленных кишлаков Центрального Зеравшана считали, что «носить такие платья грех», и не одобряли тех, кто надевал их. (См.: Материальная культура таджиков..., с. 194).

⁵⁴ Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 131, 134; Материальная культура таджиков..., с. 268, 272.

⁵⁵ Культура и быт казахского аула, с. 125; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 157; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 190, 192 и др.

⁵⁶ Культура и быт казахского аула, с. 124—125; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 227; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 157; Материальная культура таджиков..., с. 251.

причин. По-разному идут эти изменения в различных социальных группах и даже внутри каждой социальной группы в зависимости от характера семьи и степени сохранения в ней традиционного уклада. Так, например, у казахов, в прошлом скотоводческого народа, теперь большое место в питании занимают разные виды хлеба, ставшего неперенным элементом ежедневного пищевого рациона. В прошлом его употребляли значительно меньше. Вместе с тем наиболее консервативные представители старшего поколения до сих пор не признают многих видов растительной пищи, не едят соленых и квашеных овощей⁵⁷. Засолка овощей во многих районах обычно производится только в домах сельской интеллигенции; у таджиков Дальверзина еще десять лет назад ею в основном занимались мужчины, они же и употребляли соленые овощи как закуски к спиртному⁵⁸. У казахов и киргизов, как отмечают исследователи, салаты из овощей в домах интеллигенции часто подают к горячим блюдам; у этих же народов значительно шире, чем раньше, стали употреблять в пищу мясо домашней птицы, рыбу, блюда из яиц, особенно в семьях, где хозяйничают молодые. Молодежь ест колбасу, которую люди старшего возраста не признают, боясь совершить грех — съесть свинину, обычно содержащуюся в колбасах⁵⁹.

У таджиков и узбеков в семьях сельской интеллигенции и даже во многих семьях молодых колхозников для маленьких детей стали готовить еду отдельно и уже не кормят их тем, что готовят для взрослых. Для них часто специально покупают всевозможные сладости, кондитерские изделия, фрукты⁶⁰.

Традиционные блюда в рационе семьи дольше удерживаются там, где приготовлением пищи занимаются пожилые женщины, а также в неразделенных семьях, где учитываются в первую очередь вкусы старших членов семьи. Казахские этнографы отмечают, что в национально-смешанных семьях жена — неказашка наряду со своими национальными блюдами готовит, как правило, и казахские блюда и напитки⁶¹. Новым в быту сельских жителей является постепенное признание общественного питания. В тех колхозах и совхозах, где на это обращается должное внимание и есть хорошие столовые, их охотно посещают в обеденный перерыв не только мужчины, но и женщины (пока в основном молодежь и сельская интеллигенция)⁶². Из меню столовой для домашней кухни заимствуются некоторые понравившиеся блюда⁶³.

Значительно разнообразнее стали праздничные блюда: наряду с традиционными подают и новые, самые вкусные и любимые блюда — плов, жаркое и др.⁶⁴ Для праздничного стола, даже в тех селениях, где есть пекарни, непременно пекут лепешки в тандырах⁶⁵. На поминки же готовят только традиционные ритуальные блюда.

Из старой национальной посуды и утвари сохранилось немного. Почти в каждой семье есть немало эмалированной, никелированной, фарфоровой и другой посуды. Однако чугунный котел-казан считается наиболее удобным и подходящим для приготовления любого блюда. У большинства населения сохраняется твердая уверенность, что пища, приготовленная в казане, более вкусна.

Туркмены, таджики и узбеки едят обычно сидя на полу вокруг скатерти (*достархан*); казахи и киргизы — за низеньким круглым столиком.

⁵⁷ Культура и быт казахского аула, с. 135, 139.

⁵⁸ Там же, с. 139; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 121.

⁵⁹ Культура и быт казахского аула, с. 139; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фириштейн Л. А. Указ. раб., с. 38—39.

⁶⁰ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 125; Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 140.

⁶¹ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 136.

⁶² Культура и быт казахского аула, с. 139—140; Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 140.

⁶³ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 137.

⁶⁴ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 116; Культура и быт казахского аула, с. 138.

⁶⁵ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 117; Полевые материалы автора, 1977, 1979 гг. и др.

(устел — каз.). Для гостей расстилают на полу несколько достарханов или усаживают их за обычный стол⁶⁶.

Материалы, приведенные выше — лишь небольшая часть того, что можно было бы зафиксировать, изучая семью и ее материальную культуру в этом плане. Совершенно несомненно, что этнические процессы, протекающие у народов нашей страны, находят отражение и в материальной культуре отдельной семьи. Степень развития и изменения новых, общесоветских и традиционных элементов культуры зависит в значительной мере от этнической и социальной среды, — это мы и стремились проиллюстрировать приведенными примерами. Нет сомнения в том, что материальная культура может рассматриваться как один из источников изучения культурно-бытовых процессов, происходящих в семье.

⁶⁶ Культура и быт казахского аула, с. 143.

Л. Н. Фурсова

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТИСНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАНАДЫ

Регионом образования метисного населения Северо-Запада Канады являлась «Северо-Западная территория»¹, или «Земля Руперта». Простираясь к западу от Великих озер, вся эта обширная область, лежащая между Британскими колониями Северной Америки или «Канадой» на востоке и Скалистыми горами на западе, представляла собой зону прерий, холмистых травяных степей. Эти степи тянулись от таежного пояса на севере до Ред-Ривер, р. Красной на юге, от региона Великих озер на востоке до предгорий Скалистых гор на западе².

К середине XIX в. в этом ареале обитали многие индейские кочевые племена — конные охотники на бизонов и скотоводы. Некоторые из них издавна заселяли степную зону. Другие появились здесь в результате европейской колонизации, оттеснявшей аборигенов все дальше на запад и север. Индейские степные племена относились к разным лингвистическим группам, но наиболее многочисленными из них были сиу и алгонкины. В XVIII — начале XIX в. основными племенами, населявшими равнины нынешней Канады, являлись «черноногие» (делившие на собственно черноногих, пиеган и «кровавых»), ассинибойны, кри и сарси³. Под натиском колонизации сюда, на Северо-Запад, с востока наступали новые индейские племена. Принужденные оставить свои земли, они шли на Дальний Запад в надежде сохранить независимость и собственный уклад жизни. В результате этой вынужденной миграции в степных районах оказались племена с различным историческим прошлым и с разным типом хозяйства. «Освоение всеми этими племенами степных пространств было непосредственно связано с развитием у них коневодства и верховой охоты на бизонов»⁴. Культура конных охотников сложилась из двух элементов: из уклада жизни ранних насельников равнин — пеших кочевых охотников и культуры переселившихся сюда земледельческих племен⁵.

¹ Не следует путать с нынешними «Северо-Западными территориями». До включения Запада в состав доминиона понятием «Северо-Запад» обозначалась вся территория временной Канады, кроме ее обжитых восточных районов.

² Позднее границы канадской части прерий Северной Америки были определены более точно. Они ограничиваются на юге государственной границей, т. е. 49-й параллелью. На север прерии простираются на 1200 км и достигают 60-й параллели.

³ Jennes D. Indians of Canada. Ottawa, 1977, p. 12.

⁴ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 257.

⁵ Аверкиева Ю. П. Индейские племена североамериканских степей и плато. — В кн.: Народы Америки. Т. I. М., 1959, с. 245.

К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о численности коренного населения Северо-Запада до колонизации. В равной мере это относится и ко всей Канаде. По данным Д. Муни, до появления на Северо-Американском континенте европейцев (в XVI—XVII вв.) на территории современной Канады проживало около 220 тыс. аборигенов⁶. Польский исследователь Х. Зинк оценивает численность коренного населения до колонизации в 300 тыс. чел.⁷ По мнению канадского ученого М. Кэмпбелл, в начале XIX в. (в 1802—1804 гг.) в Канаде насчитывалось 120 тыс. аборигенов⁸. Данные различных источников о численности аборигенов Северо-Запада не отличаются большой точностью и достоверностью. По приблизительным подсчетам, в 70-х годах XIX в., когда число индейцев в результате колонизации резко сократилось, на Северо-Западе обитало около 36 тыс. аборигенов⁹.

А теперь обратимся к истории возникновения метисного населения. Она началась в колониальную эпоху и связана с развитием в крае пушной торговли. В XVII в. возникла Британская торговая колониальная монополия — Компания Гудзонова залива. В противовес ей торговцами пушнинами из Монреаля была образована Северо-Западная компания. К первой трети XIX в. уже по всей северо-западной территории были разбросаны военные посты, а также торговые фактории Компании Гудзонова залива и Северо-Западной компании. Их персонал первоначально составлял немногочисленное белое население. К середине XIX в. Компания Гудзонова залива стала полновластным хозяином на Северо-Западе Канады. Ее безраздельному господству предшествовал долгий период ожесточенной конкурентной борьбы с Северо-Западной монреальской компанией.

Различная «кадровая» политика двух компаний имела важное значение для формирования населения края, для появления англоязычных и франкоязычных метисов. Британская компания Гудзонова залива нанимала своих служащих и работников на Британских (и, в частности, на Оркнейских) островах. Ее соперница — Северо-Западная компания, предприятие франкоканадское с резиденцией в Монреале, отдавала предпочтение франкоканадским «вояжерам», которые рекрутировались среди жителей колонии Квебек. Эти «вояжеры» славились своей храбростью, способностью легко переносить дальние переходы и длительные, сопряженные с большим риском экспедиции на каноэ за пушнинами. И, что было не менее важно, они быстро усваивали индейские языки и легко вступали в многообразные тесные контакты с аборигенами, в том числе путем заключения браков с индейками¹⁰. Впрочем, в литературе нередко идеализируется полная странствий, опасности и лишений жизнь лесных охотников («coureur de bois»), преувеличивается легкость, с которой они преодолевали огромные расстояния и добывали пушнину.

Прибывшие на Северо-Запад, в районы обитания аборигенов, сначала французские «coureur de bois», искавшие приключений и «мягкое золото» (в первую очередь шкурки бобров), а позднее — англоязычные и франкоязычные скупщики пушнины и агенты двух торговых компаний вступали в контакт с коренными жителями и часто брали в жены индейских девушек. Сотни служащих обеих компаний вступали в брак с индейками. В дальнейшем, когда появились метиски, заключались браки и с ними. Ряд обстоятельств способствовал этим смешанным бракам. Во-первых, Компания Гудзонова залива начиная с последних десятилетий XVII в. категорически запрещала своим чиновникам привозить с собой жен. Но Лондонский комитет компании пытался сначала

⁶ Mooney J. The Aboriginal Population of America. Wash., Smithsonian Institution, 1928, v. 80, № 7, p. 33.

⁷ Zins H. Historia Kanady. Wroclaw, 1975, S. 111.

⁸ Campbell M. P. Saskatchewan. Toronto, 1965, p. 99.

⁹ Salagnac G. C. Le révolte des métis. Louis Riel, héros du rebelle. Montréal, 1971, p. 11.

¹⁰ Hart E. L. The Emergence and the Role of the Elite in Franco-Albertian Community.— In: Essays on Western History/Ed. by Thomas L. Edmonton, 1976, p. 159.

пресечь также браки служащих компании с индейскими женщинами, утверждая, что пребывание индейских женщин в фортах и факториях «весьма вредно для дел компании»¹¹. Однако этот второй запрет в отличие от первого сплошь и рядом нарушался, и чем дальше, тем больше. С течением времени связи и браки с индейками стали повсеместным явлением. Они получили у европейцев название «браков на северный манер» (*mariage et façon du nord*). Заключение браков белых колонистов с индейками объясняется демографическим фактором (отсутствии белых женщин в поселениях Северо-Запада), а также приспособленностью индейских девушек к местным условиям, экономическими соображениями. Так, немаловажное значение среди мотивов женитьбы белого на индейке имела ее хозяйственная деятельность. Женский труд у индейских кочевых охотников имел большое значение¹². Жизнь индейских женщин степных племен была очень тяжелой. Они занимали в племени и в семье подчиненное положение, являлись объектом эксплуатации. Статус женщин кочевых племен в некоторых случаях (у команчей, например) приравнивался к положению рабочего скота¹³. Эксплуатация женского труда явилась экономической предпосылкой многоженства в семьях кочевых охотников. Один из индейских вождей заявил, что его восемь жен за один год успевают обработать 150 бизоньих шкур, тогда как одна жена — лишь 10¹⁴. Впоследствии немало белых, также руководствуясь экономическими соображениями, переняли индейский обычай многоженства. Некоторые белые поселенцы содержали в своих домах несколько индейских жен (иногда до пяти-шести).

Став женой белого человека, индейская женщина продолжала вести привычный ей образ жизни. Опыт индейских женщин, знание местных условий, традиций и обычаев, способов охоты, приготовления пищи, выработки шкур и т. п. чрезвычайно помогали их мужьям приспособиться к жизни в прериях Северо-Запада. Даже оставившие своих индейских жен (и своих детей от них) известные исследователи Северо-Запада и политические деятели Давид Томпсон, Александр Генри-младший, Дункан Мак-Галливрей, Даниэль Хармо и Александр Макензи отдавали должное в своих воспоминаниях трудолюбию, верности и многим другим положительным качествам своих бывших жен. «Женщины собирают смолу и сушат шкуры бизонов для изготовления каноэ, приносят дрова, делают снеготопы, толкут мясо для pemmican, собирают и сушат ягоды» — это далеко не полный перечень их забот. «Мало что не сделает индейская женщина ради своего господина. Исключение, быть может, представляет охотничья игра...»¹⁵

Многие женщины-индейки обладали природным умом и внешней привлекательностью. Европейцы, побывавшие в этих краях, отмечали их «стройность, живость характера, резвость, очарование». Немало белых мужчин оставалось на западе навсегда, понимая, что их жены никогда не будут счастливы в «цивилизованном мире»¹⁶. Браки по любви были очень прочными. Индейская жена вела хозяйство, заботилась о семье, была верным и преданным помощником супруга во всех делах. Белый мужчина, в доме которого была индейка, в особенности если она являлась дочерью вождя, находился под защитой ее племени. Кроме того, он принимал участие в торговле индейцев.

Заключению браков белых с индейками способствовали также древние индейские обычаи гостеприимства. Так, индейцы кри, чипева и другие, согласно обычаям, гостеприимства и в знак дружбы, предлагали чужестранцам своих жен и дочерей. В XIX в. нередко древние

¹¹ Kirk S., van. The Custom of the Country: an Examination of Fur Trade Marriage Practices.— In: Essays.... p. 49.

¹² Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 308.

¹³ Wallace E. and Hoebel A. The Comanches: Lords of the South Plains. Norman, 1952, p. 152—153.

¹⁴ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 263.

¹⁵ Campbell M. P. Op. cit., p. 114.

¹⁶ Ibidem, p. 112.

объёмы полового гостеприимства индейцы использовали для прикрытия проституирования своих жен среди белых¹⁷. А. Макензи отмечал, что у чипева женщина служила «объектом торговли». Он был свидетелем того, как отцы продавали белым своих дочерей, полагая, что последние будут жить в лучших условиях. Эта форма торговли также включалась европейцами в понятие «брака на северный манер». Она позволила, например, белым установить прочные контакты с индейцами чипева.

Со временем почти все служащие Компании Гудзонова залива женились на индейках. Сначала это были женщины из племени кри, а затем из племен ассинибойнов и черноногих. Управляющий Компании Гудзонова залива Симпсон, хорошо знавший положение дел в прериях, отмечал в середине XIX в.: «Другой гарантией дружественных отношений между людьми компании и аборигенами являются кровные и брачные связи. Многие чиновники, начиная от начальника фактории..., поддерживают тесные контакты с индейцами... Другие связаны с индейцами по рождению, третьи — брачными узами»¹⁸. Компания, следуя примеру своего конкурента — Северо-Западной компании, постепенно стала всячески поощрять эти связи. Вокруг фортов и факторий, таким образом, возникли индейские поселения. Аборигенов, живших в самих факториях и рядом с ними, белые называли «своими», «домашними» индейцами. Канадская Северо-Западная компания с самого начала охотно поощряла браки с индейскими женщинами. Она покровительствовала таким семьям, а после смерти мужа оказывала им материальную помощь. Постепенно белые перенимали индейский ритуал заключения брака: обязательными считались согласие родителей и обмен подарками¹⁹. В факториях Северо-Западной компании к имени индейской женщины прибавлялась фамилия мужа. Общепринятым было обращение «мадам»²⁰. Многоженства эта компания не поощряла.

С начала XIX в. белые мужчины стали чаще жениться на женщинах-метисках, сохранивших навыки и культуру индейцев и одновременно усвоивших определенные элементы европейской культуры. К тому же метиски свободно владели европейскими языками, чаще французским, чем английским, так как франкометисов было большинство. Девушки-метиски, как видно из документов той эпохи и воспоминаний современников, вообще обладали необычайной способностью к восприятию европейской культуры и к адаптации в новых условиях²¹. Вследствие этого Северо-Западная компания с 1806 г. стала поощрять браки своих служащих с метисками. Постепенно установилась церемония брака белого с метиской по всем правилам. Свадебные обряды совершались на европейский манер. В честь бракосочетания устраивались танцы, даже балы, играли скрипки. На свадьбу приглашались родственники, соседи, служащие компании²². После слияния Северо-Западной компании с Компанией Гудзонова залива (1821 г.) вообще было запрещено заключение браков без свидетелей и без брачного контракта. Кроме того, на главу семьи была возложена обязанность содержать жену и детей и в случае его отъезда из страны²³. Сам управляющий компании на Ред-Ривер Арчибальд Макдональд после десятилетнего «брака на северный манер» с женой-метиской в 1835 г. торжественно закрепил его церковным бракосочетанием²⁴. В отличие от католических миссионеров англиканские священники довольно косо и даже, как правило,

¹⁷ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 308.

¹⁸ Giraud M. Le Métis Canadien. Son rôle dans l'histoire des provinces de l'Ouest. Paris, 1945, p. 39.

¹⁹ Documents Relating to the North-West Company. V. XX. Ed. Wallace W. C. Toronto: Champlain-Society, 1934, p. 211.

²⁰ Kirk S., van. Op. cit., p. 53.

²¹ Ross A. The Fur Hunters of the Far West/Ed. by Spaulding K. Oklahoma, 1956, p. 191.

²² Wallace N. W. Documents..., p. 211.

²³ Minutes of Council of the Northern Department of Rupert's Land, 1821—1831/Ed. Rich E. E. V. III. L., 1940, p. 94—95; Kirk S., van. Op. cit., p. 59.

²⁴ Kirk S., van. Op. cit., p. 60.

враждебно смотрели на церковное освящение браков белых с метисками. Продолжая считать эти браки греховными, они длительное время называли метисок, принявших христианство, «язычницами» и «дикарками»²⁵.

На Северо-Западе Канады франкоязычные метисы численно преобладали над англоязычными.

Главным очагом формирования метисного населения Северо-Запада Канады стала долина Ред-Ривер и ее притока р. Ассинобойя, к югу от оз. Виннипег, на низменности, получившей впоследствии наименование Манитобской. По берегам этих двух удобных для вывоза пушнины рек и располагались поселения охотников, скупщиков пушнины, служащих торговых монополий. Небольшое по численности население междуречья в начале XIX в. было довольно пестрым в этническом отношении. Его ядро составляли метисы французского происхождения. Вместе с поселенцами франкоканадцами они представляли большую франкоязычную часть жителей этого региона, из-за чего его нередко называли «маленьким Квебеком». В 20-х годах XIX в. эта территория получила наименование колонии Ред-Ривер. Если метисы вместе с франкоканадцами были здесь самой многочисленной группой, англичане — торговцы и служащие Компании Гудзонова залива и английские миссионеры — обладали наибольшим влиянием, то шотландцы были наиболее однородны в этническом отношении²⁶. Они были жителями первого постоянного поселения белых на Северо-Западе. Переселение шотландцев, как и сама колония, было организовано шотландским лордом Томасом Дугласом Селкирком, купившим земли на Ред-Ривер у Компании Гудзонова залива. Сюда на западный берег Ред-Ривер в 1812—1814 гг. прибыло 200 шотландских фермеров²⁷, лишенных на родине своих земель. Поселение шотландцев получило название колонии Селкирка. История этой колонии полна драматических событий, отражающих борьбу двух конкурирующих компаний за господство в крае. В результате этой борьбы в 1820 г. колония Селкирка перестала существовать. Шотландцы же остались жить в междуречье и способствовали появлению в колонии Ред-Ривер шотландских метисов, составивших часть англоязычных метисов.

В 20-х годах XIX в. колония Ред-Ривер стала центром нового общества, возникшего в результате теснейшего и многообразного общения белых с индейцами, центром расселения метисов. На землях долины Ред-Ривер франкоязычные и англоязычные метисы селились по соседству, тесно и постоянно общаясь друг с другом. Сюда перемешались смешанные и метисные семьи из отдаленных фортов и постов компании. Не последняя причина этих миграций — наличие на Ред-Ривер франкоязычных школ для детей метисов, организованных католическими священниками. В 20-х годах XIX в. здесь, в колонии, уже существовали два важных оплота католицизма — миссии Сен-Бонифас и Пембина.

Расцвет колонии на Ред-Ривер приходится на вторую половину 20-х годов и первую половину 30-х годов XIX в. Этому способствовало прекращение ожесточенного соперничества двух пушных компаний. Побежденная в неравной борьбе, Северо-Западная компания стала частью Компании Гудзонова залива. Между 1820 и 1830 гг. сюда на благодатные берега Ред-Ривер и Ассинобойи из отдаленных постов и факторий потянулось множество бывших работников Северо-Западной компании. Они были уволены в 1821 г. в связи со слиянием двух компаний и резким сокращением числа служащих. Большую их часть составляли метисы, прежде всего франкоязычные католики. Вдоль берегов рек ком-

²⁵ Minutes of Council..., p. 94, 95.

²⁶ Morton A. S. A History of the Canadian West to 1870—1871. Toronto, 1967, p. 581, 645; Wade M. The French Canadians, 1760—1945. L., 1955, p. 394.

²⁷ Macdonald N. Canada 1763—1841. Immigration and Settlement. L.—N. Y.—Toronto, 1939, p. 164.

паниа предоставляла им участки, величина которых зависела от положения, ранее занимаемого ими в служебной иерархии. Так, начальники факторий, или «главные торговцы», могли получить до 1 тыс. акров земли, а простые охотники — по несколько акров²⁸. Англоязычные протестанты, в том числе и англометисы, а также шотландцы бывшей колонии Селкирка, селились в районе Форта-Гэрри²⁹. Франкоканадцы и франкометисы сосредоточивались в треугольнике, образуемом реками Ред-Ривер и Ассинобой, и на южном берегу Ассинобой. Центром их поселений был Сен-Бонифас, куда в 1818 г. по приглашению первого епископа Северо-Запада Прованшера прибыла из Квебека группа франкоканадцев³⁰. В колонии Ред-Ривер стали появляться новые и расширяться старые поселения.

Католическая церковь старалась постепенно и методически приучить метисов к земледелию, к оседлости, привязать их к поселениям. Миссионеры, прилагавшие в этом направлении немало усилий, вместе с тем прямо не запрещали возвращение к кочевому образу жизни в сезон большой охоты, по традиции устраивавшейся ежегодно. Особенно преуспела в приобщении метисов к земледелию епархия Сен-Бонифас во главе с епископом Прованшером. В середине 50-х годов XIX в. там насчитывалось свыше двух тыс. жителей. Усилиями Прованшера и его преемника Таше были открыты школы для детей метисов. Лучших учеников посылали для продолжения образования в колледжи Монреала, Труа-Ривьер, Сен-Гиасент и др. В 1858 г. Таше направил в Монреаль в числе четырех своих учеников и Луи Рилья³¹. В Сен-Бонифасе и других поселениях Ред-Ривер по мере роста населения в 20—50-х годах, прибытия новых колонистов происходило сближение жителей различных рас, религий и языков. По-прежнему одним из главных каналов этого процесса были браки между метисами и белыми, в основном — франкоканадцами. Одновременно происходила ассимиляция шотландских и других англоязычных метисов с франкометисами, которые составляли основную массу населения.

Семьи жителей колонии Ред-Ривер были большие, многодетные. Уже в конце 30-х годов XIX в. с появлением второго поколения поселенцев обнаружился дефицит земельных участков, что стало в колонии серьезной социальной проблемой. По данным Симпсона, население на Ред-Ривер в 1851 г. составляло 7 тыс. чел. Из них по меньшей мере 4 тыс. были метисами французского происхождения. В 1871 г. колония насчитывала 11 400 жителей, из которых 5720 чел. были метисами французского происхождения, 4080 — метисами шотландского или британского происхождения. Белых же колонистов насчитывалось всего 1600 чел.³² Таким образом, метисы составляли около 90% населения колонии Ред-Ривер, позднее названной Ассинобой. Из них 58% были франкоязычными и 41% англоязычными.

Численное преобладание франкоязычных метисов над англоязычными вызвано объективно-историческими причинами, вытекавшими главным образом из характерных особенностей двух путей европейской колонизации Канады — французской и британской. Эти особенности проявились уже в ходе первых контактов французов и англичан с коренным населением. Французы, ориентированные преимущественно на пушную торговлю, в гораздо большей степени, чем британцы-земледельцы, нуждались в помощи и поддержке местных жителей, тем более что на охоту и торговлю пушниной они уходили в одиночку, без жен и семей. Женщины кри и другие индейки оказали превосходными помощ-

²⁸ Pannekoek F. A Probe into the Demographic Structure of Nineteenth Century Red River.— In: Essays..., p. 83.

²⁹ The Beginning. The Exciting Story of Manitoba's/Ed. by Hamilton G. Winnipeg. 1969, p. 107.

³⁰ Pannekoek F. Op. cit., p. 84.

³¹ Giraud M. Op. cit., p. 849—852.

³² Census Returns. 1871. Canada. Sessional Papers, 1871, v. V, № 20, p. 11.

ницами не только в ведении специфического хозяйства лесных охотников, но и в налаживании связей с племенами, и в качестве переводчиков (позднее большую часть этих обязанностей, в особенности транспортировку грузов, взяли на себя метисы). Отсюда и значительно более частые браки, причем не только фактические, но и юридически оформленные, французов с индейками. Между тем зарегистрированные браки индейцев с британцами были скорее исключением, чем правилом. К тому же позднее, в XIX в., выходцы с Британских островов селились в Канаде как фермеры, с семьями, которые могли вести хозяйство по образцу британских ферм, т. е. переселенцы стремились воссоздать в канадских условиях традиционный тип хозяйства. К этому следует добавить, что среди британских поселенцев больше были распространены расовые предрассудки, представления об индейцах как о представителях недостойной расы. Известны случаи, когда отдельные общины выносили постановления, запрещающие браки с индейками. Расизм был присущ и французским колонистам, но в иной его разновидности. Француз в Канаде был непоколебимо убежден в превосходстве европейской, а точнее, «французской» цивилизации, но это не мешало ему относиться к индейцу покровительственно, считать своим долгом обратить его в свою веру, дать образование. Именно этот «патерналистский» подход и облегчал заключение смешанных браков французов с индейками³³.

В поселениях колонии Ред-Ривер с 20-х годов XIX в. браки заключались, как правило, между белыми и метисками, т. е. происходил следующий этап метисации. В отдаленных же факториях и постах компании — в бассейне р. Макензи, в районе Скалистых гор — белые женились на индейках. Тот же процесс происходил в бассейне р. Саскачеван. Еще в XVIII в., во времена господства двух могущественных компаний в верховьях р. Саскачеван, было около десяти постов компаний, в которых находилось 70—80 белых мужчин³⁴. За редким исключением, их женами были индейки. У некоторых иногда имелось несколько жен. По крайней мере, сохранилось свидетельство о семье одного вояжера. У него были две жены и несколько детей, которых он содержал на средства Северо-Западной компании. Вояжеры были трапперами и добывали пушнину. Раз в год они совершали путешествие в Гранд-Портаж или форт Вильям и приносили с собой меха. Возвращение домой всегда было днем праздника и никогда не обходилось без танцев и гулянья всю ночь³⁵. В постах, расположенных на р. Саскачеван (индейцы называли ее «Kisiskatchewan», т. е. река, текущая быстро), сначала появились индейские женщины из племени кри. По мере того, как торговля расширялась, а охотники и торговцы пушниной поднимались выше по реке, в постах стали жить уже и женщины из племен ассинобойнов и черноногих. Компания Гудзонова залива вновь издала суровый приказ, запрещающий их появление в фортах, но этот приказ не выполнялся. Северо-Западная компания, известная своими либеральными взглядами в этой области, и здесь проявила большую терпимость. Очень короткое время представители компании следили за тем, чтобы индейские женщины и их дети «не были бременем для постов»³⁶, а жили только на средства мужей. Но вскоре, убедившись, что индейские жены способны сами содержать себя, служащие компании прекратили этот контроль.

Метисное население, появившееся в бассейне р. Саскачеван в результате этих смешанных браков, пополнялось метисами с Ред-Ривер. Последние шли сюда, охотясь на мигрировавшие в этот район стада бизонов. Экспедиции метисов всегда сопровождали миссионеры-католики, непременным атрибутом имущества которых были портативные алтари. Ежедневную мессу они служили в палатках, учили в походе

³³ Price I. *Indians of Canada. Cultural Dynamics*. Scarborough, 1979, p. 215.

³⁴ Giraud M. *Op. cit.*, p. 1016.

³⁵ Campbell M. W. *Op. cit.*, p. 114.

³⁶ Ibidem, p. 113—114.

детей катехизису, лечили больных, раненых, образуя, таким образом, нечто вроде кочующих епархий. Часть метисов не возвращалась обратно на Ред-Ривер на зиму и зимовала в бассейне р. Саскачеван, разбивая там лагеря. Бревенчатые хижины придавали этим лагерям метисов характер постоянных поселений. Постепенно, по мере того как охота теряла свое значение и — как неоднократно подчеркивает Дж. Стэнли, несомненно гипертрофируя роль миссионеров³⁷, — благодаря усилиям священников, поселения превращались в деревни. Так возникли деревни на берегах рек Норд-Саскачеван и Саут-Саскачеван, в долине р. К'Аппель. В этих поселениях, а также в столах торговых компаний росла численность франкоязычных и англоязычных метисов.

К середине XIX в. метисы занимали определенное и достаточно прочное место в экономике обширной Северо-Западной территории. Они постепенно заменили франкоязычных «вояжеров» из Квебека в качестве проводников транспортов, лодочников, грузчиков. Благодаря естественному доверию к метисам индейцев, знанию ими языков³⁸, обычаев и нравов индейцев метисы стали незаменимыми посредниками в общении белых с индейскими племенами Северо-Запада. Метисы не только успешно охраняли конвой транспортов, но и часто предотвращали стычки с индейцами. В 60-х годах XIX в., особенно во время и после восстания американских сиу (1862 г.), метисы обеспечивали безопасность поселений на Ред-Ривер³⁹. В связи с этим в отчетах компании и в переписке ее чиновников неизменно отмечались такие качества метисов, как упорство, умение приспособиться к тяжелым условиям, веселый нрав, чувство юмора и т. д. Эти качества стали считаться чертами национального характера метисов. Симпсон в одном из писем Т. Фрейзеру от 9.XII.1859 г. так писал о метисах: «Они выносливы, отважны. Это — деятельная раса, хорошо приспособленная к труду...»⁴⁰.

Для метисов были характерны черты культуры, быта и нравов как белых, так и индейцев. Профессор Торонтского университета Сильвия ван Кирк, изучавшая семейно-брачные отношения на канадском Северо-Западе в эпоху пушной торговли, утверждает, что в результате взаимодействия двух различных культур — европейской и индейской — в ту эпоху возникла некая новая общность. Она называет ее «раннезападным обществом», представлявшим собой «смесь индейских, британских и французских обычаев»⁴¹. Одним из основных институтов этого общества был, по ее мнению, уже описанный выше «брак на северный манер».

От отцов метисы унаследовали язык, религию, научились грамоте, овладели их профессиями и занятиями, став служащими компаний, лодочниками, охотниками, земледельцами. Они освоили также во многом обычаи, нормы поведения, присущие франкоканадцам, англичанам, шотландцам, ирландцам, французам. Так, по утверждению Дж. Стэнли, франкометисы, люди веселого нрава, вольнолюбивые, легкие на подъем, предпочитали свободную жизнь вольного охотника монотонному труду земледельца. Наоборот, метисы, отпрыски шотландцев, были более склонны к оседлому образу жизни. Они раньше и успешнее франкометисов приспособились к сельскохозяйственным занятиям и торговле. Им «в отличие от бесшабашных, расточительных и щедрых французских метисов, — утверждает Дж. Стэнли, — были присущи ти-

³⁷ Он утверждает даже, что все поселения метисов «были основаны миссионерами». — *Stanley G. The Birth of Western Canada: A History of Riel Rebellion*. L.—N. Y.—Toronto, 1936, p. 178—179.

³⁸ Франкометис Габриэль Дюмон, человек очень популярный на западе как среди метисов, так и индейцев, свободно изъяснялся, например, на шести индейских наречиях. В 1884—1885 гг. он был одним из лидеров восстания метисов и индейцев.

³⁹ *Giraud M. Op. cit.*, p. 966—967.

⁴⁰ *Giraud M. Op. cit.*, p. 971.

⁴¹ *Kirk S., van. Op. cit.*, p. 49.

пичные британские черты: бережливость и стремление к накоплению средств»⁴². Впрочем, в этой характеристике есть, вероятно, немалая доля преувеличения, связанного с привычными для англичан представлениями об этнических стереотипах шотландцев, французов и т. д. Бесспорно одно: черты материальной и духовной культуры пионеров сохранялись и в семьях метисов. Шотландцы издавна употребляли в пищу баннок — пресную лепешку. Когда шотландские переселенцы (прибывшие из Килдонана, Шотландия) появились на Ред-Ривер, они привезли сюда этот излюбленный ими вид хлеба. И когда им и их детям удавалось достать зерно или муку, они всегда пекли баннок⁴³.

Франкоязычные метисы унаследовали от своих отцов ряд хозяйственных навыков и способов создания поселений. Возникавшие поселения на Ред-Ривер и р. Саскачеван напоминали поселения по р. Св. Лаврентия, в Квебеке. Длинные узкие участки земли тянулись от побережья рек, которые использовались как в транспортных целях, так и для обеспечения потребностей хозяйства в воде. Кроме того, благодаря подобному расположению участков соседи оказывались в непосредственной близости друг к другу. А это имело немаловажное значение для создания между соседями устойчивых связей, усиливало чувство общности и, как показали события 1869—1870 гг., укрепляло сознание этнической и социальной солидарности.

Одновременно франкоязычные и англоязычные метисы восприняли черты материальной и духовной культуры индейцев, особенности быта и нравов аборигенов, их методы охоты, ведения хозяйства, приспособления к условиям жизни на Северо-Западе. Метисы Северо-Запада часто знали индейские языки, сохраняли связи с племенами своих матерей. М. Жиро утверждает даже, что «дети этих западных браков» больше воспринимали культуру матерей, чем отцов⁴⁴. В этом он видит, например, отличие франкометисов колонии Ред-Ривер от метисов Квебека и доказывает, что франкометисы Северо-Запада были не только не похожи на франкоканадцев, но и на франкометисов Квебека.

Примеров восприятия метисами индейских обычаев очень много. Приведем лишь некоторые из них. Так, подобно своим индейским предкам, метисы широко употребляли в пищу пеммикан, основным ингредиентом которого было бизонье мясо. Пеммикан был незаменим в экспедициях и путешествиях в далекие от фортов и факторий места. Преимущество пеммикана перед любым другим видом пищи (в том числе консервированной) заключалось в высокой калорийности и легкости веса. По свидетельству известного исследователя аборигенов Канады Стефансона, один фунт пеммикана равнялся по калорийности шести фунтам сырого мяса. Наконец, пеммикан было легко перевозить. Его упаковывали в кожаные мешки длиной в 30 дюймов (75 см), шириной в 20 дюймов (50 см), а толщиной всего в 4 дюйма (10 см). Такие мешки легко укладывались в каноэ. Команда лодки, состоявшая из трех человек, могла перевозить таким способом до двух тонн пищи⁴⁵.

Метисы развили и усовершенствовали унаследованные у индейцев способы охоты на бизонов, хотя и вносили в нее свои коррективы. Для равнинных индейцев, как известно, бизоны были основным источником существования. Охота на бизонов всегда считалась важным событием в жизни индейцев и обставлялась целым рядом обрядов и правил. Наряду со множеством заимствований у предков метисы выработали свои приемы охоты. Хорошо организованная и проводившаяся метисами с Ред-Ривер дважды в год охота на бизонов позволила им создать полувойсковые дисциплинированные отряды, которыегодились им также и для защиты территории Ред-Ривер от врагов, покушавшихся на стада бизонов. И у метисов сложился свой торжественный обряд. Пе-

⁴² Stanley G. F. Op. cit., p. 8—9.

⁴³ The Beginning..., p. 19.

⁴⁴ Giraud M. Op. cit., p. 312.

⁴⁵ Stefansson V. The Fate of the Land. N. Y., 1956, p. 180, 196.

ред началом охоты мужчины собирались на совет и выбирали главного охотника и других руководителей групп. Как правило, это были капитаны, под командованием которых находилось по 10 охотников. На совете назначались также охотники-разведчики. Нарушавшие установленный порядок и дисциплину подвергались строгому наказанию. В охоте, устроенной в 1840 г. в районе Форта-Гэрри и Грантаун, принимало участие 1600 чел. (в том числе женщины и дети), каждый из которых имел свое определенное задание⁴⁶.

Длительное совместное существование на Ред-Ривер англоязычного, франкоязычного и индейского населения вызвало к жизни особый диалект, своеобразную смесь трех языков. В нем было немало слов и выражений, встречавшихся только в Шотландии. Этим диалектом пользовались преимущественно англоязычные метисы, численность которых составила к 1870 г. 5 тыс. чел. В основном это были потомки выходцев из Шотландии и с Оркнейских островов, служивших у Компании Гудзонова залива. Диалект этот назывался Бангей или Банги. Помимо чисто шотландских слов и выражений в нем было также много индейских слов, заимствованных из языка кри. Например, слово «чиммук» (chimmuck) обозначало звук падающего в воду предмета⁴⁷. Франко-канадские охотники и франкометисы способствовали проникновению во французский язык Канады индеанизмов. Особенно много заимствований из индейских языков в топонимике Канады. Такие названия, как собственно Канада («деревня» на языке ирокезов и гуронов), Квебек, Онтарио, Майнитоба, Саскачеван, Хошеллага, Гаспе и мн. др., — индейского происхождения. Советский ученый-лингвист Е. А. Реферовская посвятила специальный раздел своей книги индеанизмам во французском языке Канады⁴⁸.

Интеграцию населения Ред-Ривер (а позднее — Саскачевана) стимулировали хозяйственные и политические интересы. На более ранней стадии, в конце XVIII — начале XIX в., в этом процессе существенную роль играла совместная охота франко- и англометисов на бизонов, требовавшая определенной организации и общих усилий, а в дальнейшем — борьба метисов против владычества на своей территории могущественной Компании Гудзонова залива, ее торговой монополии, против британской колониальной администрации, в период колонизации (с 60-х годов XIX в.) — против наступления капитала на земли метисов и индейцев.

Однако возникновение чувства солидарности благодаря определенной общности происхождения, истории и на почве единства интересов в борьбе за свои права с общим врагом у метисов обеих групп вовсе не означало исчезновения различий между франкоязычными и англоязычными метисами. Эти различия, касавшиеся прежде всего языка и религии, остались. Со временем, по мере углубления между метисами двух групп имущественной дифференциации, они приобрели классовый характер. Преимущество в этом отношении было на стороне англоязычных метисов, которым оказывала предпочтение британская колониальная администрация. Некоторые англометисы имели возможность получить образование в Англии. По возвращении в Канаду они занимали такие посты в Компании Гудзонова залива, которые были недоступны метисам-католикам⁴⁹.

Помимо различий между франко- и англометисами, связанных с этническим происхождением, в метисной группе существовали различия иного порядка. Они вытекали из особенностей хозяйственного уклада метисов, их быта, культурной среды. Различия этого рода четко прослеживаются при сравнении метисов колонии Ред-Ривер с метисами

⁴⁶ The Beginning..., p. 35.

⁴⁷ Ibidem, p. 238.

⁴⁸ Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972, с. 162—165.

⁴⁹ Salagnac G. Op. cit., p. 47.

дальних окраин Северо-Западной территории. Постоянное общение метисов Ред-Ривер с белым населением, переход к оседлости сопровождался приобретением ими новых черт культуры, а также утерей или ослаблением признаков, унаследованных от индейских предков. Напротив, метисы отдаленных западных районов, находясь в постоянном контакте с соседними индейскими племенами, тяготели к ним и в культурно-бытовом отношении. А на воспитание молодого поколения метисов определяющее влияние там оказывали индейские матери, причем семьи тоже были многодетными. Поэтому метисы Дальнего Запада в гораздо большей степени, нежели метисы с Ред-Ривер, сохранили черты, обычаи и навыки, свойственные аборигенному населению. Различия между метисами Ред-Ривер и метисами Дальнего Запада, по словам английского путешественника Ф. Грэхема, были столь же велики, как между «лондонскими кокни и горцами — охотниками на оленей»⁵⁰. Вполне естественно, что метисы бассейна рек Саскачеван и Маккензи чаще пользовались индейскими диалектами, чем метисы с Ред-Ривер и Ассинобойи. Чиновники компании отмечали меньшую воинственность метисов колонии по сравнению с их собратьями на Дальнем Западе. Они утверждали даже, что метисы Ред-Ривер утеряли навыки прирожденных воинов⁵¹. Однако восстания метисов полностью опровергли эти представления.

Наиболее яркое выражение чувство общности франкоязычных и англоязычных метисов нашло, пожалуй, в сознании метисами того, что именно они являются хозяевами своей земли. Это чувство, унаследованное ими от их индейских предков, обострялось по мере усиления притеснений со стороны Компании Гудзонова залива, принимая определенные черты правового сознания. У метисов появилось сознание своего права на свободу и независимость, права неограниченно пользоваться богатствами и дарами своей земли и отстаивать это право с оружием в руках. Они все чаще заявляли, что эти земли принадлежат им, поскольку ими издавна владели их предки-индейцы. Так постепенно у франко- и англометисов вырабатывалось чувство общности. Они стали называть себя «новой нацией»⁵². Д. Мак Галливрей писал еще в 1815 г.: «Метисы осмелели. Сейчас они составляют многочисленную расу, происходящую от связей канадцев (т. е. франкоканадцев. — Л. Ф.) и индейских женщин. Себя они считают хозяевами страны и земли. Их соседи прониклись чувством уважения к этим людям с гордым и независимым характером и называют их «свободными метисами с Ред-Ривер, единственными хозяевами земли»⁵³. Несовместимость правового сознания метисов с привилегиями компании служила почвой для вооруженных стычек с людьми компании и волнений метисов против колонизаторов, которые имели место в 1815—1817, 1821, 1826—1827 гг.⁵⁴ Однако особенно ярко проявилась политическая зрелость и солидарность двух групп метисов, заметно возросшее общее самосознание в 40-е годы. Стремление к освобождению от власти компании, четко проявившееся уже с 1846 г., можно считать внешним выражением общности обеих групп метисов. Именно тогда возникло движение за свободу торговли. Возглавили его англометис Джеймс Синклер и Жан-Луи Риль — отец будущего героя канадских метисов.

Новый этап борьбы метисов за сохранение своего этноса наступил в конце 60-х годов XIX в., когда после образования в 1867 г. доминиона Канада началась эпоха колонизации Запада канадской буржуазией. Колонизация не только угрожала разрушением традиционного уклада и культуры индейцев и метисов, не только лишением их земель, но и самому их существованию. В ответ на колонизационную политику канад-

⁵⁰ Giraud M. Op. cit., p. 1042.

⁵¹ Ibidem, p. 1042.

⁵² Giraud M. Op. cit., p. 902; Wade M. Op. cit., p. 394.

⁵³ Giraud M. Op. cit., p. 588.

⁵⁴ Wade M. Op. cit., p. 395.

ской буржуазии на Северо-Западе вспыхнули два восстания коренных жителей: в 1869—1870 гг. на Ред-Ривер и в 1884—1885 гг. в Саскачеване⁵⁵. Восстание на Ред-Ривер представляло собой национально-демократическое движение, возглавляемое Луи Рилем. Совместное отстаивание жизненных интересов всего населения края, несмотря на этнические, религиозные и расовые различия, явилось важным признаком возросшего самосознания метисов. Участие в восстании наряду с франкометисами и франкоканадцами шотландских и английских метисов обеспечило его длительность (оно продолжалось 10 месяцев). Единство действий франко- и англометисов способствовало успеху восстания, которое не только продемонстрировало стойкость этнического самосознания двух групп метисов, но и само явилось фактором процесса дальнейшей консолидации франкоязычных и англоязычных метисов, а также сближения двух этих общностей. В ходе восстания родилась первая провинция прерий — Манитоба. Правительство было вынуждено предоставить территории статус самоуправляющейся провинции, признать равные права французского и английского языка, право на существование католических школ, право собственности метисов и индейцев на землю. Восставшие заставили правящие круги считаться с собой, с решимостью сохранить свою этническую общность.

После подавления восстания наступил этап быстрого разрушения основ и условий существования традиционной культуры и хозяйства метисов. С такой же быстротой их земельные участки начали переходить к новым владельцам — переселенцам, потоком хлынувшим из Онтарио. Метисов стали изгонять с их земли⁵⁶. К тому же новая система деления земель на секции грозила полным уничтожением, гибелью сложившегося типа хозяйства и уклада жизни метисов. Поэтому с 70-х годов XIX в. начинается массовый исход метисов Манитобы на земли Саскачевана и Дальнего Запада⁵⁷. По мере продвижения границ колонизации дальше на Северо-Запад метисы вскоре и здесь, в Саскачеване, вновь столкнулись с теми же проблемами. Саскачеванское восстание 1884—1885 гг.⁵⁸ также превратилось в национально-демократическое движение народных масс, в котором слились три потока: борьба метисов, индейцев и белых поселенцев. Как и на Ред-Ривер, и в Саскачеване, застрельщиками восстания были франкометисы, а в ходе движения создано народное правительство на основе принципа равенства всех народов, было провозглашено образование Республики Северо-Запада. Особенностью второго восстания явилась активная борьба индейских племен под руководством Паундмейкера и Большого Медведя против резервационной политики властей. Однако в 1884—1885 гг. англоязычные метисы и белые поселенцы не хотели братья за оружие. Они были готовы поддерживать требования франкометисов на землю, но лишь мирными, конституционными средствами. Второе восстание на Северо-Западе привело к созданию еще одной провинции — Саскачеван.

События, происходившие на Северо-Западе в 1869—1870 и 1884—1885 гг., всколыхнули всю страну, приобрели в итоге общеканадский характер, обострив национальные противоречия франкоканадцев и англоканадцев.

⁵⁵ К 60-м годам XIX в. большую часть жителей Северо-Запада составляли индейцы и метисы. По подсчетам Луи Риля, в 60-х годах XIX в. «из 30 тыс. индейских воинов Северо-Запада треть составляли метисы» (*Ryerson S. Unequal Union. Toronto, 1968, p. 380*). По сведениям комиссара федерального правительства по делам индейцев Э. Дюдней, в прериях будущих провинций Саскачеван и Альберта в 60-х годах находилось около 12 тыс. индейцев и 15 тыс. метисов.

См. подробнее о социально-экономических предпосылках восстаний: *Тишков В. А., Кошелев Л. В. История Канады. М.: Мысль, 1982.*

⁵⁶ *Swankey B. Native Land Claims. Toronto, 1980, p. 10.*

⁵⁷ Дальним Западом считались земли, расположенные западнее Манитобы и находившиеся в ведении лейтенант-губернатора и совета, ответственного непосредственно перед Оттавой.

⁵⁸ См. подробнее: *Суанкей Б. Г. Дюмон. Восстание 1885 г. в Саскачеване. М.: Прогресс, 1980.*

Итак, в этническом отношении прерии представляли чрезвычайно интересный и своеобразный регион Канады и Северной Америки вообще. Именно здесь в ходе исторического развития края и этнических процессов в XVIII — середине XIX в. сложилась большая компактная группа метисов, возникшая в результате смешанных браков белых с индейцами. Матерями первого поколения метисов были женщины различных индейских племен: гуронов, алгонкинов, оттава, оджибвеев, кри-ассинобойнов, черноногих, кровавых, сарси, чиппева и др. Отцами являлись франкоканадцы — охотники, траперы, служащие Северо-Западной компании, а также переселенцы с Британских островов — шотландцы, англичане, а позднее англоканадцы, состоявшие на службе Компании Гудзонова залива. Соответственно сложились две группы метисов: франкоязычные метисы, исповедовавшие католицизм, и англоязычные метисы — протестанты. Это был первый период метисации на Западе. Новые этнические общности метисов уже не были ни индейскими, ни «белыми», они обладали чертами обеих культур. С первых десятилетий XIX в. в восточной части края, в колонии Ред-Ривер, начался новый этап метисации: браки заключались там между белыми и метисками. Позднее подобные смешанные браки стали распространенными западнее Ред-Ривер — в бассейне р. Саскачеван и на других землях Дальнего Запада. Для франкоязычных метисов, которые составляли большую часть метисов Северо-Запада, а также англоязычных метисов были характерны тесные контакты и добрые отношения с индейцами, на которых они оказывали большое влияние⁵⁹. Это подтверждается участием индейцев в восстании в Саскачеване под руководством Луи Рилья и других лидеров метисов.

Одна из особенностей этнических процессов на Северо-Западе в конце XVIII — середине XIX в. — ассимиляция франкометисами англومتисов и шотландских метисов.

В иерархии этнических общностей метисов существовали разные уровни. В сопоставлении, отношении с белым населением, в конфронтации с ним метисы обеих групп ощущали себя как единое целое, как белое население, особый этнос. Они называли себя «новой нацией»⁶⁰. Так же они воспринимались белыми жителями края («особая раса», «особый народ») и европейскими путешественниками и исследователями Запада, отличавшими метисов как от индейцев, так и от белых. Франкоязычных и англоязычных метисов объединяли образ жизни, независимый характер, жизнь на пограничной черте поселений, борьба за сохранение своего этноса. Особенно остро ощущалось единство двух групп в годы, предшествовавшие восстаниям, и во время восстаний, когда стоял вопрос о самом их существовании как народа. Метисы тогда особенно часто подчеркивали, что они представляют собой особый народ, особую нацию». Не случайно в 1884 г. на митинге повстанцев Рилья заявил: «Именно сейчас мы образовались как нация»⁶¹. После подавления восстания начался процесс разрушения традиционного уклада и культуры метисов. Восстания 1869—1870 и 1884—1885 гг., в которых основную движущую силу составляли метисы, сыграли важную роль не только в развитии этих этнических общностей, в их консолидации и укреплении самосознания. Эти восстания — ярчайшие события истории Канады, сыграли важную роль в формировании демократических традиций ее народа.

Однако в общении между собой франкоязычные и англоязычные метисы, отличавшиеся прежде всего языком и религией, дифференцировали себя друг от друга.

⁵⁹ Луи Риль говорил в своей речи в 1884 г. во время второго восстания на Северо-Западе: «... всем известно, каким влиянием среди индейцев пользуются метисы» (*См. указ. раб.*, с. 69).

⁶⁰ Giraud M. *Op. cit.*, p. 612; Wade M. *Op. cit.*, p. 394.

⁶¹ *См. указ. раб.*, с. 60.

Для понимания этнического самосознания метисов представляет интерес высказывание Луи Рилья. В своем последнем меморандуме, написанном перед смертью в тюрьме, Луи Риль писал так: «Иногда добрый и вежливый человек говорит какому-либо метису: „Вы совсем не похожи на метиса. В вас явно мало индейской крови. Любой принял бы вас за белого“. Огорченный метис, который гордится своим происхождением, судорожно ищет, что бы ответить. Про себя же он думает: ...почему нас должно волновать, в каком соотношении находится европейская и индейская кровь? Поскольку в нас течет та и другая, благодарность и сыновья любовь повелевает сказать нам: „мы метисы“»⁶². «Французское слово *métis*, — писал Риль, — происходит от латинского *mixtus* (смешанный). Оно хорошо передает смысл этого понятия. Английское выражение *half breed* (гибрид) подходило для первого поколения людей со смешанной кровью. Теперь же, когда европейская и индейская кровь смешиваются в самых различных пропорциях, оно уже не является точным. Французское слово *métis* передает суть этого смешения предельно точно»⁶³.

⁶² Цит. по: *Ryerson S. Unequal Union*, p. 379.

⁶³ *Ibidem*.

Ч. А. Бахышов

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

(по данным переписей 1897—1979 гг.)

Изучение этнодемографических процессов в регионах, отличающихся пестрым этническим составом населения, имеет большое научное и практическое значение.

Азербайджанская ССР является одним из таких регионов; ее населяют народы, говорящие на языках алтайской, индоевропейской и кавказской семей. Среди них численно преобладают азербайджанцы (78,1% по данным переписи 1979 г.), затем следуют русские (7,9%), армяне (7,9%) и лезгины (2,6%); другие народы составляют лишь 3,5% населения.

Надо отметить, что и в XIX в. этнический состав Азербайджана был весьма пестрым; помимо названных народов здесь жили таты, талыши, удины, крызы, будугцы и др.

Присоединение Азербайджана к Российской империи имело, несмотря на колониальный характер политики царизма, прогрессивное значение: оно способствовало вовлечению азербайджанцев в русло капиталистического развития, что в свою очередь ускорило процесс формирования азербайджанской нации. Этот процесс особенно усилился в конце XIX в. в связи с развитием капитализма и бурным ростом нефтяной промышленности в районе Баку. Консолидация азербайджанской нации в целом завершилась в конце XIX — начале XX в., но у некоторых этнографических групп (айрумы, шахсевены, падары, карапахахи и др.) самоназвания и специфические культурно-бытовые черты продолжали сохраняться длительное время. С присоединением Азербайджана к России произошли существенные изменения в его этническом составе. В Азербайджан прибыло значительное число мигрантов — армян, русских и других народов, что было вызвано главным образом промышленным развитием региона.

В данной статье предпринята попытка проследить динамику этнического состава населения Азербайджана примерно за 80 лет — 1897–1979 гг. Переписи населения, явившиеся для нас основным источником, предопределили выделение тех периодов, по которым рассматривается материал.

* * *

1897—1926 гг. Исходным рубежом для анализа динамики этнического состава населения Азербайджана могут служить материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г., весьма подробно характеризующей этнодемографическую ситуацию конца XIX в. К сожалению, полного представления об этнической принадлежности жителей эта перепись не дает. Во-первых, ею учитывалась не национальность (народность), а лишь родной язык. Во-вторых, азербайджанский язык в переписи был включен в состав «татарского», а азербайджанцы на-

Состав населения Азербайджана по переписям 1897* и 1926 гг. **

Народы	1897 г.		1926 г.			
	родной язык		народность		родной язык	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Азербайджанцы	(1117)	61,8	1468,8	63,5	1431,8	63,1
Армяне	(299)	16,6	284,4	12,3	278,8	12,3
Таты	91,3	5,1	30,5	1,3	73,9	3,3
Русские	87,9	4,9	220,6	9,5	254,4	11,2
Лезгины	63,7	3,5	37,3	1,6	68,3	3,0
Аварцы	35,0	1,9	19,1	0,8	18,3	0,8
Цахуры ***	7,4	0,4	15,6	0,7	7,4	0,3
Талыши	35,0	1,9	77,5	3,3	80,6	3,6
Грузины ****	(10,5)	0,6	9,5	0,4	10,7	0,5
Евреи	8,4	0,5	31,4	1,4	10,3	0,4
Курды	(5,4)	0,3	41,3	1,8	7,4	0,3
Украинцы	4,4	0,2	18,2	0,8	7,0	0,3
Другие народы	41,7	2,3	60,4	2,6	21,2	0,9
Всего	1806,7	100,0	2314,6	100,0	2270,1*****	100,0

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Спб., 1905, т. 61, с. 52—53; 1904, т. 63, с. 62; 1905, т. 69, с. 76—81; 1905, т. 71, с. 52—55; Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 60-летию Великого Октября. Баку: Азерб. гос. изд-во, 1977, с. 7.

** Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: ЦСУ СССР, 1929, т. XIV, с. 11—13, 26, 28—30.

*** В материалах переписи 1897 г. цахурский язык ошибочно учтен как даргинский.

**** В их число включены этнографические группы грузин, которые в материалах переписи 1897 г. указаны отдельно от грузин.

***** Без учета иностранных граждан, насчитывающих 44,5 тыс. чел., или 1,9% всего населения.

званы «закавказскими татарами» или «тюрками». Поэтому в число азербайджанцев вошли и татары, переселившиеся к этому времени в Азербайджан из Поволжья. Все это заставляет нас анализировать материалы переписи 1897 г. в сочетании с материалами переписи 1926 г., разумеется, в сопоставимых территориальных границах. Однако точный пересчет всех материалов переписи 1897 г. в границах 1926 г. практически невозможен, поэтому некоторые сведения о численности народов даны как оценочные (в таблицах они заключены в скобки):

Как видно из табл. 1, этноязыковый состав населения Азербайджана на 1897 г. был довольно сложным; кроме азербайджанцев, русских и армян значительную по численности группу (12,4%) составляли лезгины, аварцы, таты и талыши.

За период с 1897 по 1926 г., включивший годы первой мировой и гражданской войн, этнический состав населения Азербайджана заметно изменился. Прежде всего изменилась численность двух крупнейших после азербайджанцев народов: армян и русских. Численность армян в начале XX в. быстро увеличивалась вследствие и естественного прироста, и мигрантов, прибывавших из Армении и Грузии в Бакинский промышленный район, в города и сельские местности Азербайджана. Однако разжигание царизмом и местными буржуазными националистами вражды между армянами и азербайджанцами привело к обратным миграциям большого числа армян в Армению и Грузию. Значительная часть армянского населения была уничтожена в 1918 г. турецкими войсками, оккупировавшими многие районы Азербайджана и осуществлявшими по отношению к армянам (как и в Турции) политику геноцида. В результате доля армян в общем населении Азербайджана снизилась к 1926 г. на 25% по сравнению с 1897 г. (при общем росте населения Азербайджана за этот период на 26,5%).

Численность русских до 1913 г. увеличивалась также благодаря естественному приросту и миграциям, а с 1914 по 1920 г., по нашим подсчетам, несколько уменьшилась, что было связано с потерями в годы первой мировой и гражданской войн. Кроме того, вследствие националистической политики муссаватистского правительства в 1918—1920 гг. отдельные группы русских выехали из Азербайджана.

После победы Советской власти в Азербайджане (1920 г.) началось восстановление и развитие народного хозяйства, особенно нефтяной промышленности и связанных с нею отраслей. Это потребовало значительного числа рабочих и специалистов. В Азербайджан стали прибывать люди из разных районов страны. Приехало и много русских. Так, число лиц, назвавших родным русский язык, к 1926 г. увеличилось по сравнению с 1897 г. в 3 раза, а доля русских в общем населении выросла в 2,3 раза, достигнув 11,2%.

Одновременно, в результате процессов естественной ассимиляции, наблюдается уменьшение численности татов (по переписи 1897 г. они уступали лишь азербайджанцам и армянам) и аварцев (почти в 2 раза). Численность же лезгин и цахур изменилась мало. Численность других народов значительно выросла. Так, число лиц с родным талышским языком за 30-летний период увеличилось в 2,3 раза, что привело к повышению удельного веса талышей в населении Азербайджана. В дальнейшем включение талышей в общее русло социально-политической и хозяйственной жизни республики, а также широкое использование ими азербайджанского языка в качестве общеразговорного и литературного, ускорили их естественную ассимиляцию. Отметим, что в 1923 г. в границах Азербайджанской ССР были созданы две национальные автономные области: территориально отделенная от нее полосой армянского населения Армянской ССР Нахичеванская автономная область (в 1924 г. преобразована в АССР) преимущественно с азербайджанским населением (по переписи 1926 г. — 84,3%) и Нагорно-Карабахская автономная область, населенная главным образом армянами (по переписи 1926 г. — 89,1%).

1926—1939 гг. Заметное изменение этнической структуры Азербайджана произошло также за время между переписями 1926 и 1939 гг., но в этот период, в отличие от предыдущего, увеличилась численность большинства народов. Исключение составили курды, а также аварцы и цахуры, что объясняется ассимиляцией их азербайджанцами (часть цахуров, видимо, учтена в составе лезгин). Наиболее отличительная черта этого периода — резкий абсолютный и относительный прирост русских как следствие в основном массового притока их в Азербайджан в связи с отмечавшейся уже потребностью в промышленных кадрах. Доля русских в населении Азербайджанской ССР выросла с 9,5 до 16,5%¹. В результате этого доля большинства других национальностей, несмотря на увеличение их абсолютной численности, в той или иной степени уменьшилась. Последнее относится и к азербайджанцам, которые в этот период имели невысокий естественный прирост; кроме того, отдельные группы азербайджанцев переселились за пределы республики².

Некоторое увеличение в общей численности населения доли татар объясняется переселением их в Азербайджан из других районов. В 3 раза выросла численность лезгин. Это, видимо, связано с тем, что лезгиноязычное население, а также, возможно, и некоторые группы двуязычных лезгин, назвавшие в 1926 г. родным языком лезгинский, а себя азербайджанцами, в последующих переписях именовали себя лезгинами. Отметим, что в 1926 г. число лиц с родным лезгинским языком на 83% превышало численность лезгин по самосознанию. Очень незначительно повлияли на их численность миграционные процессы. В увеличении числа армян основную роль также играл естественный прирост, среднегодовые темпы которого за рассматриваемое время составили 2,6%. Но все же удельный вес армян в населении Азербайджана несколько снизился. У талышей показатели естественного прироста оказались заметно ниже средних по Азербайджану, что объясняется, вероятно, ускорением процесса естественной ассимиляции их азербайджанцами.

¹ См. Козлов В. И. Национальности СССР. М.: Статистика, 1975, с. 111.

² Отдельные группы азербайджанцев в середине 1930-х годов мигрировали в Среднюю Азию и Казахстан.

Народы	1926 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		Прирост населения за 1959—1979 гг.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Азербайджанцы	1468,8	63,5	2494,4	67,4	3776,8	73,8	4708,8	78,1	2214,4	88,8
Русские	220,6	9,5	501,3	13,6	510,1	10,0	475,3	7,9	-26,0	-5,2
Армяне	284,4	12,3	442,1	11,9	483,5	9,4	475,4	7,9	33,3	7,5
Лезгины	37,3	1,6	98,2	2,7	137,3	2,7	158,1	2,6	59,9	61,0
Аварцы	19,1	0,8	17,3	0,5	30,7	0,6	36,0	0,6	18,7	108,1
Цахуры	15,6	0,7	2,9	0,1	6,2	0,1	8,5	0,1	5,6	194,8
Евреи	31,4	1,4	40,2	1,1	41,3	0,8	35,4	0,6	-4,8	-12,0
Татары	10,0	0,4	29,6	0,8	31,8	0,6	31,4	0,5	1,8	6,1
Украинцы	18,2	0,8	25,8	0,7	29,2	0,6	26,4	0,4	0,6	2,3
Грузины	9,5	0,4	9,5	0,2	13,6	0,3	—	—	1,9	20,0
Таты	30,5	1,3	5,9	0,2	7,8	0,2	8,8	0,1	2,9	49,2
Курды	41,3	1,8	1,5	0,0	5,5	0,1	—	—	4,2	(3,8 раза)
Талыши	77,5	3,3	—**	—	—***	—	—	—	—	—
Другие народы	50,4	2,2	29,0	0,8	43,3	0,8	45,3	0,8	16,3	56,2
Всего	2314,6	100	3697,7	100	5117,7	100	6026,5	100	2328,8	63,0

* Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XIV, разд. Азербайджанская ССР, с. 11—13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., Азербайджанская ССР. М.: Госстатиздат, 1963, с. 134—139; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1973, т. IV, с. 263—275; Вестник статистики, 1980, № 10, с. 70.

** Численность лиц с талышским родным языком составила 10,6 тыс. чел.

*** Свыше 10 тыс. чел. считали родным языком талышский.

1939—1959 гг. Демографическая характеристика этого периода тесно связана с Великой Отечественной войной. Общая численность населения республики в годы войны снизилась. Это вызвано не только прямыми военными потерями, гибелью на фронте мужчин, но и ухудшением жизненного уровня всего населения, приведшим к некоторому повышению смертности и снижению рождаемости. Последнее в еще большей степени связано с мобилизацией в ряды Советской армии сотен тысяч мужчин. Особенно заметно действие этих факторов у сельского населения, около $\frac{3}{4}$ которого составляли азербайджанцы. Но, несмотря на последствия войны, обусловившие диспропорцию в половозрастной структуре населения, в послевоенные годы уровень рождаемости начал неуклонно подниматься, а уровень смертности — быстро падать. Благодаря этому уже в 1955 г. численность населения республики достигла довоенного уровня, а к переписи 1959 г. превысила его на 15,4%. Однако численность разных народов республики увеличивалась весьма неравномерно: у отдельных народов даже к 1959 г. она еще не достигала довоенной. Численность русских, несмотря на некоторый приток их в Азербайджан в течение этого периода, была в 1959 г. на 5,1% ниже по сравнению с 1939 г. В значительной степени это объясняется увеличением числа смешанных браков русских с азербайджанцами и другими народами. Особенно они участились в послевоенные годы, когда среди мигрирующих в Азербайджан русских преобладали девушки и дети от таких браков в основном принимали национальность отца.

Влияние этнических процессов, прежде всего процесса естественной ассимиляции, на изменение этнического состава населения было еще более значительным, чем в предыдущий период. Ассимиляция азербайджанцами народов шахдагской группы, татов, талышей и др. способствовала повышению абсолютной численности азербайджанцев и их доли во всем населении республики. Так, талыши в переписи 1959 г. и по следующим переписям назвали родным языком азербайджанский, а себя азербайджанцами. Однако часть талышей продолжала считать своим родным языком талышский. Среди народов Дагестана за этот период снизилась численность лезгин и цахур, главным образом в тех районах, где они жили чересполосно с азербайджанцами. В районах

где эти народы составляли большинство или значительную часть населения, наблюдался их прирост. Следствием естественной ассимиляции является также сильное сокращение численности курдов и татов. Численность остальных малых народов почти не изменилась.

Повышение уровня рождаемости и резкое снижение уровня смертности среди азербайджанцев, особенно в 1950-х годах, а также действие процесса этнической ассимиляции, привели к тому, что удельный вес азербайджанцев в населении республики резко увеличился, достигнув к 1959 г. 67,4% (в 1939 г. — 58,4%), при снижении удельного веса остальных народов, прежде всего русского. У армян в это время отмечен также высокий естественный прирост, но вследствие переселения значительной их части из Азербайджана в Армению и другие районы страны, численность армян в республике росла почти в 2 раза медленнее, чем численность азербайджанцев.

1959—1970 гг. В этот период роль демографического фактора в изменении этнического состава населения республики усилилась. Показательно, что именно в это время, особенно в начале 1960-х годов, уровень естественного прироста населения был самым высоким в истории Азербайджана. Общий прирост населения за период 1959—1970 гг. составил 38,4%. Однако под влиянием главным образом различий в уровне рождаемости у разных народов численность их росла очень неравномерно (табл. 2 и 3). Так, в 1959—1960 гг. рождаемость у русских была почти в 1,5 раза ниже, чем у армян, и в 2 с лишним раза ниже, чем у азербайджанцев. Уровень же смертности у этих народов был примерно одинаковым (6—10‰), поэтому различия в естественном приросте выступали еще отчетливее. Так, у русских естественный прирост был приблизительно в 3,5 раза ниже, чем у азербайджанцев. Следует отметить, что в этот период часть русских переселилась из Азербайджана в восточные районы Советского Союза в связи с начавшимся там крупным агропромышленным строительством.

В результате действия тех же факторов численность русских в Азербайджане за 1959—1970 гг. увеличилась всего на 1,8% (в целом по стране на 13,1%) и еще не достигла довоенного уровня. Численность армян за эти 11 лет заметно выросла, но все же их прирост был значительно ниже, чем азербайджанцев. В результате удельный вес армян в населении республики, отличавшийся на протяжении 1926—1959 гг. стабильностью, снизился с 11,9 до 9,4%. Численность лезгин и цахуров, сократившаяся в предыдущий период, а также аварцев с 1959 по 1970 г. увеличилась. У других народов уровень прироста был ниже среднего по республике.

Численность азербайджанцев благодаря их высокому естественному приросту за 11 лет выросла в 1,5 раза, а их доля в населении республики увеличилась с 67,4 до 73,8%, т. е. почти на $\frac{1}{10}$.

В демографической истории Азербайджана конец этого периода характеризуется сильным сокращением рождаемости и естественного прироста почти у всех народов, в том числе и у азербайджанцев. Основная причина этого — малочисленность поколений военных лет (1942—1945 гг.). Вступление этих поколений в брачный возраст сказалось в понижении рождаемости в середине 1960-х годов. Большое влияние на снижение рождаемости оказала урбанизация — доля городского населения республики увеличилась с 36% в 1939 г. до 50% в 1970 г., в том числе у азербайджанцев с 22,7 до 41,3%. В настоящее время горожане со-

Таблица 3

Динамика коэффициента рождаемости населения по основным народам Азербайджанской ССР (на 1000 чел.) *

Население	1959—1960 г.	1970—1971 гг.
Все население	41,5	29,2
в том числе:		
азербайджанцы	46,7	33,0
русские	22,4	15,1
армяне	34,4	17,5
другие народы	39,9	25,6

* Составлена по: Мамедов К. В. Рождаемость и ее факторы в Азербайджанской ССР. Баку, 1976, с. 32.

ставляют 53,5% населения. Городской образ жизни, новая система ценностей, вовлечение женщин в общественное производство способствовали распространению внутрисемейного ограничения числа детей. Большое значение имело также повышение уровня образования. Так, если в 1939 г. на 1000 жителей в возрасте старше 9 лет приходилось 113 с высшим и средним полным и неполным образованием, то в 1970 г. — уже 471 и в 1979 г. — 652 человека³.

У азербайджанцев рождаемость уменьшилась с 1959—1960 по 1970—1971 гг. почти в полтора раза (см. табл. 3). Особенно быстрыми темпами процесс снижения рождаемости и естественного прироста шел у армян. По этим показателям они в 1970 г. приблизились к русским. Подавляющее большинство армян жило в городах: в 1970 г. в одном только Баку насчитывалось 207,5 тыс. армян, т. е. 43% их численности в республике.

В 1970-х годах снижение рождаемости по существу приостановилось. Вызванное в известной степени посемейным планированием детности, продолжающимся и, возможно, усилившимся в 1970-е годы, оно компенсировалось вступлением в брачный возраст большого числа юношей и девушек, родившихся в послевоенные годы. Об этом свидетельствует рост показателя брачности населения Азербайджана с 6,8 на 1000 жителей в 1970 г. до 9,9 в 1979 г.

1970—1979 гг. В этот период в динамике этнического состава населения прослеживались те же тенденции, что и в предыдущем. Доля азербайджанцев в населении республики продолжала расти, а доля русских и армян снижалась из-за сокращения рождаемости и частично из-за миграции отдельных их групп. Среднегодовой прирост численности азербайджанцев уменьшился по сравнению с предыдущим периодом на 12%, но, поскольку заметно сократилась численность русских и (в меньшей степени) армян, доля азербайджанцев в общем населении выросла до 78,1%. В целом по стране рост численности азербайджанцев был более стабильным, чем других народов. Численность азербайджанцев с 1926 по 1979 г. выросла более чем в 3,2 раза, превывсив темпы роста большинства других народов Советского Союза.

Причины сокращения численности русских в 1970—1979 гг. уже указывались. Добавим лишь, что уровень их рождаемости и естественного прироста продолжал уменьшаться. Сокращение численности армян было связано в основном с миграцией их отдельных групп в Армению и другие районы страны. У армян, евреев, украинцев и татар также продолжалось снижение рождаемости. У лезгин и аварцев в период 1970—1979 гг. по сравнению с предыдущим периодом снижение среднегодового прироста было более значительным, чем у азербайджанцев, вследствие чего доля их в населении республики уменьшилась. Рост численности цахуров был выше, чем азербайджанцев, и их доля в населении республики немного увеличилась.

Следует отметить, что в изменении этнического состава населения Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской автономной области (табл. 4 и 5) прослеживаются те же тенденции, что и в республике в целом. Массовая миграция армян в 1939—1979 гг. из Нахичеванской АССР, в города Армении существенно сократила их численность. У азербайджанцев этой автономной республики, большая часть которых живет в селах ($\frac{3}{4}$ в настоящее время), отмечен высокий естественный прирост. Однако вследствие миграции в крупные города Азербайджана рост их численности несколько отставал от роста общей численности азербайджанцев в Азербайджанской ССР. В Нагорно-Карабахской автономной области с 1939 г. заметно сократилась численность армян. Это объяснялось как миграцией их из области, так и (особенно в период 1970—1979 гг.) сравнительно низким уровнем естественного прироста. У азербайджанцев Нагорно-Карабахской автономной области прирост населения в период 1970—1979 гг. был значительно выше, чем даже у азербайджанцев по республике, что объяснялось сохранившейся среди них

³ См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Азербайджанская ССР. М.: Госстатиздат, 1963, с. 21, 38.

Состав населения Нахичеванской АССР *

Народы	1926 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Азербайджанцы	88,4	84,3	127,5	90,2	189,7	93,8	230,0	95,6
Армяне	11,3	10,7	9,5	6,7	5,8	2,9	3,4	1,4
Русские	1,8	1,8	3,2	2,2	3,9	1,9	3,8	1,6
Другие народы	3,4	3,2	1,2	0,9	2,8	1,4	3,3	1,4
Всего	104,9	100	141,4	100	202,2	100	240,5	100

* Составлена по тем же материалам, что и табл. 2.

Таблица 5

Состав населения Нагорно-Карабахской автономной области *

Народы	1926 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Армяне	111,7	89,1	110,0	84,4	121,1	80,5	123,1	75,9
Азербайджанцы	12,6	10,1	18,0	13,8	27,2	18,1	37,2	23,0
Другие народы	1,0	0,8	2,4	1,8	2,0	1,4	1,8	1,1
Всего	125,3	100	130,4	100	150,3	100	162,2	100

* Составлена по тем же материалам, что и табл. 2.

традицией многодетности. В результате доля азербайджанцев в общем населении Нагорно-Карабахской автономной области увеличилась с 13,8% в 1959 г. до 23,0% в 1979 г.

Таким образом, несмотря на неуклонное повышение удельного веса азербайджанцев в населении Азербайджанской ССР, другие народы, прежде всего русские и армяне, составляют значительную часть жителей, особенно в городах. Ныне почти $\frac{9}{10}$ русских и армян и около половины азербайджанцев республики живут в городах; два первых народа составляют более $\frac{1}{4}$ всего городского населения, а в крупных городах удельный вес их еще выше. Многонациональный состав городского населения обуславливает рост числа межнациональных браков. Эти браки, являясь основным компонентом и фактором развития этнических процессов на современном этапе, оказывают существенное влияние на динамику численности и этнический состав населения. Однако основная роль в этом принадлежит демографическим факторам. Тенденций в формировании этнического состава населения, прослеживающиеся в исследуемое время, особенно в 1959—1979 гг., сохраняются, как нам представляется, и в дальнейшем, т. е. удельный вес в населении республики азербайджанцев будет расти, а русских, армян и других народов — уменьшаться. Но темпы этих изменений должны постепенно замедляться, так как уровень рождаемости среди азербайджанцев уже с середины 1960-х годов снижается. В то же время на этнический состав населения будет все более усиливаться влияние этнических процессов.

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА В ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ ОСЕТИНСКИХ КРЕСТЬЯН В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Изучение общественного быта народов в последние годы стало одним из важных направлений советской этнографической науки. Однако отдельные стороны этой сферы бытовой культуры, в частности досуг и формы его проведения, все еще недостаточно исследуются¹.

В специальной литературе досуг понимается как составная часть непроизводственной жизнедеятельности, в том числе общественного и семейного быта². Однако в таком определении, как верно отмечают Н. А. Миненко и Ю. Д. Анчабадзе³, содержится некоторая доля условности, так как досуг и труд далеко не всегда можно четко отделить друг от друга; нередко они тесно переплетаются, составляя органическое целое. В данной статье автор, используя этнографические материалы⁴, ограничивает свою задачу рассмотрением традиционных форм проведения досуга лишь в одной сфере — в общественном быту осетин, т. е. в системе народного управления, в некоторых важнейших обычаях общественного быта (взаимопомощь, гостеприимство), в народных праздниках. В данной статье рассматриваются также особенности проведения досуга, имевшие место в разных половозрастных группах.

В конце XIX — начале XX в. в общественном быту осетин, несмотря на развитие на Северном Кавказе в пореформенное время капиталистических отношений, сохранялись и полноценно функционировали многие институты патриархально-родового строя. Тесно связанные со всеми сторонами жизни осетинского крестьянства, эти традиционные институты оказывали немалое влияние и на формы проведения досуга, что подтверждается и имеющимися в нашем распоряжении материалами.

Большое значение в жизни осетинской сельской общины в рассматриваемый период имели сельские собрания — *нихасы* (досл. — слово, беседа, речь; так же называлось и место, где проходили собрания⁵), в которых участвовали взрослые мужчины — члены общины. Нихас обычно собирался под открытым небом, как правило, в центре села, в удобном для многочисленных собраний месте. Некоторые исследователи отмечали наличие у осетин в прошлом и крытых нихасов. П. Уварова, например, писала: «Проезжая аулом, замечаем плетеный навес, покоящийся на столбах. Под навесом местные жители... Это местный осетинский клуб или нихас»⁶. Помимо общесельского нихаса (*сайраг нихас*) существовали квартальные нихасы (*сыхы нихас*). Круг вопросов, обсуждавшихся на нихасе, этом, по словам И. Д. Канукова, «форуме аула»⁷, был чрез-

¹ В то же время в социологической и философской литературе проблемы свободного времени и досуга разрабатываются весьма активно. См., например: Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967; Гордон Л. А., Клонов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972; Болгов В. И. Бюджет времени при социализме. М.: Наука, 1973; Пименова В. Н. Свободное время в социалистическом обществе. М.: Наука, 1974; Бюджет времени сельского населения/Отв. ред. Патрушев В. Д. М.: Наука, 1979.

² Досуг — это часть вне рабочего времени, которая остается у человека после исполнения им обязательных непроизводственных обязанностей (например, передвижение на работу и с работы, сон, прием пищи и т. п.).

³ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1979, № 6, с. 31; Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 108.

⁴ В основу статьи положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок 1975—1979 гг. в осетинские селения всех географических зон Северной Осетии (горной, предгорной и равнинной), а также сведения, имеющиеся в дореволюционной кавказоведческой литературе.

⁵ См. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. Л.: Наука, 1973, с. 219.

⁶ Уварова П. С. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1887, с. 30—31.

⁷ Кануков И. В осетинском ауле. — В кн.: Сб. сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). В. 8. Тифлис, 1875, с. 14.

звычайно широк и касался всех сторон жизни как селения в целом, так и отдельных его жителей. Однако нихас представлял собой не только традиционный институт общественного управления осетинской общины, но и своеобразную форму проведения досуга взрослыми мужчинами села. «На нихасе, — писал З. Ванети, — обычно проводят свободное время члены общины (разумеется, мужчины). Если нет вопросов, требующих разрешения, то нихас служит для развлечения частной беседой. Это своего рода клуб под открытым небом»⁸. В мусульманских селениях⁹ мужчины собирались в свободное время не только на нихасе, но и во дворах мечетей, которые также представляли собой своеобразные «мужские дома». Часто здесь же решались и общинные вопросы.

Многие осетинские просветители писали о значении нихаса в общественной жизни осетин, называя его своеобразной горской школой. На нихасе, по словам М. Гуриева, присутствующие находили пищу для развития ума, языка, ловкости. При тогдашней горской действительности, когда в большинстве селений не было ни школ, ни клубов, когда почти никто не умел читать, нихас был лучшим местом для практического развития языка. Слушая лучших ораторов, стариков — рассказчиков преданий старины, присутствующие на нихасе накапливали богатый запас слов, красивых оборотов, воспринимали своеобразное мышление и взгляд на мироздание. Здесь исполнялись различные обрядовые и другие песни под аккомпанемент двухструнного фандыра. Около нихаса находилась кузня, где молодые люди наблюдали за работой, а иной раз принимали в ней непосредственное участие¹⁰. Сюда же, на нихас, часто приносили для ремонта мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Здесь устраивались своеобразные соревнования в работе на кожемялке, по ковке железа, переноске тяжестей и т. п., в которых мог принять участие каждый из присутствующих. В дни общесельских торжеств и празднеств нихасы становились местом проведения общественных пиров, выступлений народных певцов-сказителей, проведения состязаний молодежи в национальных видах спорта.

Созданные на Кавказе в пореформенное время царским правительством органы общинного управления в значительной мере заменили его традиционные формы. Роль нихасов, например, стали выполнять сельские правления. По традиции около них собирались мужчины селения в свободное от сельскохозяйственных работ время. Они собирались на площади у сельского правления (в непогоду и жару в самом помещении) и проводили время за различного рода беседами.

На нихасах, во дворах мечетей и сельских правлений, в кунацких, о которых речь пойдет дальше, часто проходили встречи-беседы с приезжавшими в селение гостями, с земляками — участниками войн: русско-турецкой 1877—1878 гг., русско-японской 1904—1905 гг., первой мировой, — с земляками, живущими вне родного селения, и т. д. Частым гостем на нихасе был сельский учитель — как правило, единственный образованный человек в селении. Подобные встречи в какой-то мере расширяли кругозор осетинских крестьян, в большинстве своем никогда не выезжавших за пределы родного края, знакомили их с новыми для них формами жизненного уклада.

Некоторые элементы досуга осетинских крестьян связаны с обычаем взаимопомощи (зиу), осуществлявшимся в самых различных жизненных ситуациях — во время сельскохозяйственных работ, при постройке дома, мельницы, ограды и т. п. Обычно в зиу участвовали не только родственники, но также соседи, друзья, односельчане. «Помещение строится... не им одним (хозяином — А. Д.), — отмечал С. Кокиев, — а по возможности и при участии всех яленов семейства, приятелей и друзей, охотно

⁸ Ванети З. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин. — Изв. Осетинского НИИ краеведения. В. 2. Владикавказ, 1926, с. 412.

⁹ Осетины-мусульмане в Северной Осетии в конце XIX — начале XX в. составляли около четверти всего населения.

¹⁰ См. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974, с. 226—227.

принимающих участие в этих случаях»¹¹. В конце XIX — начале XX в. трудовая взаимопомощь уже не была строго обязательной: в ней принимали участие обычно свободные от различных работ у себя в хозяйстве соседи и односельчане. Обычай зиу можно в значительной степени считать своеобразной формой проведения досуга, особенно на заключительном его этапе. Это, в частности, подчеркивал З. Ванети, писавший, что «зиу скорее напоминает торжественный праздник, чем утомительную работу, в нем польза коллективной работы счастливо сочетается с чрезвычайно радостным настроением его участников»¹².

Обычай взаимопомощи, собиравший множество участников и проходивший очень весело, заканчивался обильным угощением (*зиу уатта*), которое устраивал хозяин, пригласивший односельчан на зиу; порой угощение организовывали вскладчину сами участники зиу. Застолье сопровождалось песнями, танцами, играми молодежи, иногда пением народных певцов-сказителей.

Большую роль в общественном быту осетин, как и других народов Кавказа, играл обычай гостеприимства. Прибытие гостя было важным и приятным событием не только для семьи, принимавшей его, но и для всего селения в целом. «Гость — божий гость», — говорит осетинская поговорка. «И действительно, — писал К. Хетагуров, — при наших путях сообщения и всеместном разбросе попасть из одного ущелья в другое — равносильно явлению с небес»¹³. Весть о приезде гостя быстро распространялась по селению, и дом, где останавливался он, наполнялся народом. Родственники и односельчане хозяина считали своим долгом не только приветствовать гостя, но и участвовать в его приеме. Для приехавшего обязательно устраивали обильное угощение. Свято следуя закону гостеприимства, хозяин по этому случаю часто резал даже последнюю скотину. Пиршество, связанное с приездом гостя, вносило некоторое разнообразие в обычно скромное повседневное меню осетинского крестьянина. Осетинская поговорка: «По поводу гостя хозяин и сам угощается» как нельзя лучше отражает эту особенность быта. Застолье сопровождалось беседой, пением, танцами, иногда состязаниями подростков и молодежи в национальных видах спорта. Участие односельчан в приеме гостя не считалось обязательным и представляло своеобразную форму приятного времяпрепровождения мужчин данного селения.

Большую роль в общественной жизни дореволюционных осетин играл дом для гостей (*уазагдон*), в кавказоведческой литературе получивший название *кунацкой* (от тюркского *конак* — друг, приятель). В конце XIX в. уазагдон как специальное помещение для гостей уже не встречался. В это время в каждом доме кунцкой служила либо мужская половина дома (*лагты хай*), либо отдельная комната, носившая традиционное название уазагдон. Когда не было гостей, уазагдон использовался как место общественного сбора мужчин, заменяя им в непогоду и в осенне-зимний период *нихас*. «Здесь, — отмечала С. Анисимова, — хозяин с друзьями и знакомыми коротает длинные зимние вечера в рассказах о старых набегах, в передаче горных сказаний и охотничьих приключений»¹⁴. Уазагдон часто посещала сельская молодежь для различных бесед, пения, танцев. Верную характеристику кунцкой дал М. О. Косвен: «Она (кунацкая. — А. Д.) выступает вовсе не как гостевая в первую очередь, а как помещение для мужчин, в частности неженатой молодежи. И возможно, что в своей самой архаической форме так называемые „кунацкие“ представляют собой то, что хорошо известно этнографам под названием „мужского дома“ или „клуба молодежи“, или „клуба холостяков“»¹⁵.

¹¹ Кокеев С. Заметки о быте осетин. — В кн.: Материалы по этнографии при Дашковском этнографическом музее. В. I. М., 1885, с. 77.

¹² Ванети З. Указ. раб., с. 407; см. также Магомедов А. Х. Указ. раб., с. 214.

¹³ Хетагуров К. Особа. Этнографический очерк. — Собр. соч. в 5 томах. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 357.

¹⁴ Анисимова С. Кавказ. Спб., 1906, с. 80.

¹⁵ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 128.

Одной из интереснейших форм проведения досуга осетинским крестьянством было посещение больного или раненого (*рынчынфарсаг*). Касаясь в своем этнографическом очерке «Особа» этого обычая, К. Хетагуров писал: «Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит главным образом молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть веселыми, рассказывают сказки, играют на осетинском фандыре — небольшой двенадцатиструнной арфе, и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях»¹⁶. Собрания у постели больного не прекращались до тех пор, пока ему не становилось лучше. Таким образом, посещение больного и его развлечение также представляли собой своеобразную форму совместного проведения досуга различными половозрастными группами осетинских крестьян.

Неотъемлемой частью традиционной осетинской культуры были многочисленные народные праздники (*барагбонта*), которые подразделялись на общесетинские; местные, отмечавшиеся тем или иным селением; семейные¹⁷.

Народные праздники¹⁸, игравшие важную роль в общественной жизни осетин, были одной из форм коллективного проведения досуга. При этом мы исходим из традиционного определения праздника как свободного от работы времени, периодически воспроизводимого в жизни общества и заполненного специфическими обрядами и ритуалами¹⁹. Сущность праздника как развлечения, по справедливому замечанию Е. В. Аничкова, обнаруживается тогда, «когда праздник уже утрачивает свое социально-бытовое назначение. Тогда внимание сосредотачивается на нем самом..., на его собственном веселье и на его собственных признаках. Праздник переходит из „общего сознания“ в „сознание личное“, освободившееся от жизненных хозяйственных забот»²⁰. К этому следует добавить, что народный праздник превращается в общественную форму времяпрепровождения, отдыха и развлечения в тем большей степени, чем больше он освобождается от той религиозной оболочки, в которой он первоначально возник. Со временем различного рода обряды во многом утеряли свой первоначальный религиозный смысл и выполнялись лишь по традиции. Именно в таком виде существовали осетинские народные праздники в рассматриваемый нами период.

Праздники осетин, как и других народов, являлись важнейшим средством удовлетворения духовных потребностей трудящихся масс, одним из наиболее ярких проявлений их самобытной культуры. Они были прежде всего коллективным отдыхом от работы, сопровождавшимся застольем и различными развлечениями.

Важнейшим составным элементом осетинских праздников был общественный пир (*кувд*), который начинался с обряда жертвоприношения (*нывонд*). Празднества проводились, как правило, у святилищ (*дзуар*), находившихся недалеко от селений, длились обычно по несколько дней и проходили очень весело. Их сопровождали скачки, различные спортивные состязания, танцы молодежи, выступления народных певцов-сказителей.

Вызванные к жизни определенными социально-экономическими условиями, осетинские праздники и различные торжества (общесельские, семейные), а также рассмотренные выше формы проведения досуга бы-

¹⁶ Хетагуров К. Указ. раб., с. 359—360.

¹⁷ См. Миллер В. Ф. Осетийские этюды. Ч. I. М., 1882, с. 262.

¹⁸ Обрядовая сторона осетинских праздников нашла широкое освещение в работах дореволюционных и советских этнографов. См. например: Миллер В. Ф. Указ. раб.; Кожиев С. Указ. раб.; Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968; Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971; Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Ч. I. Тбилиси: Мецниереба, 1974; Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976.

¹⁹ См. Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. В. 1. М., 1837, с. 5.

²⁰ Аничков Е. В. Весенняя обрядная песня на Западе и у славян. Ч. II. Спб., 1905, с. 338.

ли не просто Антитезой будней, а несли в себе в первую очередь основу того, что Ф. Энгельс называл «культурными формами общения», которые в конечном итоге являются показателем социально-культурного развития общества²¹.

Непременной частью всех осетинских торжеств и праздников были скачки (*дугъ*), собиравшие, особенно когда на них присутствовали элементы джигитовки (*бахыл хъазт*), множество участников и еще больше зрителей. Это была самая популярная и приятная форма времяпрепровождения осетинского крестьянства (особенно мужской его части) в праздничные дни. Вот как описывала скачки газета «Терские ведомости»: «В ожидании начала скачек молодые люди танцуют, люди среднего возраста шумят и спорят, пожилые люди с увлечением говорят торжественные речи — вот характерные особенности убивания досуга в Осетии всеми, кто не придумал для себя иного способа утилизировать свободные часы»²². Завершались скачки награждением победителей и застольем, сопровождаемым пением мужчин и танцами молодежи. Все победители получали заранее назначенные призы. Но особенно ценилась слава хорошего наездника, которая давала победителю возможность участвовать в скачках, проводимых соседними народами — кабардинцами, ингушами, балкарцами.

Столь же обязательной частью традиционного досуга осетинских крестьян было исполнение различных сказаний, преданий и сказок, «которые для народа, не имевшего в прошлом письменности и письменной истории, — указывает В. И. Абаев, — заменяли все: и литературу, и историю, и школу, житейскую мудрость»²³. В этнографической литературе прошлого имеются сведения о специальных вечерах и даже праздниках, которые проводились в рассказах преданий, сказаний (центрального место занимал цикл сказаний о легендарных предках осетин — нартах), в пении и игре на музыкальных инструментах.

Рассмотренные нами выше формы проведения досуга в основном были характерны для быта мужчин, который в ряде проявлений отличался от быта женщин. Например, осетинский обычай запрещал женщине присутствовать на нихасе. Не были для них местом отдыха и кунацкие (уазагдонта) — по преимуществу «мужские клубы». Однако когда возникала необходимость развлечь приехавшего гостя, то в кунацкую собирали молодежь, в том числе девушек, для исполнения песен и танцев. Девушки участвовали также в празднествах и посещали больных. Что касается обычая взаимопомощи, то в осетинском быту были известны специальные женские зиу: женщины собирались для выполнения работ, требующих коллективных усилий, — мытье, расчесывание и прядение шерсти, валяние войлока, обмазка жилищ глиной и т. п. Такие встречи женщин давали им возможность общения и позволяли в какой-то мере отдохнуть от тяжких повседневных дел. Во время коллективной работы беседовали, а иногда пели песни. Конечно, подобную форму общения нельзя целиком считать досугом, однако некоторые его элементы в женском зиу, безусловно, имелись.

Известна такая форма досуга, как женские посиделки (*сылгоймаг бадан*). Вечерами, обычно в выходные дни, женщины собирались в чьем-либо доме, согласно установленной очередности (иногда постоянно в одном и том же), где и проводили время за беседой, различными развлечениями и совместной трапезой²⁴.

Некоторые различия в формах проведения досуга наблюдались также в возрастных группах. Молодежь имела больше свободного времени, чем старшее поколение, и формы проведения досуга у нее были более разнообразны. Особенно любила молодежь танцы (*кафт*). О большой

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 18, с. 216.

²² Н. С. В Осетии (на скачках в Ардоне). — Терские ведомости, 1894, № 49.

²³ Абаев В. И. Нартовский эпос. — Изв. Северо-Осетинского НИИ. Т. 10. В. 1. Дзуджикау: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1945, с. 10.

²⁴ См., напр.: Кокиев С. Указ. раб., с. 86; Цаллагов А. Селение Гизель (или Кизилка) Терской области. — В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 16. Тифлис, с. 9. Марков Е. Очерки Кавказа. Спб. — М., 1913, с. 165.

популярности танцев у осетинской молодежи многие литературные и полевые этнографические материалы. «Осетинская молодежь, — писал один из корреспондентов газеты „Терские ведомости“, — по обыкновению, затеяла танцы. Говорю по обыкновению, потому что, когда бы и где бы эта молодежь не сошлась, она придирается к первому случаю и танцует»²⁵. В каждом осетинском селении было место, где молодежь устраивала вечером танцы под аккомпанемент осетинской гармоник.

В осеннее и зимнее время молодые люди с этой целью собирались в чей-либо просторной кунацкой. Девушки должны были приходить на танцы в сопровождении близких родственников — молодых людей, или им покровительствовали старшие подружки. Часто на танцах, подзадоривая танцующую молодежь, присутствовали люди пожилого и старого возраста; старики иногда позволяли себе станцевать один-два танца с девушками. «Обычай позволяет в это время (во время праздников. — А. Д.), — писал Дж. Шанаев, — девушкам нарушать свою затворническую жизнь и своим участием оживлять увеселения; но это позволяется девушкам, но никак не женщинам»²⁶.

Устраивались танцы и на девичьих посиделках (*чызгон бадан*), которые были одним из самых любимых времяпрепровождений осетинских девушек. На эти посиделки собирались подружки, а иногда и все девушки квартала или селения. Обычно это происходило в длинные осенние и зимние вечера у одной из девушек или же у какой-либо одинокой женщины. На посиделках девушки занимались рукоделием, пели, делились новостями, устраивали танцы. Нередко сюда приглашались старые и пожилые женщины для гадания (*дасныфарсын*) и чародейства (*калан*); иногда девушки гадали сами. Бывало, что на девичьи посиделки приглашали молодых неженатых мужчин, что превращало посиделки в своеобразные вечеринки с танцами (*гастизар*), проходившие при обязательном присутствии старших женщин.

Аналогичную девичьим посиделкам роль выполняли групповые посещения засватанной девушки, пока она еще жила в доме своих родителей. В этот период девушки часто собирались у невесты не только с целью развлечения, но и помогали приготовить свадебные подарки родственникам ее будущего мужа. Распространенной формой проведения досуга осетинских девушек, а отчасти и молодых женщин, было также хождение в гости, особенно к предполагаемым невесткам своей фамилии, а также посещения роженицы или больной.

Специфические формы проведения досуга имелись и у осетинской мужской молодежи. Активное участие принимали юноши в различного рода зну. Так, бывало, например, при строительстве дома для товарища, решившего жениться, при очистке земельных участков от камней, рубке и доставке леса и т. п. Эти молодежные зну, так же как и общесельские, проходили очень весело и заканчивались всегда танцами, этим любимым развлечением осетинской молодежи.

В свободное время молодые люди собирались в определенном месте: в хорошую погоду — где-нибудь на окраине села или у кузницы, а в непогоду — в кунацкой. Особую роль кунацкой в жизни осетинской молодежи хорошо описал С. Кокиев: «В жизни холостой молодежи она (кунацкая — А. Д.) играет весьма важную роль: как только она свободна, сюда собирается молодежь, здесь происходят все интимные разговоры, невинные забавы»²⁷. Собираясь у кузницы, молодежь не только помогала кузнецу в его работе, но и устраивала различные игры, состязания в силу и ловкости. Вообще состязания в национальных видах спорта, проводившиеся на нихасе, у кузницы, а иногда и на специально устроенных для этого местах (своеобразных спортивных площадках), были непременным элементом досуга осетинской молодежи и подростков. Большое число участников и зрителей собирали состязания в борьбе (*хъабысай хацын*), поднятии тяжестей (*уаз исын*), перетягивании кана-

²⁵ Н. С. Указ. раб.

²⁶ Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин. — ССКГ. В. 4. Тифлис, 1870, с. 2.

²⁷ Кокиев С. Указ. раб., с. 78.

та (*бандан ивазын*) и других национальных играх²⁸. Молодежь была главным участником любимых осетинами скачек. Судили эти состязания обычно почтенные старики, хорошо знавшие все правила и бывшие некогда известными в селениях силачами, наездниками и т. п. Молодежи часто приходилось заглаживать свою спортивную честь не только на сельских и общеушельских праздниках, но и на общеосетинских торжествах, во время которых проводилось нечто «вроде олимпийских игр»²⁹.

В заключение следует отметить, что формы проведения досуга в общественном быту осетинского крестьянства в дореволюционный период не отличались особым разнообразием. Определенная дифференциация в этой сфере наблюдалась лишь применительно к разным половозрастным группам — формы проведения досуга у осетинской мужской молодежи были более разнообразными.

Досуг осетинского крестьянства в дореволюционный период имел и важные социальные функции. Это был не просто отдых. Встречи на ныхасе, в кунацкой, во дворах правлений, мечетей и т. п. способствовали активному взаимобмену различной информацией, опытом и знаниями. Указанные формы коллективного общения, способствуя передаче социального опыта последующим поколениям, играли важную роль в воспитании молодежи и усвоении ею кодекса осетинских обычаев (*ирон агьдаутта*).

Такие формы проведения досуга, важным элементом которых были пение и сказания стариков-сказителей, играли большую роль в сохранении и передаче устного народного творчества осетин. Многие из рассмотренных нами форм проведения досуга — участие в скачках, в состязаниях по национальным видам спорта и т. п. — выполняли важную задачу физического воспитания, которому в осетинском быту всегда придавалось большое значение.

Нельзя не отметить также, что формы досуга, характерные для общественного быта осетинского крестьянства к началу XX в., сохраняли традиционные черты. Это во многом способствовало сплочению сельской общины, регламентировавшей все стороны общественной жизни осетин.

²⁸ См. Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе: Ир, 1980.

²⁹ Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии. — В кн.: Сб. сведений о Кавказе. В. 1. Тифлис, 1871, с. 142.

Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева

МУЗЕЙ И СТУДЕНТ

**{к 100-летию Музея археологии и этнографии
Сибири Томского университета}**

Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета был основан в 1882 г.¹ Его история отражена в архивных материалах, хронике², газетных и журнальных заметках и статьях разных лет. В основание фондов музея легли коллекции Тобольских древностей художника М. С. Знаменского, а также этнографические экспонаты главным образом по русскому населению, пожертвованные музеем В. М. Флоринским³. Из последующих поступлений наиболее крупными являются коллекции по североамериканским индейцам И. П. Кузнецова,

¹ В момент основания музей назывался «Археологический музей Томского университета».

² В 1923 г. была начата хроника музея. В ней отражены основные события, связанные с деятельностью музея до 1934 г.

³ См. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Томск: Изд-во гос. ун-та, 1979.

ю тувинцам Г. П. Сафьянова (1888 г.), по какасам А. В. Адрианова (1907 г.), предметы ламантского культа, собранные А. Д. Весеневым (1908 г.), китайская коллекция, две шорские коллекции А. К. Иванова (1925—1932 гг.). Есть в музее также коллекции по алтайцам, сибирским татарам, бурятам, кетам, хантам, эвенкам, народам Амурского края, Средней Азии и Казахстана, корейцам, японцам. Всего к середине 1970-х годов в музее насчитывалось 2364 этнографических экспоната по народам СССР и зарубежных стран. Эти экспонаты — лишь часть фондов, содержащих свыше 200 тыс. археологических, 330 исторических и свыше 3000 нумизматических экспонатов. Кроме того, в музее имеются этнографические рисунки и более 4000 фотографий, многие из них сделаны художниками или учеными Сибири и отражают традиционную культуру народов региона.

С конца 80-х годов XIX в. начинается археологическое и антропологическое изучение древнего населения Сибири. От А. В. Адрианова и С. К. Кузнецова в музей поступила часть археологических материалов из Томского могильника и могильника у Архиерейской заимки⁴, а от Н. Ф. Кащенко в 1896 г. — из первой открытой в Сибири Томской палеолитической стоянки⁵. Кроме того, был обследован ряд пунктов в окрестностях г. Томска⁶ и издан первый каталог музея⁷. Антропологические экспонаты поступали от С. М. Чугунова и В. М. Флоринского⁸. В результате в кабинете антропологии при музее была собрана большая краниологическая коллекция (свыше 2200 экспонатов) по древнему и современному коренному населению Сибири⁹.

За прошедшие 100 лет можно выделить два периода особой активности учебной и научной работы студентов в музее — это 1920—1930-е и 1950—1970-е годы.

С 1923 по 1934 г. музей носил название этнолого-археологического. Как отмечено в «Хронике музея», до 20-х годов из-за отсутствия специалистов по археологии и этнографии он был «мертвым учреждением, попросту хранящим ценные материалы». В 1923 г. с назначением заведующим музеем доцента университета А. К. Иванова музей буквально ожил. В ноябре того же года была открыта выставка «Уголок Японии». Эта и последующие выставки — «Доисторическая жизнь Сибири» (1924 г.), костюмов сибирских народов и предметов культуры и быта индейцев (1924 г.) — способствовали активизации культурно-просветительской работы среди учащихся школ, студентов, широких слоев общества.

В этом же году на базе музея состоялось заседание студенческого кружка геологов и географов. Его председателем стал студент, сотрудник музея Л. М. Шорохов. Таким образом, было положено начало сотрудничеству музея и студентов. Сразу же был взят курс на широкое привлечение к этнографическим работам студентов — представителей коренных сибирских народов. Первое сообщение на заседании кружка было сделано студентом-алтайцем В. И. Тискинековым.

⁴ Отчет Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898, с. 94—98.

⁵ Кащенко Н. Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска. — Изв. АН, 1896, № 1; его же. О найденном в Томске мамонте, съеденном человеком. — Сибирский вестник, 1896, № 236; его же. К вопросу об одновременности существования человека и мамонта. — Тр. X Археологического съезда в Риге в 1896 г. Т. 1. М., 1896; Кузнецов С. К. Находка скелета мамонта со следами человека близ Томска. — Сибирский вестник, 1896, № 90.

⁶ Кузнецов С. К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, проведенных летом 1889 г. — Изв. Томского университета. Томск, 1890, кн. 2.

⁷ Археологический музей Томского университета. Томск, 1888; Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. Второе прибавление к каталогу Археологического музея. Томск, 1898.

⁸ Кузнецов С. К., Чугунов С. М. Случайная находка натуральной мумии в Томске — Сибирский вестник, 1889, №№ 104, 105; Флоринский В. М. Двадцать три черепа Томского Археологического музея. — Известия Томского университета. Кн. 2. Томск, 1890; Чугунов С. О натуральной мумии, найденной в г. Томске. — Изв. Томского университета. Кн. 2. Томск, 1890.

⁹ Краниологические коллекции кабинета антропологии Томского университета. Томск, 1979.

Начиная с 1924 г. студенты привлекаются к археологическим раскопкам и разбору коллекций. В 1924 г. они участвовали в раскопках исследований могильника Тоянов городок под руководством заведующего музеем А. К. Иванова и сотрудника Русского музея М. П. Грязнова. В этом же году коллекции музея изучал студент Иркутского университета Г. Ф. Дебеч.

В 1920—1930-е гг. при музее работал студенческий этнографический кружок. Его инициатором и руководителем был А. К. Иванов. Кружок, названный «туземным краеведческим», объединил около ста студентов—представителей различных народов, обучающихся в университете, практическом политехникуме, партшколе и технологическом институте. Основной целью его была подготовка к краеведческой работе. Студентам было прочитано несколько лекций по краеведению и сделано несколько сообщений об отдельных народах. Во время летних каникул члены кружка собирали этнографический материал среди своего народа по специально созданной программе и совершили экскурсию в одну из татарских деревень, расположенную в окрестностях г. Томска¹⁰.

Летом 1925 г. А. К. Иванов привез в музей крупную коллекцию предметов шорского быта, в разборе которой участвовали студенты-шорцы. В 1926 г. кружковцы вместе с научными сотрудниками музея подготовили и провели этнографический вечер, имевший большой успех. На вечере были прочитаны два научных доклада, исполнены национальные песни, показаны камлание шорского шамана и сцена из свадьбы «казах киргизов» — ввод невесты в юрту. Подобные вечера, проводившиеся так же и в последующие годы, неизменно пользовались успехом. На одной из таких встреч кружковцы пели хакасские, шорские, ойротские и другие песни певщице И. П. Яунзем, совершавшей турне по Сибири. Песни, записанные в музее, она позднее исполняла на своих концертах. Экспозиции, выставки и вечера привлекали в музей массу народа; так, с осени 1923 г. по октябрь 1926 г. в музее побывало около 90 тыс. человек.

В «Хронике музея» второй половины 20-х годов все чаще упоминается об участии в обработке этнографических и археологических фондов студентов разных факультетов — физико-математического (А. И. Школев, М. И. Козлов, И. И. Проскуряков), медицинского (А. Л. Батутина), биологического (С. И. Чернышева) и др. Среди них были люди, известные уже тогда или ставшие известными позднее. Так, в записях 1926 г. упоминается о работе в кружке студента технологического института Каныша Сатпаева — в будущем известного ученого-геолога.

В начале 1930-х годов музей был превращен в студенческую аудиторию. Здесь проходили занятия по этнографии студентов-североведов географического отделения. В 1934 г. он был переименован в «Музей истории материальной культуры». Тогда же открылась новая экспозиция «От первобытного коммунизма к классовому обществу», в создании которой участвовали многие студенты (М. К. Грузинский, Г. Я. Роятник, А. М. Милюков и др.). Это была новая форма их участия в музейной работе. Студенты помогали также обновлять экспозицию музея в 1937—1939 гг.

В 1941 г. членам исторического кружка Томского университета, возглавляемого К. Э. Гриневичем, было поручено подготовить к выставке этнографические коллекции по осякам (хантам) и североамериканским индейцам и археологическую из Тувы. На одном из заседаний кружковцы выступили с содержательными докладами о подготовке коллекций.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны здание главного корпуса университета, где помещался музей, было отдано под завод. Коллекции были свернуты, деятельность музея в военные и первые послевоенные годы фактически прекратилась. Но новые коллекции продолжали поступать. В их сборе большую роль играли и студенты. В 1944—1946 гг. под руководством К. Э. Гриневича студенты университета и института вели раскопки археологического памятника Басандайка

¹⁰ Газ. Красное знамя, 1925, № 74; Советская Сибирь, 1925, № 124.

г. Томска, а затем организовали выставку, на которой были представлены результаты этих раскопок. (Немалую роль в их проведении сыграл археологический кружок университета.) Непременными участниками комплексных экспедиций археологов, этнографов, лингвистов, антропологов, организовывавшихся Томским университетом и пединститутом во второй половине 1940-х и в 1950-е годы, были студенты-историки¹¹. Общее руководство этими экспедициями осуществлял А. П. Дульзон, в проведении археологических работ ему помогал заведующий музеем Е. М. Пеняев. Студентами-антропологами руководил связанный с музеем еще с 1930 г. Н. С. Розов, занимавшийся вопросами антропологии коренного населения Приобья.

Одной из важных задач комплексной экспедиции было обучение студентов-историков методам полевой работы (среди студентов этих лет будущий исследователь древнего населения Среднего Приобья В. И. Матющенко). Благодаря большому вниманию к методике полевых исследований студенты, прошедшие практику, могли самостоятельно составлять локальные археологические карты¹², проводить рекогносцировочные работы, руководить раскопками памятников местного типа¹³, составлять полевые описи.

С 1953 г. археологические работы и руководство археологическим кружком продолжает В. И. Матющенко, назначенный заведующим музеем. В конце 1950-х и начале 1960-х годов среди студентов-историков возрождается интерес к этнографии, что является заслугой исследователя селькупов Г. И. Пелих. Под ее руководством вновь создается этнографический кружок. Студенты активно участвуют в этнографических экспедициях, работающих среди нарымских селькупов и хантов, татар и карагасов Томской области.

В связи с 75-летием музея студенты-археологи организовали открытое заседание кружка. Было подготовлено шесть докладов по археологическим, этнографическим и нумизматическим фондам музея, их использованию в научных исследованиях. В помещении музея была открыта выставка из материалов фондов (постоянной экспозиции в то время не было), подготовлен фотоальбом по истории кружка.

С 1961 г. с введением в учебные планы обязательной практики по этнографии и археологии все студенты исторического факультета стали участвовать в полевой работе. Кроме того, студенты-археологи побывали в нескольких экспедициях А. П. Окладникова, М. П. Грязнова, М. М. Герасимова, С. С. Черникова. Они работали на Ангаре, в Забайкалье, в Туве и Хакасии.

И в настоящее время деятельность археологического и этнографического кружков университета тесно связана с музеем, при котором имеется хорошо подобранная библиотека специальной литературы. Сюда студенты приходят не только тогда, когда необходимо обратиться к коллекциям, но и для чтения литературы, подготовки курсовых и дипломных работ. Здесь проходят заседания кружков и научные конференции, проводятся консультации научных руководителей.

В плане работы студенческих кружков наряду с докладами, обзором новой литературы предусмотрены практические занятия для археологов по изучению петрографии и антропологии, которые проводят сотрудники геолого-географического и биолого-почвенного факультетов университета¹⁴.

¹¹ Пеняев Е. М. Отчет о работе летом 1950 г. Чулымской археологической экспедиции Музея истории материальной культуры Томского госуниверситета им. В. В. Куйбышева. — Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского гос. университета, № 118, с. 2.

¹² Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. — Сов. археология, 1950, XIII.

¹³ Пеняев Е. М. Указ. раб., с. 3.

¹⁴ Журнал работы научно-исследовательского студенческого кружка по археологии за 1957—1958 учебный год. — Архив музея археологии и этнографии Сибири, № 148.

Связь студентов с музеем еще более усилилась после создания в 1968 г. Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, куда музей вошел как составная часть под названием «Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета»¹⁵. Сотрудники лаборатории (этнографы и археологи) наряду с преподавателями кафедры истории СССР досоветского периода являются научными руководителями студенческих курсовых и дипломных работ, проводят практику со студентами — постоянными участниками их экспедиций. В 1964 г. с биолого-почвенного на исторический факультет были переданы коллекции антропологического кабинета, после чего занятия по антропологии со студентами-энтузиастами активизировались.

В 1968 г. была развернута новая экспозиция.

Студенты оказывают непосредственную помощь музею. Так, одной из основных задач их курсовых и дипломных работ, а также научных докладов на заседаниях кружка нередко является определение этнической принадлежности отдельных предметов этнографической коллекции. Внесли свой вклад студенты и в подготовку издания «Каталога этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета»¹⁶. Раздел «Ламаизм», например, написан А. Сагалаевым, бывшим в то время студентом университета. В ходе этнографической и археологической практики студенты нередко обрабатывают фонды музея или его архивы. Они участвуют и в художественном оформлении экспозиции, следят за ее техническим состоянием, проводят экскурсии по музею.

Ежегодно студенты выезжают в этнографические экспедиции и занимаются изучением культуры хантов, сибирских татар, хакасов, чулымских тюрков и русского населения Томской области. Наиболее подготовленные из них работают самостоятельно. В последние годы студенты-археологи участвуют в экспедициях по изучению древней истории населения бассейнов верхнего и среднего течения Оби и Томи, рек Чулыма, Тыма, Кети, Васюгана и Ваха, антропологи проводят свои работы среди тюркоязычного населения Юго-Западной Сибири. Полевые материалы продолжают поступать в архив музея и становятся источником для нынешних и будущих студенческих исследований.

Благодаря энтузиазму и терпеливому труду студентов Музей археологии и этнографии Сибири является в настоящее время крупным хранилищем материалов по истории как древнего, так и современного населения Западной Сибири. Накопленные материалы используются археологами, этнографами, лингвистами, фольклористами, историками, антропологами разных городов нашей страны.

¹⁵ См. об этом: *Лукина Н. В., Томилов Н. А.* О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. — Сов. этнография, 1971, № 6.

¹⁶ См. рец. в этом номере журнала.

В. Е. Гусев

НА ОКРАИНЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Подлинный заповедник традиционной народной культуры, Полесье влечет к себе археологов, этнографов, фольклористов, лингвистов. Материалы, собранные здесь, легли в основу многих научных публикаций на белорусском, русском, украинском и польском языках. И все же, как ни значителен фонд изданных и архивных материалов, современная наука нуждается в новых исследованиях этого региона. Не случайно с большим размахом и по новой программе ведется работа по подготовке

этнолингвистическое исследование атласа Полесья, для чего сюда регулярно направляются комплексные экспедиции под руководством Н. И. Толстого¹. Однако полевыми исследованиями охвачены в основном центральная и западная части Полесья (белорусско-украинское пограничье). Между тем, на наш взгляд, большой научный интерес представляет восточная его часть, а также сопоставительное изучение смежных с Полесьем районов, причем не только белорусских и украинских, но и русских.

В связи с исследованием проблемы взаимодействия культур восточнославянских народов мы предприняли в 1975, 1976, 1980 и 1981 гг. поездки в восточную, периферийную часть Полесья, в места, где сходятся границы трех братских республик (Лоевский и Ветковский районы Гомельской области Белорусской ССР, Новозыбковский район Брянской области РСФСР и Городнянский район Черниговской области Украинской ССР). Автохтонное население всего этого региона восходит к племенным союзам радимичей и северян (в области их непосредственного соседства), исторически наследуя традиции культуры древнерусской народности, точнее, той ее части, которая ограничивалась пределами Черниговского княжества. Долгое время этот регион находился под властью Литовского княжества и Речи Посполитой, после воссоединения Украины с Россией вошел в состав Северского края (с центром в Стародубе), затем неоднократно подвергался административным преобразованиям: до 1919 г. он входил в Черниговскую губернию, потом до 1927 г. — в Гомельскую губернию РСФСР. В 1927 г. часть его отошла к Полесской (Гомельской) области Белоруссии, часть — к Брянской области РСФСР. Все это обусловило сложный процесс развития местной народной культуры и взаимодействие в ней различных этнических элементов.

В настоящем сообщении мы поделимся главным образом наблюдениями, проводившимися во время последней поездки в Ветковский район Гомельской области². Он отличается некоторыми особенностями демографического и этнографического характера: наряду с белорусами здесь с конца XVII — начала XVIII в. проживают компактные группы русских переселенцев — старообрядцев и потомков украинских казаков; на востоке район граничит с Красногорским и Новозыбковским районами Брянской области.

Этнографа и фольклориста в Полесье и ныне поражает хорошая сохранность некоторых явлений традиционной культуры. Повсеместно новогодний праздник сопровождается колядованием женщин, подростков и детей, в некоторых местах (как в белорусских, так и в русских селах) — вождением «козы», однако без игр ряженных, под речитатив «Го-го-го, коза, го-го-го, серая» и т. д. Весьма богат репертуар «щедровок», или «щодр» — величальных песен, исполняемых во время обхода дворов. Так, в Ветке мы записали колядки «Сею, сею, посеваю, | С новым годом поздравляю» (сопровождалась бросанием зерна в дом через порог), «Ластовочка-щобетушечка | Под окенцем щebetала» (шуточное выпрашивание подарков и насмешка над скупым хозяином); вариант той же колядки записан в русском селе Тарасовке. Особенностью новогоднего праздника в русских селах являются разжигание костров, хождение вокруг них парами и даже в недавнем прошлом вождение хороводов («В каляды вóдять карагòд») ³ под песни «Вдоль по морю, морю сине-

¹ См.: Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М.: Наука, 1968; Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М.: Наука, 1978; Славянский и балканский фольклор. Обряд, текст. М.: Наука, 1981.

² В 1980 г. мы работали совместно с экспедицией Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии АН БССР под руководством К. П. Кабашикова, в 1981 г. — с фольклористом-музыковедом Ю. И. Марченко, который совершил повторную поездку по нашему маршруту в феврале 1982 г.

³ Местные говоры белорусов и русских близки, но отличаются от русского и белорусского литературных языков (см.: Макаенкова А. Ф. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973; *ее же*. Русско-белорусские языковые отношения. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978). В цитируемых высказываниях местных жителей мы воспроизводим их речь упрощенной транскрипцией. В текстах песен редукция гласных не обозначается, так как при распеве исчезает. Звук «г» всюду фрикативный, шипящие — твердые.

му», «Уточка луговая», «Велик туман по долине» и др. В настоящее время преобладают пляска под гармошку и пение частушек типа «Страдание», «Барыня», «Семеновна», «Сербияночка» («На ўлицы агонь запалим, вакруг агня бэгаем, паём») и т. п. К новогодней ночи приурочено и сжигание чучела «Старого года» (масленица теперь здесь не празднуется и масленичные песни не бытуют) ⁴.

Ю. И. Марченко, собиравший фольклор неподалеку в белорусском селе Бартоломеевке, также записал несколько колядных песен («Ой, рана, рана кúры запели», «Щодры-бодры, хазяин зладзёй» и др.); в отличие от русских сел, здесь известны и немногие масленичные песни, которые в сущности являются хороводными.

Наиболее полным и разнообразным репертуар колядок и «щодр» оказался в селах Казацкие Болсуны и Большие Немки (где проживают потомки запорожцев). Нами были записаны «Гэй, добры вёчор, гэй добрым людям», «Щодры-бодры, набіліся вёдры» (поется всей семье, дому), «А у Івана-пана ўмная жанá (хозяину и хозяйке), «На сiнем морé тeнёты тáнуть» («хлопцам»), «Хваліўся хлопéц да свайм канём» («хлопцу»), «Красная Гáлечка, расті скорэнька» (девушке), «Рáна-рáна куры папéли» (девушке) и др.

Но особенно обильно представлены в наших материалах сведения о весенних праздниках и приуроченный к ним песенный репертуар. Жительницы с. Большие Немки, женщины среднего возраста, от которых производились записи песен, заявили: «На ўлицы кáждую веснú паём». Первая весенняя песня в с. Казацкие Болсуны — «проталочная»: «А я ў барú вадú берú» (с ней молодежь выходит на «проталки» — просохшие склоны высокого берега р. Беседь). Особенно интересны здесь веснянки, или «гукальные» песни — заклички весны с «гуканьем», т. е. своеобразным громким протяжным восклицанием с повышением голоса на октаву в конце обрывающегося стиха («На морé ўтка купáла...[ся] У! На бережкú сушiла...[ся] У!») или без обрыва стиха, но с растягиванием последнего слога («Пасéю рóжу за гарóй, У!», «Салавéй, салавéй мой! Ой, салавéй мой маладóй У!»). Веснянки широко бытуют и в белорусских селах (исполняются с великдня пожилыми и молодыми женщинами): «Вясняначка, дзе твая дачкá Марэ́яначка», «Васiль, ты мой Васiлёчык», «Пасéю рóжу за гарóю», «Як над гаём зялёньким» и др. (записаны в Бартоломеевке). В русских селах веснянки менее известны.

Хороводы («карагóды», «танкi») водились в большинстве обследованных мест вплоть до Великой Отечественной войны, а хороводные песни и поныне исполняются женщинами не только старшего, но и среднего возраста, когда они собираются большими группами (в поле, на улице, за столом). Хороводам на русальную неделю у коренного населения предшествовал обычай, который здесь называется «водить стрелу» или «ховать (хоронить) стрелу». Он приурочен к «ушесцю» (вознесению), но никакой связи с этим церковным праздником не имел, а, напротив, сохранил весьма архаические черты древнеславянского аграрного обряда. Днем молодежь выходила на улицы села и рядами («шарункáми») направлялась за околицу, к полю с озимыми под пение песни «Як пушчú стралú да удóль сялá» (зачин в разных местах региона варьируется: «Як пушчу стралú да й па усéму селú», «Да й пашлá стрелá да и вдóль селá», «Да летi, стрелá, да и вдóль селá», «Ой, ишлá стрелá у канéц селá», «Да й пашлá стрелá удóль па ўлицы» и т. п.). Подобно веснянкам она поется тоже с «гуканьем». Приводим текст в нашей записи:

Як пушчú стралú да й удóль сялá

Ой, да удóль ся... У!

Як уб'е стралá да дóбра мóлайца

Ой, да дóбра молай... У!

⁴ Сведения эти сообщены Е. Д. Савченко (родилась в 1926 г. в с. Тарасовке, проживает в Ветке с 1960 г., учительница начальных классов), Е. О. Поповой (1913 г. р., проживает в с. Тарасовке, работает уборщицей в местной школе) и другими местными жителями.

Па тóм móлайцу нéкаму пла́каці
 Ой, нéкаму плака... У!
 Ма́ці ста́рэнька, сёстра ма́ленька
 Ой, сёстра ма́лень... У!
 Жа́на мо́лада, ка́ла го́рада,
 Ой, ка́ля го́ра... У!
 Дзе́ці дроб́ныя да усе ро́дныя,
 Ой, да усе́ родны... У!
 Дзе ма́тка пла́ча — там калóдзе́ц ста́йць
 Ой, там рэ́чки цяк... У!
 Дзе ся́стра пла́ча — там рэ́чки цяку́ць
 Ой, там рэ́чки цяк... У!
 Дзе жа́на пла́ча — там расы́ не́ма
 Ой, руча́йкі цяк... У!
 Дзе жа́на пла́ча — там расы́ не́ма
 Ой, там расы́ не́м... У! ⁵

В с. Казацкие Болсуны «Стрелу» поют и водят хороводы, когда «снётка» зацветает (съедобное растение — борщевик, снедок). Хороводы длятся всю весну, но сам обряд совершается один раз и приурочивается к осмотру полей во время начала колошения озимой ржи (на «ушэсце»). Тогда же последний раз исполняют «Стрелу». Когда все подходят к озимым, вперед выбегает украшенная цветами и лентами девушка, другие её догоняют, толкают, она падает, и все вместе качаются по ози-ми. Потом возле поля играют, водят хороводы и веселятся допоздна. Возвращаясь в село небольшими группами, несут с собой колоски, кото-рые, придя домой, втыкают над дверью.

В. с. Янове, по выражению местных жителей, «стралу́ вяду́ць за́ка-пываць у жы́та на ушэ́сце», тоже качаются по озими и закапывают в землю различные мелкие предметы под пение «Стрелы».

Павяду́ стралу́ да й удо́ль ся́ла
 Ох и ой лю́лю, да й удо́ль ся... У!
 Закапа́ю стралу́ да й у жы́цейка
 Ох и ой лю́лю, да у жы́цей... У!
 Ты ляжы́, страла́, да налё́тячка
 Ох и ой лю́лю, да налё́тяч... У! ⁶

Жительница этой деревни и исполнительница песни Л. Х. Исаченко (1920 г. р.) рассказывает: «Прыхóдзе ушэ́сце. Ну, ура́ни выта́пливаем пёчы, и часо́у у 11—12 са́бираю́цца ба́бы. Ну, идо́м па ся́лу, пе́ём. Папа́ём — пайдзе́м стралу́ за́капываць у жы́та. У жы́це — там хто валя́ецца, хто пера́кыдае́цца <...>. За́капываем стралу́ — ну, хто шпíльку, хто што <...> Кагда́ за́капывали — не галасíли, усе смя́ялись, ра́давалісь» ⁷.

В белорусском селе Бартоломеевке наряжали и «ховали в жите» не различные предметы, как в Янове, а «ляльку» (тряпичную куклу). Жи-гельницы с. Бартоломеевки рассказывают: «<...> пайдзе́м у́се па ву́лицы из кра́я у кра́й, и пя́ём „Як пушчу́ стралу́“, а тады́ другую́ за „Стра-ло́й“ — „Мы на сéна идо́м, мы на но́вае, на зялё́нае“ (У нас называ́ецца гэ́та „на сéна хадзі́ць“)». Заранее среди участниц обряда выбирают «па-на» и «паненку», которые соответствующим образом наряжаются: де-вушка, изображающая «пана», — в мужскую одежду, «паненка» —

⁵ Записана в с. Казацкие Болсуны от М. К. Хвостовой (1907 г. р., доярка), Е. О. Глушаковой (1930 г. р., работница совхоза), П. Н. Мельниковой (1913 г. р., колхозница).

⁶ Магнитофонная запись Ю. И. Марченко, расшифровка текста моя. Фонограммархив Ин-та русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ), ЭР 1982, Гом., кассета 5, запись 3.

⁷ Магнитофонная запись Ю. И. Марченко, расшифровка моя. Фонограммархив ИРЛИ, ЭР 1982, Гом., кассета 10, запись 6.

в праздничное платье (голову украшают венком, лентами). Оба идут впереди толпы, в руках «паненки» — коробка с куклой. Обойдя все село, останавливаются у поля с озимыми и составляют круг, в центре которого находятся «пан» и «паненка». Под песню-балладу «Пана пания неужлибила» водят хороводную игру. Затем одна из женщин выкапывает ямку в поле, в которую под песню «Пісенька (!) мая маленькая | Схавайцябэ к налётэй[ку]» хоронит куклу, а затем причитает над ней, прощаясь до следующей весны:

Лялечка мая мiлая,
Да схавала я цябэ к ушэсцейку;
К ушэсцейку, к налётэйку,
Ка такóму врэмю як сёлета.
Прыду к табé з сахóю
Да бóду гаварыць з табóю,
Мая мiленькая лялечка,
Ой, ой, ой! ⁸

Похоронив «ляльку», возвращаются в село под песню «У лóзи, у лóзи, калиница стаяла». В Бартоломеевке, попрощавшись с весной, веснянки больше не поют. Собираясь вечерами, исполняют другие песни — «Лето», или «Ладун» (название по припеву: «Па вóлицы, па вóлицы | Ладун, ладун, па шырбай») ⁹.

В некоторых селах Белоруссии на юго-востоке Гомельской области, в Лоевском районе, граничащем с Украиной (например, в с. Держачи) в 1920—1930-е годы «стрелу водили» к заповедной дубовой роще на берегу Днепра, причем сходилась молодежь и из соседних, белорусских и украинских сел ¹⁰.

В Брянской области РСФСР «стрелу» водили не на вознесенье, а на «Юрия» (весеннего Егория) и закапывали в землю ленточку, которую тоже называли «стрелой» ¹¹. Однако характерно, что в русских селах (бывших старообрядческих слободах) «стрелу» никогда не водили, воспринимая этот обычай как «грех», и названную песню не пели, хотя весенние хороводы и прекрасные хороводные песни здесь бытовали (их хорошо помнят и исполняют поныне). Заметим, что обычай вождения «стрелы» удерживается (не как массовое явление и спорадически) кое-где до настоящего времени (Бартоломеевка, Казацкие Болсуны, Яново и др.) и известен даже в селах, где хороводы давно не водят (например, в с. Большие Немки). Древнее магическое назначение качания женщин по земле (по озимым) как акта, способствующего плодородию земли ¹², забыто местными жителями, и ему иногда дается иное объяснение: «Бабы па жыту покачаюцца, штóбы спiна не устала пасля карагóда» ¹³. Чаще же вождение «стрелы» в целом осмысливается как обряд, предохраняющий урожай и людей от стихийного бедствия (гроза с градом, засуха). Многие специально опрошенные нами крестьяне говорили: «Каб маланка не убiла», «Кабý увесцi гразý на лéто ад дзерзýни», «Каб жыта не згарзла» и т. п. В. И. Елатов, записавший «Стрелу» в Климовском районе Брянской области, сообщает еще одну интересную деталь: исполнители имитируют обход нищими дворов и сбор подаяния, как в белорусско-украинском волочевом обряде. Что же касается захоронения «стрелы», то и там, по толкованию местного населения, оно «должно якобы

⁸ Записано от жительницы с. Бартоломеевки Т. Е. Жуковой (1929 г. р., колхозница).

⁹ Ср. описание обряда в с. Бартоломеевке в статье: *Кабашнікаў К. П., Барташэвіч Г. А. Аб выніках фальклорнай экспедыцыі у Гомельскую вобласць.* — *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, Мінск, 1980, № 5, с. 137—138.*

¹⁰ Свидетельство местного старожила, заведующего сельским клубом В. К. Скидана (беседа от 13.VIII.1980).

¹¹ Последняя деталь зафиксирована в кн.: *Елатов В. И. Песни восточнославянской общины.* Минск: Наука и техника, 1977, с. 33.

¹² См. *Зеленін Д. К. Східнослов'янські хліборобські обряди качання і перекидання по землі.* — *Етнографічний вісник.* Київ, 1927, кн. 5, с. 1—10.

¹³ Свидетельство жительниц с. Казацкие Болсуны. Здесь женщины «качались» не только когда «ховали стрелу», но и после хороводов, возвращаясь в село.

предохранить от молнии всех участников этого обряда». Однако сам В. И. Елатов приводит мнение «многих фольклористов» (?), будто песня отражает «существование у славян охотничьего уклада»¹⁴. Думается, что мотивы убийства молодца и обильных слез (символика жертвы и влаги, питающей землю), качания женщин по ози́ми, захоронение в поле озимой ржи «стрелы» — девушки, куклы или девичьей ленты — свидетельствуют о несомненной аграрной семантике обряда, в котором продуцирующая и карпогоническая магия осложнены магией охранительной (отвод грозы). Знаментально, что на наш вопрос, почему именно о стреле идет речь в песне, одна из исполнительниц молча, выразительным жестом показала на небо (во время записи за окном шел дождь) и затем тихо упомянула о молнии, тем самым раскрыв смысл метафоры и закликательную функцию песни¹⁵.

По наблюдению Ю. И. Марченко, формульный напев «Стрелы» отличается от формульных напевов хороводных песен, однако на тот же напев записаны и некоторые другие песни, сопровождавшие хождение молодежи по деревне (напр., «Мы на сѣна идѣм, мы на нѡвае») ¹⁶. Тем самым устанавливается как общая для ряда песен сигнальная функция «Стрелы» («походная», или «сборная» песня), так и специфическая, магическая, присущая только ей одной. Мы сочли необходимым ознакомить читателя с полевым материалом, относящимся к этому обряду, поскольку в научной литературе целостное описание его дается редко, а качание женщин по земле отмечено лишь как пережиточное явление, встречавшееся в некоторых южнорусских губерниях и на Западной Украине в конце XIX — начале XX в.¹⁷

Из других календарно-обрядовых песен в обследованных местах записано много жнивных, меньше русальных («градные»), купальских, покосных, конопельных, прополочных и песен, сопровождавших уборку льна.

Очень хорошо и охотно исполняются свадебные песни, однако во многих местах сам традиционный обряд разрушен. Характерно, что при исполнении всегда (для собирателя) точно указывается приуроченность песни к тому или иному эпизоду свадебного обряда. В отличие от календарных песен, общих для всех групп местного населения (белорусов, русских, украинцев), репертуар свадебных песен очень разнообразен и различается не только в разных этнических группах, но и в отдельных селах одного района (общая схема обряда и последовательность эпизодов сохраняется везде). Особенно своеобразным оказался цикл свадебных песен у потомков казацких переселенцев: из двадцати с лишним песен, записанных в с. Казацкие Болсуны, только три совпали с песнями, записанными в соседних районах Брянской области (всего свыше 40 сюжетов), т. е. доля совпадений в этом селе составляет одну седьмую, а для брянских сел — одну четырнадцатую¹⁸. Песенный репертуар свадьбы в русских селах Белоруссии относительно беднее, чем в белорусских.

Из других бытующих обрядов отметим похоронные и поминальные. Мы были свидетелями похорон в с. Казацкие Болсуны. В течение всего времени, пока процессия двигалась по улицам села за телегой, на которой находился открытый гроб с телом покойницы, шли пожилые женщи-

¹⁴ Елатов В. И. Указ. раб., с. 33.

¹⁵ Жительница с. Янова Л. Х. Исаченко сказала об этом еще определеннее: «Кажуць: стола — як хмары ідуць, так маланка» (Фонограммархив ИРЛИ, ЭР 1982, Гом., кассета 10, запись 6).

¹⁶ В с. Бартоломеевке таких песен записано 4, в с. Казацкие Болсуны — 9, в с. Янове — 6 и т. д.

¹⁷ См. Сколова В. К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979, с. 114. С. М. Толстая по материалам экспедиций Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР сообщает, что качание женщин известно и в центральном Полесье, где оно или связано с первым громом, или совершается «на Юрия, либо в дождь» (письмо автору от 29.X.1981).

¹⁸ Нами учтены публикации в кн.: Свитов К. Песни Брянской обл. М.: Музыка, 1966, и материалы экспедиции Московской консерватории (под руководством Н. М. Савельевой), хранящиеся в Кабинете народной музыки.

ны и причитали. Покойница была одета в белое платье, повязана белым платком, обута в плетеные с цветным орнаментом лапти. На сельском кладбище у могилы после краткого надгробного слова причитания возобновились, причем одиночные причеты сменялись групповыми. Одновременно с похоронами на другой могиле совершались поминки: могила была покрыта скатертями, и собравшиеся вокруг нее родственники ели и пили, а несколько женщин причитали; кресты на сельском кладбище перевязаны искусно расшитыми рушниками и цветными лентами. После похорон все отправились к родным умершей на так называемый «горячий обед».

Особый интерес представляет судьба баллад в пограничном регионе, поскольку ведется систематическое исследование этого жанра в Полесье¹⁹. Мы не имели возможности специально и повсеместно опрашивать исполнителей по перечню сюжетов, составленному Ю. И. Смирновым, но думается, наш материал важен для установления круга сюжетов, *бытующих* в настоящее время на периферии белорусского Полесья. Поэтому приведем сюжеты записанных нами в 1980 и 1981 гг. баллад: «Жылі-былі нявёрныя людзі» («Юрий и цмок»), «Цечэ рэчэнька невялічэнька» (замужняя дочь прилетает домой кукушкой), «Як па трауцы па мурауцы» (молодец загадывает девушке три загадки), «У калодзезі дзеўка вóду бра́ла» (девушка тонет, но не соглашается выйти замуж за нелюбимого), «Ёхалі салда́ты са слў́жбы да́дóму» (заманили девушку и сожгли ее), «Зялёны дубóчык на га́й похі́ліўся» (влюбленные не могут пожениться и превращаются: он — в терн, она — в калину), «Как пайду́ я в лес па дрóвы» (мать узнает по завядшей ветви о гибели дочери на чужой стороне), «Выпрауля́ла ма́ці сы́на у салда́ты» (свекровь закликает невестку стать «тополиной»), «А у по́лі берэ́за, а ў по́лі кудря́ва» (мать отравила невестку и сына), «Па́ня па́на неузлю́била» (жена погубила нелюбимого мужа), «А в по́лі азё́рушка, там пла́вала судёнышка» (казак любит замужнюю женщину, тонет в Дунае), «Ой, на рэчу́шки на Во́лги» (контаминированный вариант сюжета «Черноморец тонет» — муж тонет, жена не может его спасти), «Як с пад ка́меня ка́меністага» (ревнивый муж губит жену), «Ехал мй́лай ой с До́ну да до́му» (муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле), «Запалю́ я ку́ль са́ломы» (жена притворяется умирающей, чтобы узнать правду). Как следует из этого перечня, в регионе бытует не менее пятой части общего сюжетного состава баллад, записанных в Полесье²⁰, причем преобладают баллады новеллистические, на семейно-бытовые сюжеты.

Весьма популярны и многочисленны традиционные лирические песни и романсы, частушки и припевки. В репертуаре мужчин хорошо сохраняются казачьи и солдатские песни, некоторые песни гражданской и Великой Отечественной войн (например, в прекрасном многоголосом исполнении мужского ансамбля в с. Мохов, Лоевского района).

Сопоставление собранного материала с публикациями и исследованиями полесского фольклора (работы З. В. Эвальд, З. Я. Можейко, В. И. Елатова, К. Т. Пашенко, Ю. И. Смирнова и др.) позволяет сделать предварительный общий вывод о том, что, будучи своеобразным явлением, фольклор смежных с Полесьем районов вместе с тем содержит немало элементов, общих с полесской традицией. Представляется важным в этногенетическом и в культурологическом аспектах рассмотреть границы распространения некоторых специфических полесских явлений в восточном направлении, что потребует в будущем координации полевых исследований и проведения их по единой научной программе. При этом, на наш взгляд, важно не только вести исследования ретроспективным методом с целью реконструкции древнейших слоев народной куль-

¹⁹ См.: Смирнов Ю. И. Эпика Полесья. — В кн.: Славянский и балканский фольклор..., 1978, с. 219—269; *его же*. Эпика Полесья (по записям 1975 г.). — В кн.: Славянский и балканский фольклор..., 1981, с. 225—268.

²⁰ Это соотношение минимально, поскольку наш перечень не включает тексты, возможно записанные другими фольклористами в разных районах региона.

туры, но и предусмотреть синхронное изучение современного состояния фольклорной традиции, не ограничиваться сбором материала в процессе опроса людей старшего поколения, но и вести непосредственные наблюдения над бытующими явлениями, чтобы представить в конечном счете реальную картину современного состояния живого фольклора. Наконец, наряду с исследованием собственно фольклорной традиции не менее существенное значение приобретает изучение процесса освоения фольклора современной массовой художественной самодеятельностью, т. е. весьма характерного для советской культуры вида фольклоризма. Во время полевой работы мы уделяли последнему не меньше внимания, чем сбору фольклорно-этнографического материала, и получили чрезвычайно интересные, подчас неожиданные сведения о соотношении песенного репертуара фольклорных ансамблей при сельских клубах с местной фольклорной традицией, о характере отбора и исполнения произведений, а также об обратном воздействии систематически проводящихся в регионе смотров художественной самодеятельности и специальных фольклорных фестивалей на состояние фольклорной традиции²¹.

²¹ См. Гусев В. Е. Взаимодействие фольклорных традиций в художественной самодеятельности.— Народна творчість та етнографія. Київ, 1982, № 4.

М. В. Крюков

КУЛЬТУРА ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ВЫСТАВОЧНЫХ ЗАЛАХ ЯПОНИИ

13 ноября 1981 г. в художественной галерее Сэйбу в Токио открылась советская археолого-этнографическая выставка «Кочевые народы Евразии»¹. В первой половине 1982 г. она была показана в Нагоя, Асахиказа, Сэндае, Окаяма, Осаке, Киото. В дальнейшем ее увидят еще в десяти городах Японии.

Идея создания этой выставки возникла несколько лет назад. Инициатива ее организации принадлежит Японской Ассоциации культурных связей с зарубежными странами, которая постоянно проводит большую работу по налаживанию и расширению научных и культурных контактов между Японией и Советским Союзом. Вклад Ассоциации в дело укрепления добрососедских отношений между нашими народами был высоко оценен: президент этой общественной организации д-р Мацумаэ был удостоен ордена Дружбы народов. Весьма плодотворной была за последние годы деятельность генерального секретаря Ассоциации К. Сугимори и других ее активистов. Важным аспектом многогранной деятельности Ассоциации является организация советских выставок в Японии. В частности, в 1979—1981 гг. там с большим успехом прошли палеонтологические выставки, подготовленные Академией наук СССР.

Предложение провести в различных городах Японии советскую археолого-этнографическую выставку учитывало значительный интерес, проявляемый в этой стране к развитию в СССР гуманитарных, и в частности исторических, наук. Так, в послевоенные годы повышенным спросом читателей неизменно пользуются переводы важнейших советских публикаций и исследований по археологии, этнографии и истории культуры. Среди многочисленных японских специалистов, знакомящих широкий круг японской общественности с новинками советской научной литературы, мне хочется отметить крупного знатока археологии и этно-

¹ Выставка Академии наук СССР «Кочевые народы Евразии». Каталог. Токио, 1981 (на яп. яз.).

Рис. 1. Церемония открытия выставки в г. Нагоя

графии Средней Азии проф. Ё. Каяма. Ему принадлежит, между прочим, самое значительное в Японии собрание работ по Средней Азии и Казахстану на русском языке. В 1979 г. был опубликован каталог этого ценного собрания, насчитывающий 3623 названия². Перу проф. Каяма принадлежит ряд исследований по древней истории этого региона³.

В этой связи нельзя не отметить также активную научную деятельность проф. К. Като, знатока русского языка и этнографии народов СССР (прежде всего Сибири и Средней Азии). Являясь одним из руководителей Японского национального этнографического музея в г. Осака⁴, проф. Като немало сил и времени отдает переводам на японский язык работ советских ученых. Его заслуги в популяризации достижений нашей науки исключительно велики; они получили высокую оценку в его собственной стране и за рубежом. Достаточно сказать, что за свою книгу о выдающемся советском востоковеде Н. А. Невском⁵ он был удостоен премии Д. Орасаги. По инициативе проф. Като в Японском национальном этнографическом музее была создана экспозиция по народам Средней Азии и организован обмен коллекциями с Институтом этнографии АН СССР. Профессор Като был приглашен Японской Ассоциацией культурных связей с зарубежными странами в качестве главного научного консультанта советской выставки в Японии, посвященной проблемам истории культуры кочевых народов Евразии.

С советской стороны организатором этой выставки стал Институт этнографии АН СССР. В апреле 1979 г. постановлением бюро Отделения исторических наук АН СССР был создан Оргкомитет по подготовке выставки, председателем которого был утвержден акад. Ю. В. Бромлей. Летом 1979 г. был разработан общий план выставки, определены ее цели и методы экспозиции.

В отличие от проводившихся ранее научных выставок, в подготовке которых принимала участие Академия наук СССР, данная экспозиция по замыслу ее создателей должна была не только освещать достижения советских ученых в той или иной области, но специфическими средства-

² Каяма Ёхэй. Каталог книг по истории Средней Азии из собрания Сосюто. Токио 1979 (на яп. яз.).

³ Каяма Ёхэй. Сокровища пустынь и степей. Токио, 1970 (на яп. яз.); *его же*. На следы кочевых народов. Токио, 1972 (на яп. яз.), и др.

⁴ Об этом научном центре см.: Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Японский национальный этнографический музей.— Сов. этнография, 1981, № 5.

⁵ Като Кюдзо. Небесная змея. Токио, 1976 (на яп. яз.).

ми наглядного показа решать определенную научную проблему. Центральная тема выставки должна была иметь актуальную научную значимость и в то же время быть близка широким массам будущих посетителей. Исходя из этих соображений, решено было посвятить выставку традиционной культуре кочевых народов Евразии.

Хотя Япония — островная страна, географически занимающая довольно изолированное положение на карте Восточной Азии, кочевые народы степного пояса Евразии сыграли определенную роль в этнической истории японцев. В особенности это относится к тому важному периоду развития японского общества, когда в первых веках нашей эры на территории Японии складываются первые государственные образования. Археологически этому времени соответствует так называемая «эпоха курганов», существенно изменившая многое в культуре населения Японских островов. Некоторые исследователи даже сформулировали в свое время гипотезу, согласно которой формирование государства в Японии было связано с завоеванием страны кочевниками, проникшими через Корею из евразийского степного коридора⁶. В настоящее время эта теория не встречает поддержки со стороны большинства специалистов, однако влияние кочевнической культуры на особенности быта японцев в начале I тыс. н. э. не подлежит сомнению. Это обстоятельство в неمالой степени способствовало тому, что в сознании современного среднего японца, интересующегося историей своей страны, евразийские кочевники окружены неким ореолом таинственности, стимулирующим интерес к их прошлому и настоящему.

Что касается собственно научного содержания выставки, то ее тема дала возможность создания комплексной экспозиции, позволяющей на археологическом материале проследить историю формирования и развития кочевничества, а на этнографическом — охарактеризовать основные черты культуры степных кочевников и процесс трансформации ее в наши дни.

Бесспорно, что подобная выставка могла быть подготовлена только в СССР, где в настоящее время накоплены ценнейшие коллекции и осуществлен ряд фундаментальных исследований по истории кочевничества.

Помимо сотрудников московской части Института этнографии АН СССР ведущая роль в подготовке выставки «Кочевые народы Евразии» принадлежала сотрудникам входящего в состав института Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде. Как известно, этот старейший в СССР этнографический музей был создан на основе Петербургской кунсткамеры (основана в 1714 г. Петром I). В МАЭ хранятся уникальные коллекции этнографических материалов, характеризующие самобытные культуры многих народов земного шара. Хотя в экспозиции МАЭ представлены только зарубежные народы, фонды музея располагают обширными собраниями экспонатов по народам СССР, в том числе по кочевникам и полукочевникам Южной Сибири и Средней Азии. Планомерный сбор материалов по этнографии этих народов был связан с деятельностью созданного в 1902 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Этнографические коллекции в Средней Азии и Казахстане собирали почти все крупнейшие востоковеды нашей страны — В. В. Радлов, который на рубеже прошлого и нынешнего столетий был директором музея, его ученики — С. Я. Малов, А. Н. Самойлович, И. И. Зарубин и многие другие. Благодаря усилиям нескольких поколений русских ученых этнографические собрания МАЭ по кочевым тюрко-монгольским народам стали одними из самых крупных в мире.

Кроме МАЭ в подготовке выставки принял участие Государственный музей этнографии народов СССР. Он был создан в 1934 г. на базе этнографического отдела Русского музея в Ленинграде. Коллекции ГМЭ характеризуют культуру и быт народов Советского Союза преимущественно

⁶ Эгами Намио. Кочевое государство: подход к изучению древней истории Японии. Токио, 1967 (на яп. яз.).

но конца XIX — начала XX в. В экспозиции и фондах ГМЭ широко представлены материалы по этнографии кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Сибири — казахов, киргизов, туркмен, калмыков, тувиновцев, алтайцев и др.

В состав экспозиции выставки «Кочевые народы Евразии» вошли также многочисленные археологические и этнографические предметы, хранящиеся в других музеях и научно-исследовательских институтах Советского Союза. Ниже будут перечислены эти учреждения.

Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР, в частности Отдел археологии этого института, руководимый К. А. Акишевым. Сотрудники отдела в течение ряда лет занимаются комплексными исследованиями культуры как оседлой, так и кочевой части населения Казахстана на всем протяжении его истории. Созданный при институте Музей археологии сосредоточил наиболее важные находки ученых Казахстана, в том числе предметы из всемирно известного кургана Иссык (V в. до н. э.).

Институт археологии АН УССР, который ежегодно осуществляет широкомасштабные полевые исследования, особенно в местах охранных работ в зоне новостроек. В степных областях Украины сотрудники института ежегодно раскапывают до полутора тысяч древних погребений, значительная доля которых приходится на скифское время. В 1970-х годах были раскопаны такие «царские» курганы, как Гайманова могила, Бердянский курган, Толстая могила и др., материалы которых значительно расширили существовавшие ранее представления об особенностях материальной культуры и социального строя скифов Причерноморья. Наиболее ценные из этих находок хранятся в Киевском музее исторических драгоценностей.

Находящийся в Кызыле (географическом центре Азии) Тувинский Республиканский краеведческий музей — научно-исследовательский центр по изучению истории и культуры тувинского народа. В его фондах хранятся богатые и разнообразные коллекции предметов из древних и средневековых курганов, раскопанных на территории республики, а также значительные этнографические коллекции.

Институт истории, философии и филологии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске — центр гуманитарных исследований в Сибири. Археологические раскопки, проводимые сотрудниками института, за последние 10—15 лет существенно расширили представления о роли населения Сибири и Дальнего Востока в истории Евразии. В Туве и на Алтае археологические экспедиции ИИФФ ежегодно ведут исследования культуры кочевников скифского и древнетюркского времени. Помимо монографических исследований ИИФФ издает серию работ под общим названием «История и культура Востока Азии».

Музей истории народов Узбекистана (МИНУ) в Ташкенте принадлежит Академии наук УзССР. Это центральный исторический музей Узбекистана. Экспозиции МИНУ охватывают все периоды истории населения Узбекистана, начиная с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня. Особую ценность среди археологических коллекций музея представляют результаты раскопок городищ и погребений кушанского времени, в том числе уникальные предметы из буддийского храма в Фаяз-Тепе, открытые Л. И. Альбаумом.

Экспонаты, отобранные в собраниях этих музеев и институтов (в общей сложности их было более 400), распределялись по основным разделам выставки; примерно половина из них посвящена истории кочевничества, а остальные характеризуют традиционную культуру кочевых народов в конце XIX — начале XX в.

Организаторы выставки отказались от заманчивой, но трудноосуществимой попытки показать всю историю степных кочевников Евразии, решив сосредоточить внимание на начальном этапе формирования кочевничества (VIII—IV вв. до н. э.).

Кочевая форма общественного производства возникла в начале I тысячелетия до н. э. В это время на территории евразийского пояса степей

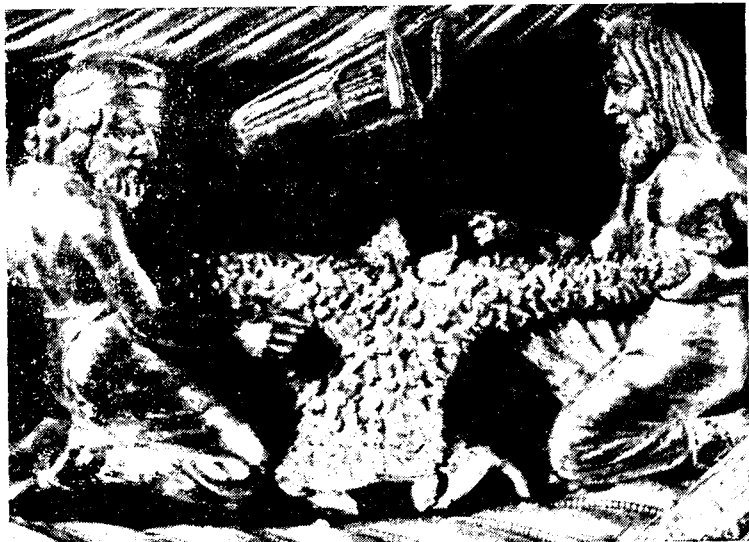

Рис. 2. Скифы, шьющие одежду. Деталь золотой пекторали из Толстой могилы (хранится в Киевском музее исторических драгоценностей). IV в. до н. э.

и предгорий сложились во многом сходные археологические культуры, относящиеся к «скифскому миру». Исследования последнего десятилетия со всей убедительностью показали, что проблему происхождения этих культур нельзя решать на материале только скифских памятников Причерноморья. Раскопки кургана Аржан в Туве, датированного М. П. Грязновым VIII в. до н. э., позволили по-новому взглянуть на вопрос формирования специфических черт культур «скифского мира». Археологический материал скифского времени с территории Тувы⁷ и Алтая (раскопки А. Д. Грача и В. Д. Кубарева) составляет первый раздел выставки — «Древние кочевники Тувы и Алтая».

В VIII—IV вв. до н. э. степные пространства Средней Азии и Казахстана населяли племена, известные из письменных источников под названием «саки». К числу наиболее ранних памятников сакских племен относится могильник VII—V вв. до н. э. в Южном Тагискене, раскопанный Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР под руководством С. П. Толстова и М. А. Итиной⁸. В погребениях были найдены наборы конской сбруй, в том числе удила с псалиями, подпружные пряжки, распределители ремней и пр. Оружие представлено наконечниками стрел, мечами в ножнах и ножами. Особое внимание привлекают великолепные золотые бляшки и накладки, выполненные в типичном скифском «зверином стиле». Эти предметы вошли в состав второго раздела экспозиции — «Саки Приаралья».

Наглядное представление о культуре сакских племен V—IV вв. до н. э. дали раскопки курганов на территории Южного Казахстана, обогатившие науку высокохудожественными произведениями изобразительного искусства и уникальными памятниками деревянной архитектуры. В 1969—1970 гг. были осуществлены раскопки кургана Иссык, расположенного в окрестностях Алма-Аты. Одно из двух захоронений в этом кургане оказалось нетронутое: здесь был погребен молодой воин в обшитом золотыми накладками кафтане и головном уборе с многочисленными пластинами, выполненными в виде фигур животных. Воссозданные казахстанскими археологами во главе с К. А. Акишевым головного убора, одежды и обуви этого «Золотого человека» — одно из значительных достижений в области скифо-сакской археологии. Макет костюма

⁷ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980, с. 1—255.

⁸ Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). — Сов. археология, 1966, № 2, с. 151—175.

Рис. 3. Голова бодхисатвы из буддийского храма в Фаяз-Тепе. I—II вв. Раскопки Л. И. Альбаума

из кургана Иссык стал центральным экспонатом третьего раздела выставки — «Саки Южного Казахстана». Особое место среди находок в этом погребении занимает серебряная чаша с нерасшифрованной надписью. Сам по себе факт существования надписей на предметах сакской культуры V—IV вв. до н. э. говорит о высоком уровне ее развития⁹.

В различных музеях Советского Союза хранится весьма значительное число археологических предметов из скифских курганов IV—III вв. до н. э. На данной выставке решено было экспонировать лишь самые последние находки, сделанные украинскими археологами. Это, прежде всего, скифское золото — предметы вооружения и украшения из «царских» курганов Причерноморья. Одна из подлинных жемчужин в разделе «Скифы» — пектораль (нагрудное украшение) из Толстой могилы, раскопанной Б. М. Мозолевским. Этот редчайший об-

разец древнего ювелирного искусства создан руками греческого мастера, но отражает образы и представления, распространенные в скифской среде (рис. 2). На выставке экспонируются и другие предметы из Толстой могилы — меч в золотых ножнах, гривна, бронзовые навершия, котел и пр.¹⁰ В этом же разделе представлены и более поздние — сарматские вещи с той же территории (в частности, находки из кургана близ Ковалевки, датируемые I в. н. э.).

Учитывая особый интерес к истории буддизма, проявляемый в Японии, решено было включить в экспозицию специальный раздел, посвященный буддийским памятникам кушанского времени из Южного Узбекистана. Известно, что Кушанская держава, в создании которой принимали активное участие различные кочевые племена, стала в первых веках нашей эры одним из центров распространения буддийской религии. Наглядное представление об этом дают раскопки Фаяз-Тепе, где были обнаружены редкие образцы буддийской скульптуры (рис. 3). Раздел «Кушаны» в этом смысле тематически непосредственно примыкает ко второй части экспозиции, позволяющей посетителю составить представление о традиционной культуре кочевников Евразии конца XIX — начала XX в.: эта вторая половина выставки начинается с разделов, воссоздающих специфику религиозных верований степных nomads.

Здесь представлены экспонаты, характеризующие, с одной стороны, распространение у кочевников Сибири и Средней Азии шаманского культа, с другой — особенности центральноазиатского направления буддизма, свойственного преимущественно кочевым народам этого региона, — ламаизма. Предметы, демонстрируемые в этом разделе, предоставлены на выставку Музеем антропологии и этнографии. Среди них манекен шамана в полном облачении, шаманские атрибуты, а также ламаистские иконы, тантрийские скульптурные изображения, культовые предметы (рис. 4).

Основой хозяйства кочевников степей, полупустынь и горностепных районов Евразии уже в древности стало экстенсивное пастбищное

⁹ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978, с. 60.

¹⁰ Мозолевский Б. М. Товста могила. Київ, 1979.

скотоводство с более или менее регулярными перекочевками. Среди различных видов домашних животных наиболее важную роль в жизни кочевников всегда играли лошади. Обитатели пояса степей очень ценили конскую упряжь, старались украшать ее нашивными пластинами из драгоценных металлов, бляхами из кости и других материалов. Седло и уздечка — это своеобразные произведения прикладного искусства, в которых отражались эстетические представления кочевников. В то же время конская упряжь дает наглядное представление о связях номадов с их соседями, в том числе с народами оседлых цивилизаций.

Рис. 4. Головной убор ламы. Буряты, конец XIX в. МАЭ

Внимание посетителей раздела «Конская упряжь» привлекает выставленный на манекене коня полный набор верховой сбруи, изготовленный бухарскими мастерами и подаренный в 1910 г. эмиром Бухары императору Николаю II. В экспозиции представлены также различные типы седел, распространенные в конце XIX в. в кочевнической среде, и другие компоненты сбруи.

Традиционная одежда кочевников Южной Сибири и Средней Азии, несмотря на наличие этнических и локальных особенностей, имела общую основу, определявшуюся спецификой хозяйственно-культурного уклада их жизни. Наибольшие различия проявлялись в женских головных уборах. Многие из них представляют большую художественную ценность. Так, в частности, представленные на выставке казахские женские свадебные головные уборы «саукеле» украшены серебряными позументами и подвесками, драгоценными камнями, кораллами. Интересно, что по своей форме «саукеле» напоминают головные уборы сакско-скифских племен, в частности нарядную шапку «Золотого человека» из кургана Иссык. Помимо этого в разделе «Одежда и украшения» представлены традиционные ювелирные изделия — браслеты, перстни, ожерелья, нагрудные и налобные украшения и пр.

Кочевники-скотоводы издавна широко использовали для своих нужд кожу домашних животных. Из нее шили одежду, обувь, конскую упряжь, колчаны, различную утварь и украшения. Уже в древности ранние кочевники научились взамен хрупких керамических сосудов изготавливать из кожи легкие, прочные и удобные фляги. Всаднику было очень удобно возить с собой кумыс в твердых кожаных сосудах с деревянной пробкой, подобных бытовавшим у тувинцев, алтайцев, казахов, калмыков (рис. 5). Большую роль в быту кочевников всегда играли мужские кожаные пояса, которые носили поверх халата. Их, как правило, украшали дорожки серебряными накладками со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. В этом отношении уникален экспонируемый в разделе «Изделия из кожи» казахский кожаный пояс, изготовленный в первой половине XVIII в. (об этом свидетельствует арабская надпись на прикрепленных к поясу ножнах; рис. 6). Этот пояс неоднократно менял владельцев и в середине XIX в. принадлежал брату известного казахского султана Кенесары Касимова.

На протяжении двух с половиной тысяч лет неперменной принадлежностью быта кочевников была деревянная утварь. По мере развития кочевого образа жизни деревянная посуда (наряду с кожаной) полностью вытеснила керамику, хотя некоторые типы сосудов, изготовлявшихся из дерева, по своей форме по-прежнему копировали глиняные. Так, в орнаментации и форме якутских чоронов можно проследить древние традиции котловидных сосудов, известных у ранних кочевников, начиная со скифского времени. Широкое распространение у тувинцев, алтайцев,

Рис. 5. Кожаный сосуд. Алтайцы, начало XX в. МАЭ

якутов имели берестяные сосуды для пищи и напитков, несколько интересных образцов которых представлены в разделе «Изделия из дерева и бересты».

Уже в древности кочевники изготавливали ковры и кошмы. Древнейшие в мире ковровые и войлочные изделия найдены в погребениях скифского времени на Алтае (Пазырык). Ковры и кошмы выделялись из овечьей, козьей и верблюжьей шерсти, причем предпочтение отдавалось верблюжьей, как особенно прочной. Традиция ворсового ткачества получила наибольшее развитие у туркмен и киргизов. Большие

художественную ценность представляют войлочные ковры казахов — сырмаки, изготовлявшиеся так называемой мозаичной техникой. Из орнаментированного войлока казахи и киргизы производят также и другие изделия, украшающие интерьер их жилищ; в разделе «Ковры и кошмы» экспонированы, наряду с ворсовыми и войлочными коврами, сумки, мешки, покрывала для коня и другие предметы из коллекций Музея антропологии и этнографии и Государственного музея этнографии народов СССР.

Экспонаты выставки иллюстрируют некоторые общие особенности развития культуры степных кочевников-скотоводов. Одна из них проявляется в поразительном единообразии основных предметов быта на огромных пространствах Евразии. Эта черта, отчетливо прослеживающаяся уже в культурах «скифского мира», в той или иной степени сохранялась и в последующие эпохи. Определялась она исключительной подвижностью кочевого населения, способного быстро распространять достижения культуры на значительные расстояния.

Наряду с этим кочевники обнаруживают гораздо большую, чем у земледельцев, устойчивость отдельных форм культуры. Сформировавшиеся зачастую еще в I тысячелетии до н. э., некоторые из них просуществовали почти без изменений вплоть до нашего времени. К ним относятся, в частности, орудия труда (аркан, служивший для поимки животного в стаде), утварь (кожаные фляги, изделия из войлока), состав и покрой одежды, излюбленные пищевые продукты, многие образы изобразительного искусства и эпического творчества. Одна из главных причин тому — застойность хозяйства, основанного на экстенсивном скотоводстве.

История свидетельствует о том, что кочевники-степняки никогда не находились в изоляции от своих оседлых соседей. Испытывая на себе культурное влияние земледельческих народов, номады, в свою очередь, воздействовали на население оседлых цивилизаций.

Проблемам общего и особенного в историческом развитии кочевников Евразии были посвящены доклады, зачитанные на научном симпозиуме, который был приурочен к открытию выставки и проведен в Токио 13–14 ноября 1981 г. В его работе приняли участие многие ведущие советские и японские специалисты по истории культуры кочевых народов. Представленные доклады и материалы их обсуждения японские коллеги планируют издать в виде отдельной книги.

Проходившая во многих городах Японии выставка неизменно пользовалась успехом у японских посетителей. Работа выставки широко освещалась в японской прессе, в передачах по телевидению, в многочисленных красочных рекламах. Пока еще трудно подводить окончательные итоги, но уже можно сказать, что за первые полгода работы выставки на ней побывало более 200 тыс. посетителей. Учитывая большой ин-

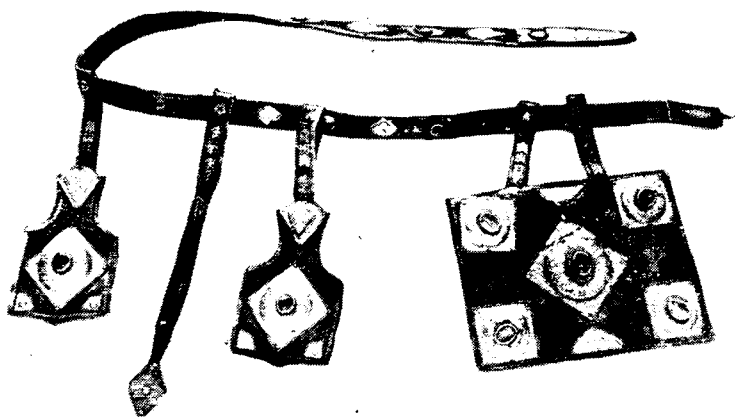

Рис. 6. Мужской пояс. Кожа, металл, сердолик. Казах, XVIII в. МАЭ

интерес японской общественности к материалам, представленным на выставке, советские ученые давали консультации, отвечали на многочисленные вопросы, проводили экскурсии, читали лекции, выступали со статьями на страницах японских газет. Таким образом, советская археолого-этнографическая выставка, подготовка которой потребовала от ее организаторов немало времени и творческой энергии, предоставила советским ученым прекрасную трибуну для пропаганды достижений нашей науки. Нет сомнения и в том, что в современной сложной международной обстановке проведение в Японии советской археолого-этнографической выставки имеет большое общественное и политическое значение, способствуя взаимопониманию между народами наших двух стран.

В. Н. Шинкарев

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ОБЩИН У НАГА

Как известно, одной из задач этнографической науки является теоретическое исследование механизма перерождения власти потестарной во власть политическую¹. Анализ сакрального характера власти — важный аспект разработки этой темы. С этой точки зрения представляется полезным обширный материал, накопленный в ходе изучения горных народов Северо-Восточной Индии и Бирмы.

Задачей настоящей статьи является исследование соотношения светских и сакральных функций должностных лиц нага в результате сложившегося разделения труда между военным и ритуальным предводителями.

Нага — общее название ряда родственных этнических групп, населяющих горные районы Северо-Восточной Индии и сопредельные области Бирмы. В штате Нагаленд (Нага—Прадеш) проживает три четверти всех индийских нага — более 500 тыс. чел. (по оценке на 1973 г.)². В Тирапском р-не союзной территории Аруначал-Прадеш обитает 40 тыс. нага, а в штате Манипур — 125 тыс.³ Численность бирманских нага ко-

¹ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

² Hindustan Year-book and Who's Who (1973). Calcutta, 1973, pt II, p. 39.

³ Ibid.

блестя в пределах 25—80 тыс. чел.⁴ Языки нага относятся к тибето-бирманской ветви сино-тибетской языковой семьи. Переписью населения Индии 1961 г. зарегистрировано 47 форм родной речи (mother tongues) у нага, из которых только 26 могут быть определены как языки (languages)⁵. Только 15 языков из 47 форм речи соответствуют названиям, упомянутым в известной книге «Лингвистический обзор Индии»⁶. Сама классификация тибето-бирманских языков, предложенная Дж. А. Грирсоном, подверглась в последнее время пересмотру. Р. Шейфер считает, что все языки нага, кроме чанг, пхон, коньяк, входят в секцию куки, образуя внутри нее несколько ветвей. Три упомянутых языка северо-восточных нага Р. Шейфер считает возможным объединить с языками группы бодо⁷.

Рассмотрим на примере некоторых групп нага особенности института должностных лиц, воплощавших, по представлениям нага, жизненные силы коллективов.

Решение этой задачи значительно упростилось после выхода в свет монографии С. А. Маретиной⁸, одна из глав которой целиком посвящена особенностям управления горных народов Северо-Восточной Индии, и в частности нага. Принимая в целом предложенную С. А. Маретиной классификацию горных народов, в соответствии с которой они подразделяются на народы с демократическим правлением и народы с управлением на автократической основе, автор хотел бы сделать одно уточнение. Как на характерный пример общества с выделившимся сословием вождей обычно указывают на коньяков. Однако в качестве аналогичного примера можно рассматривать общество сема. Из описания Дж. Г. Хаттона следует, что вождь и его родственники у сема образывали группу под названием *кеками*, противопоставлявшую себя простым общинникам (*мугхеми*)⁹. Поэтому утверждение С. А. Маретиной, что возвышение вождя у сема не связано с выделением его родственников¹⁰, представляется не совсем верным.

Прежде всего следует отметить, что в ряду лиц, считавшихся вместилищами магических сил своих общин, были как вожди (военные предводители), так и старейшины (потомки предка — основателя клана).

Одной из таких фигур являлся тево — старейшина в деревнях чакри-ма, восточной подгруппы народности ангами. Должность тево была наследственной. Преемниками человека, участвовавшего в основании новой деревни в качестве тево, были его потомки по мужской линии¹¹.

Тево уже не мог участвовать в войнах¹². Это легко объяснить: его считали «вместилищем» магического достоинства деревни, и гибель его на войне или во время набега охотников за головами лишила бы деревню и всех ее жителей магической силы. Поскольку тево никогда не принимал участия в военных действиях, В. Гартвиг считает неправомерным отождествление его с вождем¹³. В самом деле, тево приобретал право носить знаки воина лишь на том основании, что все добытые общинниками головы врагов хранились в его доме¹⁴. Но он мог, конечно, обла-

⁴ Народы Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966, с. 347.

⁵ О терминах, употребляемых в материалах переписи населения Индии, см. Дьяков А. М., Сахаров И. В. О характере этнолингвистической статистики Индии (обзор языкового тома переписи населения 1961 г.). — Страны и народы Востока. В. XII (Индия — страна и народ. Кн. 2). М.: Наука, 1972, с. 114—117.

⁶ Linguistic Survey of India/Compiled and edited by Grierson G. A. Calcutta, 1902, v. III, pt II.

⁷ Shafer R. The Naga Branches of Kukis. — Rocznik Orientalistyczny. T. 16. Krakow, 1950, p. 467—530.

⁸ Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980.

⁹ Hulton J. H. The Sema Nagas. L., 1921, p. 152.

¹⁰ Маретина С. А. Указ. раб., с. 197.

¹¹ Fürer-Haimendorf Ch., Mills J. P. The Sacred Founder's Kin among the Eastern Angami Nagas. — Anthropos, 1936, B. 31, H. 5—6, p. 926.

¹² Ibid., p. 923.

¹³ Hartwig W. Wirtschaft und Gesellschaftsstruktur der Naga in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1970, S. 146, Anm. 182.

¹⁴ Fürer-Haimendorf Ch., Mills J. P. Op. cit., p. 923.

дать добытыми им самим головами и получить свои знаки отличия до вступления в должность¹⁵.

В. Гартвиг называет тево «ритуальным предводителем» (Zeremonial-Vorsteher)¹⁶. Правда, не совсем ясно, кого Гартвиг обозначает этим термином — главу иерархии священнослужителей (распорядителя проведения обрядов)¹⁷ или жреца. Представляется, что нельзя считать тево жрецом, так как он не принимал деятельного участия в проведении общедеревенских и иных обрядов. По существу, его роль в ритуальной жизни общины ограничивалась соблюдением различных табу. Большинство из этих запретов, по мнению К. Фюрера-Хаймендорфа и Дж. Ф. Миллза, можно объяснить, исходя из логики симпатической магии¹⁸.

По представлениям коньяков, народности, обитающей на крайнем северо-востоке штата Нагаленд, воплощением магических сил своей общины считался вождь (*анг*). Некоторые обычаи и обряды коньяков позволяют выявить, в чем они видели источник магической силы ангов. Дж. Ф. Миллз в своей статье о культуре нага сообщает, что вражеские головы, добытые в набегах простыми общинниками, приносились на веранду дома анга. Здесь они хранились до его смерти, а затем их навсегда помещали в морунге (мужском доме). Преемник умершего анга начинал собирать новую «коллекцию»¹⁹. В упомянутой выше статье говорится о коньяках группы тхенду, у которых имеется отчетливая социальная стратификация. Поэтому не следует принимать то обстоятельство, что собранные головы не переходят к наследнику, за отражение начального этапа образования сословия (вернее социального ранга²⁰) ангов. Просто умерший анг уже больше не считался воплощением общины (сама смерть — свидетельство того, что «удачливость» покинула его), а источники его благодати — головы врагов — не могли служить другому. Но у тех же тхенду существовал и другой обычай. Рядом с выставленными на платформах телами умерших мужчин из «сословия» ангов помещались статуи, вырезанные из дерева и снабженные оружием²¹. Дж. Г. Хаттон отмечал: «В деревнях коньяков полагают, что череп умершего кладется временно на верхнюю часть головы изображения для того, чтобы душа перешла от черепа к фигуре». Далее он сравнивает этот обычай с обрядом ангами: «Когда какой-нибудь ангами умирает далеко от дома, прядь его волос приносят в его родное селение и прикрепляют к голове деревянного изображения, которое заменяет тело умершего в погребальных церемониях. Это делается для того, чтобы „насытить“ изображение частью жизненной сущности умершего»²². Действия коньяков направлены на то, чтобы удержать жизненные силы («духовную субстанцию вожества», по терминологии О. С. Томановской).

В. Гартвиг считает, что статус ангов у коньяков постепенно изменялся от выполнения функций священнослужителей к роли священных политических предводителей. В качестве доказательства приводится следующее: «потенция» анга коньяков группы тхенду, представляющая магические силы всей деревенской общины, повышалась, если его отец и мать принадлежали к «сословию» ангов²³. Думается, однако, что стремление ангов поддерживать чистоту своей крови не может считаться ар-

¹⁵ Ibid., p. 923, Note 3.

¹⁶ Hartwig W. Op. cit., S. 146; Anm. 182.

¹⁷ А таковым мог быть и вождь.

¹⁸ Fürer-Haimendorf Ch., Mills J. P. Op. cit., p. 924—925.

¹⁹ Mills J. P. Certain Aspects of Naga Culture.— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1926, v. 56, p. 35.

²⁰ О социальных рангах см. Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики). — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968.

²¹ Fürer-Haimendorf Ch. Das Gemeinschaftsleben der Konyak Naga von Assam.— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1941, B. 71, S. 6.

²² Mills J. P. The Ao Nagas. L., 1926, p. 206, note 1. Следует отметить, что Дж. Г. Хаттон употреблял термины «жизненные силы» и «душа» как синонимы.

²³ Hartwig W. Op. cit., S. 217.

гументом в пользу гипотезы о превращении жреца в военного вождя.

По В. Гартвигу следует, что вера в то, что должностное лицо общины служит вместилищем магических сил, равнозначна выполнению им (в прошлом или в настоящее время) жреческих функций²⁴. Мне кажется, что это неудачный критерий. Выводить функции вождя из обязанностей жреца лишь по этому признаку, противопоставляя светские (мирские) и духовные функции должностного лица, не совсем правильно. У других групп нага, как показывает материал, старейшины, которые были не просто жрецами, а руководили всеми общинными ритуалами, могли приобретать и полную реальную светскую власть, но происходило это в условиях, когда необходимость в институте военных предводителей исчезла, а не вследствие того, что старейшины считались воплощениями магических сил своих коллективов.

Связь функций должностных лиц с трофеями охоты за головами характерна и для этнической группы калыо-кенгью (кхиемнунгам). Так, в дер. Пансо все добытые во время набегов головы после вывешивания их на «дереве для голов» хранились в доме миho, одного из самых старых мужчин клана миho-хай. Миho принимал участие во всех церемониях, связанных с охотой за головами. Если миho умирал, то все черепа, бывшие в его доме, выбрасывались в джунгли и новый старейшина начинал заново собирать «коллекцию» вражеских голов, добываемых воинами в течение всего периода исполнения им его должностных обязанностей²⁵. Хотя помещение голов в доме старейшины представляет собой аналогию традиции коньяков, это обстоятельство не может считаться основанием для отождествления миho с вождем. У калыо-кенгью, обитавших на неуправляемой территории по обе стороны индийско-бирманской границы, в каждом квартале деревни были свои вожди. Военственный образ жизни этой группы выдвигал на первый план фигуру военного предводителя. Старейшина не мог «конкурировать» с вождем по степени влияния.

Вождь коньяков, как и тево, тоже окружен многочисленными табу²⁶. Но если целью табу, соблюдаемых тево, была изоляция его от всего остального мира, «чтобы его не достигла духовная опасность», то представление о сакральности анга основывалось прежде всего на том, что он «содержит в себе мощный заряд магической и духовной силы, разряжение которого может иметь фатальные последствия для всякого, кто приходит с ним в соприкосновение»²⁷.

Сходную роль играл кемово у ангами, считавшийся потомком прека — основателя клана. «Особа кемово, должностного лица общины ангами, считается в известном смысле священной, неприкосновенной, поскольку существует представление о том, что убийство кемово другой деревни, пусть даже и во время войны, является несчастливим предзнаменованием»²⁸, — отмечает Дж. Г. Хаттон. Мне представляется, что сакральный характер института кемово связан с другими моментами. Немаловажно для нас то, что находившаяся перед домом кемово площадка, где по кругу располагались каменные сиденья, содержала могилы прежних кемово. Эта площадка, использовавшаяся в качестве места для танцев и собраний, считалась священной. Для нас существенно и то, что дом, в котором обитал кемово, находился на том месте, где стоял дом основателя деревни²⁹. Характер власти кемово считался священным во многом из-за того, что ангами верили в связь этого должностного лица общины с его предшественниками (вернее с их жизненными

²⁴ Ibid., S. 146, Anm. 182.

²⁵ *Fürer-Haimendorf Ch. Bericht über eine Expedition zu den Kalyo-Kengyu Nagas* — *Anthropos*, 1937, B. 32, H. 5—6, S. 882—883.

²⁶ *Fürer-Haimendorf Ch. The Konyak Nagas*. N. Y., 1969, p. 56—57; *Маретина С. А.* Указ. раб., с. 202.

²⁷ *Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии*. М.: Политиздат, 1980, с. 231, 254.

²⁸ *Hutton J. H. The Angami Nagas*. L., 1921, p. 187.

²⁹ *Hutton J. H. The Angami Nagas*, p. 48, 188, 206; *Heine-Geldern R. Die Megalithen Südostasiens und ihre Bedeutung für Klärung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien*. — *Anthropos*, 1928, B. 23, H. 1—2, S. 292.

силами, «закрепленными» в камне). Дж. I. Хаттон выделяет такие функции кемово, как руководство всеми общественными церемониями и установление сроков их проведения. Кроме того, кемово считался также «вместилищем (хранилищем) генеалогических и исторических традиций своей деревни, клана и родственников»³⁰. Интересным в связи с этим представляется суждение о старейшинах К. В. Дитмера: «В слабо стратифицированных обществах старейшины являются или ринкарнациями предков, или воплощением жизненной силы и сущностным единством своих линиджей». Отсюда, по мнению ученого, и важность, которая придавалась сохранению в памяти генеалогий³¹.

На наш взгляд, кемово может быть назван «старейшиной». Строго говоря, он не является жрецом, но выполняет функции общинного руководителя проведения обрядов и «коллектора общественного опыта»³², знатока традиций и хранителя преданий.

Исследователи отмечают, что в отличие от военного предводителя, обладавшего реальной властью только во время войн, кемово пользовался гораздо большим авторитетом³³. С. А. Маретина пишет: «На кемово лежит руководство всей религиозной жизнью общины, что обеспечивает ему уважение со стороны односельчан; его авторитет признается и при решении деревенских дел, не связанных непосредственно с ритуалом»³⁴.

В каждой деревне манипурских нага имелся верховный жрец, который одновременно номинально занимал положение вождя³⁵. Т. К. Ходсон полагает, что *кхуллакпа* считали главой светской власти, однако на деле он обладал влиянием только в такой степени, на которую имел право в зависимости от своих личных качеств. Далее отмечается, что его авторитет является религиозным по происхождению и природе³⁶. Действительно, *кхуллакпа* считается священной фигурой, воплощающей магические силы общины. Для того чтобы предотвратить возможные потери магических сил, он должен был соблюдать много запретов. Это должностное лицо ограждали от контактов с вредоносным началом, например от выполнения обрядов погребального ритуала³⁷. Хотя Т. К. Ходсон справедливо называет *кхуллакпа* жрецом, следует отметить, что последний имел отношение только к общедеревенским обрядам.

Нельзя не обратить также внимания на данные о критериях авторитета у кабуи, одной из групп нага Манипура. «До захвата их Манипуrom наиболее влиятельным человеком в деревне обычно становился самый удачливый воин; теперь богатство и ораторский дар³⁸, которые, несомненно, имели значение и раньше, превращают их обладателей в лидеров... Если наследственный вождь, или *kool-lakra*, является богатым человеком, он становится и влиятельным лицом»³⁹, — писал предшественник Ходсона. Таким образом, *кхуллакпа*, действительно, постепенно приобретал и светскую власть, но не столько вследствие своих личных качеств, как полагает Т. К. Ходсон, сколько вследствие обладания богатством, которое рассматривалось обществом в качестве внеш-

³⁰ Hutton J. H. The Angami Nagas, p. 187.

³¹ Dittmer K. W. Utilization of Genealogies for Dating Historic Events. — Proc. of the VIII Internat. Congr. of Anthropological and Ethnological Sciences. V. III, Tokyo, 1970, p. 371.

³² Термин Г. Г. Стратановича.

³³ Hutton J. H. The Angami Nagas, p. 142; Маретина С. А. Община у горных народов Ассамы. — В кн.: Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967, с. 20.

³⁴ Маретина С. А. Община у горных народов Ассамы, с. 20.

³⁵ Fürer-Haimendorf Ch. Staat und Gesellschaft bei den Naga (Ein Beitrag zur Soziologie Hinterindiens). — Zeitschrift für Ethnologie, 1932, B. 64, S. 25.

³⁶ Hodson T. C. The Naga Tribes of Manipur. L., 1911, p. 79.

³⁷ Ibid., p. 100.

³⁸ Вероятно, имеется в виду ламбу, знаток языка мейтхен (манипури). Любопытно, что при назначении на должность старосты деревни стали исходить, в частности, и из такого критерия, как служба переводчиком.

³⁹ McCulloch W. Account of the Valley of Munnipore and of the Hill Tribes. Calcutta, 1895. Цит. по: Hodson T. C. Op. cit., p. 80.

ного признака бесличных жизненных сил⁴⁰. Кхуллакпа станови-
главами деревень в период, когда войны и набеги отходили в прош-
лое, в условиях мирной жизни (установление манипурского господства
сыграло в этом определенную роль).

Путхи — деревенский жрец лхота нага — играл ведущую роль во
всех церемониях, проводимых с целью обеспечить благосостояние об-
щины. По представлениям лхота, жизнь путхи была тесно связана с
жизнью деревни. Наиболее показателен в этом отношении ритуал «оз-
нования деревни», целью которого является увеличение числа детей,
скота и запасов зерновых. Эта церемония проводится всякий раз после
кончины путхи, а также с интервалом в 9—10 лет. Одним из поводов
для ее совершения служит отпадение ветви (как тут не вспомнить «зо-
лотую ветвь»!) от дерева для вывешивания голов или гибель самого
дерева. Одним из обрядов этой церемонии является метание всеми муж-
чинами деревни копий в столб, называемый «опья». Существовало по-
верье, что в случае попадания опья стонет. Дж. Ф. Миллз осторожен в
своих суждениях: «Представляет ли опья человеческое жертвоприноше-
ние или убийство старого путхи, чьи иссякшие силы влекут за собой
бедствия для деревни, — открытый вопрос»⁴¹. Но думается, что эти
действия и периодичность церемоний все же напоминают акты провер-
ки сохранения «священной мощи»⁴² должностного лица (и соответст-
венно магических сил общины).

Большую ценность для решения вопроса о соотношении светских и
сакральных функций должностных лиц представляют данные об орга-
низации управления у ао нага. У этой группы нага в основе потестар-
ной власти лежит система возрастных классов. Так как возрастные
классы ао нага описаны в нашей литературе достаточно полно⁴³, я по-
зволю себе быть здесь кратким. Вероятно, прав Г. Г. Стратанович,
отмечавший, что возрастные подгруппы или классы имеют отношение не
только к брачным связям, но и к истории формирования власти⁴⁴. У ао
нага обязанности, связанные с руководством коллективом, и культовые
функции должностных лиц были четко отделены друг от друга и вы-
полнялись членами разных возрастных групп. Так, например, жрецами
были люди весьма преклонного возраста, входившие в свое время в со-
став деревенского совета. К сожалению, в нашем распоряжении нет
данных, которые помогли бы решить вопрос о том, связывалось ли с
возрастным классом, осуществлявшим управление, представление о
мистическом и магическом всемогуществе данной группы, как это на-
блюдалось, например, в Восточной Африке⁴⁵.

Дж. Г. Хаттон, рассматривая права и обязанности вождя-акекао, у
сема нага, полагает, что этот «светский вождь»⁴⁶ стремился оттеснить
от отправления обряда авоу, главное должностное лицо в этой обла-
сти⁴⁷. К числу таких обязанностей, которые, как полагает Дж. Г. Хат-
тон, раньше возлагались на жреца авоу, исследователь относит объяв-
ление дней дженны⁴⁸ и выполнение функций распорядителя во время об-
рядов и церемоний⁴⁹. Этим функциям придавалось очень большое зна-
чение. Отдельные же элементы обрядов и ритуалов проводились не
вождем, а жрецом-авоу.

⁴⁰ Ср.: Иорданский В. Б. Тропическая Африка: место магии в архаичном сознании.—
Азия и Африка сегодня, 1979, № 4, с. 43.

⁴¹ Mills J. P. The Lhota Nagas. L., 1922, p. 121—124.

⁴² Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М.: Наука, 1978,
с. 58.

⁴³ Маретина С. А. Эволюция общественного строя..., с. 183—187.

⁴⁴ Стратанович Г. Г. Выступление на симпозиуме «Учение Л. Г. Морган о периоди-
зации первобытного общества в свете современной этнографии». — Тр. VII Междуна-
родного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 4. М.: Наука, 1967, с. 501.

⁴⁵ Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978, с. 251—252.

⁴⁶ Слова Дж. Г. Хаттона.

⁴⁷ Hutton J. H. The Sema Nagas, p. 151.

⁴⁸ В переводе со своеобразного lingua franca гор Нага, смеси диалектов нага и ас-
самского, это слово означает: 1) церемонию; 2) понятие, аналогичное полинезийскому
«табу».

⁴⁹ Hutton J. H. The Sema Nagas, p. 151.

Нам кажется, что вряд ли правильно усматривать в таком «разделении труда» узурпирование вождем некоторых обязанностей жреца. При основании новой деревни акекао и старейшины — *чочоми* выбирали авоу. Эта должность не пользовалась популярностью: существовала вера в то, что на человека, осуществлявшего функции авоу, оказывал пагубное воздействие пенный сок, выделяемый деревьями, вырубавшимися при расчистке участка леса для подсечно-огневого земледелия⁵⁰. Естественно, что вождь как глава иерархии священнослужителей и лицо, от которого во многом зависело благосостояние общинников, не имел права подвергать себя такой опасности и не участвовал в обрядах, связанных с сельским хозяйством. Кроме того, акекао как ритуальный глава селения нуждался в помощниках⁵¹.

Интересно, что дом вождя у сема является ритуальным центром и местом ночлега неженатых юношей, заменяя тем самым морунг (мужской дом⁵²) — социальный институт, характерный почти для всех групп нага, который, однако, не получил развития у сема⁵³.

Первоначальным источником авторитета должностных лиц общин нага и веры в то, что они обладают большими запасами магических сил, являлись трофеи охоты за головами (у тево, анга и михо — хранящиеся в их домах «коллекции» вражеских голов, добытых простыми общинниками). Поэтому необходимо рассмотреть те аспекты религиозных представлений нага, которые связаны с обычаем охоты за головами.

Я. В. Чеснов следующим образом определяет этот обычай: «Охота за головами — это специфическое, стадийно позднее проявление уходящих в глубокие пласты истории верований о магической силе человека, заключенной в его голове и исчезающей с разложением тела. В этой охоте перед нами предстает ... желание как можно дольше сохранить магическую силу, или, иначе, материальную субстанцию души»⁵⁴. Изучение обрядности, сопровождающей охоту за головами, позволяет сделать вывод о существовании в верованиях нага категории жизненных сил. Для всех основных групп нага характерно представление о том, что вместилищем жизненных сил является голова. Нага верили в возможность «передачи» этих жизненных сил после смерти человека, ими обладавшего, всей общине для обеспечения в будущем плодородия и благополучия.

Изучение обрядности, связанной с охотой за головами, позволяет выявить еще некоторые аспекты представлений о голове как носителнице магической силы человека. Характер расположения добытых в результате набега вражеских голов, способ обращения с ними, их хранение могут служить свидетельством того, что непосредственным «инструментом» оплодотворяющего воздействия добытой головы считались плоть (мягкие ткани, покровы) и волосы. Костная ткань, освобожденная от плоти, не имела большой ценности.

Первоначально представление о жизненных силах, несомненно, было связано с погребальной обрядностью. Анализ обычая двустепенных похорон⁵⁵, и в частности такого ритуала, как выставление трупа, показывает, что именно продуктам разложения трупа односельчанина, умершего естественной смертью, придавалось важное значение: существовала вера в то, что они магическим путем обеспечивают всеобщее плодородие. Таким образом, появляется возможность сделать вывод, что «святость» должностных лиц нага считалась результатом наделения их по вступлении в должность магическими (жизненными) силами предшественников.

⁵⁰ Ibid., p. 216.

⁵¹ *Маретина С. А.* Малые народы Северо-Восточной Индии, с. 127.

⁵² Об этом институте см.: *Fürer-Haimendorf Ch.* Youth-Dormitories and Community Houses in India. — *Anthropos*, 1950, В. 45; *Маретина С. А.* Дом холостяков у народов Ого-Восточной Азии. — Страны и народы Востока. В. XVII (Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3). М.: Наука, 1975.

⁵³ *Hutton J. H.* The Sema Nagas, p. 37.

⁵⁴ *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976, с. 240.

⁵⁵ Об этом обычае см. *Чеснов Я. В.* Указ. раб., с. 232—237.

О вере нага в магическую силу волос свидетельствует событие, имеющее место в одной из деревень восточных ангам. Женщина, пришедшая из другой деревни, разговаривая с женой тево, оказала последней услугу: она поискала в ее волосах насекомых. Позже стало известно, что эта женщина похитила один волос и унесла его в свою деревню. Когда эта тайна была раскрыта, тево был смещен и изгнан вместе с женой из селения, «потому, что частица их и соответственно часть „достоинства“ всей общины была унесена в другую деревню»⁵⁶.

В связи с анализом представлений нага о сакральном характере власти встает также вопрос о роли атрибутов власти и символов положения, занимаемого в обществе предводителями. Интересным представляется осмысление коньяками обычая ангов восседать на каменных платформах — плоских плитах, сооружаемых перед домами вождей. На середину такой плиты после каждого удачного набега охотников за головами ставился вертикальный монолит, на который клались добытые головы⁵⁷. Этот обычай объясняет заботу вождей коньяков о своем исключительном праве восседать на этих платформах как на тронах⁵⁸. Здесь мы имеем дело с контактной магией: некоторая часть магических (жизненных) сил передавалась сидящему путем непосредственного взаимодействия с носителем этих сил или предметом, «зараженным» ими. Необходимо добавить, что одним из элементов ритуала доставки добытой головы в деревню коньяков-тхенкох Вакчинг было погребение отрезанных у «свежей» головы языка и ушей под плитой⁵⁹. Как нам кажется, этот обычай связан с представлением о большом магическом потенциале человеческой плоти, являвшейся источником святости таких атрибутов высокого статуса, как каменные «троны» у коньяков. Единая природа магических жизненных сил (плоть и волосы), приводила к своего рода представлению об однотипности регалий, атрибутов власти и особы — носителя власти в плане неприкосновенности последнего.

В деревнях тангкхул (одна из групп нага, обитающая в Манипуре) имелись кучи камней, считавшихся священными. Мейтхеи, язык которых служил здесь средством межгруппового общения, называли эти кучи *лай-пхам* — «вместилищем таинственной сущности лай, не всегда и не обязательно антропоморфизированной»⁶⁰. Нам кажется, что святость этим камням придавало то, что на них выставлялись на пять дней головы, добытые в результате набегов, и что сама эта «таинственная сила» происходила от трофеев. Кхуллакпа хранил эти пирамиды из камней внутри своего дома⁶¹.

Свидетельством стойкости подобных представлений можно считать событие, упоминание о котором содержится в хронике королевского дома бывшего княжества Манипур. Некогда манипурский раджа доставил в свой дворец священный камень из одной деревни нага, обнес этот камень стеной и распорядился проводить на этом месте захоронения голов жертв войн. Считалось, что тот камень оказывал влияние на запасы продовольствия всего народа⁶².

Однако не следует думать, что обладание трофеями охоты за головами считалось единственным источником большого запаса магических сил. В представлениях многих нага таким источником было уже общее богатство человека.

Обратимся к приведенному в книге К. Фюрера-Хаймендорфа «Голые нага» описанию ритуала, совершенного с черепом одного из умерших в деревне Вакчинг (район обитания коньяков-тхенкох). Мужчины мо-

⁵⁶ *Fürer-Haimendorf Ch., Mills J. P. Op. cit., p. 929.*

⁵⁷ *Hutton J. H. Meaning and Method of the Erection of Monoliths by the Naga Tribes.— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1922. v. 52, p. 243.*

⁵⁸ *Fürer-Haimendorf Ch. Die nackten Nagas. Leipzig, 1947, S. 137.*

⁵⁹ *Ibid., S. 217.*

⁶⁰ *Hodson T. C. The Naga Tribes of Manipur, p. 117.*

⁶¹ *Ibid., p. 189.*

⁶² *Hodson T. C. Head-Hunting among the Hill Tribes of Assam.— Folk Lore, 1909, v. 20, p. 135.*

рунга⁶³ Тхепонг перестраивали здание своего мужского дома и должны были принести дичь для проведения заключительной церемонии. Несколько дней кряду им не везло, и они долго размышляли над тем, что могло бы быть причиной такого невезения. Наконец они нашли «виновного». Им оказался Шоуба, самый богатый и влиятельный человек селения, умерший в том году. Его духовная субстанция, как казалось мужчинам, содействовала им меньше, чем им этого хотелось. Поэтому, придя к урне с черепом Шоубы, они принесли умершему в жертву петуха, с просьбой о поддержке. Урну покрыли рыболовной сетью, чтобы «поймать душу» умершего, привлеченную подношением. Затем, сняв сеть с урны, ее принесли в здание мужского дома для того, чтобы пойманная таким образом духовная субстанция знаменитого Шоубы сообщила свою силу мужчинам всего морунга. Далее К. Фюрер-Хаймендорф уточняет, что сетью задержали не собственно душу, олицетворявшую индивидуальность, личность умершего односельчанина, а полезную для всей деревни магическую силу, которой он обладал в большой степени, что доказывает его богатство при жизни⁶⁴. Этот эпизод показывает, что «ценность» черепов умерших односельчан была прямо пропорциональна прижизненному богатству их «владельцев». Примечательно, что охотники за головами у чангов и коньяков особенно ценили головы богатых и храбрых людей, ассоциируя их с добычей богатства или храбрости⁶⁵.

Связь богатства и магических сил особенно четко и органично проявляется в представлениях ао нага об арэн. Дж. Ф. Миллз переводит этот термин как «признак врожденного преуспевания», «достоинство», «добродетель». Дж. Г. Хаттон рассматривает эту силу как своего рода эквивалент океанийской мана⁶⁶. Арэн присуща богатым людям и может быть приобретена, по воззрениям ао, посредством «празднества заслуг»⁶⁷. Дж. Г. Хаттон отмечает тесную связь между деревьями — обиталищами лесных духов⁶⁸ и преуспеванием (арэн) богатого человека: богатые люди обычно оставляли на своих участках, обрабатываемых подсечно-огневым способом, несколько невыкорчеванных деревьев, чтобы привлечь туда духов. Дж. Ф. Миллз сообщает, что если бы бедный человек попытался последовать примеру своего богатого соседа, ставив невыкорчеванными деревья на своем участке, то, по представлениям ао, молния поразила бы эти деревья⁶⁹. В приведенных выше писаниях арэн действительно напоминает мана, и поэтому к представлениям ао нага об арэн полностью применимы слова С. А. Токарева, характеризующие мана: «С материалистической точки зрения источником веры в мана является не вера в духов и не отвлеченное представление о безличной силе, а определенные социальные условия. Внутренняя дифференциация общины, выделение в ней привилегированных в том или ином отношении людей — предводителей, колдунов, членов военных союзов, а также искусных мастеров, ремесленников и пр. — порождает смутное представление об их социальном превосходстве, и оно влекается в религиозную форму: в идею таинственной силы, которой якобы обладают эти выделяющиеся в общине люди»⁶⁹. То обстоятельство, что у ао представление об арэн не связывается с восприятием власти, можно объяснить особенностями организации управления этой группы нага (система возрастных классов).

По мере изменений в социальной структуре отдельных групп нага их представления о сущности жизненных сил постепенно приобретали

⁶³ Слово «морунг» обозначает одновременно и социальный институт, и здание мужского дома.

⁶⁴ Furer-Haimendorf Ch. Die nackten Nagas, S. 89—90.

⁶⁵ Hutton J. H. Divided and Decorated Heads as Trophies.— Man, 1922, v. 22, № 67, 114.

⁶⁶ Mills J. P. The Ao Nagas, p. 257, note 1.

⁶⁷ Обычай, направленный на повышение социального статуса устроителя церемонии, богатевшего общинника.

⁶⁸ Mills J. P. The Ao Nagas, p. 111, note 1.

⁶⁹ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976, с. 76—77.

...ее содержание. Так, если в период боготворения охоты за головами понятие «богатство» было как бы «растворено» в такой фундаментальной категории представлений, как «всеобщее плодородие» (земли, скота, людей) и «благосостояние», то позднее богатство приобретает самостоятельное значение и именно с ним ассоциируются магические силы (с этой «знаковой» функцией богатства⁷⁰ мы сталкиваемся при рассмотрении обычая устройства «празднеств заслуг»). Процесс превращения богатства в самодовлеющую ценность и вычленения его в пределах круга представлений, связанных с комплексом плодородия, или мегалитическим комплексом⁷¹, можно сопоставить по форме с превращением богатства из атрибута знатности в «проявление счастья» в представлениях древних китайцев соответственно чжоуской эпохи и периода «Борющихся царств»⁷². Обобщая, можно сказать, что в представлениях нага о власти на первый план выступает безличный принцип магических (жизненных) сил, воплощением которых и считались должностные лица.

Как показывают вышеприведенные материалы, и теория сакрального происхождения власти, и точка зрения, согласно которой правитель превращался в жреца, в равной мере неверны. Для должностных лиц нага (будь то военный предводитель или старейшина) характерны не столько сочетание или последовательная смена управленческо-организаторских функций обязанностями по отправлению определенных ритуалов, сколько наделение этих лиц по вступлению в должность сакральным авторитетом, благодаря чему они становились во главе иерархии священнослужителей. Эту проблему следует рассматривать в тесной связи с вопросом о «демократически развивающихся» и «аристократических» обществах.

В зависимости от конкретно-исторических условий лицами, осуществлявшими руководство коллективом, на основании чего они наделались сакральным авторитетом (магическими силами), могли быть: в период хозяйственного освоения гор Нага, характеризовавшийся частыми войнами, — военные предводители; в условиях «замирения», когда необходимость в должности, связанной с руководством военными операциями, отпадала — старейшины. В литературе уже отмечалось, что военная и религиозная власть объединялись реже, чем светская и религиозная в мирное время⁷³. Говорить о сочетании светских и сакральных функций в лице вождя у тех нага, где система власти носит аристократический характер, можно лишь с определенными оговорками, касающимися содержания сакральных функций этого должностного лица. Вожди у нага могли выступать в качестве «общинных руководителей обрядов»⁷⁴, но не были жрецами. Во всяком случае, первичным было наделение вождей как должностных лиц общины сакральным авторитетом, а возможность и право руководства исполнением обрядов вытекали уже из него.

Старейшины — кемово у ангами, члены клана унг у чанг и пхон, кхуллакпа у манипурских нага, представлявшие кланы первопоселенцев, в мирное время превращались в своего рода старост деревень. Для должностных лиц этого типа характерно более глубокое, но не всеобъемлющее (достаточно указать на разделение культово-религиозных

⁷⁰ См. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972, с. 196.

⁷¹ Этот комплекс выделяют Хаттон, Хайне-Гельдерн и Симунс: Hutton J. H. The Significance of Head-Hunting in Assam. — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1928, v. 58; Heine-Geldern R. Das Megalithproblem. — Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit. Horn, 1959; Simoons F. J. A Ceremonial Ox of India. The Mithan in Nature, Culture and History. Madison, 1968.

⁷² Крюков М. В. Что такое счастье? (опыт диахронного исследования социальной психологии в древнекитайском обществе). — Сов. этнография, 1980, № 2, с. 135.

⁷³ Куббель Л. Е. Идеология и ритуал в становлении верховной власти на грани перехода к раннеклассовому обществу. — Конференция «Идеологические представления древнейших обществ». Тезисы докладов. М., 1980, с. 28.

⁷⁴ Термин Г. Г. Стратановича.

функций между деревенским жрецом и знахарем-шаманом) соединение светской и религиозной власти. Включение в число обязанностей этих должностных лиц выполнения обрядов, направленных на повышение благосостояния всего коллектива, обязано своим происхождением разделению труда между военным (вождь) и ритуальным (старейшина) предводителями, имевшему место при основании новых деревень.

С. А. Токарев выделяет три формы сакрализации власти вождя: 1) сверхъестественная санкция его авторитета как опирающегося на магическую силу или на поддержку могущественных духов; 2) почитание умерших вождей, превращающихся в сильных и опасных духов; 3) выполнение вождем ритуальных и культовых функций⁷⁵.

Материал о большинстве групп нага дает нам убедительные примеры сверхъестественного обоснования авторитета вождей и старейшин как авторитета, опирающегося на магические силы. Следов же второй формы, существование которой в представлениях многих народов мира отмечено С. А. Токаревым, в обычаях и обрядах нага нет.

Попытки ряда авторов истолковывать некоторые обычаи коньяков как доказательство культа предков⁷⁶ не могут быть признаны убедительными.

Таким образом, сакральный элемент в представлениях о власти (руководстве) позволяет сблизить ритуального предводителя, или распорядителя выполнением обрядов, с военным предводителем. Сакрализация власти должностных лиц и должности у нага проявлялась в сверхъестественной санкции авторитета должностных лиц. Эта единственная форма сакрализации власти (должностное лицо считалось вместилищем магических сил общины) не указывает на то, вождь перед нами или верховный жрец, а также не является аргументом в пользу того, что вождь выполнял и функции жреца.

Наделение должностных лиц после вступления в должность магическими (жизненными) силами всего коллектива совсем не обязательно было следствием или свидетельством их непрерываемого авторитета. Следует согласиться с авторами статьи о тево, отмечающими, что больше уважения восточные ангагами оказывают скорее институту (должности), чем человеку, занимающему пост тево⁷⁷.

⁷⁵ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964, с. 337.

⁷⁶ Но даже эти исследования говорят не о поклонении духам умерших вождей, а о культе предков. См.: Kauffmann H. E. Kopfjäger und Bergbauern. Meine Expedition zu den Naga in Assam.— *Zeitschrift für Ethnologie*, 1938, B. 70, S. 105; Wales H. G. Q. Prehistory and Religion in South-East Asia. L., 1957.

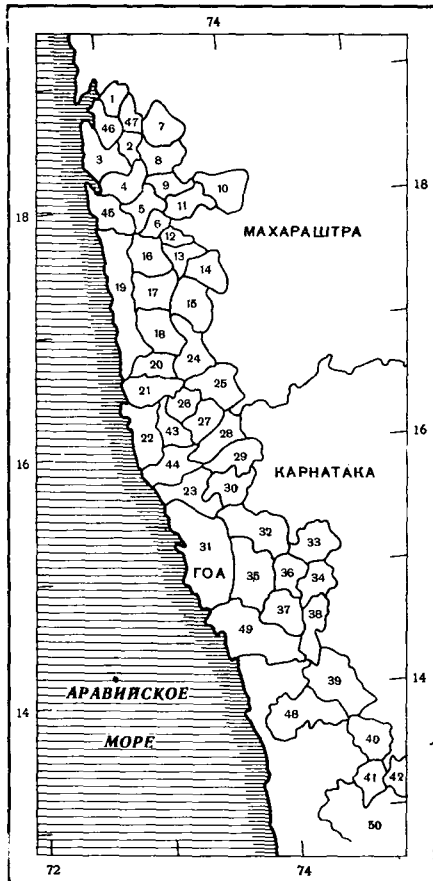
⁷⁷ Fürer-Haimendorf Ch., Mills J. P. Op. cit., p. 932.

М. Гадгил, К. Ч. Малхотра

ЭКОЛОГИЯ ПАСТУШЕСКОЙ КАСТЫ ГАВЛИ-ДХАНГАРОВ

Основным занятием целого ряда каст индусского общества является пастушество — выпас овец, буйволов, коров, яков, коз, верблюдов и даже уток; между тем их социальная организация, экология, технология выпаса, экономика почти не освещены в литературе¹. Цель этой статьи — осветить указанные проблемы на примере одной группы — гавли-дхангаров штата Махараштра, насчитывающих около 85 тыс.

¹ Sopher D. E. Indian Pastoral Castes and Livestock Ecologies.— In: Pastoralists and Nomads in South Asia. Heidelberg, 1975, p. 183—208; Cockrill W. R. Management, Conservation and Use.— In: The Husbandry and Health of Domestic Buffalo. Rome, 1974, p. 276—312.

Уезды (таксилы) штатов Махараштра и Карнатака и численность гавли в них (в некоторых уездах численность гавли неизвестна): 1 — Панвел (1197); 2 — Судхагад (719); 3 — Роха (1311); 4 — Мангаон (3602); 5 — Махада (3000); 6 — Поладпур (2400); 7 — Мавал (1073); 8 — Мулши (1500); 9 — Веле (602); 10 — Пурандхар (677); 11 — Бхор (1649); 12 — Махабалешвар (720); 13 — Джаоли (1400); 14 — Сатара (2777); 15 — Патан (3000); 16 — Кхед (2339); 17 — Чиндлун (2700); 18 — Сангамешвар (2823); 19 — Ратнагири (1500); 20 — Ланджа (1423); 21 — Раджапур (2334); 22 — Малван (1721); 23 — Саватвади (2192); 24 — Шахувади (2500); 25 — Панхала (1460); 26 — Бавда (1026); 27 — Радханагари (2000); 28 — Аджара (600); 29 — Бхударгад (600); 30 — Чандгад (1800); 31 — Гоа; 32 — Кхарапур; 33 — Дхарвар; 34 — Калгатги; 35 — Суна; 36 — Халиял; 37 — Эллапур; 38 — Мундгод; 39 — Шикарпур; 40 — Симога; 41 — Пура; 42 — Тарикера; 43 — Канакавли (1882); 44 — Кудал (1998); 45 — Мандангад (913); 46 — Пен (884); 47 — Ихалапур (540); 48 — Симога; 49 — Канара; 50 — Чикмагалур

чел. и расселенных от 13 до 19° с. ш. по склонам Западных Гат (см. карту). Это одна из 23 эндогамных каст, входящих в группу дхангар в Махараштре. Касты группы дхангар заняты в основном пастушеством и ткачеством. Гавли-дхангары (гавли — от санскр. gav «корова») известны также как мхаске (буйволоводы) или данге (обитатели гор).

Гавли разводят в основном буйолов, отчасти коров, в новейшее время и коз, дополняя эти занятия переложным земледелием, в основном возделыванием культуры проса на склонах гор. В прошлом необходимые им зерно, ткани и другие предметы потребления они получали в обмен на масло. Их социальные связи с оседлым сельским населением помимо натурального обмена были незначительны.

В наши дни в обществе гавли происходят глубокие изменения. Они стали одними из основных поставщиков молока в индустриальные центры Бомбей, Пуну, Колапур и др., и уровень их жизни выше, чем у большинства крестьян в районе их расселения. В то же время эксплуатационная перегрузка лесов, пастбищ и участков переложного земледелия быстро истощает пастбищные, почвенные и водные ресурсы. Для гавли становится все труднее существовать за счет пастушества, они все более переходят к козоводству и переложному земледелию, что еще сильнее разрушает среду их обитания, в конечном счете угрожая превратить их в безземельных батраков. Разумеется, с подобным развитием событий необходимо бороться, и мы надеемся, что наша статья в чем-то поможет этому.

Западные Гаты представляют собой не столько горный хребет сколько приподнятый край Декканского плато, обрывисто спускающийся к узкой полосе прибрежной равнины. Климат здесь муссонный тропический, температура колеблется в основном от 20 до 30° С с крайними значениями от 10 до 40° С. Влагу приносит в основном юго-западный муссон с июня по сентябрь. Осадки в приморской полосе

превышают 2500 мм/год, а в высочайших точках гор (пики Калсубай — 1646 м и Махабалешвар — 1438 м) — и 6000 мм/год. На восток от водораздела Гат количество осадков резко падает, но в пределах 100—200 км от линии берега все еще достигает 1000 мм/год. Растительность соответственно варьирует от колючего тропического леса в наиболее сухих зонах (с осадками около 600 мм/год и ниже) до вечнозеленого леса (с осадками 3000 мм/год и выше). Промежуточные зоны заняты тропическим листопадным и полулистопадным лесом. При этом примечательно, что Западные Гаты между 16—18° с. ш. почти свободны от малярии, а между 18 и 19° поражены ею в умеренной степени. В результате противомалерийных мер сейчас в изученном районе малярия представляет серьезную опасность лишь севернее 19° с. ш.² Современное население Западных Гат относится к пяти хозяйственно-культурным типам: охотники-собиратели, пастухи-скотоводы, переложные земледельцы, пашенные земледельцы и садоводы. К первым принадлежат племенные группы кокха, дхозна, варли, каткари, тхакур и др., расселенные в основном севернее 19° с. ш. Сейчас уменьшение числа диких животных и сокращение растительных ресурсов заставляет их все более переходить к положению мелких земледельцев или батраков, стоящих на крайней ступени обнищания.

Пастушеские группы — это гавли, голла и небольшое число представителей овцеводческих каст. Влажная среда Западных Гат неблагоприятна для овцеводства, поэтому в стадах преобладают коровы, буйволы, козы. Гавли расселены в Махаращре и в Карнатаке, а голла, мигранты из Андра-Прадеш, — только в Карнатаке. Овцеводы живут в основном восточнее, на сухих саваннах Декканского плато, и лишь несколько их деревень имеется в Колапуре.

Переложным земледелием заняты маратха-кунби и коли в Махаращре, возделывающие просо на склонах и, где возможно, рис в долинах. Наряду с рядом других, мигрировавших сюда позднее групп они заняты в пашенном земледелии, а наиболее увлажненные участки близ водораздела занимает каста хавикбхат, садоводы, выращивающие арековую пальму, черный перец, кардамон, бетель, бананы и отчасти рис.

В результате интенсивного сельскохозяйственного освоения и вырубки леса на топливо естественные леса сейчас сохранились главным образом на возвышенных и малодоступных местах. Здесь, в Гатах Махаращры, широко практикуется переложное возделывание проса, при котором участок обрабатывается 2—4 года, а затем идет на 5—20 лет под залежь, где за это время вырастают кустарник и мелкий вторичный лес. В Гатах Карнатаки переложного земледелия почти нет, так как здесь лучше условия для возделывания заливного риса.

Таков экологический фон обитания гавли. Растительный покров определяет наличие кормов для скота, укрытие, источники воды и опасность со стороны хищников. Зараженность малярией ограничивает район, к которому могут адаптироваться гавли, а наличие других обитателей — доступность пастбищ.

Гавли живут в 11 округах и 49 уездах штатов Махаращра, Карнатака и Гоа. Общая их численность 85 тыс. чел. Из них 59 тыс. живут в сельской местности Махаращры, 8 тыс. — в г. Бомбее, 3 тыс. — в сельской местности Гоа и 15 тыс. — в сельской местности Карнатаки. При общей плотности населения в этих районах от 20 до 110 чел. на 1 кв. км плотность населения гавли колеблется от 1 до 6 чел. на 1 кв. км, и они составляют от 0,3 до 1,2% сельского населения. Особенно много гавли живет в уездах Поладпур, Махад, Махабалешвар, Патан и Шахувади, т. е. на плато вокруг пика Махабалешвар. В Карнатаке они тяготеют к зоне с осадками от 800 до 2500 мм/год, а в Махаращре — к зоне 2000—6000 мм/год. В Карнатаке это зоны листопадного леса с просвечивающим пологом, где много травы и условия для

² Vishwanathan D. K. Malaria and its Control in Bombay State. Poona, 1950.

скота оптимальны, тогда как в более влажных вечнозеленых лесах травостой нет. В Махараштре же леса в зоне с осадками менее 2000 мм/год почти все сведены. При более коротком дождливом сезоне и при почвах на трапповых породах, быстро впитывающих воду, корма для скота здесь хватает лишь на 3—4 месяца в году. В более влажной зоне леса тоже сильно вырублены, но все же есть еще деревья, кустарники и постоянные источники воды. Переложное земледелие, очевидно, сыграло большую роль в разрежении вечнозеленого леса, сделав этот район, таким образом, доступным для гавли.

Гавли поддерживают свое существование в основном за счет молочных продуктов от коров и буйволиц. Семья из шести человек, чтобы покрыть свои потребности в калориях, нуждается в молоке от шести буйволиц или от 16 коров. Значит, для существования семье необходимо стадо из 10—15 буйволов или 36—40 голов крупного рогатого скота или смешанное стадо примерно в 10 буйволов и 15 коров. Средний вес буйвола здесь 150 кг, коровы — 100 кг. Следовательно, биомасса стада одной семьи будет составлять от 1500 до 4000 кг. По недавним исследованиям³, во влажном тропическом лесу оптимальная нагрузка жвачных травоядных на 1 кв. км составляет 1500 кг биомассы диких и 3000 кг биомассы домашних животных. Иными словами, стадо одной семьи гавли нуждается в 1 кв. км пастбищ. Скот гавли использует пастбища в радиусе 3 км от поселений, так что группа из 25—30 хозяйств может держать свой скот вместе и выпасать его на площади до 30 кв. км. Поселения могут находиться на расстоянии около 6 км друг от друга. Если же в них по 10 хозяйств, то своих примерно 100—150 буйволов или 300 коров они могут пасти на площади 10 кв. км, и тогда расстояния между отдельными поселениями будут около 3,5 км. Примерно такие же цифры мы получили от наших информаторов в селе Бхадаскхонда, уезд Мулши: они утверждали, что поселки гавли примерно по 10 дворов встречаются через каждые 3—4 км, а крестьянские (земледельческие) поселения в этом же районе насчитывают по 20—25 дворов и встречаются через 2—3 км. Но вышесказанное справедливо лишь в том случае, если все уголья вокруг поселений гавли пригодны для выпаса скота. Однако очень часто это далеко не так. Почти везде гавли живут бок о бок с крестьянами кунби в Махараштре и разными группами земледельцев и садоводов в Карнатаке, представляя в среднем от 1 до 5% всего населения каждого района. Пастухи гавли, земледельцы и садоводы занимают разные ландшафтные ниши, различающиеся качественно и по количеству доступной для освоения площади.

В Махараштре преобладают узкие долины с крутыми ступенчатыми склонами, ведущими к пологим плато. Долины и нижняя часть склонов осваиваются кунби, чьи деревни лежат в долинах, а поселения гавли находятся на верхних террасах склонов, и они осваивают верхнюю часть склонов и плато. Если данная гора с ее плато может дать приют более чем одному поселению гавли, то поселения разбросаны по верхним террасам на расстоянии 1,5—3,5 км друг от друга. Площадь выпаса скота каждого поселения, таким образом, это полоса от 1 до 2 км длиной и от 1 до 2 км шириной, т. е. 1—2 кв. км выгона на поселение. Плотность населения у гавли доходит до 60 чел. на 1 кв. км. По уезду в целом плотность населения составляет от 1 до 6 чел. на 1 кв. км, т. е. гавли используют от 2 до 6% площади земли в уезде. На участках такого размера можно без ущерба выпасать от 10 до 20 буйволов или 30—60 коров, т. е. биомассу не более 3000 кг на 1 кв. км. На деле же на каждое поселение приходится до 150 животных с биомассой 15 000—25 000 кг. Таким образом, допустимые нормы выпаса превышаются в несколько раз. Сами гавли неизменно утверждают, что районы их обитания резко перенаселены. Лишь в одном поселении — Гхутке-Асанвади в уезде Мулши перенаселение не ощущалось жителями, и плотность

³ Eisenberg J. F. and Seidensticker J. Ungulates in Southern Asia: a Consideration of Biomass Estimates.— Biological Conservation, 1976, № 10, p. 293—308.

скота там действительно была гораздо ниже — около 10 голов на 1 кв. км. Из-за перенаселенности своих исконных территорий в Махараштре многие гавли, особенно начиная с 1950 г., мигрировали в слабо-заселенный лесной пояс Сев. Карнатаки. Здесь их положение значительно лучше, но и этот район быстро перенасыщается. В отличие от деревень Гат Махараштры, заселенных обычно одним родом касты кунби, в Карнатаке в деревнях земледельцев живут представители целого ряда каст, мигрировавшие сюда относительно недавно. Плотность населения здесь ниже, и одно поселение отделено от другого участком леса, в котором обитают гавли повсюду, где только есть источники воды. По реке поселки следуют друг за другом через 1—2 км, даже чаще, чем в Махараштре, но ширина полосы выпаса здесь больше, и на 1 кв. км приходится от 12 до 40 животных с биомассой от 2000 до 12 000 кг. Все-таки и эта последняя цифра вчетверо превышает допустимую норму выпаса. Это признается и самим населением. Поселки здесь очень невелики, от 5 в среднем семей в уезде Мулши до 10 в уезде Халиял; лишь в уезде Патан один поселок насчитывает 25 семей. Чаще всего это поселки одного патриклана, семьи обычно малые.

Традиционно в стадах гавли буйволицы преобладали над коровами в отношении 3 : 1. В последние годы доля коров возрастает; в стадах появляются также козы, которых раньше не было совсем. Власти стараются запретить выпас коз, сильно разрушающий растительность, но это не всегда удается. Как уже говорилось, по нашим расчетам, семья нуждается для нормального существования в стаде из 10—15 буйволов либо 30—40 голов крупного рогатого скота (коров). Только уезд Халиял, недавно заселенный и хорошо облесенный, соответствует этим показателям. Повсюду в других местах они ниже. По утверждению информаторов, это явление последних 50 лет; ранее нормальные стада содержали до 60 буйволов и 20 коров на семью. Некоторые семьи в уезде Халиял до сих пор имеют такие стада, но их немного.

По утверждению самих гавли, снижение численности стад и доли буйволов в них имеет две причины. Одна — это деградация древесной растительности. Буйвол по сравнению с коровой требует гораздо больше корма и лучшего качества, больше воды и тени. Деградация древесной растительности приводит к недостатку всего этого. Леса, обитаемые гавли, за последнее столетие интенсивно вырубались на строевой лес, на углежжение, на дрова, страдали от расширения подсекаемого земледелия, связанного с четырехкратным ростом населения в этом районе и изъятием больших площадей высокопродуктивных рисопроизводящих земель под водохранилища ГЭС. В результате деревья, дававшие тень и корм в виде листьев, — *Grevia tilifolia*, *Dalbergia latifolia*, *Dalbergia symphatica*, *Ochlandra scriptoria*, *Eriolaena quinquelocularis*, *Ficus hispida*, *Albizia procera*, *Trema orientalis*, *Ehretia laevis* — сменились колючими кустарниками типа *Carissa congesta*, *Xeromphis spinosa*, *Lasiosyphon eriocephalus*, *Calvia callosa*, *Lantana camara* и грубой травой *Heteropogon contortus*, не дающими ни тени, ни корма. Если раньше буйволы сами находили листву, то в настоящее время гавли ищут ее, обдирают деревья и приносят буйволам корм. Из-за отсутствия древесной тени дойных буйволиц теперь часто держат все лето под навесом на привязи. Конечно, это резко ограничивает их численность в хозяйстве. Травостой также сильно страдает от перевыпаса.

Коровы и козы, естественно, более выносливы к жаре, сухости, качеству корма и могут одолевать крутые склоны, недоступные буйволам. Вторая причина роста стад коров и коз — снижение числа хищников. Ранее здесь водилось много тигров и пантер. Сейчас тигр практически исчез, а число пантер резко снизилось. Взрослый буйвол почти не боится тигра и вовсе не боится пантер, тогда как для коров те и другие очень опасны. По словам гавли, в прежнее время коз держать было

вообще невозможно, а коров довольно трудно. Поэтому предпочитали разводить в основном буйволов. На примере уезда Халиял, где состояния лесных пастбищ удовлетворительно, еще водятся тигры и довольно много буйволов, уезда Ратнагири, где леса почти полностью сведены подсекой и гавли все более переходят на козоводство, и ряда промежуточных ситуаций мы видим, что по мере деградации среды происходит переход от разведения в основном буйволов к разведению коров и затем коз.

У гавли телят до 6 мес. держат на привязи круглосуточно, а обращение со взрослыми животными варьирует в зависимости от местных условий. В оптимальном случае, как в уезде Халиял, стадо возвращается домой утром для дойки. Затем оно

на целые сутки вновь уходит на выгон. Там, где деревья не дают укрытия, дойные самки стоят под навесом все лето. Буйволов держат под навесом в сухой сезон, так как без древесной тени они не выносят жары, а коров — в период муссона, так как они без укрытия деревьев не выносят ливней. Раз в день животных из укрытия выгоняют на водопой. Кормят их в стойлах сеном, рисом и просяной соломой, листвою. Только дойным самкам дают в прикорм жмых. Коз держат в укрытии ночью и выпасают днем. Самое трудное для скота время — сухой и жаркий сезон с февраля по май. Тяжелым временем для животных является и июнь — июль, когда

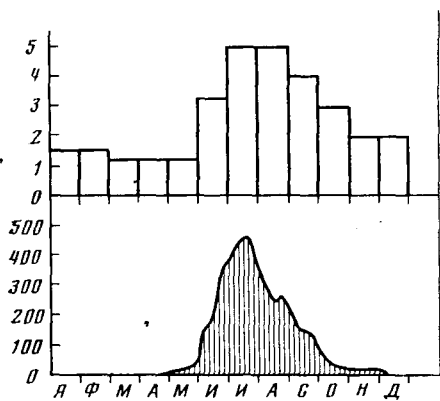

Рис. 1. Связь между осадками и надоем молока: верхний график — ежедневный надой от одной буйволицы в л., нижний график — количество осадков за пятидневку

вслед за весенней нехваткой кормов внезапно приходит муссон, несущий ливни, ветры и похолодание. На высотах, заселенных гавли, ураганы достигают 25—30 м/с, а ливни — 100 мм/день. В эти месяцы наибольшая смертность скота, особенно среди телят, где она достигает 30—40%.

Половая зрелость у скота наступает к 3—4 годам, при недоедании — к 6—7. Отел у коров происходит в мае — июне, у буйволиц — в сентябре — октябре. Отелы имеют двухгодичные интервалы, так как матка беременеет только после муссона и нагула по прекращении лактации, длящейся у коров 220 дней, у буйволиц — 300 дней. За всю жизнь до дряхлости одна особь рождает 4—5 раз. Надой очень варьирует за год, в целом следуя за кривой осадков (рис. 1). Годичный надой от буйволицы бывает в пределах 500—800 л, от коровы — 225—275 л.

Традиционно, т. е. еще 10—20 лет назад, гавли обычно сквашивали все молоко, пахтали из него масло, пахту оставляли для собственного потребления, а масло, собиравшееся в течение недели, продавалось на еженедельной ярмарке в ближайшем крупном селе (рис. 2). Кое-где в отдаленных поселениях эта практика сохраняется по сей день, но в большинстве случаев гавли сейчас продают молоко в города через сбытовую кооперацию.

Питание гавли традиционно зависело от обмена масла на зерно, в основном сорго (*Sorghum vulgare*) или дагуссу (*Eleusine coracana*). Потребность в зерне повсюду составляет 0,5 кг на душу населения в день. Среднее домохозяйство насчитывает 6 чел. Таким образом, в год ему нужно около 1100 кг зерна. При жирности буйволиного молока в пределах 6—9% выход масла из 1 л составляет 50—80 г. Норма обмена варьирует от 12 до 20 кг зерна за 1 кг масла и остается стабильной на протяжении ряда поколений, невзирая на все изменения цен в денежном выражении. Таким образом, 1 л молока дает достаточно масла

для обмена на 1 кг зерна. Помимо этого, для личного потребления остается пахта. В стаде обычно половина буйволов взрослые, из них половину составляют дойные буйволицы, так что доится одна особь из четырех. При указанных выше надоях на дойную особь получается, что на одну голову стада приходится годичный надой 200 л для буйволов и 60—70 л для коров. Таким образом, стадо из 5 буйволов и 16 коров покрывает потребности домохозяйства в зерне.

Помимо зерна, традиционные потребности гавли невелики. Это растительное масло, бобы, пальмовый сахар, лампадное масло (ныне керосин), ткани для одежды и прочие товары, такие, как соль, табак, сухая рыба, приправы и т. д. Все это по стоимости примерно равно стоимости потребляемого зерна, так что все потребности семьи в покупных товарах покрываются надоем

2200—2300 л молока, т. е. стадом из 11—12 буйволов или 30—32 коров (см. табл. 1). Пищевой рацион гавли представлен в табл. 2. При условии, что регулярно потребляется хотя бы 1 л пахты на душу, эта диета дает 74 г белка и 2250 калорий. В состав рациона входят также яйца домашних кур и собираемые в лесу мед и некоторые съедобные растения. В целом в нормальной, неразрушенной среде обитания стадо из 11 буйволов или 32 коров вполне покрывает потребности семьи, а более крупные стада обеспечат и гораздо более высокий жизненный уровень.

Понятно теперь, почему навыки охоты у гавли совершенно отсутствуют, хотя они живут в районе, богатом дичью, такой, как карликовый олень, лающий олень, самбур, кабан, дикобраз, черный заяц, лесные куры. Крестьяне кунби активно охотятся на всю эту дичь, но они производят только зерно и бобовые и держат очень мало дойного скота, поэтому дичь для них составляет важный источник животного белка, который для гавли обеспечивался потреблением пахты.

Развитие городов в последние годы создало рынок для цельного молока и изменило эту ситуацию. Теперь гавли могут продавать не масло, а молоко, и за цену 1 л молока могут купить не 1, а 1,5 кг зерна. Однако при этом из их питания выпадает пахта. Если примириться с

Рис. 2. Мужчина-гавли со штоком традиционной маслобойки. Фото К. Малхотры

Таблица 1

Предметы основного годичного потребления у гавли в уезде Сатара (цены 1979 г.)

Предмет	Среднее потребление в год	Эквивалент стоимости в зерне, кг
Растительное масло, кг	13,85	103,87
Бобовые, кг	40,92	136,40
Пальмовый сахар, кг	48,96	122,40
Керосин, л	39,00	65,00
Ткани, рупии	521,90	434,92
Прочее, рупии	360,00	300,00
Всего		1162,59

Таблица 2

Пищевой рацион гавли (на человека в день)

Продукт	Ежедневное потребление в день, г	Содержание белка, г	Калорийность, ккал
Просо	500	35	1700
Растительное масло	6,6	0	58
Бобовые	18,3	4	58
Пальмовый сахар	21,6	0	84
Пахта	1000	35	350
Всего	1546,5	74	2250

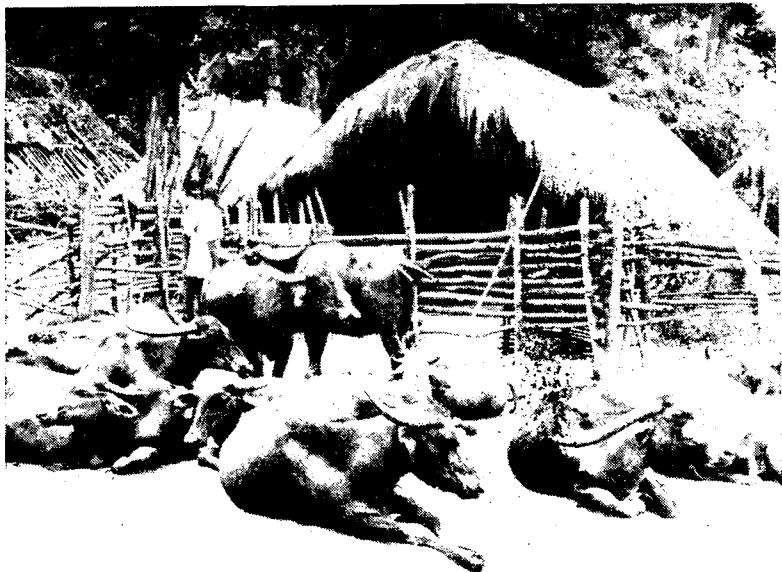

Рис. 3. Буйволы около усадьбы гавли в уезде Халиял. Фото Г. Ж. Салданья

этой потерей в питании, то в настоящее время минимальное стадо вместо 11 буйволов или 32 коров может насчитывать 7 буйволов или 24 коровы (рис. 3).

Гавли не потребляют ни крови, ни мяса своих животных и даже не продают их на забой. Подросших самцов — буйволов или бычков они сбывают крестьянам как тягловый скот. Один бычок будет рождаться в год на стадо из восьми голов. Но даже с учетом дополнительного дохода от его продажи потребности семьи не могут быть обеспечены стадом менее 5—6 буйволов или 18—20 коров. Между тем из табл. 3 явствует, что реально только домохозяйства уезда Халиял соответствуют этим требованиям. Во всех других районах, и в особенности на первоначальной родине гавли, в Махараштре, им соответствует лишь небольшая часть домохозяйств.

Поскольку разведение крупного рогатого скота уже не может обеспечить жизненные потребности подавляющего большинства гавли, они все более переходят к другим занятиям — козоводству и переложному возделыванию проса (рис. 4.). Однако, как видно из табл. 3, стада коз почти везде немногочисленны, и одна из причин заключается в том, что требуются большие усилия по защите их от хищников — пантер, лис и шакалов, равно как и от воров.

Переложным или подсечно-огневым земледелием гавли занимались и раньше, но лишь в небольших масштабах. Основное его значение заключалось в том, что освобождались от древостоя участки темного леса. Затем, после снятия и посадки урожая, здесь разрасталась трава, и они превращались в превосходные пастбища. Гавли пользовались также пастбищами, создававшимися на заброшенных подсеках крестьян других групп, но в последнее время в связи с ростом спроса на молоко крестьяне держат больше скота и сами выпасают его на этих участках. Характеристика культур, возделываемых гавли, дана в табл. 4.

Земледелие у гавли всецело ручное, случаи плужного возделывания заливного риса практически отсутствуют. Таким образом, семья может обработать на скалистых склонах не более 2—3 га, что дает ей около 600—800 кг зерна, примерно от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ ее потребностей. С этим добавлением пределы минимально достаточного стада опускаются до 2—3 буйволов и 7—10 коров. Этому критерию соответствуют стада в уездах Мулши, Махад, Джаоли, Патан и Сатара, но не в Махабалешваре,

Рис. 4. Стадо коз около усадьбы гавли в уезде Ратнагири. Фото Б. В. Бхану

Шахувади и Ратнагири. В этих уездах значительная часть гавли отходничают, батрачат, а некоторые семьи в Ратнагири даже нищенствуют.

Переход от продажи масла к продаже молока влечет за собой прекращение потребления пахты, а значит, и снижение уровня жиров и белков в диете. Мы произвели замер жировой складки на бицепсе и трицепсе у группы гавли, продающих молоко, у группы гавли, продолжающих сбывать масло и потреблять пахту, и для сравнения у трех других групп: каткари, в прошлом племени охотников и собирателей, но сейчас в результате оскуденения лесов беднейших поденных рабочих; маратха, земледельческой касты, но в нашем случае представителей фабрично-заводского пролетариата, и брахманов дешастха-ригведи, жреческой касты, в нашем случае городских работников умственного труда. Измерения на гавли были проведены в ходе нашего исследования, на прочих — в ходе индийско-советских антропологических исследований в Махараштре в 1974—1975 гг.⁵

Как видно из табл. 5, жировая складка больше у продавцов масла, нежели у продавцов молока; у обеих групп гавли жировая складка явно больше, чем у каткари, заметно меньше, чем у брахманов, и в целом примерно такая же, как у маратха.

Гавли — весьма подвижная группа населения. В прошлом, когда земледелие было вспомогательным занятием, гавли не были заинтересованы в приобретении земли в постоянное владение. Более половины опрошенных семей в Махараштре оказались потомками мигрантов из других местностей в течение последних семи поколений, что резко отличает их от местных крестьян-земледельцев. Пока среда их обитания не стала перенаселенной, гавли обычно перемещали свои поселки каждые 3—4 года в поисках лучших пастбищ. За последние полвека, однако, с возрастанием роли земледелия развилась тенденция к оседлости, к покупке пашенной земли у крестьян-земледельцев. Дома в настоящее время строятся гораздо основательнее, с балками из больших бревен, нередко с черепичной или даже железной крышей в отличие от традиционных хижин из бамбука с тростниковой кровлей. Переселения сей-

⁵ Абдулелишвили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М. Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974—1975 гг. — Сов. этнография, 1976, № 6.

Таблица 3

Среднее количество скота в домохозяйстве в разных районах обитания гавли

Домашний скот	Уезды							
	Халиял	Джаоли, Патам, Сатара	Поладпур	Мулши	Махад	Махабалешвар	Шахувади	Ратнагири
Буйволы	15,01	7,61	3,29	3,26	3,11	2,06	1,71	1,17
Быки и коровы	8,42	5,39	4,29	3,32	4,57	2,53	2,81	4,51
Козы	0,31	0,39	1,14	2,94	1,33	0,00	3,56	6,41

Таблица 4

Основные сельскохозяйственные культуры у гавли

Культура	Уклон местности	Требуемая почва	Цикличность	Обработка земли	Метод посадки	Потребность в навозе	Урожай, кг/га
Рис («бхат», <i>Oryza sativa</i>)	Равнины, террасные поля	Плодородная	Ежегодно	Вспашка	Пересадка рассады	Регулярная	500—700
Дагусса («раги», <i>Eleusine coagasa</i>)	Пологие склоны	Средняя	1-й год после выжигания (подсеки)	То же	То же	»	100—400
Чумиза («вараи», <i>Setaria italica</i>)	Средние и крутые склоны	Ниже средней	2-й год	Вспашка либо мотыжение	Разброс семян	Периодическая	80—300
Просо («сава», <i>Panicum milliare</i>)	То же	Бедная	3-й и 4-й год	Мотыжение	То же	Нет	80—300
Гизотия («тил», <i>Guizotia abyssinica</i>)	»	Крайне бедная	То же	»	То же	»	50—200

час стали мало где возможны, так как почти все угодья перенаселены. Даже на тех землях, которые могли бы вместить новых мигрантов, этого не происходит, потому что семьи, ранее занявшие данное урочище, согласятся впустить в него разве что своих родственников.

Единственная крупная миграция, известная нам, — это недавнее переселение гавли в Северную Каннару, Симогу, Чикмагалур и прилегающие уезды Северной Карнатаки, где в XIX в. проживало не более 2000 гавли (этот район тогда сильно страдал от малярии). В 1947—1948 гг. в результате широкой антималярийной кампании здесь практически не стало малярии, и в следующие 15 лет в этот район переселилось не менее 15 тыс. гавли. С конца 60-х годов миграция почти прекратилась. История этих иммигрантов за изученный более чем 20-летний отрезок времени (1956—1976 гг.) весьма поучительна. У пришедших сюда гавли было немного скота, так как на родине, в Махараштре, у них уже не было условий для содержания крупных стад. Мигранты корчевали участки леса и возделывали на них просо и даже рис. На эконоимленные от продажи зерна деньги покупали буйволов. Пастбища вначале были превосходны и стада росли быстро. Однако следствием прибытия все новых мигрантов и увеличения стад стали перепас и ухудшение пастбищ. Численность стад стабилизировалась, и началось замещение буйволов коровами. Иммиграция прекратилась. В настоящее время в ряде мест на голову крупного рогатого скота приходится не более 3 га пастбищ. Иммигранты селились по родственному принципу, группами в 10—15 поселений. Внутри такой группы контакты интенсивны, вне ее — ограничены.

Мало что известно о более давней истории гавли. Древнейшие памятники, говорящие о скотоводстве, относятся здесь к середине II тыс. до н. э. и имеют неолитический облик⁶. Тогда разводили в основном коров, отчасти коз и овец; буйвол появился лишь спустя 1000 лет. Земледелие в то время также здесь еще не практиковалось. Развитие этих неолитических поселений, сконцентрированных в полуаридной зоне с осадками не свыше 600 мм в год на Декканском плато, к востоку от водораздела Гат, сопровождалось обезлесением местности. Наиболее ранние поселения имеют ограду из бревен. Позже ограды строились из обожженного навоза в смеси с землей. Впоследствии навоз перестали использовать для оград, поскольку он в связи с ростом земледелия и обезлесения, очевидно, весь употреблялся на топливо и удобрение.

В дальнейшем обезлесение привело к превращению этого района в сухую степь — полупустыню, которую мы наблюдаем ныне. Разведение крупного рогатого скота здесь стало невозможным, и скотоводческие территории вместе с земледельческими должны были перемещаться на запад, в лучше увлажненную зону поближе к водоразделу Западных Гат.

Но овцы, которых ранее в стадах было немного, могли существовать и в новых условиях безлесной полупустыни. Район этот стал централью овцеводства и остается таковым и поныне. Основные группы овцеводов здесь принадлежат к подразделениям группы дхангаров, близкородственным гавли: это касты хаткар-дхангаров и мендхке-дхангаров (мендхке означает «чабан»).

Гавли, хаткары и мендхке считают, что в прошлом они были единой кастой. Во всех трех группах имеются одинаковые родовые фамилии.

Таблица 5
Жировая складка у пяти
популяций Махараштры

Популяция	Жировая складка, мм	
	на биче	на трицепсе
Гавли (продавцы молока)	2,68	5,71
Гавли (продавцы масла)	3,26	6,23
Каткари	2,69	4,64
Маратха	3,26	5,78
Брахманы	3,33	8,25

⁶ Allchin F. R. Neolithic Cattle-Keeper's of South India. A Study of the Deccan Ash-Mounds. Cambridge, 1963.

Одна из них — Кокра (означающая «ягненок») весьма распространена и у гавли. У некоторых родов гавли считается, что божества-предки пребывают в уезде Пхалтан, сугубо овцеводческом районе. Поэтому можно предположить, что некогда группа общих предков гавли и дхангаров-овцеводов занималась разведением как крупного, так и мелкого рогатого скота. Это было вполне возможно в том районе, где ныне реки Бхима и Кришна пересекают полуаридную зону. Галерейные леса, некогда окаймлявшие берега этих рек, могли дать превосходное убежище буйволам, а полуаридные равнинные земли подальше от реки — столь же прекрасное пастбище для овец. Естественная параллель такого экопола может быть найдена в Африке, где дикий буйвол обитает в галерейных лесах вдоль рек равнины Серенгети, а в саванне неподалеку пасутся газели.

Все археологические данные указывают на то, что в этой части Индии скотоводство и земледелие развились впервые в полуаридной зоне, и затем распространялись в зоны более высокого увлажнения, что сопровождалось уничтожением лесов. С исчезновением галерейных лесов овцеводы могли остаться в обезлесенной полуаридной зоне, а буйволководы должны были переселяться выше по течению рек к их истокам, на запад, в зону листопадного леса. Действительно, предания гавли подтверждают их перемещение из речных долин близ водораздела Западных Гат на верхние террасы и верхушечные плато. Так, гавли уезда Патан свидетельствуют, что некогда они обитали в речной долине Чапхала, оттуда перешли на нижнюю террасу в Канегаон, затем на среднюю террасу в Келавали, затем на верхнюю террасу в Иревади и, наконец, на верхушечное плато в Сазавагхапур. Отовсюду их вытесняли крестьяне-земледельцы.

Семья крестьян в условиях горных Гат нуждается в урожае с 5—6 га. При традиционном цикле, где за 3 годами возделывания следуют 15 лет залежи, всего семье земледельца нужно 25—30 га. Семье же гавли для нормального существования нужно не менее 100 га пастбищ. Следовательно, плотность земледельческого населения в тех же условиях может быть в 3—4 раза выше. Фактически же число крестьян превышает число гавли в 20—100 раз, и гавли вытеснены в наименее благоприятные районы Махараштры — верхние террасы с наибольшим увлажнением, а овцеводы занимают районы полупустыни. Вся эта промежуточная, наиболее благоприятная для жизни зона занята земледельцами. Но и скотоводы, как мы видели, имеют тенденцию от занятий скотоводством в той или иной форме переходить к земледелию.

У гавли в наши дни происходят резкие культурные изменения. Разрушение растительного покрова началось давно, по-видимому, много веков назад. Однако в эпоху британского колониального господства в результате систематической коммерческой эксплуатации лесов этот процесс резко ускорился и привел к почти полному уничтожению лесной растительности Западных Гат Махараштры. Естественно, он сопровождался упадком скотоводства.

С другой стороны, современная система обеспечения молоком городского населения построена на выкачивании молока из деревни в город. Этим целям служит сеть автодорог, рефрижераторов, заводов молочного порошка и т. д. Никаких мер по улучшению кормовой базы, повышению породности и продуктивности скота эта система не предусматривает.

Иными словами, развитие молочной промышленности означает усиление эксплуатации сельского населения. Гавли продают молоко, лишаются пахты для собственного питания, а полуторный прирост их денежных доходов идет не на улучшение питания, а на новые нужды — более дорогую одежду, более капитальные дома и т. д. Переход к возделыванию все более крутых склонов и козоводству окончательно подрывает и без того скудные кормовые ресурсы. В результате можно предвидеть, что параллельно с деградацией растительного покрова и плодородия почв гавли будут все более переходить от буйволководства

к разведению коров, затем и козоводству, затем к переложному земледелию, а в конечном счете к положению безземельных батраков и поденщиков. Эта перспектива неизбежна до тех пор, пока сохраняется экономическая система, рассматривающая освоение природных ресурсов только через призму их коммерческой эксплуатации в интересах индустриально-городского сектора.

* * *

Серия исследований, подобных изложенному выше, была начата по инициативе и основной программе, предложенной ныне покойной крупнейшей исследовательницей антропологии Индии д-ром Иравати Карве. Много людей помогало нам в полевой работе: К. Авати, Р. О. Банаре, Б. В. Бхану, Г. В. Дингаре, Р. Г. Дингаре, А. П. Горе, А. Келкар, С. Киртане, П. В. К. Наир, К. Паткар, П. М. Фулмали, С. Н. Прасад, Ч. К. Шах, Х. Ч. Шаратчандра, В. Широле. Особо большую помощь оказали нам С. Кхомне, П. Шастри, В. Д. Вартак. Ценное содействие и консультации нам предоставили Н. С. Кайкини и Т. Р. Рао. Материальное содействие исследованию оказывали Комиссия университетских субсидий, Комитет штата Карнатака по науке и технике, Индийский институт точных наук, Индийский статистический институт и Научная ассоциация штата Махараштра. Всем им мы приносим глубокую благодарность.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. С. Савоскул

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИГРА «ЛОДКА» В с. МАРКОВО НА ЧУКОТКЕ

В 1968 г., будучи в с. Марково Анадырского района Чукотского автономного округа в составе Чукотско-камчатского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР, я узнал о бытовании там вплоть до 1930-х годов русской народной драматической игры «Лодка». Надо сказать, что старожильское население с. Марково, основанного в 40-х годах прошлого столетия, представляет собой русскоязычное (этнически и антропологически смешанное) население, издавна осваивающее бассейн р. Анадырь. Одной из основных групп коренного населения, вошедшей в это этническое новообразование, была территориально-племенная группа юкагиров — чуванцы. В результате более чем двухвековых тесных хозяйственных, бытовых и родственных взаимоотношений со старожильским русским населением северо-востока Сибири и сложилась эта своеобразная группа населения. Кроме чуванцев и русских в формировании нынешнего русскоязычного старожильского населения с. Марково участвовали отдельные представители корякского и чукотского этносов. Большая часть коренных жителей этого села до сих пор называет себя этнонимом чуванцы и отличает себя как от приезжих русских, так и от коренных этносов северо-востока Сибири — чукчей, коряков, а также небольшой группы оленных чуванцев, живущих в верховьях Анадыря. Незначительная часть марковцев-чуванцев проживает сейчас и в других населенных пунктах Чукотки¹.

* * *

Литературные источники и сообщения местных жителей показывают, что в с. Марково бытовали многие виды русского фольклора. Так, А. В. Олсуфьев писал, что марковцы знали какие-то былины², а наши информаторы говорили об исполнении некоторых исторических песен «Скопина пели...» и хождении на святках со звездой.

По рассказу жительницы п. Усть-Белая, чуванки А. Е. Шитиковой, родившейся и долго жившей в с. Марково, перед праздниками (Новым годом, рождеством, пасхой) 5—6 женщин спевались, а в праздничные дни ходили по домам. Из песен, исполняемых ими, она запомнила «Винограды красно-зелено мое...». Подходя к дому, они обращались не к хозяину (как исполнители «Лодки» — см. ниже), а к хозяйке: «Ты хозяйка, хозяйка, отворяй ворота, не отворишь ворота, то подай пирога». Им давали копейки и т. п.

На пасху, по ее словам, в с. Марково устраивали качели. Собиравшиеся около них женщины пели «Развесело было время...». У качелей «девки, ребята, бабы не шипко пожилые» играли в жмурки.

Относительно народной драматической игры «Лодка» старожили (наиболее обстоятельно о ней рассказали И. А. и Ф. М. Дьячковы, не-

¹ О марковцах см. подробнее: *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966, с. 141—145, 201—203, 257—258; *Савоскул С. С.* Чуванцы. Земля и люди. Ежегодник. М.: Мысль, 1974; *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979.

² *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи. Хабаровск, 1896, с. 73.

однократно видевшие ее в молодости, но успевшие многое и позабыть) говорят, что ее занесли в Марково сибирские казаки, небольшая команда которых служила здесь при Анадырском окружном начальнике. Это событие они относят ко времени службы окружным начальником врача Сокольников (в самом начале XX в.) или еще ранее. Из казаков, участвовавших в игре, местным жителям особенно запомнился Толтихин, исполнявший роль атамана — «Стеньку Разина разыгрывал», казал Ф. М. Дьячков. Играл и казак Манаков, выступавший в роли есаула, а также казачий урядник Селифанов. Манаков, женившись на «местной», остался в Марково и умер там сравнительно недавно. Казаки вовлекли в игру и местных жителей.

В игре участвовало от 6 до 12 человек. Исполнение «Лодки» обычно приурочивалось к зимним святкам. До этого артисты спевались. Для игры надевали специальные костюмы. У атамана и есаула — черные суконные со светлыми пуговицами, «под вид морского костюма». На голове черные мохнатые папахи. У атамана и есаула были шашки, а у последнего еще и подзорная труба. Остальные участники игры поверх своего костюма надевали рубашки и брюки из белого полотна с поясом. Единственную женскую роль исполнял также мужчина, переодетый в женское платье.

Костюмированные участники игры шли под вечер по домам. Прежде чем войти в дом, спрашивали у хозяина — «можно к вам с „Лодкой” прийти?» После разрешения входили: впереди атаман, за ним есаул и остальная команда. Войдя, атаман командовал — «по местам», и гребцы вставали в два ряда. После этого, как сказал И. А. Дьячков, все запевали песню «Плыли, выплывали тридцать три карабличка». По словам же Ф. М. Дьяčkова, после того, как все гребцы вставали по местам, атаман, вытащив шашку, говорил есаулу — «Поди, скажи гребцам-молдцам, чтоб сидели по местам, весла держали по бортам и чтоб запели мою любимую песню про матушку, про Волгу».

Есаул уходил к команде и передавал приказ атамана. Гребцы садилась на пол. Атаман запевал, и за ним все затягивали песню «Вниз по матушке по Волге». Гребцы, сидя на полу, раскачивались, имитируя греблю. Есаул с атаманом, стоя, в такт с раскачиванием гребцов раскачивали шашками. После песни атаман опять вызывал есаула:

Асаул, подходи ко мне скорее!

Но не скоро подходишь, не смело говоришь.

Растопчу! Тебе несчастному голову срублю.

Пропадет твоя служба ни за что.

Есаул подходит к атаману, вытаскивает свою шашку и они ударяют шашку о шашку («железо о железо»).

— Что прикажете, велика атаман? — спрашивает есаул.

— Пойди, посмотри на четыре стороны, нет ли пеньев, кореньев, подводных камней, чтоб нам легкую шлюпку не разбить и веселых гребцов не потопить. Смотри вернее!

Есаул вытаскивает подзорную трубу и смотрит.

— Вижу!

— Что ты видишь? — спрашивает атаман.

— Карцию³.

— Нет, это не карция. Была одна карция и та умерла. Смотри да вернее, чтоб нам шлюпку не поломать и т. д.

— Вижу! — кричит есаул.

— Что ты видишь?

— Близ берега селэ.

³ И. А. Дьячков произносил «картию». На мой вопрос: Что это такое? — информаторы затруднились ответить, а Ф. М. Дьячков попытался связать это слово с местным названием водоворота — «корчага». Очевидно, это искаженное «карча», в сибирских говорах означающее снесенное водой, плывущее дерево, пень, корягу (см. Словарь русских народных говоров. В. 13. Л.: Наука, 1977, с. 109). В других вариантах «Лодки» здесь обычно игра слов — «черни-черти», «колоды-воеводы».

— У моих те гребцов бока те давно свело. Поворачивайте!

Все поют: «Поворачивайте, да ребяташки». В песне, по словам информаторов, говорится, что навстречу им «из своего дворца» появляется Татьянаушка и «на серебряном подносыке» дает каждому по чарочке.

Атаман опять вызывает есаула:

— Сходи к этому домохозяину, спроси — нет ли попить, поесть, веселых гребцов повеселить?

Есаул обращается с этим вопросом к хозяину. Хозяин, конечно, отвечает: есть. Гребцы поднимают его на стуле, припевая «Во лужьях, во зеленых во садах». После величания хозяина он приглашает всех к столу. «Дадут чайку, рыбки построгают, где живут побогаче бражки нальют». Потом, после взаимных благодарностей, артисты идут дальше.

* * *

Такова основная информация о содержании и сценическом воплощении игры «Лодка» в с. Марково. В этом смысле она достаточно типична и мало отличается от подобных ей драматических игр, зафиксированных и исследованных фольклористами⁴. Н. И. Савушкина различает народную необрядовую игру, сложившуюся в данном случае в виде инсценировки народной песни «Вниз по матушке по Волге» и развернутые драматические произведения, народные пьесы, возникшие на стыке народных развлечений драматического характера и профессионального театра. В. Ю. Крупянская, посвятившая народной драме «Лодка» специальное исследование, считает инсценировку названной песни тем звеном, из которого выросла и развилась эта народная драма, и относит инсценировку к ее первоначальной редакции⁵.

На мой взгляд, «Лодка», бытовавшая в с. Марково, является скорее драматической игрой, чем собственно драмой.

Большой интерес представляет сам факт бытования «Лодки» на северо-востоке Сибири. Варианты этой драмы были зафиксированы исследователями во многих районах расселения русских, главным образом в Европейской части России и на Урале. Судя по наиболее полному списку вариантов этой драмы, приведенному Н. И. Савушкиной, известны лишь два варианта этой пьесы, записанных в Сибири⁶.

Выше уже отмечалось, что «Лодка» была занесена в Марково в конце XIX или в самом начале XX в. служилыми казаками, выходцами с Камчатки. Поэтому можно предположить ее активное бытование среди камчатских казаков в период, предшествующий ее появлению на Аляске. Но и к ним она была, несомненно, занесена и скорее всего матросами. На это указывает и костюм исполнителей «Лодки» в Марково, который, как отмечали марковские старожилы, был шит «под вид морского костюма». В других же районах бытования этой пьесы актеры одевали обычно красные рубахи⁷. То, что «Лодка» была занесена на северо-восток Сибири матросами подтверждают и некоторые литературные источники. Так, К. Дитмар, служивший в 50-х годах XIX века чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Камчатки Завойко пишет, что на рождество матросы в Петропавловске давали в своей казарме представление, «причем главная пьеса заключалась в исполнении любимой песни о Волге; пение сопровождалось пантомимой»⁸. Скорее всего это была «Лодка».

⁴ См., например: Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история). — В кн.: Славянский фольклор. М.: Наука, 1972; Савушкина Н. И. Русский народный театр. М.: Наука, 1976, с. 63—64, 75—81; ее же. Русская устная народная драма. В. I. М.: Изд-во МГУ, 1978.

⁵ Крупянская В. Ю. Указ. раб., с. 262, 271—272.

⁶ Савушкина Н. И. Русская устная народная драма. В. I, с. 100—101.

⁷ Крупянская В. Ю. Указ. раб., с. 296; Савушкина Н. И. Русский народный театр. с. 110.

⁸ Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке. СПб., 1901, с. 151.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ФОЛЬКЛОРИЗМУ

Конец 1960-х — 1970-е годы оказались первым десятилетием активного исследования проблем фольклоризма в международном масштабе. Своеобразным итогом этих исследований и началом нового этапа их координации стало издание специального бюллетеня, выходящего с апреля 1979 г. в Будапеште¹.

Первая Международная конференция «Фольклоризм вчера и сегодня» состоялась в июле 1978 г. в рамках VI Придунайского фольклорного фестиваля в г. Кечкемете (ВНР)², вторая — под названием «Понятие и проявления фольклоризма» — проходила там же в конце июля 1981 г. в рамках VII Фольклорного фестиваля придунайских народов. На фестивале выступили 25 венгерских фольклорных групп и 10 зарубежных (НРБ, ГДР, ЧССР, СРР, СССР, Австрии, Турции), в том числе три советских коллектива — самодеятельная танцевальная группа совхоза «Славное» Крымской обл., ародный ансамбль Тамбовской обл. и белорусский ансамбль песни и пляски «Спадщина» молодецненского Дома культуры.

В работе конференции принимали участие 37 венгерских специалистов — этнографов, фольклористов, этномузыковедов — и 17 зарубежных (из 10 стран — ГДР, СССР, ФРГ, ЧССР, США, Турции, Франции, ФРГ, Швеции, Японии). Венгерскую группу возглавлял В. Фойт. На конференцию приехали такие известные зарубежные ученые, как Г. Баузингер и У. Йеггле из ФРГ, К.-А. Карноу из Франции, В. Локвуд, И. Карпенер и Б. Киршенблат-Гимблет из США, А. Гюзел и Н. Тан из Турции, а также А. Тилава и Л. Вольбрахтова из ЧССР, Г. Трипольски из СФРЮ и др.

К началу конференции был опубликован и роздан всем участникам первый полугодный доклад³. Он открывается вступлением В. Фойта (напечатанном на немецком и английском языках) и содержит 13 рефератов, в том числе В. Е. Гусева — «Типология фольклоризма», Г. Штробаха — «К прояснению понятий в дискуссии о фольклоризме», Б. Бенеша — «Фольклоризм — любительство — наивное искусство — кич», Л. Лещака — «Влияние телевидения на народное искусство» и др. Из этих 14 авторов конференции участвовало только 5 (В. Фойт, И. Като, А. Шаллер, Л. Вольбрахтова, Л. Хоппал), и, хотя не все докладчики смогли приехать в Кечкемет, сам факт публикации их сообщений очень важен и требует специальной оценки.

Наиболее впечатляющим из произнесенных докладов был доклад проф. Г. Баузингера из Тюбингена (ФРГ), давшего, как известно, толчок двум наиболее популярным дискуссиям в современной европейской фольклористике — о фольклоризме и о понятии «народная песня» (некоторая часть западнонемецких фольклористов считает «народную песню» романтической фикцией, созданной Гердером и его последователями). Баузингер в своем докладе поставил вопрос о соответствии термина «фольклоризм» содержанию, которое ему иной раз приписывается. Он солидаризировался с В. Чистовым и В. Фойтом, считающими, что фольклоризм обусловлен процессами движения художественной культуры не к фольклору, а от фольклора. Согласно Баузингеру, фольклоризм относится лишь к массовому искусству типа венгерских домов танца, например, и не должен ограничиваться лишь крестьянскими традициями. В. Фойт исполнил Г. Баузингера, раскрыв большую роль наследия гениального Б. Бартока, столетие отмечалось в 1981 г., для теории не только фольклора, но и фольклоризма.

Другой фольклорист из Тюбингена — У. Йеггле говорил о новых народных традициях на примере современного карнавала и призывал этнографов помочь «истории души», т. е. определить, в каком направлении пойдет развитие народных традиций.

¹ Folklorismus Bulletin/Red. Leščák M., Voigt V. Budapest, 1979, № 1.

² Le folklorisme d'hier et d'aujourd'hui. — Communications, Kecskemét, 1978, I—II, III—IV.

³ Notion et manifestation du Folklorisme. — Communication, Kecskemét, 1981, I.

Очень интересна данная У. Йегле интерпретация карнавальных масок, ныне сильно отличающихся от традиционных. Появляется новая социально-психологическая роль маски как основание для рождения новой традиции.

Близкую советским фольклористам позицию в оценке крестьянской культуры и актуальности изучения культурных процессов в недавно урбанизированных городах высказал К. Карноу. Проблеме сохранения традиционного эстетического сознания в современном мире и роли этого в фольклоризме на примере японцев был посвящен доклад И. Като (Япония). Ценная информация содержалась в докладах турецких фольклористов: А. Гюзель кратко изложил историю турецкой фольклористики и этнографии, а Н. Тан (его доклад зачитал по-немецки А. Гюзель) исследовал такую своеобразную форму современного фольклоризма в Турции, как многочисленные надписи, амулеты, фотографии и т. п. на современных транспортных средствах.

Чрезвычайно содержательно выступали венгерские этнографы — об опоре на фольклоризм в организации туризма (И. Данко), о современной народной керамике (М. Крес), одежде и моде (К. Гергей), декоративных пасхальных яйцах в традициях одной семьи (Д. Дьёрдьи), о социально-политическом аспекте фольклоризма (П. Ниедермюллер) и др.

Прослушать все доклады не было возможности, так как работа конференции шла параллельно в двух секциях — «Фольклоризм в различных национальных культурах» (1), «Явления фольклоризма и их толкование» (2). Автор настоящей информации принимал участие в работе первой секции с докладом о музыкальном фольклоризме в СССР. В нем, помимо систематизации фольклоризма, анализа сценических форм и некоторых теоретических дефиниций, было предложено разграничение народной современной песни и фольклоризма в сфере песни (их классификация должна основываться на разных принципах).

Сверх пленарных и секционных докладов состоялось несколько других выступлений венгерских специалистов, в том числе М. Хоппал — «Фольклор и фильм» на премьере художественного полнометражного мультипликационного кинофильма М. Янковича «Фехерлофия» («Сын Белой Кобылы»), талантливо интерпретирующего мотивы венгерских народных баллад, а также сообщения об уникальной выставке венгерских кухонных ковриков (тип лубка на простынях), в краеведческих и этнографических музеях городов Кечкемет, Деч, Сексард. Запомнилось посещение дома народной мастерицы по бисеру в Сексарде, а также красочное свадебное шествие в воскресенье 26 июля, открывшее второе десятилетие ежегодного публичного проведения фестивальной *шаркёзской свадьбы*. Тут и фотовыставка, посвященная юбилею этой свадьбы, проходящей всегда с реальными новобрачными, и выступления фольклорных групп на открытой сцене, и танцы с публикой, и нотные листовки с записью главной свадебной песни местного обряда, и соревнование музыкальных ансамблей во время массового вечернего застолья, и незабываемое музицирование публики вместе с народными исполнителями, стихийно возникавшее после всякого этнографического концерта, и др.

Участники конференции присутствовали на фестивальном выступлении в г. Калоча группы из ВНР, НРБ, СРР, ГДР, Турции, на выдающемся этнографическом концерте мастеров народного искусства Венгрии (г. Кечкемет) и концерте лауреатов фестиваля — коллективов СССР, ВНР, ЧССР, СРР и Австрии (г. Кечкемет). Наибольшее впечатление оставили выступления венгерских и румынских коллективов, включавшие инсценировки свадебных и жатвенных обрядов, детских традиционных игр и т. п.

В Доме науки и техники г. Кечкемета была организована выставка книг и этнографических грампластинок стран — участниц конференции. Среди новинок — венгерский большеформатный фотоальбом с двуязычными комментариями «Молодежь и народное искусство в Венгрии, 1970—1980», изданный специально к VII Фольклорному фестивалю придунайских народов.

В рамках фестиваля состоялось также заседание Международной редколлегии информационного «Бюллетеня фольклоризма».

В целом обмен мнениями по актуальным вопросам фольклоризма современной культуры — литературы, музыки, живописи, кино, массовых празднеств, прикладного искусства и туризма — был весьма продуктивен. Инициатива Венгрии в этом направлении заслуживает всемерной поддержки и всестороннего развития.

И. И. Земцовский

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

На конгрессе Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов (ВНОАГЭ) 1979 г. в г. Виннице была образована секция антропологии ВНОАГЭ. Председателем ее был избран Б. А. Никитюк (Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры — ГЦОЛИФК), ученым секретарем — Л. И. Тегако (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР — ИИЭФ). Тогда же, в 1979 г., секция антропологии провела первую конференцию, на которой было сделано несколько докладов, однако в первой конференции никто из антропологов Института этнографии АН СССР не участвовал.

17—19 сентября 1981 г. в Минске также в рамках конгресса ВНОАГЭ состоялась вторая Всесоюзная антропологическая конференция «Проблемы современной антропологии», организованная секцией антропологии ВНОАГЭ, ГЦОЛИФК, Белорусским гос. университетом Трудового Красного Знамени институтом физической культуры и ИИЭФ.

В конференции участвовало более 180 исследователей: антропологи, медики, анатомы, спортивные морфологи и психологи.

Конференцию открыл В. В. Куприянов (пред. ВНОАГЭ). Он подчеркнул важность проблемы комплексного изучения человека, развития междисциплинарных биологических, медицинских, психологических исследований. Он пожелал участникам конференции успеха в работе. Затем с докладом «Пути развития современной антропологии» выступил Б. А. Никитюк. Антропология определялась им как наука о формах и факторах изменчивости человека или же как биология, история и география человека, а также как медицина здорового человека. Основываясь на таком определении, автор сделал вывод о том, что обычное для советской антропологии тройное деление (антропогенез, морфология человека и расогенез) не включает в себя все многообразие наук о человеке, и поэтому предложил свое толкование антропологии как системы наук. Стержнем этой системы или фундаментальными науками в системе антропологических знаний являются генетика и экология человека. Вокруг этого стержня группируются аналитические (или описательные) антропологические дисциплины — морфология, физиология, биохимия, цитология, анатомия и психология человека. И наконец, обогащается эта система «синтетическими» антропологическими науками, т. е. науками, различающими формы развития человека — этнической и расовой антропологией.

Кроме того, на стыках такой системы наук с другими науками автор выделяет спортивную антропологию, медицинскую, эргономическую и некоторые другие.

С докладом «Развитие этнической антропологии в Белоруссии» выступили В. К. Бондарчик и Л. И. Тегако (Минск), осветившие все этапы становления антропологических исследований в Белоруссии и изучения белорусского народа, начиная с находок и описаний первых фрагментарных краниологических материалов до современных комплексных исследований, проводимых группой антропологии ИИЭФ.

В докладе Н. И. Аричнина (Минск) «Эволюционные структурно-функциональные предпосылки к происхождению человека» была представлена подборка сравнительно-анатомических и физиологических фактов, демонстрирующих роль скелетной мускулатуры человека как фактора, регулирующего кровяное давление и помогающего сердечной мышце полностью удовлетворить потребности головного мозга в артериальной крови.

Л. Д. Поболь и Г. В. Штыхов (Минск) сделали два сообщения об археологическом изучении курганного населения Белоруссии.

Далее работа конференции проходила по следующим секциям: анатомическая, этническая, спортивная, психологическая, возрастная, медицинская, физиологическая, биомеханическая, этническая антропология, проблема биосоциального в современной антропологии, методы антропологических исследований, экспериментальные модели спортивной морфологии. Авторы данного сообщения приняли участие только в работе секции этнической антропологии, на двух заседаниях которой было сделано 16 докладов. О. Бабаков (Ашхабад) дал краниологическую характеристику населения Туркмении в эпоху позднего средневековья (по материалам Чакан-депе); Д. Худайбердыев и А. Губаве (Ашхабад) осветили ту же тему применительно к VI—VIII вв. н. э. И. В. Чаквин (Минск) в двух выступлениях представил краниометрические данные с новых материалах X—XIII вв. с территории Белоруссии и, опираясь на эти материалы, привел сведения о среднем возрасте населения. Доклад Г. Чесниса (Вильнюс) был посвящен анализу краниологических коллекций из курганных могильников Северной

Литвы первой половины I тысячелетия н. э. На ряде примеров продемонстрированы наличие в это время двух вариантов узколищевого европеоидного типа (массивного и грацильного). Докладчик указал, что во второй половине I тысячелетия с запада на территорию Литвы пришли группы массивного широколищевого населения, которые «отодвинули» узколищевое грацильное население к Балтийскому морю.

Выступление Л. Т. Яблонского (Москва) было посвящено технике диагностики основных видов боевых повреждений черепа, следы которых встречаются в краниологических сериях различных эпох, и характеристика их отличий от трепанационных отверстий, свидетельствующих о медицинском вмешательстве.

Некоторые особенности толщины волос у представителей различных рас описаны И. Г. Углиным (Минск). Он использовал образцы волос белоруссов, хакасов и папуасов, находящихся на одном уровне жесткости, определяемой как функция толщины. Обнаружены совершенно четкие расовые различия по толщине волос: 64 м у мужчин и 62 м у женщин хакасов, 51 и 52 м соответственно у белоруссов и 49 и 45 м у папуасов.

Н. А. Долинова и Г. Л. Хитъ (Москва) в докладах изложили результаты анализа обширных дерматоглифических материалов, собранных на территории Европейской части СССР. Первое сообщение было посвящено подробной характеристике 19 локальных групп русских, а второе — всех народов Восточной Европы и Скандинавии. Отмечено, что европейские народы по комплексу дерматоглифических признаков группируются в соответствии с расовыми классификациями, основанными на системе соматологических признаков.

Г. Н. Касперович (Минск) представила информацию о динамике этнического состава городского и сельского населения Белоруссии с 1926 по 1979 г.

В докладе О. М. Павловского (Москва) и Н. И. Полиной (Минск) изложены результаты анализа возрастных особенностей морфофункционального комплекса признаков 29 этнотерриториальных групп СССР. Выделены группы с медленными (южные народы — абхазы, таджики, туркмены) и быстрыми (северные народы, например, саамы) темпами старения. Лица грудного или торакального типа конституции (по Бунаку) стареют более медленно, чем мускульного и брюшного. В сообщении И. И. Саливон (Минск) был поставлен вопрос о соотношении этносоциальных и экологических факторов в формировании особенностей физического типа населения Белоруссии. Подчеркнута связь грацильных типов на юге и матуризованных на севере с различиями в геохимической ситуации районов.

В докладах Р. Я. Денисовой (Рига) и Л. Хеапост. (Таллин) на серологических данных по системам ABO, MN и по ABO (с A₁ и A₂ антигенами, Lutheran, P и некоторым другим) доказывалась возможность использования гематологических данных для этногенетических выводов. Демонстрировано соответствие географического распределения частот генов p, q и t на территории Латвии с направлениями миграций, прослеживаемыми на краниологическом и историческом материале, а также наличие западного и восточного балтийских типов на территории Эстонии с помощью комплекса генов групп крови.

Антрополого-одонтологические особенности современного населения Литвы проанализированы И. А. Папрецкене (Вильнюс). По одонтологическим данным отмечено смешение основного для данной территории средневропейского типа с северным грацильным. Вся территория Литвы, обследованная по одонтологической программе очень гомогенна.

Взаимосвязь межгрупповой изменчивости монголоидных антропоскопических и восточных одонтологических характеристик (на примере населения Средней Азии) описана Н. А. Дубовой (Москва). Показана четкая положительная связь каждой из взятых характеристик и их комплексов между собой на всей территории Средней Азии, включающей несколько этносов, и почти полное отсутствие ее в пределах одной этнической группы. Устойчивые связи на разных уровнях подтверждают эпикантус, лопатообразность первого верхнего резца и шестибугорковая форма первого нижнего моляра.

В кратком сообщении «К вопросу о месте первоначальной локализации названий Белая и Черная Русь» Н. В. Николаев (Ленинград) подчеркнул возможность необходимости использовать картографические материалы не только как иллюстративный, но и как основной материал для анализа.

На конференции был проведен «круглый стол». К сожалению, ввиду отсутствия ведущих специалистов-философов и антропологов вместо планировавшейся дискуссии на тему «Природа человека в свете дискуссии о биологическом и социальном» обсуждалась статья В. В. Куприянова и Б. А. Никитюка «Головной мозг человека как вы

шая ступень эволюции материи — социальная материя» (Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1980, т. 79, № 11, с. 5—22). Гипотеза третьего скачка в эволюции человека, отстаиваемая авторами, была подвергнута критике.

В день закрытия конференции был проведен симпозиум «Состояние и перспективы развития антропологии», на котором Ф. В. Судзиловский (Ленинград) подробно охарактеризовал вклад П. Ф. Лесгафта в развитие антропологии.

Одним из наиболее интересных и ярких было выступление А. И. Сыкало (Минск) «Реконструктивная антропология — фантастика или реальность?», в котором автор очень логично, с привлечением большого количества наглядных примеров пытался показать, что современная антропология приближается к тому рубежу, когда она не будет ограничиваться описанием и анализом современного человека, но ее достижения могут быть использованы в практических целях — для изменения отдельных элементов генетической структуры человека. Таким образом, речь идет о вмешательстве на генном уровне, причем исследования в этом русле, по словам автора, ведутся уже сейчас.

На заключительном заседании выступил М. И. Урысон (Москва), обрисовавший специфику антропологии как единой и целостной науки, изложивший традиционную для советской науки точку зрения на предмет, методы, границы антропологии, разделы, выделяемые внутри ее (морфология, антропогенез, расоведение).

На закрытии конференции председатели секций доложили об их работе. Было выражено удовлетворение широтой тематики и ценностью представленных материалов. Труды конференции будут опубликованы отдельным изданием. На III конференции секции антропологии ВНОАГЭ в 1983 г. в Новосибирске основное внимание будет уделено вопросам возрастной антропологии.

Н. А. Дубова, Н. А. Долинова, Л. Т. Яблонский

« КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТОВСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Каждые два года этнографы Института истории АН Литовской ССР (далее ИИ) собираются на свою итоговую конференцию¹. Очередная конференция состоялась 22 декабря 1981 г. в Вильнюсе. Кроме сотрудников ИИ, в ее работе принимали участие преподаватели и студенты вузов, краеведы республики. Впервые в практике подобных конференций проходили не только пленарные, но и секционные заседания, что позволило расширить тематику докладов и дало возможность выступить этнографам, работающим в других научных учреждениях и музеях республики.

На пленарном заседании с обзорным докладом выступил Зав. отделом этнографии ИИ В. Моркунас, осветивший деятельность этнографов в десятой пятилетке. Основу научной деятельности отдела за этот период, сказал докладчик, составило изучение традиционной материальной культуры литовцев и современной культуры городского и сельского населения республики. Примечательно, что этнографы республики стали уделять больше внимания изучению городского населения, в частности, промышленных рабочих, применяя методы конкретной социологии. Вместе с тем, не угасает интерес к проблемам традиционно-бытовой культуры, исследование которых в условиях индустриализации и урбанизации республики приобретает исключительную актуальность и значимость. Много внимания в докладе В. Моркунаса было уделено задачам этнографов республики в свете решений XXVI съезда КПСС, причем акцентировалась важность изучения современных этнических процессов, особенно в городской среде.

На секции материальной культуры заслушано восемь докладов, касавшихся различных аспектов традиционно-бытовой культуры литовцев. В. Балтрушайтис (Музей народного быта ЛитССР) охарактеризовал интерьер жилого дома в Рокишском районе в конце XIX — первой половине XX в., уделив особое внимание основным элементам внутреннего устройства (полам, потолкам, стенам, обстановке).

В докладе Е. Моркунаса (Музей народного быта ЛитССР) «Конструкция крыльев ветряных мельниц в Литве в конце XIX — первой половине XX в.» на основе анализа 256 мельниц, архивных данных, графических и фотоматериалов проведена типологизация крыльев ветряных мельниц, разъяснена конструкция каждого типа, определены ареалы их распространения.

¹ Итоги исследовательской работы этнографов опубликованы в кн.: Etnografiniai tyrimėjimai Lietuvoje 1979 ir 1980 metais. Vilnius, 1981, 125 p.

С. Даунис (Ин-т консервации памятников культуры ЛитССР) рассмотрел тип бань в Литве во второй половине XVI в. Используя инвентари литовских имений и другие исторические источники, он выделил три типа бань по их планировке. Докладчик рассмотрел интерьер каждого типа, разъяснил его гигиеническо-производственную функцию и определил область распространения.

Способам переработки и консервирования продуктов животноводства был посвящен доклад Р. Мяркене (ИИ) «Первичная обработка и хранение продуктов животноводства в Литве в XVI — первой половине XVIII в.». Изучив архивные данные, она смогла охарактеризовать наиболее употребляемые продукты и показать способы их изготовления в дворянских и крестьянских хозяйствах. Докладчица высказала мнение, что способы переработки молока и мяса зависели от направленности хозяйства и размеров производства.

В докладе «Орудия пчеловодства в Дзукии в конце XIX—XX в.» Л. Казлаускаене (ИИ), опираясь на материалы полевого исследования, выделила основные группы орудий пчеловодства, отметив, что важное значение для их развития имело изменение типов ульев и внедрение новых научных методов в пчеловодство.

В докладе А. Стравинскаса (Научная библиотека Вильнюс. гос. ун-та) были отмечены некоторые особенности кузнечного дела в городах и местечках Жемайтин. Докладчик остановился на способах реализации кузнечных изделий, выделил торговые центры, обратив внимание на старые и глубокие традиции торговли в этом регионе.

Комплексу упряжи — хомуту с постромками, особенностям его развития, способам упряжки и их распространению в Литве в период капитализма, был посвящен доклад Я. Ланяускайте-Моркунене (ИИ) «Распространение упряжки хомутом с постромками в Литве в конце XIX — первой половине XX в.».

В докладе В. Милюса (ИИ) на основе анализа 23 кладбищ деревень и местечек Рокишского района освещались вопросы создания и озеленения кладбищ, уход за могилами; давалась также классификация надгробных памятников.

Почти половина докладов на секции духовной культуры была посвящена современной свадьбе. Тема эта исключительно актуальна не только в научном, но и в практическом отношении, поэтому она вызвала оживленный обмен мнениями.

И. Чепене (Мин-во высшего и среднего специального образования ЛитССР) в докладе «Особенности развития свадебных обычаев в социалистическом обществе» основное внимание сосредоточила на реальном использовании народных обычаев в современном свадебном ритуале, составляющем важный компонент системы традиций социалистического общества.

О новых явлениях в современной свадьбе говорилось в докладе А. Вишняускайте (ИИ) «Свадебные газеты: форма и содержание». Распространяющиеся в различной социальной и национальной среде юмористические свадебные газеты и по содержанию, и по форме расцениваются докладчицей как своеобразный элемент современного фольклора, требующий изучения и критического осмысления.

К этим докладам тематически примыкал доклад А. Даниляускаса (ИИ) «Этнические ориентации в свадебных обычаях литовского городского населения Литовской ССР», построенный на материалах этносоциологического исследования. Докладчик попытался выявить связь современных свадебных обычаев с традиционными и определить их место в системе современной свадебной обрядности. Был также поднят вопрос об изменении продолжительности свадьбы в различных социальных средах современного города.

Доклад П. Кальнюса (ИИ) «Национально-смешанные браки в Вильнюсе и Каунасе в 1947—1977 гг.» был основан на материалах загсов. Анализируя национально-смешанные браки среди представителей некоренного населения, докладчик пришел к выводу, что малочисленные этнические группы в крупнейших городах республики менее стабильны к ассимиляции, чем литовцы и русские.

И. Мардоса (ИИ) в докладе «Некоторые вопросы отношения жителей современного села к религии» сделал попытку определить место религиозных пережитков в духовной жизни различных слоев и групп сельского населения Литовской ССР.

Ю. Кудирка (Республиканский научно-методический центр культуры) рассмотрел проблемы современного народного искусства (1950—1980 гг.), уделив особое внимание характеристике основных направлений и этапов его развития, его связям с народной традицией и профессиональным творчеством.

В. Мачекус (Вильнюс. гос. ун-т) в докладе «Элементы обычного частного права во взаимоотношениях крестьян окрестностей Рокишкиса в конце XIX—XX в.», основан

ном на полевых материалах, показал, что в общинной жизни, торговых отношениях, совместной работе сельского населения северо-восточной Литвы еще в первой половине XX в. сохранялись многие элементы обычного права, связанные с частным хозяйством крестьян.

На заключительном пленарном заседании выступили руководители секциями В. Милюс и А. Вишняускайте, отметившие, что секционная работа способствовала оживлению дискуссий и тем самым более плодотворной работе конференции. В заключение В. Моркунас отметил, что прошедшая конференция свидетельствует об активной научно-исследовательской и экспедиционной работе в республике в области этнографии.

Я. Ланяускайте-Моркунене, Й. Мардоса

ЧЕТВЕРТЫЕ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На состоявшихся 14 и 15 апреля 1982 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР Четвертых Маклаевских чтениях получили продолжение и дальнейшее развитие темы, звучавшие на заседаниях прошлых лет. Это биография Н. Н. Миклухо-Маклая, его научные и общественные связи, обстановка, в которой проходила его деятельность, судьба и значение его научного наследия, а также проблемы этнографии народов бассейнов Тихого и Индийского океанов. Помимо ленинградских исследователей, в чтениях участвовали ученые из Москвы и Минска.

В докладе Б. Н. Комиссарова (ЛГУ) был рассмотрен вопрос о том, почему Н. Н. Миклухо-Маклай был вынужден в 1864 г. оставить Петербургский университет. Изучив документы, регламентировавшие в 60-х годах XIX в. жизнь университета, докладчик пришел к выводу, что распространенное в литературе представление об исключении Н. Н. Миклухо-Маклая из университета без права поступать в другие университеты России неверно. Н. Н. Миклухо-Маклай был вольнослушателем, а единственной санкцией против этой категории посетителей лекций было запрещение являться в университет. В Ленинградском государственном историческом архиве Б. Н. Комиссаров нашел документы о том, что 14—15 февраля 1864 г. Н. Н. Миклухо-Маклай принял участие в студенческих волнениях, поводом к которым послужило публичное обвинение вольнослушателем физико-математического факультета Карамышевым студента юридического факультета Новопапенного в том, что он во время студенческого движения 1861 г. был секретным агентом полиции. Воспользовавшись тем, что Миклухо-Маклай вопреки запрету привел на лекцию «постороннее лицо» (одного из своих друзей), администрация университета удалила из его стен будущего выдающегося исследователя.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай и Д. Н. Анучин», рассказав о встречах этих двух ученых в 1870—1886 гг., уделил основное внимание истории изучения и подготовки к печати Д. Н. Анучиным научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в 1895—1923 гг. В докладе прослежена эволюция публикаторской программы Д. Н. Анучина, освещены причины того, почему первый том «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая удалось издать лишь в 1923 г., в год смерти публикатора. По некоторым данным, Д. Н. Анучин в последние годы жизни в основном подготовил к печати и второй том, но судьба этой рукописи пока неизвестна. Поиск затрудняет то обстоятельство, что материалы личного архива Д. Н. Анучина (вопреки его завещанию, предусматривавшему их сосредоточение в Государственном историческом музее) рассеяны по многим архивохранилищам Москвы и Ленинграда. В докладе были широко использованы материалы, обнаруженные Д. Д. Тумаркиным в московских архивах.

Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии, Ленинград), изложив некоторые результаты текстологического анализа сохранившихся рукописей новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая, остановился на актуальных источниковедческих проблемах, связанных с ними. Анализ позволил определить те рукописи, которые безусловно входили в подготовленный ученым первый том сочинений — это обработанные им полевые записи и записные книжки. Тексты представляют собой переписанные под диктовку и затем поправленные автором рукописи, которые, согласно его последней воле, и должны были издаваться с минимальными редакторскими поправками. В основу же печатных изданий дневников были положены другие рукописи — копии с первых, изобиловавшие поздней произвольной и необоснованной редакторской правкой. Их можно использо-

вать — в случае отсутствия соответствующих авторизованных текстов — лишь после полного и тщательного устранения многослойной правки. Большой интерес вызывают сохранившиеся полевые дневники и записные книжки, не включенные Н. Н. Миклухо-Маклаем в подготовленный к печати текст. Особенно важны заметки, относящиеся ко второму пребыванию на Берегу Маклая (1876—1877 гг.), ибо они позволяют восстановить ряд фактов, оставшихся неизвестными биографам. Изучив документы, автор высказал обоснованное предположение, что Маргарита Миклухо-Маклай не сожгла путевых дневников мужа через несколько дней после его смерти, что, в частности, дневник 1871—1872 гг., наиболее ценный и интересный, был передан в Географическое общество вместе с другими бумагами ученого.

Цель сообщения А. Н. Анфертьева (Ин-т этнографии, Ленинград) состояла в том, чтобы показать — под углом зрения, обусловленным подготовкой нового Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, — какое значение имеют итальянские источники для исследования жизни и деятельности выдающегося ученого. Эти источники, главным образом журнал «Космос» за 1873—1876 гг., были использованы докладчиком для проверки реально-исторического комментария и решения некоторых текстологических проблем. Большой объем переписки Н. Н. Миклухо-Маклая с итальянскими друзьями и коллегами позволяет надеяться на обнаружение в будущем новых текстов (преимущественно писем), принадлежащих его перу. Попутно были даны характеристики тех итальянских ученых, с которыми находился в контакте Н. Н. Миклухо-Маклай (О. Беккари, Л. М. Д'Альбертис, Дж. Дориа, Э. Джильйоли и др.).

Доклад Е. В. Ревуненковой (Ин-т этнографии, Ленинград) был посвящен рассмотрению этнографических, антропологических и лингвистических материалов, собранных Н. Н. Миклухо-Маклаем во время двух путешествий по Малаккскому полуострову (1874—1875 гг.). Докладчица проанализировала эти материалы с точки зрения науки того времени и современных знаний о племенах внутренних районов Малакки. Н. Н. Миклухо-Маклай первым из европейцев побывал у ряда племен, и ценность собранных им материалов, особенно по языкам, признанная еще при жизни ученого, не утрачена и по сей день. Эти данные активно используются современными исследователями аборигенного населения Малайзии. Значительный интерес представляет пока малонизученный полевой дневник ученого, где приводится множество сведений о жизни негритосских и протомалайских племен Малаккского полуострова. Это важный источник знаний о народах внутренних районов Малакки.

Материалы о восточноиндонезийских языках, содержащиеся в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, легли в основу сообщения М. А. Членова (Ин-т этнографии, Москва). Как известно, Восточная Индонезия не находилась в центре научных интересов исследователя. Однако в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая имеются небольшие словники, составленные им во время краткого посещения Молуккских островов по пути на Новую Гвинею. Наиболее интересны словник из 45 слов одного из диалектов ватубельского языка и словник, содержащий около 120 слов гессерского языка. Ценность этих материалов особенно велика в связи с тем, что никаких дополнительных материалов по названным языкам в XX в. не публиковалось. Не потеряли научной значимости и материалы Н. Н. Миклухо-Маклая по языкам Папуа-Новой Гвинеи.

Основываясь на австралийской, американской и английской литературе справочного характера, а также на учебниках, предназначенных для школ Австралии и Папуа Новой Гвинеи, А. Я. Массов (Ленингр. Кораблестроительный ин-т) попытался выяснить, как представляют себе деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая современные западные авторы, освещающие историю австралийской и немецкой колониальной экспансии на Новой Гвинее, какова степень их осведомленности о значении его исследований для изучения народов этого острова. Как сообщил докладчик, в рассмотренной им литературе заметна недооценка трудов русского ученого; некоторые авторы не видят их уникальности, недостаточно знакомы с биографией Н. Н. Миклухо-Маклая, его прогрессивной общественной деятельностью. Отсюда проистекают легенды об аристократизме ученого, домыслы о связи его исследований с возможной колонизацией Новой Гвинеи Россией.

Исследование А. К. Оглоблиным (ЛГУ) названий стран света в индонезийских языках позволило сделать ряд интересных выводов. Как установил докладчик, исходные значения терминов стран света в этих языках связаны с суточным движением или видимостью небесных тел, с компонентами ландшафта (особенно «море» и «внутренние районы»), атмосферными явлениями (ветры, дождь). Часть терминов стран света возводится к праавстронезийскому уровню, причем одни исходные значения выступают

только как этимоны, а другие образуют полисемию со значением термина. Сезонно-климатическими различиями ареалов обитания разных этносов обусловлены неодинаковые значения терминов, относящихся к одним и тем же праавстронезийским корням. Существует тенденция к ликвидации полисемии «море» — «значение термина стран света» у тех индонезийских народов, которые традиционно связаны с мореплаванием. Ландшафтные термины стран света могут указывать на исконную этническую территорию (у малайцев Суматры, например, полисемия «море» — «север» и «внутренние районы» — «юг», где «море» — Малаккский пролив, а «внутренние районы» — районы Суматры. Замена терминов новообразованиями и заимствованными словами также может быть увязана с фактами этнической истории.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии, Ленинград) в докладе «Кормление, родство, инцест» показал, что в условиях общинно-родового строя под родством понималось не родство по крови (такое понимание, характерное для европейцев, появилось лишь в античности), а родство по кормлению. Такое родство мыслилось как результат кормления зародыша, вошедшего в тело женщины, например из «камня детских душ» (Австралия), и как результат кормления ребенка, и как результат совместной еды взрослых людей (например, родство *нгамы* у папуасов племени бонгу). Соответственно этому инцест трактуется как «поедание» (зародышем) «самой плохой пищи» (Меланезия). Докладчик указал, что люди, живущие общинно-родовым строем, различают два вида инцеста: связь с женщиной-родичем и связь с женой родича, при этом второй вид инцеста, «заглядывание в соседнюю хижину» (*Самга*), наказывается менее строго.

Некоторые «темные» места в истории о. Пасхи удалось убедительно интерпретировать И. К. Федоровой (Ин-т этнографии, Ленинград) на основе манускриптов, обнаруженных на этом острове около 30 лет назад. Анализ текстов, записанных латиницей самими рапануйцами, показывает, как складывались разные версии легенд и преданий, как появились в рапануйском фольклоре новые герои и персонажи. В текстах имеются также сведения, разъясняющие отдельные непонятные эпизоды в истории острова. Ответы на вопрос, откуда именно прибыли предки рапануйцев, записи в манускриптах не дают, однако этнографические элементы указывают на значительный мангаревский компонент в рапануйской культуре, что говорит о существовании в прошлом особо тесных контактов рапануйцев с жителями о. Мангарева.

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии, Москва) затронул некоторые аспекты духовной культуры полинезийцев, обратившись к вопросу о борьбе между сакральной и светской властью в Восточной и Западной Полинезии. Восточная Полинезия представляется более сакральной, Западная — более секулярной. Автор выдвинул гипотезу о том, что представления о священном острове служат антитезой представлениям об острове мертвых, являясь отражением в сфере идеологии борьбы светских вождей и жрецов.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии, Ленинград) в докладе «Аталычество на острове Тимор» попыталась выяснить механизм этого явления, отмеченного у многих народов мира, на материале одной из деревень народа атони. В практике передачи детей на воспитание участвовало в 1960-е годы более 60% семей деревни. Детей давали только определенным категориям классификационных родственников (родителям, родителям, сестрам отца, сестрам матери). Передача детей на воспитание не влекла особых обрядов, как усыновление и т. п., но была призвана возместить утраченные формализованные связи между взрослыми поколениями, родственниками, живущими в разных деревнях (братьями отца). Не являясь аталычеством в привычном смысле, этот обычай оказывается возможным при групповых формах родства, характерных для распада родового общества и перехода к соседской территориальной общине, при установлении патрилинейности. Пережитки материнской филиации сказываются на бытовании данного обычая у атони Тимора.

В докладе М. В. Станюкович (Ин-т этнографии, Ленинград) «Сакральные элементы в художках ифугао» рассматривались некоторые мифологические представления, отраженные в женской эпической традиции одного из горных районов Филиппин. Обнаруживается соотнесенность определенных видов птиц (ворон, веерохвостая мухоловка) с мифологическими существами и музыкальными инструментами (например, арфой). Более сложный семантический ряд прослеживается для ритуального музыкального инструмента — бамбуковой трещотки: она связана одновременно с птицами и собаками, причем посредником в этой связи служит герой мифологического эпоса, выступающий в виде человека-крылана («летучей собаки»).

М. Ф. Чигринский (ВГО) посвятил свой доклад похоронному обряду у тайваньского племени ями. Приведя многочисленные данные о представлениях ями о душе и умерших, докладчик рассказал о похоронном ритуале, типах похорон и погребений в зависимости от социального положения покойника и причины смерти, о видах табуации в этот период.

Продолжая изучение дневников Е. Е. Левенштерна, сопровождавшего И. Ф. Крузенштерна во время первого русского кругосветного плавания на «Надежде», Б. Н. Комиссаров (ЛГУ) и Т. К. Шафрановская (Ин-т этнографии, Ленинград) ознакомили аудиторию с записями этого путешественника об айнах. Наблюдая айнов в апреле — мае 1805 г., Левенштерн описал их внешний вид, род занятий, утварь, одежду, татуировку, обычай держать в жилищах молодых медведей, отметил добродушие айнов о. Хоккайдо как основную черту их характера. Есть описания занятий, летних жилищ, лодок, оружия айнов о. Сахалина. Сохранилось более 10 рисунков по этой тематике, выполненных карандашом и акварелью. Подробность и точность записей Е. Е. Левенштерна, установленная путем сравнения его дневников с сообщениями других путешественников конца XVIII — начала XIX в., оригинальность его рисунков позволяют считать эти забытые материалы одним из источников для изучения жизни айнов в начале прошлого столетия.

Росту интереса русского общества к Австралии в середине XIX в. было посвящено сообщение Е. В. Говор (Политехнический ин-т, Минск). В 50—60-е годы начинается постепенный переход от описательных материалов к анализу фактов и явлений далекой страны, продолжается дифференциация русской австралианы по читательскому назначению (научная, научно-популярная, детская и пр.). Актуальные для русской печати темы отражаются в интерпретации австралийских материалов (крестьянский и национальный вопрос; размышления о ценности человеческой личности и «маленьком человеке» — и истребление австралийских аборигенов), авторы статей по экономике Австралии проводят параллели с русским обществом. В этот период продолжают также публиковаться материалы географического характера, путевые заметки; появляются произведения австралийских писателей и переводные романы, действие которых разворачивается в Австралии.

Источниковедческий характер имело также сообщение А. Д. Дридзе (Ин-т этнографии, Ленинград), который рассказал о найденном им описании путешествия по Новой Зеландии, совершенном в 1904 г. И. Ф. Синицким. Это описание содержит интересный материал о культуре и быте населения страны. Автор — революционный эмигрант из России — особый интерес проявил к положению рабочего класса Новой Зеландии. Книга И. Ф. Синицкого «Новая Зеландия — Европа» была подготовлена к печати, но не увидела света, так как автору пришлось вновь эмигрировать.

Н. З. Климова (Ин-т этнографии, Ленинград) рассказала об этнографических коллекциях экспедиций Дж. Кука в собраниях МАЭ и зарубежных музеев. В докладе были высказаны предположения о возможных собирателях, месте и времени формирования коллекций, хранящихся в МАЭ, подробно описаны наиболее уникальные предметы. Сопоставив коллекцию МАЭ, собранную во время третьей экспедиции Кука, с аналогичными зарубежными коллекциями, Н. З. Климова подчеркнула ее огромную научную ценность.

Всего было заслушано 18 докладов, по ряду из них состоялись плодотворные дискуссии. Поднимался вопрос о публикации докладов, заслушанных на чтениях.

В дни работы конференции были проведены также заседания проблемной группы Института этнографии АН СССР по изучению и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. На них обсуждался ход подготовки нового Собрания сочинений ученого-гуманиста.

Следующие Маклаевские чтения состоятся в апреле 1983 г.

Е. С. Соболева

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕТОДОЛОГИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Прошедшая в ноябре 1981 г. в Институте этнографии АН СССР конференция молодых ученых была посвящена проблеме соотношения синхронных и диахронных методов в этнографическом исследовании. Исследования народов СССР были представлены на ней в основном этносоциологическими работами, доклады же по зарубежной тематике отличались разнообразием как материала, так и методологии.

И. И. Крупник открыл конференцию вступительным словом, в котором очертил контуры предложенной для обсуждения методологической проблемы и высказался в пользу синхронного метода.

Основной идеей, фактически задавшей тон конференции, было признание достаточности и эффективности синхронного исследования. И. И. Крупник справедливо обратил внимание аудитории на то, что поскольку этнография считается наукой исторической, то и этнограф должен, как предполагается, рассматривать объект своего исследования в динамике исторического развития, из чего вытекает заведомое предпочтение диахронного анализа. Синхронный же анализ при этом обычно считается неполным, недостаточным, второстепенным, что, без сомнения, несправедливо: и достижения других гуманитарных наук (к примеру, лингвистики), последовательно его применяющих, и положительный опыт зарубежных коллег-антропологов убеждают в обратном. Однако синхронный метод требует соблюдения некоторых правил исследования и обладает определенной ограниченностью, в чем необходимо давать себе отчет.

Не всегда различая на практике синхронный и диахронный методы в процессе анализа, мы теряем многие эвристические преимущества каждого из них. Давая определение этих методов, И. И. Крупник, видимо, несколько идеализировал ситуацию, утверждая, что синхронное исследование «опирается на один строго датированный временной срез», а диахронное «подразумевает использование нескольких таких срезов». Точнее, так должно быть, а на деле, как показали многие из приведенных им в дальнейшем примеров, в «пресловутый» синхронный срез даже при конкретном социологическом исследовании (за исключением, может быть, этнодемографического) попадают явления разных эпох (вспомним так называемые «пережитки»), а диахрония имеет дело не со строго упорядоченной последовательностью срезов, а с историческим континуумом, внутри которого даже относительная датировка явлений не всегда вполне достоверна. Таким образом, установление синхронного среза, который для каждого этноса на любом этапе развития должен определяться особо, представляет собой самостоятельную проблему. В связи с этим встает вопрос и о соотношении физического (год, век, тысячелетие) и исторического времени, которое специфично для каждого исследуемого объекта.

В дальнейшем дискуссия в рамках заданной темы развернулась еще при обсуждении докладов и заняла целиком последний день конференции. Ярким примером тому послужил доклад В. А. Попова, в котором рассматривалась социальная структура ашантийцев в период до европейской колонизации. Весь этот период рассматривался докладчиком как один синхронный срез с последовательным применением соответствующей методики. Доклад вызвал живой интерес аудитории и много откликов, в которых были сформулированы противоположные точки зрения по затронутой методологической проблеме. В. А. Попов убедительно доказал правомерность своего подхода.

Образцом последовательного диахронного подхода с четкой периодизацией можно считать исследование истории расселения нага, сделанное В. Н. Шинкаревым. В пользу диахронного метода высказались в своих также активно обсуждавшихся докладах Н. Е. Руденский и П. В. Грибанов. Оригинальный пример диахронного подхода в социологическом исследовании продемонстрировала Р. Н. Мусина работой «Добрачное поведение и брачность современных сельских татар».

Обсуждались не столько преимущества синхронного или диахронного метода с точки зрения их эффективности, сколько порядок их применения в целостном анализе, так как необходимость в большинстве случаев сочетать обе методики была признана всеми участниками конференции. По этому вопросу выступили Н. Я. Дараган и А. А. Сусоколов. Первая предложила схему комбинирования синхронного и диахронного методов в целостном анализе, а второй показал, каким образом сочетаются обе методики в конкретном социологическом исследовании и как важен фактор диахронии для моделирования динамики этнокультурных процессов. Речь шла также о признаках, позволяющих дифференцировать ту и другую методики как в процессе исследования,

так и в уже выполненной работе. В результате участники конференции пришли к выводу, что никаких универсальных временных рамок, в пределах которых исследование следует считать синхронным, а за пределами — диахронным, предложить невозможно. Различны лишь принципы подхода к исследуемому материалу. При синхронном анализе явление рассматривается в статике, целостно и как система. Напомним: синхронные связи, как известно, образуют структуру, а диахронные — нет. При диахронном, или историческом, анализе явление рассматривается в динамике и фрагментарно. Для изучения эволюции системы в целом необходима последовательность синхронных срезов, т. е. уже комбинирование двух методик.

В ходе дискуссии были освещены некоторые остро стоящие вопросы, например интерпретация «пережитка» как элемента двух социальных систем, функционирующих в разных синхронных срезах, а также возможность синхронного исследования явлений первобытной истории. В числе позитивных результатов конференции — выявление довольно обширной сферы применения синхронного метода в описательных этнографических работах и реконструкциях. В отношении диахронных исследований интересен вывод о необходимости строго дифференцировать диахронию всей системы, изучаемую по последовательности синхронных срезов, и диахронию отдельного элемента, которая допускает континуальное рассмотрение, но, видимо, не позволяет делать общие выводы.

Некоторой практической пользы можно ожидать и от обсуждения типичных ошибок, происходящих из-за неверной проработки исследователем диахронных и синхронных связей. В ряду таких ошибок А. Б. Островским были названы: «простая диахрония» — исследование, в ходе которого специфическое историческое время для данного общего объекта подменяется простым физическим временем, в результате чего синхронные срезы избираются более или менее случайно и сопоставление их может выдать сходные детерминанты за преемственные и, более того, причинные связи; «простая синхрония» — такая ситуация, когда вся имеющаяся в определенный момент информация воспринимается как синхронный пласт, внутри которого все связи системны и рациональны; и, наконец, абстрагирование явления от носителя, которое может выступать в двух вариантах: а) объединение формально сходных элементов, принадлежащих к различным историческим пластам и разным культурам, б) изучение преемственности форм явления по эволюции лишь одного его компонента.

Н. Я. Дарган

ЭТНОГРАФЫ НА БАМЕ

В ноябре 1981 г. сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) посетили центральный участок Байкало-Амурской магистрали (Читинская и Амурская области).

Специально для комсомольцев и молодежи интернациональной стройки была организована фотовыставка «Страна Советов: история и современность». В ее исторической части рассказывается о шовинистической политике царизма по отношению к «инородцам», в том числе и к малым народам Сибири. Главное место на выставке отведено послереволюционному периоду. Многие материалы этого раздела приурочены к 60-летию образования СССР. В фотографиях и текстах рассказывается о новой Конституции СССР, ее всенародном характере. Экспонаты выставки наглядно свидетельствуют о торжестве ленинской национальной политики и равноправном развитии всех союзных и автономных республик, о создании новых промышленных районов. Показаны процессы формирования национальных отрядов рабочего класса и кадров национальной интеллигенции, запечатлены яркие моменты, связанные с великими стройками современности, такими, как строительство БАМ, Экибастузского каменноугольного бассейна. В этой огромной созидательной работе участвуют посланцы всех народов нашей страны. Фотодокументы рассказывают также о современном сельском хозяйстве. Завершают выставку материалы о XXVI съезде КПСС. Выставка была смонтирована на борту агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» и передана в дар комсомольцам и молодежи Байкало-Амурской магистрали.

В течение своей командировки сотрудники музея В. Н. Грусман и Н. С. Воробьева прочитали много лекций в Чите, Тынде, Беркаките, поселках, расположенных на трассе БАМа. В круг лекционных тем входили «60-летие образования СССР», «Современные праздники и обряды народов СССР», «Русская лаковая миниатюра». Были также прочитаны лекции о Государственном музее этнографии народов СССР. За время командировки собраны материалы, отражающие этнокультурные процессы в регионе строительства магистрали, где работают представители многих народов нашей страны. Исследовались и коренные жители региона: буряты, якуты, эвенки. В частности, сотрудникам музея удалось побывать у Олекменских эвенков в совхозе «Ленин — Окто» («Ленинский путь»). Статистические данные об экономическом и социальном развитии совхоза, о смешанных браках, быте работников совхоза и фотографии, сделанные в поселке, в настоящее время обрабатываются. Все собранные на БАМе материалы представляют большой интерес, и очевидно, некоторые из них займут свое место в экспозициях музея по современности.

Во время командировки проделана и определенная методическая работа. В частности, была организована встреча сотрудников ГМЭ с коллективом Читинского краеведческого музея, где шла речь о принципах экспонирования материалов по социалистическому образу жизни, а также о выставочной работе региональных музеев.

Большое удовлетворение приносит дружба, завязавшаяся у сотрудников музея с бригадой агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда», которым руководят Ю. Л. Ильчинский и В. Г. Сладкевич. В период командировки сотрудники ГМЭ испытывали постоянную поддержку со стороны работников аппарата ЦК ВЛКСМ.

Хотелось, чтобы подобная практика совместной пропагандистской и исследовательской работы сотрудников центрального этнографического музея страны и ЦК ВЛКСМ была продолжена и впредь.

Агитстредства ЦК ВЛКСМ, действующие в различных регионах страны, на глобальных стройках с многонациональными коллективами, могли бы стать базой для изучения современных этносоциальных процессов.

Б. В. Иванов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В мае-июне 1981 г. этнографическая экспедиция в составе сотрудников сектора этнографии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР А. С. Кишева (начальник экспедиции), С. Х. Мафедзева, М. Г. Кумахова, Б. Б. Хубиева, В. Х. Кажарова, а также преподавателя университета Б. Х. Бгажнокова и водителя С. К. Ахкубекова работала в черкесских (адыгских) аулах Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Программа экспедиции была достаточно разнообразной и широкой. Продолжая исследования прежних лет по традиционной этнографии адыгов, члены экспедиции изучали общественный и семейный быт адыгов в прошлом, традиционное земледелие, скотоводство, ремесла, религиозные представления, верования, обряды, народные приметы, календарь и метеорологию, космологические представления и т. д. В работе экспедиции использовались 18 заранее подготовленных те-

матических вопросников, каждый из которых включал не менее 60—80 вопросов. Очень интересные материалы по декоративно-прикладному искусству черкесов собрал А. С. Кишев. Семью и семейный быт этого народа изучал Б. Б. Хубиев, традиционное землевладение и землепользование — В. Х. Кажаров, С. Х. Мафедзев собирал материалы по семейно-бытовым, родильным, аграрным и другим обрядам, по народным приметам, календарю и космологическим представлениям. М. Г. Кумахов — по современной черкесской семье и новым явлениям в быте черкесского аула, Б. Х. Бгажноков — о культуре общения адыгов.

Участники экспедиции побывали в аулах Адыге-Хабль, Бесленей, Инжичишко, Зеюко, Алибердуко, Жако, Хабез, Хумара и др. В ходе экспедиции было опрошено более ста мужчин и женщин в возрасте от 60 до 113 лет. Записаны интересные легенды, названия отдельных адыгских блюд, предметов быта, растений, природ-

ных явлений, дополнены или уточнены описания многих обрядов и ритуалов, связанных с сельскохозяйственным бытом.

Все материалы экспедиции заслуживают пристального внимания при изучении истории традиционной культуры адыгов.

Материалы, собранные в черкесских аулах Карачаево-Черкесии, свидетельствуют о том, что, несмотря на давнюю территориальную разобщенность адыгских народов, они бережно сохраняют элементы традиционной культуры, имеющие позитивное значение в нашей жизни. Собранные в Карачаево-Черкесии материалы обогатили наши представления по различным вопросам этнографии адыгов. Отдельные материалы по свадебным, родильным и другим обрядам, записанные в Карачаево-Черкесии, позволяют в некоторой степени проследить их генезис и трансформацию в настоящее время.

Собранные экспедицией материалы обработаны и сданы в архив Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики.

* * * **С. Х. Мафедзев**

Кабинет музыки народов Поволжья Казанской государственной консерватории ежегодно организует фольклорные экспедиции к разным народам Средней Волги — русским, татарам, чувашам, марийцам, удмуртам, мордве, башкирам. Начиная с 1978 г. предпринимаются регулярные поездки к татарам-кряшенам с целью изучения их своеобразной и малоизвестной песенной культуры. Участники экспедиции: Ш. Шарифуллин, Л. Башкурова, Д. Лотфуллина, Г. Губайдуллина, Г. Юнусова, Р. Иمامеева, В. Ухаткина, Р. Халитов; руководитель — аспирантка сектора фольклора Ленинградского гос. ин-та театра, музыки и кинематографии Н. Альмеева. Запись музыкального фольклора производилась в четырех районах Татарской АССР: Зайнском (1978—79 гг.), Мамадышском и Мензелинском (1980 г.), Чистопольском (1981 г.). Во время этих поездок были записаны образцы мелодий различных жанров: календарные (напевы *нардуган*, троицкие), хороводные (*тугэ-рэк уен кюе*), трудовые (напевы *помочи — омэ кюе*, сенокосные — *печэн кюе*), семейно-бытовые (свадебные — *туй кюе*; гостевые — *меджлис кюе*, *кунак кюе*; похоронные — *улак саклау*; рекрутские — *никрут кюе*), лирические песни, *баиты*. Троицкие и похоронные напевы в опубликованных

сборниках татарских песен не встречаются.

Участники экспедиции наблюдали праздник *нардуган* с приходом ряженных (13 января 1980 г.), а также ритуал приема гостей (июнь 1978 г., январь и июнь 1980 г.). Последний имеет традиционную драматургическую конструкцию, основные моменты которой непременно «опеваются»: взаимные приветствия гостей и хозяев; приглашение к столу, взаимные восхваления гостей и хозяев, куплеты, сопровождающие первую чарку, вынос хлеба и вареного гуся; взаимные пожелания гостей и хозяев перед расставанием. Тексты гостевых песен традиционны и могут повторяться в разных деревнях. Напевы же в каждом кусте деревень свои. Отсутствие прикреплённости текста к напеву характерно и для песен других жанров — календарных, хороводных, семейно-бытовых, лирических.

Свадебный обряд у татар-кряшен в наши дни в традиционной форме не бытует, но нам рассказали весь ход старинной свадьбы и спели сопровождавшие ее песни.

Одной из задач последней поездки (25 июня — 5 июля 1981 г.) была фиксация так называемого гетерофонного пения (архаичный вид многоголосия). С этой целью делались многоканальные записи (один канал — общая запись, четыре — индивидуальные микрофоны). Полимикрофонная запись многоголосного пения кряшен ранее никем не предпринималась. Поскольку все песни поются у татар-кряшен хором, такая форма записи особенно важна.

При единстве жанровой системы на всей исследованной территории мы обнаружили микроареальность стиля музыкального фольклора кряшен. Деревни объединяются в «кусты» по типам многоголосия, по стилистическим пластам календарных или семейно-бытовых напевов.

Исследование песенной культуры татар-кряшен обнаруживает малоизвестные явления татарского музыкального фольклора, имеющего множество точек соприкосновения с музыкальными традициями других народов Среднего Поволжья, что дает возможность сравнительно-типологических исследований на межнациональном уровне.

Экспедиционные магнитные записи хранятся в фондах Кабинета музыки народов Поволжья Казанской государственной консерватории.

Н. Альмеева

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнография. Под ред. Ю. В. Бромлей и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982. 320 с.

Рецензию на новый учебник этнографии хотелось бы начать с того, что его появление — факт в высшей степени своевременный. В самом деле, с момента выхода в свет предыдущего учебника прошло почти 15 лет, и он едва ли не превратился в библиографическую редкость. Восполнить этот пробел не могло и краткое учебное пособие Р. Ф. Итса, увидевшее свет в 1974 г.; к тому же и со времени его подготовки прошло уже почти 10 лет. Дело, однако, не только и даже не столько в трудности доступа к этим изданиям¹. В прошедшие годы советские этнографы очень интенсивно занимались разработкой теории своей науки. Результатом этой работы стало заметное расширение круга интересов этнографии, а многие важные вопросы теории этноса были фактически сформулированы заново. Естественно, что эти теоретические достижения должны быть использованы в преподавании этнографии в высших учебных заведениях нашей страны. И новый учебник, подготовленный коллективом сотрудников кафедры этнографии МГУ и Института этнографии АН СССР², в определенной степени выполняет эту задачу.

Как сжато, но вместе с тем весьма содержательную сводку итогов этнографических исследований, осуществленных у нас в стране за последние годы, можно рассматривать первый раздел введения к учебнику и его заключение. Читатель получит на основании этих частей книги достаточное представление как о предмете и задачах этнографической науки, так и о некоторых важнейших направлениях исследований, проводимых нашими этнографами, — общетеоретических и прикладных, в частности этносоциологических. Нелишне заметить, что о последних вообще не могло быть речи в учебнике 1968 г.: они тогда просто еще не проводились. Столь же необходимы в учебнике и остальные разделы введения, где рассмотрены основные методы этнографического исследования и приведены краткие сведения об истории этнографии как научной дисциплины. Вообще же включение в учебник специальных глав, трактующих важнейшие вопросы общетеоретического характера, с которыми имеет дело наша наука, было, вне всякого сомнения, полезно и обязательно: перед тем как приступить к ознакомлению с конкретными материалами о народах различных регионов земного шара, студент должен хотя бы в самых общих чертах представлять себе тот угол зрения, под каким ведется описание таких материалов. Можно сказать, что авторам и редакторам учебника удалось вполне успешно решить проблему соотношения общего и особенного при компоновке издания.

Вместе с тем хотелось бы отметить как удачную структурную черту помещение раздела «Основные тенденции этнической истории» именно в качестве заключения книги. «Региональные» главы, все без исключения, содержат параграфы, в которых излагаются основные представления об этногенезе народов данного региона, в частности об их этногенетических связях. Заключение довольно удачно обобщает этот материал, представляя его студенту в более широкой общесторической перспективе. Сами по себе эти параграфы, трактующие вопросы этногенеза, отражают последние достижения отечественной науки в этой весьма важной и сложной области.

В учебнике последовательно проведена классификация народов мира в соответствии с выработанным советскими учеными еще в 1950-х годах критерием хозяйственно-культурного типа (ХКТ). Вопрос этот довольно сложен для изложения: желательно по возможности полнее отразить многообразие ХКТ, существующих (и существовавших) в мире, но в то же время нельзя допускать и чрезмерной дробности при их перечислении. Отсюда отметить, что с указанной сложностью авторы учебника успешно справились. В результате читатель во введении получает некое общее представление о самом понятии ХКТ и о многообразии последних, а затем в тех частях книги, которые рассматривают отдельные регионы мира, сможет более конкретно представить себе это многообразие.

«Региональные» главы книги отличает значительное богатство фактического материала. В качестве образца можно назвать главу 1 — «Народы Австралии и Океании».

¹ Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. М.: Изд-во ЛГУ, 1974.

² В авторский коллектив вошли: Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков (руководители работы), Г. И. Анохин, Г. Г. Громов, Л. Б. Заседателева, М. В. Крюков, К. И. Козлова, Д. П. Лащук, С. П. Поляков, П. И. Пучков, Г. А. Шпажников.

Большой объем сведений об огромном регионе умело размещен на сравнительно небольшом числе страниц и при этом читатель может сразу же увидеть то основное, что объединяет народы описываемой части мира, и вместе с тем субрегиональные особенности их культуры. Замечу, кстати, что данная глава — единственная в рецензируемом учебнике, где пусть мимоходом, но все же сказано о соотношении традиции и инновации как об одним из важнейших вопросов этнографии (с. 38). В общей части этот вопрос, к сожалению, просто не упоминается. И, пожалуй, в еще большей мере образцом того, как можно в предельно сжатой форме изложить сведения о главных фактах этнографии крупного историко-культурного региона и притом сделать это с достаточной полнотой, может служить глава 10 — «Народы Средней Азии и Казахстана» (с. 271—286).

Не скрою, что мне, африканисту, было очень приятно увидеть в главе 3 — «Народы Африки» (с. 122—159) — довольно подробный и свободный от крайних точек зрения обзор современного состояния изучения проблемы складывания государственности и характера раннеклассовых образований в Тропической Африке. Этот обзор, приведенный на с. 135—138, заметно выделяет данную главу из остальных. Некоторая нетипичность подобного раздела в вузовском учебнике вполне оправдывается, на мой взгляд, теми важнейшими общетеоретическими и общеметодологическими вопросами, для решения которых в последние десятилетия во все большей степени привлекается африканский материал. Причем связь регионального материала с такими вопросами выглядит в главе вполне органичной.

Можно было бы сказать о многих достоинствах и остальных глав «региональной» части учебника, однако размеры журнальной рецензии не позволяют это сделать. Думаю, однако, что и уже сказанного довольно для того, чтобы дать учебнику вполне определенную положительную оценку. В самом деле, этот учебник полезен и нужен именно сейчас, когда процессы сближения между народами нашей страны и их культурными достижениями становятся все более интенсивными. Полезен он и для интернационального воспитания студентов, ориентированного на сближение между народами в мировом масштабе, на понимание очень сложных и противоречивых процессов, протекающих в сегодняшнем мире.

Новый учебник заслуживает положительной оценки в целом и потому, что он достаточно убедительно демонстрирует возможности традиционного для нас типа учебника этнографии, построенного по региональному принципу. Такая книга позволяет довольно широко показать каждую из важнейших историко-культурных областей мира как определенную целостность. Правда, развитие этнографической теории требует в наши дни существенного расширения именно общих разделов. В рецензируемом издании такое расширение (хотя бы по сравнению с учебником 1968 г.) хорошо заметно. Таким образом, традиционный тип учебника оказался в данном случае и достаточно гибким, и достаточно емким, что, несомненно, следует отнести к числу положительных сторон нового издания. Однако возможности такого расширения, сколь бы полезным оно ни было, все же не беспредельны. Характерно, что в рецензируемой книге отсутствуют определение многих ключевых понятий этнографической науки, хотя вряд ли кто-либо станет возражать, что они заслуживают того, чтобы им был отведен хотя бы небольшой параграф. А отсутствие такого параграфа, не существенное для специалиста, неминуемо осложнит пользование учебником для студентов.

Поэтому новое издание показывает нам не только возможности, как таковые, но и предел этих возможностей. И появление этого издания заставляет задуматься о необходимости (и принципиальной неизбежности) следующего шага в развитии этнографического образования у нас в стране: о подготовке в обозримом будущем учебника этнографии, построенного по проблемному принципу. Определенный опыт такого рода уже имеется; так, в частности, было построено уже упоминавшееся «Введение в этнографию». Наличие учебников разного типа необходимо: если для первоначального ознакомления с предметом и основными представлениями об этнографии народов мира может быть пригоден рассматриваемый в рецензии труд, то при специализации по этнографии потребуются книга с совершенно иным подходом. Но ее появление ни в коей мере не поставит под вопрос полезность рецензируемого учебника.

Итак, положительная оценка нового учебника достаточно обоснована. Но это не означает, что он лишен недостатков — они есть, и иногда довольно досадные. Правда, принципиальных погрешностей среди них мало. Речь идет чаще о неточных или небрежных формулировках, а нередко, видимо, просто о недосмотрах. Опять-таки, все обстояло бы куда проще, если бы речь шла не об учебном издании. Но как раз в учебнике такие шероховатости особенно заметны.

Самое, пожалуй, существенное — то, что не всегда чувствуется достаточно жесткая редакторская рука. Это проявляется в противоречиях между разными частями текста и в неоднородности картографического материала. Скажем, отсутствует ясность в вопросе о методах этнографического исследования. Если изложение их содержания на с. 22 не может вызвать возражений, то в параграфе, специально названном «Источники и методы исследования этнографической науки», на с. 29 смешаны сравнительно-исторический метод и метод пережитков, а на следующей странице речь идет уже о «сравнительно-типологическом» методе, — а он раньше нигде не фигурировал, да и здесь тоже не объяснен. Спрашивается: чему верить студенту?

Аналогичный случай на с. 165, где речь идет о классификации народов Америки «не по языковому, а по хозяйственно-культурному принципу или по культурным ареалам». У студента может создаться впечатление об идентичности понятий ХКТ и исследовательского «культурного ареала». Но, во-первых, это не так, а, во-вторых, на с. 30 Уисслер и его взгляды описаны в общем довольно критически. И снова: чему верить?

Трудно понять, как на с. 31, с одной стороны, сказано «зарубежные исследователи получают очень интересные результаты», а с другой, через две строки выясняется, что методологические огрехи «сводят к минимуму ценность таких работ».

Нельзя утверждать, как сделано это на с. 21, что Лафито развил сравнительно-исторический метод, выработанный просветителями, в сравнительно-этнографический: дело обстояло скорее наоборот. Именно книга Лафито служила французским просветителям одним из главных источников их общен исторических концепций (хотя бы по чисто хронологическим причинам).

Некорректно противопоставление индуистской и мусульманской семей по критерию, определенному на с. 88 так: «У мусульман они строятся по нормам духовного права — шариата». Индуистская семья не меньше мусульманской связана с религиозно-правовой нормой. Другое дело, что индуизм не знает полигамии.

Досадно выглядят в учебнике расхожее представление о характере появления негритянского населения в Америке (с. 192). Тут не только использованы давно уже устаревшие цифры У. Дюбуа — они еще и искажены примерно на порядок из-за невнимательного прочтения того же Дюбуа. Для учебника это, пожалуй, многовато.

Непонятно, почему картографические материалы по Америке оказались ограничены доколумбовым периодом (с. 163 и 164); надо, впрочем, сказать, что современное состояние Нового Света в учебнике не удостоилось не только специальной карты, но и сколько-нибудь серьезного описания.

И если уж говорить о картах (хотя в целом они в учебнике находятся на достаточно высоком уровне), то непонятно, например, каким образом на этнической карте Европы острова Лифотенские и Вестеролен оказались населены гэлами, если верить обозначениям легенды.

Конечно, все это — именно досадные мелочи. Многие из них, наверно, не стоило бы и упоминать, не имея мы дело с учебником. Но, коль скоро речь как раз об учебнике, их следовало бы исправить хотя бы для того, чтобы они не повторялись при переиздании, а в том, что такое переиздание потребует довольно скоро, едва ли приходится сомневаться, если принять во внимание масштабы студенческой аудитории в университетах и пединститутах.

И все же легко видеть, что перечисленные погрешности ни в какой мере не могут изменить того, что сказано было с самого начала: книга, подготовленная авторским коллективом, в высшей степени своевременна и нужна. Ее использование в преподавании позволит в определенной степени восполнить пробел, сохранявшийся до недавнего времени в отечественной учебной литературе по этнографии. Представляется, что всего этого достаточно для того, чтобы в целом положительно оценить итоги немалого труда, проделанного авторами и редакторами учебника.

Л. Е. Куббель

С. И. Брука. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, 880 с.

В последние годы советской наукой достигнуты определенные успехи в этнодемографическом изучении народов мира. Характеристике этнического состава стран мира и частей света, численности отдельных народов мира и их размещению по отдельным странам был посвящен сводный, обобщающий том «Численность и расселение народов мира» 18-томной серии «Народы мира. Этнографические очерки» под общей редакцией члена-кор. АН СССР С. П. Толстого. Том был подготовлен сотрудниками лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и издан в 1962 г. под руководством С. И. Брука. Этнодемографическая ситуация в мире (как ее настоящие проблемы, так и футурологические аспекты) все эти годы остается объектом пристального внимания ученых и практических работников. Издаются теоретические работы, материалы итогов переписей населения в отдельных странах, демографические обзоры ООН¹.

И это не случайно. Интерес к этнодемографическим проблемам объясняется той глубинной связью, которая существует между политическими и социальными конфликтами, характерными для стран современного мира, и направлением этнических процессов и национальным составом населения в этих странах. Чтобы разобраться в этом сложном комплексе вопросов, нужна была обобщающая работа, выполняющая роль своеобразного компаса. Как раз такой работой, с моей точки зрения, стала книга С. И. Брука «Население мира. Этнодемографический справочник».

Как явствует из названия книги, сам автор считает ее справочником. Однако даже беглое знакомство с ней дает право утверждать, что речь идет об успешной попытке подвести некоторые итоги исследований этнодемографических проблем современного мира, представить во всем многообразии этнический, расовый, конфессиональный состав, лингвистическую принадлежность народов разных стран, проследить основные направления этнических процессов в рамках государств и т. д. Это не только бесстрастное

¹ См., например: Атлас народов мира/Под ред. Брука С. И., Апенченко В. С. Население земного шара. Справочник по странам. М.: Наука, 1965; Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969; Законы и закономерности развития народонаселения. М.: Статистика, 1976; Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976; Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. М.: Наука, 1970; его же. Демографо-этнические проблемы Азии. М.: Наука, 1980, и т. д.

сведения множества самых разнообразных этнодемографических сведений и фактов. В книге поставлена и успешно решена задача подведения итогов исследования демографических проблем и этнических процессов в современном мире. Если сравнить данную работу С. И. Брука с аналогичными советскими и зарубежными исследованиями, то неизбежно приходишь к выводу, что на данный момент рецензируемое издание является наиболее полным и исчерпывающим из них, рисующим объективную картину численности, классификации и расселения народов мира в целом и по отдельным странам и регионам.

Книга состоит из двух неодинаковых по размеру частей. Раздел первый — «Этнодемографический обзор мира» занимает примерно одну пятую всего ее объема (с. 9—184). Но хотя раздел и невелик, ему принадлежит по существу центральное место. Это объясняется кругом рассмотренных здесь проблем. В первой главе — «Численность и структура народонаселения» (с. 10—70) объектом исследования стали такие важнейшие проблемы, как динамика и воспроизводство населения, семейная структура, браки и разводы, возрастная структура, половой состав, миграции, размещение населения, урбанизация. Как известно, в современной демографической литературе на Западе много пишут о «демографическом взрыве». В этой связи важное значение приобретает убедительный вывод автора о том, что имеющиеся прогнозы, относительно общей численности населения мира на 2000 г. завышены. Наибольший прирост населения планеты пришелся на середину 1960-х годов (20% в год), причем в разных регионах земли он приходился на разное время. С. И. Брук убедительно показал, что темпы естественного прироста населения в последние 15 лет начали несколько снижаться, причем этот процесс идет не только в развитых, но и в развивающихся странах, которыми в середине 60-х годов XX в. прежде всего и определялся быстрый прирост населения, получивший название «демографического взрыва». К 2000 г. население земли не будет превышать 5,5—5,8 млрд. чел., к середине XXI в. оно достигнет примерно 9 млрд., а к концу того же столетия — 11—12 млрд. чел., и «на этом уровне можно ожидать полную остановку или лишь незначительный рост населения» (с. 29).

Заслуживают внимания такие положения, как повышение удельного веса детей и пожилых людей в общей численности населения, увеличение разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин и в связи с этим некоторое возрастание доли женщин в половой структуре населения мира, быстрый рост численности городского населения, увеличение подвижности населения как во внутригосударственных, так и в межгосударственных масштабах. При этом справедливо обращается внимание на разное проявление этих закономерностей в социалистических, развивающихся и развитых капиталистических странах.

Глава вторая — «Этническая картина мира. Расы. Религии» (с. 71—126) — включает такие принципиально важные в методологическом плане разделы, как этносы, народы и этнические процессы, этнический состав и численность народов, расовый состав и население мира, его религиозный состав. Казалось бы, что здесь читатель должен прежде всего получить справочные данные о народах (этносах), о человеческих расах и конфессиональной принадлежности народов мира. Все эти сведения, действительно, есть в соответствующих разделах, и приведены они на уровне современных данных антропологии и религиоведения с использованием новейших материалов. Но не менее важны и новые теоретические разработки самого автора, в частности, выделение им таких категорий, как метаэтнические (надэтнические) общности, объединяющие «несколько народов, у которых появились элементы общего самосознания, основанного на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, а в классовом обществе — и на политических связях» (с. 75, 76).

Конкретизируя типы подобных общностей, С. И. Брук выделяет, в частности, этнорелигиозные метаэтнические общности. Эта, как мне представляется, чрезвычайно плодотворная идея дает возможность понять особые случаи этноконфессиональной ситуации в целом ряде районов мира. Так, скажем, в литературе можно встретить утверждения о «народе моро» на Филиппинах. На самом же деле моро — это этнорелигиозная метаэтническая общность, сложившаяся на юге Филиппин в феодальную эпоху под влиянием распространения ислама среди соседних близкородственных народов.

Значительный научный интерес представляет и мысль автора о формировании в границах многонациональных государств этнополитических общностей, которые с известной долей условности можно также отнести к метаэтническим. Действительно, в современном мире роль государства в направлении этнических процессов исключительно велика и в ряде случаев по существу является определяющей. К сожалению, в этнографической литературе до сих пор нет общепринятого термина для обозначения типа общности, складывающегося или уже давно сложившегося в рамках государственных границ даже при наличии сложной полиэтнической структуры населения государства, несмотря на лингвистические, конфессиональные или иные различия.

Исключительную ценность представляют сводные таблицы, заключающие первый раздел книги. Они жато, языком цифр, подтверждают сказанное в двух первых главах и содержат ценнейший справочный материал (с. 127—184).

Как уже отмечалось, большую часть книги занимает второй раздел — «Этнодемографический обзор регионов и стран мира», в котором помещены этнодемографические характеристики всех стран мира (главы третья — восьмая). Среди государств наиболее полно охарактеризован Советский Союз (глава третья, с. 186—253), и это естественно. Автор, используя громадный оригинальный материал, в том числе данные всех переписей населения, проводившихся на территории СССР, дает подробную характеристику этнического состава населения всех союзных республик и автономных образований, а также сжатую характеристику современных этнических процессов в СССР. К со-

жалению, из-за отсутствия соответствующих сведений в материалах переписей населения СССР здесь нет данных о численности, например, ороков, сванов и некоторых других небольших народностей и этнографических групп, попавших в раздел «другие»². Иногда нарушен единый принцип характеристики народов. Так, приведены самоназвания негидальцев, ульчей, орочей, чукчей, коряков, алеутов, но нет самоназваний эвенков, нанайцев, ительменов, эскимосов, кетов (с. 250). Не отмечено, что небольшая группа уйгуров живет на территории Марыйской области Туркменской ССР.

Исключительно ценный новейший материал найдет читатель в главах, посвященных характеристике зарубежных народов: глава четвертая — зарубежная Европа (с. 254—360); глава пятая — зарубежная Азия (с. 361—545); глава шестая — Африка (с. 546—688); глава седьмая — Америка (с. 689—825); глава восьмая — Австралия и Океания (с. 826—867). Исчисление населения всех стран мира произведено в книге на середину 1978 г.³ Автору пришлось проделать огромную аналитическую работу и использовать самые разнообразные косвенные данные, так как по большинству стран мира отсутствуют прямые сведения об этническом составе населения. Как показывает выборочная проверка, такое исчисление выполнено довольно точно, а потому дает реальную картину численного состава народов мира. Для подтверждения сказанного приведу некоторые сопоставительные данные о численности народов Китая, одной из самых слабо изученных в этнодемографическом отношении страны мира (данные С. И. Бруком получены на основании сопоставления различных косвенных материалов, а также путем экстраполяции сведений переписи населения Китая 1953 г.).

Народы	Численность населения, тыс. чел.		Народы	Численность населения, тыс. чел.	
	С. И. Брук, с. 459, 460	Ежегодный справочник «Китай, 1980», Пекин, Шанхай, 1980, с. 668, 669* (на кит. яз.)		С. И. Брук, с. 459, 460	Ежегодный справочник «Китай, 1980», Пекин, Шанхай, 1980, с. 668, 669* (на кит. яз.)
Хань (китайцы)	910 000	912 600	Тай	800	760
Чжуан	11 500	12 090	Ли	600	680
Уйгуры	6 000	5 480	Гаошань	330	300
Мяо	4 100	3 920	Мулао	70	73
Монголы	2 400	2 660	Салары	50	56
Корейцы	1 850	1 680	Ну	20	19
Яо	1 100	1 240	Дулун	5	4,1
Бай	930	1 050			

* Данные эти появились после выхода в свет книги С. И. Брука.

Как видно из приведенных цифр, расхождения не превышают 5—10%, (для самих китайцев — менее 0,3%), что считается вполне допустимым даже для стран, хорошо обеспеченных статистическими материалами.

Каждая статья содержит компактную характеристику этнодемографической ситуации в той или иной стране. В советской этнографической науке накоплен определенный опыт компактного описания этнической истории, характеристики этнического состава, лингвистической, расовой и конфессиональной принадлежности народов, исследования основных направлений этнических процессов в рамках государств⁴. Так, при характеристике Японии автор сообщает основные сведения о коренных народах — японцах, составляющих более 99% всего населения, и айцах, насчитывающих не более 20 тыс. чел. Среди некоренного населения он называет корейцев (560 тыс. чел.), китайцев (45 тыс.), американцев (20 тыс.) англичан (5 тыс.), немцев (3 тыс.), канадцев (2 тыс.).

Можно согласиться с основными выводами автора по этнической истории японцев, но при этом невольно возникает вопрос о степени моногенности японского этноса. Наличие значительных локальных вариантов японской народной культуры дает возможность предполагать наличие этнографических групп среди японцев, которые в историческом прошлом характеризовались еще более многочисленными и глубокими различиями⁵. Едва ли справедливо считать рюкюсцев только этнографической группой японцев.

² Это тем более досадно, что ороки, в частности, выделяются как самостоятельный народ во всей специальной этнографической литературе и им посвящен целый ряд исследований. Как самостоятельная этническая единица ороки названы и в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Крайнего Севера» (Правда, 26 февраля 1980 г.).

³ Демографические сведения о населении СССР опираются на материалы переписи 1979 г.

⁴ См., например, Андрианов Б. В. Население Африки (этностатистический обзор). М.: Наука, 1964; Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады. М.: Наука, 1971; Исмаилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973; Пучков П. И. Население Океании. Этногеографический обзор. М.: Наука, 1977.

⁵ Сапронов В. А. Остров, куда не вернулся мир, М., 1981; Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Этнографическая поездка в Японию. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 142—153.

Конечно, в настоящее время они все больше воспринимают общепонимый вариант культуры, но различия между рюкюсцами и японцами до сих пор остаются довольно глубокими, а потому есть все основания считать рюкюсцев народностью, пусть даже ассимилируемой японцами. В дополнение к перечисленным народам, живущим в Японии, назову еще небольшую группу южных ороков.

Работу С. И. Брука заключает алфавитный список народов, их численность на середину 1978 г. (с. 868—880). Очень жаль, что отсутствуют необходимые указатели (в таком издании их должно бы быть несколько) и список литературы. Понятно, однако, что это вызвано ограничением листажа книги.

Как всякое серьезное исследование, работа С. И. Брука будит мысль, заставляет еще и еще раз обращаться к актуальным проблемам этнической демографии. В частности, некоторые соображения, высказанные мною выше, как раз и возникают в результате обращения к материалам книги. Но сколько-нибудь существенных претензий к ней предъявить невозможно.

Появление такой книги отражает высокий уровень этнодемографических исследований в СССР, в становлении и развитии которых автору рецензируемой монографии по праву принадлежит одно из ведущих мест.

Все сказанное выше дает право однозначно высоко оценить исследование С. И. Брука⁶. Оно необходимо как ученым, так и широкому кругу читателей, ибо помогает изучать этнодемографические проблемы современного мира, уверенно ориентироваться во многих сложных этнических и конфессиональных ситуациях, получить точный, надежный справочный материал по самым различным вопросам численности, расселения, а также расовой, языковой и религиозной принадлежности народов мира.

А. М. Решетов

⁶ Книга уже получила высокую оценку. См., например, рецензии: *Покшишевский В. В.* Этнодемографическая панорама мира.— *Коммунист*, 1982, № 4; *Шевеленко А. Я.*, Брук С. И. Население мира.— *Вопр. истории*, 1982, № 3.

Л. А. Файнберг. У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М., 1980. 153 с.

Происхождение человечества всегда было актуальной и волнующей темой. Выход в свет каждого нового научного труда в этой области неизменно привлекает к себе пристальное внимание широчайшей читательской аудитории, особенно благодаря новейшим археологическим и антропологическим открытиям, значительно удрежняющим и усложняющим «корни» человеческого рода и его культуры. С расширением масштабов данной проблематики сложнейшим для специального исследования остается, как и прежде, начальный период социогенеза. Его комплексное, междисциплинарное изучение в нашей науке, особенно за последние 15 лет, привело к сложению целого спектра различных хорошо аргументированных точек зрения на соотношение биологических и социальных факторов в зарождении первобытного общества¹. Именно этой ключевой проблеме посвящена рецензируемая книга.

Основное содержание работы Л. А. Файнберга раскрывается в трех главах, в которых последовательно рассматриваются сообщества обезьян, поведение стайных хищников, культура ранних гоминид в качестве источников для реконструкции начала социогенеза. Читателям, в разной степени знакомым со спецификой дискуссий и изысканий такого рода, хорошим ориентиром служит предпосланное книге предисловие ее ответственного редактора акад. А. П. Окладникова.

Емкая в информативном отношении книга при сравнительно небольшом объеме содержит обширный тщательно проанализированный фактический материал, полученный в ходе новейших исследований приматологами, этологами, представителями ряда других наук, поскольку основная особенность авторского замысла состояла в том, чтобы, избегая «прямой проекции животных объединений на человеческие коллективы» (с. 10), выявить «отдельные элементы возможных форм организации древнейших и древних гоминид, предпосылки которых могли существовать в структуре объединений животных» (с. 8).

В реализации замысла Л. А. Файнберг следует новым тенденциям современной приматологии, обратившейся к изучению жизни обезьян в естественных для них условиях, с широким применением статистики и других методов, повышающих точность суждений о стадных взаимоотношениях у приматов. Поскольку формы этих взаимоотношений многообразнее и пластичнее тех, что наблюдались в вольерах и клетках, соответственно меняются представления о типах стадной организации, о значении гаремных и парных семей, об «избегании» инцеста, о конфликтных ситуациях и агрессивном поведении, о зоологическом индивидуализме и взаимопомощи особей в конкретных сообществах современных обезьян и по аналогии в гипотетических сообществах антропоидов тре-

¹ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966; *Кожин П. М., Фролов В. А.* Симпозиум по проблеме «Становление человеческого общества». — ВДИ, 1968, № 4, с. 171—179; *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; *Борисковский П. И., Григорьев Г. П.* Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.

тичного периода — предшественников ископаемых гоминид. Конечно, далеко не всякая аналогия, построенная даже на безупречных с точки зрения биолога материалах, оказывается при рассмотрении проблем социогенеза достаточно корректной. Поэтому тем ценнее критика автором ряда таких аналогий с позиций историка первобытного общества.

Для реконструкции истоков социогенеза важным объективным основанием автору служит следующий момент, констатация которого сходна у многих исследователей: сообщества низших и человекообразных обезьян имеют гибкую структуру отношений между особями, стабильно сохраняющую одни черты и чутко реагирующую варьированием других на многообразные изменения условий существования. Так, характерной чертой стад у разных видов обезьян является относительно большая стабильность женской части стада и мобильность мужской (с. 26). Многие японские исследователи разными путями пришли к выводу о весьма длительном сохранении у взрослых особей тесных связей с матерью в стадах макак; если в обычных условиях контакты между родственными животными достигают 50% от общего числа, в периоды голода контактность их возрастает до 70%. В сезоны же размножения растет число групп, включающих в свой состав «чужаков», и соответственно снижается процент контактов между родственными особями. Особый интерес представляет подчеркнутая в книге (с. 28—29) близость выводов, сделанных по материалам многолетних наблюдений в СССР и Японии, о доминировании «линии самок» в сообществах обезьян на разных стадиях процесса накопления, закрепления и передачи из поколения в поколение новых привычек и навыков поведения. Если в экологическом отношении связывать начало гоминизации с резким изменением природных условий третичного периода (наступление саванны на леса), потребовавшим сравнительно быстрой перестройки пищевых и прочих поведенческих стереотипов у антропоидов, то можно согласиться с автором в утверждении ведущей роли «материнского ядра» как наиболее стабильной части стада, хотя вряд ли оправданно определение роли самок как «творца» новых привычек (с. 29).

Нужно отметить, что повышенное внимание к экологической обстановке зарождения и становления древнейших биосоциальных объединений порой создает впечатление о возможности правильного решения проблемы посредством аналогий между гаремной семьей (например, гамадрилов) и пресоциальной организацией прегоминид или даже социальной гоминид (Дж. Гартлан, К. Брейн)². Тщательный анализ приматологических и экологических данных позволяет Л. А. Файнбергу показать неоднозначность вариантов приспособления современных обезьян к особо неблагоприятным изменениям в условиях среды обитания. В некоторых случаях адаптация ведет к усилению жесткой, иерархичной организации сообщества, связанной с физической и поведенческой специализацией особей, стимулирующей их агрессивность: такие варианты наблюдались при искусственных скоплениях многих животных на небольшом пространстве (в клетках зоопарков) и на воле — в экстремальных условиях полупустынь. Не исключено, что для низших обезьян, питающихся лишь растительностью, такие варианты адаптации оказывались оптимальными.

Однако (и это убедительно показано в книге) возможны иные варианты адаптации, связанные с систематической охотой, которая, за исключением охоты на самых мелких животных, требует объединения усилий нескольких самцов, способствует развитию контактов и взаимопомощи в стаде приматов, сохранению целостности его структуры (с. 33). Судя по наблюдениям за сообществами шимпанзе и павианов на границе леса и саванны в Африке, в их организации и поведении выявляется больше соответствий современным представлениям о наиболее вероятных особенностях жизни прегоминид, чем у лесных шимпанзе и павианов полупустынь.

Наблюдение таких феноменов, как передвижение антропоидов в саванне без помощи передних конечностей; изобретение и варьирование новых приемов для достижения целей (в том числе с использованием орудий); согласованные действия группы (с использованием паков) при угрозе нападения хищника приобретает особое значение, когда речь идет о развитии между членами сообщества разных видов ориентации, выгодных для поддержания их совместного существования. Поведение при охоте носит групповой характер, проявляющийся в разных способах преследования дичи несколькими обезьянами до раздела добычи и общей «трапезы», — таков итог изучения за последние 15 лет стадной жизни шимпанзе и павианов в различных районах их обитания (Ган-Рания, Кения). По наблюдениям Ш. Страм, например, стадо павианов, ранее загонявших антилопу, преследуя ее эстафетой поочередно, затем научилось и стало все чаще загонять животное к засаде, где прятался один из павианов. Многочисленные свидетельства, обобщенные автором (с. 70—78), дают достаточно оснований для вывода о значительном влиянии охоты на развитие групповых отношений и рассудочной деятельности. По сравнению со стайными хищниками (львы, волки, гиены и др.) прегоминиды, уступаая им в скорости бега, остроте когтей и зубов, чтобы выжить в плiocеновой саванне, неизбежно должны были использовать срудия для охоты и обороны.

Очевидно, лишь прегоминиды, а затем ранние гоминиды могли активизироваться в своей рассудочной деятельности одновременно двумя мощными взаимостимулирующими факторами, какими были совершенствование охоты и орудий для нее. Подход к этому вопросу намечен (с. 59—61), хотя сама идея заслуживает, видимо, более подробной разработки. Ведь по существу переход к археологическому аспекту темы невозможен без «судебной» (охотничье-орудийной) трактовки памятников нижнего палеолита. Древетные каменные орудия обычно находятся в той или иной связи с костями крупных

² Gartlan J. and Brain C. Ecology and Social Variability in *Cercopithecus* *Athiops* and *Cercopithecus* *Mitis*. — *Primates*. N. Y., 1968, p. 282—283.

животных, добытых на охоте, и множество достоверных фактов такого рода дает объективное основание для дальнейшей их интерпретации в связи с источниками социогенеза и становления первобытного общества.

В самой обширной завершающей главе книги рассмотрены важнейшие памятники олдувая, ашелья, мустье и, наконец, верхнего палеолита (где в центре внимания автора общинные жилища с женскими статуэтками).

В целом в работе Л. А. Файнберга оригинально и успешно выполнен его основной замысел. С одной стороны, в ней убедительно показана положительная роль ряда биологических предпосылок в организации и групповом поведении обезьян, особенно антропоидов, для возникновения социальной организации формирующихся людей, облегчавшая под воздействием охотничье-трудовой деятельности формирование норм коллективизма в производстве и потреблении, локально-групповой экзогамии при стабильном женском ядре группы и т. д. С другой стороны, констатируется постепенное уменьшение роли биологических предпосылок за счет растущей роли социальных факторов в становлении первобытного общества и его развития до сложения в верхнем палеолите общинно-родового строя «единого в своих основных закономерностях, но многообразного в формах конкретного воплощения» (с. 129).

Насыщенность книги рабочими гипотезами и в итоге ее дискуссионность неизбежны при плодотворной разработке сложнейшей из проблем первобытной истории.

Рецензируемой книге можно предъявить немало претензий. Терминологическая нечеткость: в III главе мустье автор относит к среднему палеолиту, а в заключении включает в нижний палеолит (с. 129); среднему и позднему ашелью приписываются «первые следы религии» (с. 87), хотя речь идет, по нашему мнению, всего лишь о свидетельствах внеутилитарной деятельности ашельцев, не имеющих пока устоявшейся интерпретации. Отдельные утверждения, по современным представлениям, недостоверны: ашельский возраст комплекса в Бауза (с. 87), остатки мустьерского жилища в Ильской (с. 105). Нет обещанного автором (с. 10) сопоставления планировки древнейших жилищ с соответствующими данными этнографии.

Выделяя жилища палеолита как важнейший источник реконструкции социальной жизни ископаемых гоминид (с. 96—111), автор мог полнее использовать богатейший опыт советской школы палеолитоведения, которой собственно мировая наука обязана и первыми открытиями верхнепалеолитических и мустьерских комплексов жилых сооружений под открытым небом, и методикой их изучения и интерпретации, вообще признанием «палеосоциологического»³ направления в первобытной археологии. Судя по замыслу работы, читатель вправе был ожидать встретить в ней более широкий круг этнографических и антропологических материалов. Палеоневрологические исследования эндокранов ископаемых антропоидов и гоминид⁴ могли бы дать автору дополнительную аргументацию о развитии рассудочной деятельности как фактора регуляции внутригрупповых отношений, поскольку он солидарен с утверждением Л. В. Крушинского: «Ум не определяет образа жизни животных, но форма их общественных отношений определяется умом» (с. 23).

Последнее обстоятельство представляется существенным особенно для тех звеньев предпринятой Л. А. Файнбергом исторической реконструкции первоначального человеческого общества и его пролога, применительно к которым (при дефиците достоверной информации) доказательства наиболее затруднены. Между тем после трудов Ч. Дарвина, В. М. Бехтерева и ряда советских исследователей функции рассудочной деятельности животных удается проследить экспериментально во взаимосвязанном поведении группы человекообразных обезьян, совместно решающих сложную для них задачу⁵. Эти данные также говорят в пользу выдвигаемых автором утверждений, которые отчетливо отражают тенденцию к продуктивному взаимодействию в изучении истоков социогенеза, наметившуюся в археологии и истории первобытного общества, с одной стороны, а с другой — в биологических науках, в рамках которых изучаются ближайшие родственники человека.

Думается, рецензируемая книга отражает и определенный этап перехода в этой области познания от общих предположений и гипотез к конкретному анализу сходных или близких по значению элементов биологических и социальных структур в их связях и динамике на заре человечества (не теряя из виду принципиального качественного различия биологических и социальных феноменов). Как уже говорилось, дискуссионность выводов книги — одно из достоинств: она будит мысль, предрасполагает к продуктивному совместному размышлению ученых разных дисциплин в бурно развивающейся ныне области самопознания человечеством своих истоков.

Б. А. Фролов

³ Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. P., 1968, p. 7.

⁴ Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973.

⁵ Фирсов Л. А. Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977, с. 103, 116.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. Отв. ред. академик Ким М. П. М.: Наука, 1981. 344 с.

В основу рецензируемой книги (редакционную коллегию составили Ю. В. Бромлей, Б. В. Андрианов, Э. В. Гирусов, Л. В. Данилова, Е. П. Дятел, В. Д. Есаков) легли доклады и сообщения на секции «Проблемы исторического развития и взаимодействия общества и природы» I научной конференции по проблемам взаимодействия общества

природы (Москва, 1978). Так как природа представляет собой естественную сферу существования и развития человеческого общества, то названная тема приобрела экологический аспект, что отразилось и в названиях некоторых включенных в книгу статей. И это вполне понятно, ибо в последние десятилетия в связи с определившейся важностью экологических проблем и симптомами их обострения в глобальном масштабе наблюдается процесс своего рода экологизации многих естественных наук, а также проникновения экологического стиля мышления во многие общественные науки, в том числе в этнографию.

Отметим сразу же, что рецензировать эту книгу довольно трудно по двум основным причинам. Первая из них состоит в том, что отраженная в названии книги тема очень широка; книга содержит свыше 30 статей самого разнообразного содержания — от философского до физико-географического и технико-энергетического. Вторая причина в том, что из-за сжатого объема статей их частные темы излагаются довольно компактно; пересказать их содержание в рецензии крайне затруднительно. Поэтому придется уделить внимание главным образом тем статьям, которые носят обобщающий характер, а также непосредственно связаны с этнографической (или, точнее, этноэкологической) тематикой.

Книга состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются общие закономерности взаимоотношений общества и природы, диалектическое единство и противоположность природного и социального, обусловленность этих связей возникновением и развитием материального производства. В непосредственно предшествующей этому разделу вводной статье «Природное и социальное в историческом процессе» М. П. Ким и Л. В. Данилова справедливо отмечает, что «при раскрытии содержания категории „общественно-экономическая формация“, которая служит для марксистов главным средством исследования исторического процесса, все внимание обычно фиксируется на чисто социальном аспекте... Та же сторона дела, которая связана с природной средой, формой вовлечения ее в общественную сферу, редко избирается в качестве объекта изучения» (с. 14—15). Большого внимания в этой связи заслуживает статья Н. Е. Тихоновой «К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии общества и природы», в которой сделана попытка сводного анализа высказываний основоположников исторического материализма по вопросам взаимодействия природы и общества, создающих методологическую основу социальной экологии. Целесообразно особо отметить мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о постепенном отчуждении человека от природы, достигшем наиболее острой формы противопоставления человека природе в эпоху капитализма. Между тем, как писал Ф. Энгельс, в данном отношении свобода человека состоит «не в воображаемой независимости от законов природы... а в познании этих законов и в основанной на этом знании способности применять их для достижения собственных целей» (с. 33).

Более подробно эти мысли рассматриваются в статье Э. В. Гирусова «Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы», автор которой, отмечив, что уже древние люди сталкивались с экологическими затруднениями, пишет: «Отличие прежних проблем от нынешних в том, что решение их было растянуто во времени, что раньше они возникали лишь в отношении отдельных факторов природной среды, а не всей биосферы в целом и от их решения не зависело столь остро, как теперь, само существование общества» (с. 51). Сознательная ориентация деятельности людей на совместимость социальных и природных процессов реализуется только в процессе построения коммунистического общества.

Важным аспектом исследований взаимодействия общества и природы, как отмечает М. П. Ким и Л. В. Данилова, является «раскрытие взаимосвязи социального и природного в сфере культуры, механизмы которой служат специфическим, сугубо человеческим способом адаптации к естественно-географической среде. Весьма актуальной и значимой в теоретическом и конкретно-историческом плане является проблема взаимосвязи этноса как социокультурного феномена и конкретной естественно-географической среды, изменение экологических функций этнических культур с древности до современности. Полезно проанализировать этнокультурные традиции прошлых исторических эпох как способа сохранения экологически значимого опыта» (с. 16—17).

Решению значительной части этой задачи посвящена статья Ю. В. Бромлея «Культура и этнические аспекты экологии», в которой по необходимости кратко даны важные положения, во многом формирующие основу новой пограничной дисциплины — этнической экологии. Основное внимание автор уделяет тем, к сожалению, не принимаемым во внимание в работах по экологии человека фактам, когда различные этносы по-разному адаптируются к сходным природным условиям, по-разному используют ресурсы среды. На ряде примеров, относящихся к народам, которые стоят на различных ступенях хозяйственного развития, — от охотников-собирателей до земледельцев, показывается, что возникшие этнопроизводственные традиции являются очень устойчивыми. Так, у русских переселенцев в Прибайкальскую лесостепь главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, в то время как у местного населения, бурят, ведущее значение до сих пор занимает скотоводство (с. 90). Этническая специфика адаптации к природной среде обнаруживается в орудиях труда и потреблении средств к жизни, особенно в пище (ее составе, способах приготовления, времени приема и т. д.), а также в жилище, одежде и народной медицине. Особое значение имеет отмеченный Ю. В. Бромлеем факт, что наряду с существованием «экофильных установок» в традиционной культуре различных народов обнаруживаются и «экофобные» тенденции, вызывающие негативные последствия в природной среде (с. 94). Учет всех этих этноэкологических факторов имеет немаловажное значение и в настоящее время при решении проблем взаимоотношений общества и природы.

К статье Ю. В. Бромлея по названию очень близка статья Э. С. Маркарьяна «К экологической характеристике развития этнических культур», но в ней дается главным образом общая характеристика культуры как основного механизма внеэкологической адаптации всего человеческого общества и отдельных народов. К сожалению, некоторые места этой в целом интересной статьи трудны для понимания из-за отсутствия конкретных примеров. Это относится, например, к положению автора о том, что «культура в той или иной степени всегда избыточна. А это, в частности, означает, что в ней обязательно должны присутствовать для данных условий среды адаптивно нейтральные и даже вредные элементы» (с. 98). В дальнейшем оказывается, что, по существу, именно эти оставшиеся неизвестными для читателей негативные в адаптационном отношении элементы образуют своего рода биоэволюционный «резервуар» и даже имеют «огромное адаптивно-эволюционное значение» (с. 107). Встречаются и отдельные досадные неточности, например толкование понятия культурно-хозяйственного типа как «отвлекающегося от локальных связей со средой» (с. 106). Следует сказать также, что значительное место в статье уделено рассмотрению некоторых взглядов Л. Н. Гумилева об «этносфере» и этносах как способах приспособления людей к среде обитания. Э. С. Маркарян считает, что в концепции Л. Н. Гумилева кроме погрешностей есть «интересные обобщения, выводы и наблюдения» (с. 100), однако эта оценка как бы повисает в воздухе, так как автор ограничивается лишь критикой некоторых положений Л. Н. Гумилева (о биологической природе этноса, о противопоставлении этнического социальному и др.), которые и ранее уже не раз подвергались критическому анализу.

Кроме упомянутых в первом разделе книги имеются статьи: М. П. Кима, В. Д. Есаква — «Природа, общество, наука»; И. М. Забелина — «Взаимодействие человека с природой и проблема НТР»; Л. В. Даниловой — «Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития»; В. В. Алексеева — «Энергетика в истории общества, масштабы и характер взаимодействия»; основное содержание этих статей достаточно отражено в их названиях. В этот раздел включена и статья Д. В. Гурьева «Соотношение социального и биологического в истории человечества», в которой излагается представление о происхождении вида *Homo sapiens*. Эта статья не имеет прямого отношения к теме сборника, но тем не менее на ней следует кратко остановиться. По мнению автора, «эволюция телесного строения членов первобытного стада» направлялась главным образом действием социальных факторов, подчинялась действию не столько естественного, сколько социального по своей сущности отбора». Способ социального отбора заключался в том, что «сами производственные коллективы (?) сначала стихийно, а потом все более осознанно вынуждены были для осуществления своей нормальной деятельности постепенно освобождаться от индивидов (т. е., попросту говоря, убивать. — Т. Е. и В. К.), не способных к труду и социальному общению по каким-либо телесным или психическим признакам (?)» (с. 80).

Нарисованная автором схема деятельности первобытных неандертальских египтян, выводящих кроманьонцев (*Homo sapiens*), представляется настолько, мягко говоря, неподуманной, что ее следовало бы оговорить в редакционном примечании.

Несравненно более правильный подход к этой проблеме дан в статье Г. Н. Матюшина «Антропогенез и взаимодействие человека и природы в эпоху первобытности», где появление человека связывается с крупными мутациями (с. 141).

Статьи второго раздела книги посвящены главным образом рассмотрению конкретных исторических примеров взаимодействия общества и природы, в частности влияния природных условий на хозяйственно-культурное развитие, а также истории возникновения антропогенных ландшафтов в разных частях света и других изменений естественно-географической среды. Существенный интерес представляет статья В. Р. Кабо «Первобытное общество и природа», посвященная главным образом характеристике жизнеобеспечения народов, стоявших на начальных стадиях исторического развития. Излагая этот материал, автор солидаризируется с теми исследователями (Ф. Маккарт, М. Маккартур и др.), которые решительно выступают против распространенного мнения о том, что первобытные люди владели полуголодное существование, и приводит примеры австралийцев-аборигенов и бушменов, находящихся в почти экстремальных условиях жизни, но по наблюдениям, затрачивающих на добычу полноценной пищи лишь 2—3 часа в день. Вопрос этот, видимо, нуждается в дополнительной разработке, так как нарисованная картина вольготной жизни австралийцев и бушменов плохо согласуется с их высокой смертностью и малой продолжительностью жизни.

Во многом сходна тематика статьи Г. Н. Алимураева «Особенности первобытного производства и его связи с окружающей средой», в которой показаны элементы планомерного ведения хозяйства в первобытном обществе и у этнических групп, близких к нему по уровню своего развития.

В этом разделе выделяются также оригинальная по содержанию статья Я. Д. Серовайского «Формы исторического взаимодействия общества и леса» и особенно статья А. В. Данилова «Экологический кризис в современных развивающихся странах», в которой дана емкая и яркая картина трудностей жизнеобеспечения в развивающихся странах, усугубившихся в результате «демографического взрыва» и ряда других причин; автор рассматривает эти трудности на фоне усложнившейся глобальной экологической ситуации, в связи с чем данная статья заслуживала бы помещения в первом, «методологическом» разделе книги. В статье А. В. Данилова (как, впрочем, и в статье Я. Д. Серовайского) нет прямых выходов в этническую экологию, за исключением его ценного замечания о том, что одной из особенностей процесса урбанизации во многих развивающихся странах и «следствием острой экологической ситуации является, между прочим, укрепление общинной и кастовой солидарности, так как только сплоченная группа име-

от шансы на выживание, повышение статуса и дохода. В свою очередь это ведет к консервации и сегментации развивающегося общества» (с. 231). Своего рода продолжением и конкретизацией некоторых положений этой статьи является статья М. А. Виллана «Опыт преобразования и охраны природы в СССР», некоторым недостатком которой является отсутствие в изображаемой картине тех экологических проблем, об обострении которых говорится в материалах XXV и XXVI съездов КПСС.

Другие статьи этого раздела (А. Б. Ковельман — «К вопросу о причинах запустения Фаюма в III—VII вв. н. э.»; Ю. Л. Бессмертный — «Климат и сельское хозяйство во Франции (800—1800 гг.)»; Ю. С. Васильев — «Использование природных богатств и их охрана на Севере России в XVI—XVII вв.»; П. Н. Зырянов — «Роль крестьянской общины в использовании и восстановлении естественных ресурсов (по материалам русской общины 1861—1905 гг.)»; А. А. Александров — «Промышленность Урала и окружающая среда XVIII—XIX вв.») характеризуют локально-исторические особенности взаимодействия общества и природной среды.

В третьем разделе книги, как сказано в предисловии, сгруппированы статьи, посвященные методике исследования экологических проблем, типологизации форм человеческой культуры, а также статьи, освещающие этнические аспекты экологии и формы отражения в общественном сознании исторического процесса взаимодействия общества и природы. Это указание не вполне точно, так как уже первая статья раздела — Б. В. Андрианов «К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы», как ясно и из ее названия, носит не методический, а обобщающий характер. Автор ее критикует теорию географического детерминизма и излагает принципы историко-материалистической оценки влияния природных условий на развитие общества. Значительное место в статье занимает изложение принятой в советской этнографии концепции хозяйственно-культурных типов, характеризующихся как «своеобразные социально-культурные системы, связывающие людей с помощью культуры через хозяйственную деятельность с природными ресурсами» (с. 254); показывается историческая эволюция этих типов.

Трудно уложить в рамки «методики» и очень содержательную статью С. О. Шмидта «Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения», автор которой вполне обоснованно поддерживает идею о расширении понятия «исторического источника» путем включения в него не только результатов или продуктов человеческой деятельности, но и того, «что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии» (с. 265). Таким образом, в число исторических источников включаются историко-географические и историко-биологические (в частности, антропологические) материалы; на ряде примеров автор убедительно показывает необходимость использования данных (а иногда и методик) естественных наук для целей исторического исследования. К этой статье примыкает более конкретная статья С. И. Сотниковой «Об использовании архивных материалов в экологическом прогнозировании», посвященная главным образом возможности использования карт для получения и анализа информации о состоянии и динамике антропогеоценозов в разные временные периоды.

Статья Вяч. Вс. Иванова «Природные символы как элементы знаковых систем культуры» также имеет не только методическое, но и методологическое значение, так как она обращена к рассмотрению отражения этноэкологических проблем в сложных для изучения сферах традиционной духовной культуры. Можно лишь пожалеть, что в этой изобилующей примерами по различным народам, странам и эпохам статье некоторые интересные положения даны почти конспективно. По своему содержанию к ней близки посвященные более конкретным вопросам статьи С. Б. Рождественской «Отражение отношения „человек — природа“ в народном искусстве» и Л. Н. Пушкарева «Представление человека о природе по памятникам русского фольклора XVII в.».

Проблемам сохранения и развития традиционных приемов использования природных ресурсов посвящены статьи М. К. Гегешидзе — «Вопросы рационализации культурно-исторических традиций сельскохозяйственного природопользования» и А. А. Лебедевой — «Собирательство в быту крестьян Сибири (XIX — начало XX в.)». В первой из них характеризуются две традиционные системы — террасное орошаемое земледельческое хозяйство среднегорья и покоеое орошаемое скотоводческое хозяйство высокогорья некоторых районов Кавказа; во второй — пашенное хозяйство таежной зоны, сочетающееся с использованием растительных ресурсов тайги, в частности растений, употребляемых в пищу и используемых в народной медицине.

Кроме перечисленных в третий раздел входят статьи В. А. Антипиной и В. Е. Некос «Некоторые вопросы взаимодействия общества и природы и процесс рельефообразования», посвященная анализу динамики овражно-балочной сети на территории Слободской Украины в XVII—XX вв.; а также статьи Г. Г. Громова — «Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы» и А. Г. Ганжи и С. В. Русакова — «О возможности моделирования процесса взаимодействия древних человеческих обществ с окружающей средой», показывающие возможность применения математических методов для решения некоторых частных проблем исторического взаимодействия общества и природы. К сожалению, практическое применение таких методов сильно ограничено недостаточностью необходимых для этого данных.

В заключение, оценивая рецензируемую книгу в целом, надлежит отметить еще раз богатство ее содержания, а также важность и актуальность большинства рассматриваемых в ней вопросов, научную новизну и ценность многих высказанных в ней положений. Сделанные нами замечания по отдельным статьям не нарушают этой общей оценки и отражают главным образом тот факт, что немало проблем обширной темы об исторических взаимоотношениях общества и природы находятся еще в процессе их творческой

разработке. Эта весьма важная тема, несомненно, заслуживает отражения в монографическом исследовании, и рецензируемый сборник является важной ступенью к осуществлению такой работы.

Т. В. Егорова, В. И. Козлов

Ю. Д. Левин. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980, 203 с.

В 1760 г. в столице Шотландии Эдинбурге были анонимно изданы на английском языке «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрзийского языка». Сборник подготовил молодой шотландский учитель Джеймс Макферсон. В нескольких отрывках повествование велось от имени престарелого барда Оссиана, прославлявшего подвиги своего отца короля Фингала. Затем последовал ряд других публикаций, в частности два тома «Творений Оссиана» (1765).

По поводу подлинности поэм Оссиана возникла полемика, растянувшаяся более чем на столетие. В настоящее время вопрос вполне выяснен: Макферсон не был ученым-сборителем или публикатором; он был поэтом, создававшим свои произведения на основе фольклорных образцов, с которыми обращался совершенно свободно¹. Тем не менее долгое время мистификация Макферсона воспринималась как подлинник. Оссиан стал символом народных певцов в поэзии и науке, провозвестником интенсивного обращения к национальному наследию.

Поэмы Оссиана имели сенсационный успех. Ими зачитывались, их переводили, прославляли. Гердер, Гете, а затем и Байрон и Гюго с восторгом говорили о шотландском барде. Оссиан оказал мощнейшее влияние не только на мировую литературу, но и на общественное сознание. Оссианизм (подобно руссоизму) как движение общественной мысли был одним из основных стимуляторов формирования европейской этнографии и фольклористики, важнейшим из составных элементов общеевропейского романтического движения, связанного с обращением к национальной фольклорной традиции в период формирования этнического самосознания складывавшихся наций. Все фольклорные публикации второй половины XVIII — начала XIX в., начиная с И. Гердера и кончая бр. Гримм, развивались под знаком Оссиана. Это справедливо не только по отношению к немецкой, французской и английской фольклористике и этнографии, но и по отношению к зарождавшейся в те же десятилетия славистике. Имя Оссиана мы встречаем на первых же страницах известной книги К. Г. Антона — первой общеславянской этнографической монографии².

Одним из переводчиков Оссиана на польский язык был поэт-революционер Северин Гошинский. Том Макферсоновых «Стихотворений Оссиана» в переводе на немецкий язык находим в библиотеке Вука Караджича³.

Существует немало работ о рецепции литературной мистификации Макферсона в различных странах Европы. Оссиан и его воздействие — тема большого историко-культурного значения. Современное решение ее возможно на основе комплексного подхода, понимания культуры как сложной, динамичной, противоречивой и вместе с тем единой системы.

Исследование восприятия Оссиана позволяет поставить ряд важных вопросов, в частности о его значительной роли в истории фольклористики и фольклоризма литературы в России, давно признанной, но далеко еще не изученной.

Как писал М. К. Азадовский, «особенно... ощутимо было воздействие „оссиановых поэм“ в области изучения народной поэзии: здесь они произвели целый переворот и значительно содействовали дальнейшему развитию теоретической мысли в этой сфере»⁴.

Об истории восприятия Оссиана в России в конце XVIII — первой четверти XIX в. и говорит Ю. Д. Левин в рецензируемой монографии, которая, несомненно, привлечет внимание всех, кто интересуется историей русской этнографии и фольклористики. Исследователь показывает, что, сыграв на определенном этапе развития русской культуры весьма активную роль, оссианизм также способствовал становлению русского романтизма и романтизма, сближению русской литературы с фольклором.

Прежним исследователям русского оссианизма, как справедливо замечает Ю. Д. Левин, не доставало широкого контекстуального подхода к проблеме, учета ее многогранности. В рецензируемой книге дан краткий, но весьма содержательный очерк истории вопроса. Жаль только, что в нем не упомянута «История русской фольклористики» М. К. Азадовского, в которой можно найти интересные замечания об Оссиане и его роли в формировании фольклоризма русской литературы, и книга Дж. Коккьяра «История фольклористики в Европе».

Существенным недостатком предшествующих исследований русского оссианизма Ю. Д. Левин считает и то, что они были сосредоточены главным образом на крупнейших представителях русской литературы конца XVIII — начала XIX в. «Массовый»...

¹ См. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958, с. 117.

² Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Hainungen und Kenntnisse. T. I—II, Leipzig, 1783.

³ Добрашинович Г. Библиотека Вука Караджича. — ж. Библиотекар, 1973, № 3—4, с. 360.

⁴ Азадовский М. К. Указ. раб., с. 117.

оссианизм оставался вне поля зрения. Между тем без него невозможно составить представление о проблеме в целом» (с. 7). Поэтому Левин старается не пропустить ни одного факта, связанного с рецепцией Оссiana в России.

Рецензируемая книга написана на основе тщательных библиографических разысканий, о чем свидетельствуют и «Библиографические материалы», приложенные к ней. В них — 327 позиций. Ю. Д. Левин учитывает переводы и переложения, самостоятельные произведения на оссиановские темы, как оригинальные русские, так и переводные оссианические реминисценции, литературоведческие и критические работы и упоминания. Это и послужило базой исследования, его источниковедческой основой. Надо сказать, что библиография Ю. Д. Левина — ценный источник для истории русской этнографии и фольклористики.

В самой монографии весь материал расположен по проблемно-хронологическому принципу. И здесь специалисты по народному творчеству найдут немало ценного и важного материала.

Вслед за небольшой главой, вводящей в оссиановский мир и знакомящей с полемикой вокруг Оссiana в странах Западной Европы, Левин приступает к последовательному рассмотрению истории русского оссианизма.

Первые, как установил П. Дюкс, Оссian был упомянут в русской печати еще в 1768 г. в «Слове о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» И. А. Третьякова. Это упоминание, по мнению Ю. Д. Левина, — «лишь любопытный факт, не более» (с. 19). Оссian начал проникать в русскую печать позднее, когда для его восприятия была подготовлена соответствующая почва. Здесь по сути сформулирован один из важнейших моментов, определяющих пафос работы Ю. Д. Левина, ее методологию. Восприятие Оссiana в России обуславливается не только его характерными особенностями, но и, в первую очередь, потребностями и возможностями русской общественной мысли, причем воспринимаемое трансформируется, перерабатывается, подчиняясь законам иной среды. Избирательность — общая закономерность культурных контактов. Это подтверждает и история русского преромантического и романтического фольклоризма. Оссианизм попадает в Россию на благоприятную почву. Почти одновременно с появлением сборника Дж. Макферсона в нашей стране начинается публикация произведений народного творчества — сказок, былин, песен, воспринимаемых на этом этапе как основа для создания подлинно народной, самобытной литературы. Увлечение «народностью», «народной» поэзией, стимулированное Макферсоном и охватившее затем русскую и другие европейские литературы, открыло первую страницу истории преромантизма в нашей стране⁵. В России творения легендарного шотландского барда попадают именно в русло идей преромантического фольклоризма. Оссian, как подчеркивает Ю. Д. Левин, «служил... неким подспорьем при освоении русскими поэтами отечественного народного творчества... это имело и обратное последствие: в родном фольклоре искали формы для пересоздания шотландского барда по-русски» (с. 59—60). На рубеже XVIII и XIX вв. Херасков, Радищев, Капнист экспериментировали, стремясь воспроизвести в своем творчестве стилистические особенности и формы народной поэзии. Со временем такие эксперименты захватили и переложения поэм Оссiana.

К фактам, приведенным Ю. Д. Левиным, можно добавить и замечания Б. Н. Путилова о восприятии сборника Кириши Данилова: критики начала XIX в. сблизжали былины из «Древних российских стихотворений» с песнями Оссiana⁶.

Вопрос о взаимоотношениях литературы и фольклора, мысль о том, что Оссian во многом стимулировал их сближение, проходит через ряд разделов книги. Так, комментируя «Последнюю песнь Оссiana» Н. И. Гюедича, Ю. Д. Левин замечает, что «молодой поэт делает попытку сроднить шотландского барда с отечественным фольклором» (с. 63). Отмечу и анализ сказочно-богатырской поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец», и страницы, посвященные Н. С. Грамматину, «страстному приверженцу романтического фольклоризма» (с. 69).

Убедительно говорит Ю. Д. Левин и о влиянии Оссiana на складывавшееся в конце XVIII — начале XIX в. историческое повествование. Как отмечает автор, песни шотландского барда были существенным, но не единственным образцом для русской исторической прозы, ориентированной на «Слово о полку Игореве», русские былины и западный авантюрно-рыцарский роман. Наиболее «оссианическими» произведениями русской исторической прозы были, по мнению Ю. Д. Левина, «Славянские вечера» (1809) В. Т. Наумова — собрание 14 прозаических поэм на летописные и былинные сюжеты, прославлявшие героическое прошлое народа. Итак, факты, приводимые автором, помогают глубже понять место русского фольклоризма в общеевропейском контексте, увидеть и его национальное своеобразие, и его типологическую общность с фольклоризмом европейским. Левин учитывает также и тот факт, что немецкие и французские переводы часто служили посредствующим звеном при создании русских переводов. Французским переводом Летуэрна пользовался Ермил Костров, роль которого в истории русского оссианизма весьма значительна. Костровский перевод, как показывает Левин, явился базой русского оссианизма.

Ю. Д. Левин упоминает о той роли, которую сыграл в истории русского оссианизма перевод романа Гете «Страдания молодого Вертера». В этой связи автору, вероятно, стоило бы сказать и о Гердере; тем более что в библиографическом приложении назван перевод его статьи «Страна дуц», один из разделов которой посвящен Оссianу. Очень

⁵ М. С. История романтизма в русской литературе (1790—1825). М.: Наука, 1979, с. 26—28.

⁶ Путилов Б. Н. «Сборник Кириши Данилова» и его место в русской фольклористике. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым... М.: Наука, 1977, с. 368.

важно, что импульсы, идущие от Гердера иот Оссана, взаимодействуют в истории русского фольклоризма. Но при этом он остается глубоко самобытным явлением, неотъемлемой частью русской художественной культуры.

Процесс «соединения оссианизма с русской народной поэзией» исследован Ю. Д. Левиним обстоятельно, причем русский оссианизм в его исследовании предстает как сложное и противоречивое явление. В этом плане интересны страницы, посвященные оссианизму Державина и Карамзина. Речь идет о принципиально различной трактовке одного и того же явления, о том, какими неоднозначными могут быть творческие истолкования явлений традиционной художественной культуры.

Ю. Д. Левин внимателен ко всем фактам, характеризующим вхождение оссиановских тем, образов и мотивов в русскую литературу. Это позволяет ему установить своеобразную иерархию фактов, их функциональную роль в истории культуры, литературы, общественного сознания. Он говорит о том, как отношение к Оссиану менялось в связи с изменением представлений о фольклоре и способах воссоздания его своеобразия. В сентименталистском фольклоризме упор делается на безыскусственность народной поэзии, не искаженной цивилизацией. Романтическая концепция выдвигает на первый план проблему национального своеобразия. В этом отношении характерна творческая эволюция Гнедича, сыгравшего, как было установлено еще М. К. Азадовским, выдающую роль в развитии прогрессивных идей русской фольклористики. От общего интереса к народной поэзии к пониманию специфики ее у разных народов — этот путь характеризует развитие русского фольклоризма. В высказываниях Гнедича второй половины 1810-х годов обнаруживаются идеи, предвещающие пушкинские опыты воссоздания национальных культур.

В рецензируемой книге убедительно решен вопрос о различных этапах и направлениях в русском оссианизме. Одно из этих направлений, как показывает Ю. Д. Левин, восходит к Муравьеву и Карамзину и находит затем свое воплощение в «Золотой арфе» Жуковского (1814). Другое, получившее свое развитие в годы Отечественной войны 1812 г., на новой основе возрождается в декабристской поэзии. Переосмысливая оссиановскую традицию и наполняя ее новым содержанием, декабристы и сам образ шотландского барда представляли по-новому: отличительной его чертой объявлялась не чувствительность, а любовь к отечеству, т. е. гражданский пафос. В произведениях декабристов на оссиановские темы полно и ясно воплотилось новое представление о народном певце-вожде, трибуне, патриоте, герое. Особенно это проявилось в думах и поэмах Рыльева.

Около 1820 г. большинство русских литераторов укрепляются в мнении, что так называемые «поэмы Оссиана» — не что иное, как создание Макферсона. Это оказывает свое влияние на судьбу русского оссианизма, он постепенно утрачивает активную роль в истории русской культуры.

Рецензируемая книга, безусловно, привлечет внимание историков русской этнографии, фольклористов и культурологов. Она характеризуется основательностью, точностью, мастерством анализа. Следует особо подчеркнуть, что автор владеет разнообразной методикой исследования. Порой, однако, он, пожалуй, излишне осторожен в выводах. Они могли бы с большей силой прозвучать на заключительных страницах работы. В некоторых случаях, несомненно, целесообразно было бы дать параллели из истории оссианизма в других славянских литературах, привлечь более широкий общеславянский контекст. Вместе с тем, разумеется, дело не в формальном подведении итогов. Внимательный читатель извлекает их без труда в ходе изложения обильного и выразительного материала, который весьма корректно демонстрируется автором.

М. Я. Гольберг

НАРОДЫ СССР

В. О. Рукавишников. Население города (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980. 246 с.

Пожалуй, центральной темой социологических исследований в нашей стране является развитие социальной структуры советского общества. Исследователи уделяют основное внимание классовой и внутриклассовой структуре; значительно меньше изучена территориально-поселенческая структура. Рецензируемая книга в известной степени ликвидирует этот пробел. По содержанию она с полным основанием может быть отнесена к числу этносоциологических работ. Вот что пишет сам автор о задачах своего исследования: «Сложившаяся в городе система расселения — социальная морфология города рассматривается как пространственное отражение взаимосвязи социальных, демографических и этнических характеристик горожан и особенностей городской среды. Выявление системы основных факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию советских городов, а также социологический анализ механизмов, влияющих на этот процесс, — это задачи данного исследования» (с. 4—5). Решение названных задач позволило получить целый ряд новых интересных для этносоциологии результатов и выработать ряд новых подходов. Использованный в работе так называемый «метод факторной экологии» впервые в отечественной науке применялся для изучения этносоциальных проблем. Возникший на стыке географии и социологии в середине 50-х

годов XX столетия, этот метод с самого начала был связан с этнической проблематикой. В книге дается исторический очерк формирования метода факторной экологии (с. 118—124). Сущность его состоит в том, чтобы выявить основные социальные, демографические и экологические факторы, различающие отдельные территориальные ячейки большого города, и на этой основе всесторонне изучить структуру городского поселения. Методической основой факторной экологии является факторный анализ; в качестве эмпирической базы обычно используются материалы переписей населения, статистические данные различных учреждений. В. О. Рукавишников в основном опирался на результаты социологических исследований, проведенных по сходным программам в двух городах Советского Союза — Казани и Таллине. В первом из них он принимал активное участие. Территория изученных городов разбивалась на ячейки, соответствующие избирательным округам. Каждая из них характеризовалась количественными показателями, отражающими социально-экономические параметры среды обитания и населения ячейки: качество жилой площади, степень загрязнения среды, доступность центров коммунальных услуг и культуры, социально-профессиональный, демографический и этнический состав населения (например, доля квартир со всеми удобствами, доля лиц квалифицированного труда среди занятого населения, доля лиц той или иной национальности и т. д.). Матрица данных подвергалась факторному анализу. В результате было выявлено небольшое число факторов, позволяющих исследовать и сравнивать территориальную структуру, или морфологию городов. Принципиальное значение имеет вывод автора о «единственности системы общих факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию крупных советских городов» (с. 156). Важнейшие из них условно называются им «качество жилья», «демографический состав», «социальный состав». Интересно, что этнический состав не выделяется в качестве самостоятельного фактора дифференциации городской территории, в то время как в большинстве американских городов он является одним из основных компонентов факторной экологии. К сожалению, в данном исследовании этнический фактор представлен лишь одним показателем — долей жителей основной коренной национальности. При дальнейшем использовании метода факторной экологии в этносоциологии целесообразно использовать более широкий круг этнических показателей.

Достоинство метода факторной экологии по сравнению с обычным картографированием городской территории состоит в том, что он позволяет проводить комплексный анализ, опираясь не на отдельные признаки, а на их сочетания, соответствующие тому или иному фактору. Можно смело сказать, что опыт применения указанного метода в этносоциологии оказался успешным и дал целый ряд новых для этой науки результатов. Остановимся лишь на наиболее общих выводах.

При изучении с помощью метода факторной экологии крупнейших зарубежных городов (например, Лос-Анжелеса) было показано, что отдельные районы города, как правило, значительно разнятся как по социальному и этническому составу населения, так и по экологическим условиям среды обитания. Более того, все эти факторы оказались в большинстве случаев тесно связанными друг с другом: районы, различающиеся по социальному, как правило, отличаются и по этническому составу, и по характеристикам среды.

Автор рецензируемого исследования делает важный вывод о принципиально иной структуре расселения в советских городах. Конечно, отдельные территориальные ячейки различаются по составу населения и социально-экологическим показателям. Однако ячейки, в которых повышена доля лиц той или иной национальности или социально-профессиональной группы, не образуют компактных районов, а рассеяны по всему городскому пространству. Более того, этнический состав населения ячеек слабо коррелирует с социальными и экологическими их характеристиками. Это позволяет В. О. Рукавишникову сделать вывод о «мозаичной» структуре городских поселений как в этническом, так и в социальном плане. При этом в Казани корреляция между этническим составом, с одной стороны, и социально-экологическими характеристиками — с другой, существенно ниже, чем в Таллине, который значительно позднее оказался в условиях социалистического общества. Этот результат лишний раз подтверждает, какое большое значение имеет социальный строй общества для формирования социально-этнической структуры городов.

В отечественной науке уже неоднократно высказывалась мысль о необходимости развития исторической этносоциологии. Рецензируемая книга, безусловно, является заметным шагом в этом направлении. Используя широкий круг исторических источников, автор предпринимает удачную попытку реконструкции картины расселения социальных и этнических групп на территории изучаемых городов на рубеже XIX и XX вв., когда оба города при всем различии исторических судеб, национального и социального состава имели сходную функциональную нагрузку — являлись крупными губернскими центрами Российской империи. Это обусловило заметные черты сходства в социально-этнической структуре расселения городов, относящейся к так называемому «секторально-концентрическому» типу. При этом, как убедительно показано в работе, решающую роль в расселении играл именно социально-классовый, а не этнический фактор, хотя и различия этнического состава отдельных районов города были достаточно велики. Конечно, нельзя не оценить значимость такого исследования как для этносоциологии, так и для социологии в целом.

Проблемы внутригородского расселения, составляя большую часть книги, не исчерпывают ее содержания. Их рассмотрение основывается на анализе развития социально-профессиональной и этнической структуры городского населения. При этом автор не ограничивается чисто количественным анализом показателей, стремясь раскрыть внутренний механизм протекающих процессов, наметить наиболее перспективные направления их изучения. И хотя далеко не все сюжеты, затронутые в книге, получили закончен-

ное выражение, многие положения автора представляются весьма интересными. Так, по-
черкивается необходимость дальнейшего изучения проблемы взаимосвязи «социально-
профессиональной группы» (СПГ) и социального слоя как социальной общности людей,
сходство в характере труда которых продолжается в чертах их образа жизни (с. 77,
78). Раскрывая соотношение этих понятий, В. О. Рукавишников, наряду с другими со-
циологами, высказывает мысль о необходимости изучения внутренней структуры соци-
альных слоев, в частности выделения «ядра» — совокупности лиц, для которых харак-
терны все основные атрибуты данного слоя, и «групп-прослоек», обладающих ими лишь
частично (с. 82—84). Можно не согласиться с подобным использованием термина «со-
циально-профессиональная группа», который, на наш взгляд, чаще употребляется как
синоним термина «социально-профессиональный слой». Однако нельзя отрицать акту-
альности поставленной проблемы. Остается только сожалеть, что, располагая солидным
эмпирическим материалом, автор ограничился лишь общей ее формулировкой.

Различия в характере труда, социальных и культурных интересах проявляются и в
структуре межличностного общения. Эта проблема исследуется в книге на примере гомо-
и гетерогенных в этническом, образовательном и социально-профессиональном плане
семей. Материалы этносоциологических исследований анализируются с помощью индек-
сов брачности, предложенных М. В. Птухой и нашедших широкое применение в отече-
ственной социологии, этнографии и демографии. Следует подчеркнуть, что В. О. Рука-
вишников изучает не браки, заключаемые в течение определенного промежутка време-
ни, а выборочную совокупность семей, отражающую состав всех брачных пар к моменту
проведения исследования. Расчет индексов приводит автора к естественному выводу о
тенденции к образованию однородных в социальном и этническом отношении семей.
Далее автор переходит от раздельного изучения этнических и социальных групп к рас-
смотрению этносоциальных категорий (например, татары — квалифицированные рабо-
чие, русские — служащие без специального образования). И хотя он делает в этом на-
правлении лишь первые шаги, однако, как нам кажется, их можно рассматривать как
подход к изучению закономерностей формирования и воспроизводства этносоциальной
структуры, представляющей собой комплексное единство этнической и социальной
структур.

Вряд ли в небольшой рецензии мы смогли отразить все сюжеты данной книги, ин-
тересные и для этнографа, и для этносоциолога. Да в этом и нет необходимости: вни-
мательный читатель без труда обнаружит множество таких сюжетов в этой работе, вы-
полненной высококвалифицированным и вдумчивым исследователем. Однако, как и в
любом большом и в значительной степени новаторском исследовании, далеко не все в
нем бесспорно. Один из недостатков — некоторая незавершенность, фрагментарность от-
дельных линий — уже отмечался нами выше. Можно предъявить претензии и к стати-
стической надежности некоторых результатов. Так, объем выборки в Казани составил
3600 чел. (с. 35), число выделенных для анализа территориальных ячеек — 220 (с. 155).
Видно, что среднее число опрошенных в каждой ячейке очень невелико; это снижает
надежность оценки доли того или иного признака по каждой ячейке; а ведь полученные
данные легли в основу факторного анализа. Вероятно, имело смысл укрупнить едини-
цы, тем более, что территория Таллина разбивалась всего на 23 ячейки, что, по утверж-
дению самого автора, не повлияло на число потенциально возможных факторов диффе-
ренциации (с. 156). Представляется, что целый ряд важнейших социально-демографиче-
ских и экологических показателей целесообразно определять по материалам соответствую-
щих организаций (например, паспортных столов и Отделов загсов, различных отде-
лов райисполкомов и других ведомств), а не выборочных социологических исследова-
ний. Не вполне понятной также остается причина, по которой для Казани и Таллина
были выбраны разные методы факторного анализа (с. 144, 154).

Как было отмечено в начале рецензии, В. О. Рукавишников ставит очень широкие
задачи исследования. В одной работе, даже так насыщенной информацией, как рецен-
зируемая книга, невозможно дать полное решение всех поднятых проблем. В большей
степени была решена задача выявления «системы основных факторов, определяющих
социально-пространственную дифференциацию советских городов», и в меньшей — зада-
ча определения «социальных механизмов, влияющих на этот процесс». Следует ожидать,
что автор продолжит исследования в этом направлении. Мы не сомневаемся также,
что данная работа, очень интересная по проблематике и результатам, выполненная на
высоком научном уровне, привлечет внимание этносоциологов и повлияет на направле-
ния их исследований.

А. А. Сусоколов

А. А. Киселев, Т. А. Киселева. Советские саамы: история, экономика, культу-
ра. Мурманск, 1979. 160 с.

Рецензируемая книга посвящена саамам Кольского полуострова — одному из ма-
лых народов советского Севера, потомкам древнего населения этого края. Как извест-
но, саамы живут в северных районах четырех государств: Советского Союза, Финлян-
дии, Швеции и Норвегии. Общая их численность в настоящее время составляет пример-
но 36 тыс. чел., в том числе в СССР, по переписи 1979 г., — около 2 тыс.

В странах Скандинавского полуострова и в Финляндии в условиях капиталистиче-
ского общества жизнь саамов сопряжена со многими трудностями, борьбой за свои
права, за сохранение оленьих пастбищ, на которые пагубно действуют сооружение гид-

розлектростанций, строительство дорог, вырубка лесных массивов и т. д. В результате саамы вынуждены здесь все чаще оставлять занятие оленеводством — их исконную традиционную отрасль хозяйства — и переходить к другим видам занятий или же уходить в города.

Саамы СССР живут в совершенно других условиях. В их жизни за годы Советской власти произошли огромные прогрессивные перемены. При этом очень важно, что в условиях быстро развивающейся в Мурманской области промышленности, в условиях постоянного притока населения из других районов страны и интенсивных межнациональных контактов кольские саамы продолжают развивать свое традиционное занятие — оленеводство, которое стало важнейшей отраслью экономики Кольского края. Освещение вопросов современного развития кольских саамов очень важно и представляет большой интерес не только для советского читателя, но и для зарубежного, в том числе и для тех саамов, которые живут за пределами Советского Союза.

Книга А. А. и Т. А. Киселевых по существу является первым большим исследованием по истории кольских саамов в советский период. Ее авторы — историки, большие знатоки Кольского Севера, прослеживают историю кольских саамов от первых социалистических преобразований до конца 70-х годов нашего века. При этом авторы не рассматривают саамов изолированно, а показывают их жизнь в тесной связи с жизнью кольских коми, ненцев, русских и других народов, населяющих Кольский полуостров. В основу книги положен огромный материал, собранный авторами в архивах, преимущественно Мурманской области, взятый из периодической печати, главным образом, областной и районной, полученный в результате бесед с саамами и личных наблюдений во время поездок по Кольскому полуострову.

Книга состоит из введения, девяти глав и заключения. В небольшом введении дается краткий обзор источников и литературы и излагаются задачи, которые поставили перед собой авторы. А. А. Киселев и Т. А. Киселева отмечают, что, задавшись целью осветить историю кольских саамов за годы Советской власти, они не смогли ограничиться только историей, «ибо социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни Кольской тундры: экономики, оленеводческого хозяйства, культуры, быта, традиций» (с. 7). Таким образом, наряду с историческими вопросами авторы рецензируемой книги рассматривают и вопросы чисто этнографические.

Первая глава охватывает огромный хронологический период от первых известных на Кольском полуострове стоянок древних людей до начала XX в. и носит вводный характер, подводя читателя непосредственно к тому времени и тем проблемам в истории саамов, которые далее рассматриваются в книге. Говоря о проблеме этногенеза, авторы совершенно справедливо утверждают, что саамы являются древнейшими обитателями европейской тундры. К сожалению, в этой небольшой по объему, но чрезвычайно насыщенной различной информацией главе, характеризующей период, исчисляющийся несколькими тысячелетиями, допущен ряд неточностей. Так, с большей осторожностью следовало бы говорить о том, что древние люди, жившие на Кольском полуострове в VII—V тыс. до н. э., были протолопарями. Непонятно, о каких «рисунках на камнях» идет речь и какие именно сведения «о жизни и занятиях оленеводов» содержатся в них. Насколько нам известно, оленеводство, т. е. разведение домашних оленей, не отражено ни в одной из описанных групп петроглифов Северной Европы. Не совсем правильно и утверждение, что Оттар в IX в. сообщал, будто саамы имеют «внушительные стада домашних оленей» (с. 11). В действительности в рассказе Оттара содержится лишь упоминание о том, что он встретил стадо в 600 домашних оленей, в числе которых было 6 маншиков. Это первое известное нам свидетельство об оленеводстве у лопарей, которое, по всей вероятности, соответствует его начальной стадии, когда стада домашних оленей были еще сравнительно невелики.

Есть в первой главе и другие неточности. Например, коническое переносное жилище лопарей нельзя называть чумом (с. 12). Чум — жилище сибирских оленеводов, а у лопарей подобный, очень сходный тип жилища носит название *куваксы* (саам, «кувас», «кю-вас»).

Большой интерес представляет вторая глава, являющаяся по существу первым демографическим исследованием саамов. Авторы прослеживают изменения в численности саамов с начала XVII в. и по настоящее время, выявляют естественный прирост, возрастной и половой состав, средние размеры семей и т. д. Анализ статистических материалов показывает, что, несмотря на периодические колебания вследствие эпидемий, войн и других причин, численность саамов в царской России, хотя и медленно, продолжала расти. В советское время численность саамов, как показывают Всесоюзные переписи населения, также растет, несмотря на смешение их с окружающими народами, в первую очередь с русскими и коми.

Кроме демографических данных авторы приводят в этой главе материалы об изменениях в расселении кольских саамов, происходивших в результате укрупнения колхозов и совхозов. Представляют интерес также сообщаемые здесь цифры о миграциях саамов за пределы Мурманской области. Так, если по переписи 1926 г. за пределами Кольского полуострова проживало всего пять саамов, то по переписи 1959 г. их стало уже 105, что составило почти 6% их общей численности. Приводимые авторами данные свидетельствуют об усилении контактов и брачных связей саамов с соседними народами, о расширении сферы их занятий, о стремлении получить среднее специальное и высшее образование.

В целом глава, посвященная демографии саамов, представляется очень интересной и составляет важный раздел данной монографии. Но, к сожалению, и она не свободна от некоторых неточностей. Так, на с. 28 говорится, что в конце 1960-х годов основная масса кольских саамов проживала в шести селениях: Ловозере, Красноселье, Каневке,

Поное, Варзино и Сосновке. В действительности в Поное к этому времени саамов уже не было. Все они еще в начале XX в. были полностью ассимилированы русскими. В Сосновке же жили всего две или три саамские семьи. Невелик был процент саамского населения и в Каневке. В то же время не названы такие селения, как Тулома и Ена, где в конце 1960-х годов проживало довольно много саамов. Кстати, Ена, где саамы живут и теперь, почему-то не названа и далее, на с. 37, где авторы говорят о современном расселении этого народа. Еще одно маленькое замечание по этой главе. Фамилии Артиевы и Маягины — не саамские, первая принадлежит коми, вторая — ненцам.

Следующий большой раздел (главы третья, четвертая и пятая) охватывает период от начала первых социалистических преобразований 1920-х годов до конца 1930-х годов, когда подавляющее большинство саамских хозяйств было уже коллективизировано. Эта часть книги написана в основном по неопубликованным архивным источникам, хранящимся в Государственном архиве Мурманской области и в Партийном архиве Мурманского обкома КПСС, и содержит огромный фактический материал, касающийся хозяйственной и культурной жизни кольских саамов указанного периода. Прослеживая весь путь социалистических преобразований у народов Кольской тундры, авторы показывают не только прогрессивный характер происходящих изменений, но и трудности и ошибки, которые неизбежно возникали в ходе этого процесса. Совершенно справедливо отмечается тот факт, что эти трудности усугублялись архаическим уровнем промыслового хозяйства саамов и теми отсталыми формами производственных отношений, которые были характерны для этого народа перед Октябрьской революцией.

Отмечая большую научную значимость раздела в целом, хочется высказать и некоторые замечания, касающиеся в основном пятой главы — «Новый быт, новая культура». Так, говоря о большой культурно-просветительной работе, которая велась среди саамов в эти годы, необходимо было хотя бы в нескольких словах сказать об экспедиции, организованной Русским географическим обществом под руководством проф. Д. А. Золотарева, работавшей среди саамов в конце 1920-х годов и проводившей наряду с научными исследованиями большую практическую работу по оказанию помощи саамам в деле социалистической перестройки хозяйства, культуры и быта. Нельзя в связи с этим обойти молчанием имена антрополога Д. А. Золотарева, врача Ф. Г. Иванова-Дятлова, этнографа В. В. Чарнолуского.

О В. В. Чарнолуском, кстати, надо было сказать и как о замечательном собирателе саамского фольклора, который записал, перевел на русский язык, обработал и, снабдив научными комментариями, издал саамские сказки и легенду об олене-человеке¹.

Одна из глав книги посвящена периоду Великой Отечественной войны. Она написана почти исключительно на архивных материалах и характеризует мало освещенный в литературе период жизни кольских саамов.

Следующий раздел (главы седьмая и восьмая) охватывает весь послевоенный период, начиная с конца 1940-х и кончая 1970-ми годами. Здесь говорится, с одной стороны, о развитии экономики, главным образом о проблемах оленеводства, как основной отрасли хозяйства колхозов и совхозов, где работают саамы, а с другой — о вопросах культурного развития и духовной жизни саамов. Главы содержат большой и интересный материал, значительная часть которого почерпнута из местной периодической печати. Авторы очень хорошо показывают, как при поддержке и помощи советского правительства живет и трудится маленький северный народ — саамы, которые, несмотря на процессы ассимиляции и урбанизации, продолжают развивать свою национальную культуру, сохраняют свой родной язык, свое национальное самосознание.

Освещение авторами вопросов современной жизни кольских саамов вызывает ряд замечаний, которые, впрочем, совершенно не умаляют ценности этого раздела книги. Так, при описании оленеводства, говоря о том, что в настоящее время на Кольском полуострове практикуется полувольный выпас оленей, авторы не объясняют, в чем он состоит. А между тем читателю было бы интересно знать как это, так и то, что современный полувольный выпас с использованием традиционного саамского приема — изгородей — по существу развился из саамского вольного выпаса, когда оленей на лето отпускали в тундру и они до первого снега паслись вольно, без надзора пастухов.

Остается не совсем ясной оценка авторами такого явления, как сокращение оленьего поголовья с 82,8 тыс. в 1972 г. до 65 тыс. голов в 1975—1976 гг. На с. 106 авторы оценивают это явление как положительное, обусловленное ограничением размеров кольских пастбищ, не позволяющих беспредельно увеличивать поголовье, а на с. 115 — как негативное, вызванное большим процентом безвестных потерь, просчетами в планировании, бессистемным использованием пастбищ, имевшими место в эти годы, что в целом явилось «причинами временных неудач оленеводства».

Говоря о высоких заработках оленеводов (с. 107, 108), авторы приводят среднюю стоимость трудодня колхозников. Но чтобы составить представление о размерах заработка, нужно знать, сколько трудодней в год зарабатывали колхозники. А этих данных в книге нет. Кроме того, говоря о заработках, доходах колхозов и совхозов, а также о закупочных ценах в послевоенные годы, необходимо было бы сказать о соотношении цен в свете денежной реформы 1961 г.

В последней, небольшой девятой главе рассказывается об условиях жизни саамов в странах Скандинавии и Финляндии. Завершается книга небольшим заключением.

Заканчивая рассмотрение новой книги о саамах, можно сказать, что перед ее авторами стояла трудная задача — показать жизнь маленького северного народа после победы Октябрьской революции в условиях строящегося и затем построенного социалистического общества, показать во всем ее многообразии, со всеми сложностями, проб-

¹ См. Чарнолуский В. В. Саамские сказки. М., 1962; его же. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

темами и достижениями. Нет никаких сомнений в том, что авторы справились со своей задачей. Книга А. А. Киселева и Т. А. Киселевой, несомненно, является событием в исторической и этнографической науке. Она представляет интерес не только для ученых — историков и этнографов, но и для краеведов, а также для массового читателя, интересующегося современной жизнью народов Севера.

Т. В. Лукьянченко

Н. К. Гаврилюк. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев: Наукдова думка, 1981. 279 с.

Картографирование явлений духовной и материальной культуры — одна из центральных задач советских этнографов. Не случайно поэтому проблемы ареальных исследований этнографии в течение последних двух десятилетий стали предметом дискуссий среди ученых разных специальностей. Итоги их обобщены в таких фундаментальных изданиях, как «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1974) и в сборниках «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1971, 1974, 1975, 1977, 1978).

В работах, посвященных задачам, методике и общеметодологическим вопросам картографирования традиционных обрядов, основное внимание уделялось свадебной обрядности (статьи К. В. Чистова, А. В. Гуры, Л. С. Гвоздиковой, Г. Г. Шаповаловой, А. К. Байбурнина). Картографирование же родильной обрядности в ее историческом развитии впервые предприняла Н. К. Гаврилюк. В этом плане ее монографическое исследование является новаторским и представляет тем больший интерес, что ни в советской, ни в дореволюционной этнографии нет обобщающих исследований о родильной обрядности украинцев.

Поскольку картографический метод доминирует в настоящей работе, то вполне естественно, что она открывается «Введением», посвященным историографии отечественного этнографического картографирования, а также задачам и методике историко-этнографического картографирования родильных обычаев и обрядов. Следующие две главы книги посвящены историко-стадиальному развитию родильной обрядности украинцев. Соответственно в рамках изучаемых исторических периодов выделяются главы «Территориальное распространение традиционных явлений и комплексов родильной обрядности. Конец XIX — начало XX века» и «Современное развитие родильных обычаев и обрядов и их территориальное размещение в Украинской ССР». Названные главы имеют четкую структуру. Каждый тематический раздел соответствующих глав имеет заключительную часть, где подводятся итоги исследования конкретного картографического материала и предприняты попытки его сравнительно-этнографического и историко-типологического анализа. В конце каждой главы дается обобщенная характеристика комплексов родильной обрядности с их вариантами, устанавливается стадиальное развитие этих комплексов, называются их географические границы.

В ряде работ уже приводились количественные данные, характеризующие обрядность других народов (например, латышей, удмуртов¹). В работе же Н. К. Гаврилюк поставлены, вероятно, более сложные задачи, поскольку систематизация и сопоставление элементов или комплексов явлений культуры, относящихся к разным хронологическим датам, с наибольшей полнотой могут быть выполнены только методом картографирования в совокупности с глубоким этнографическим знанием предмета. Книга Н. К. Гаврилюк — удачный пример такого комплексного исследования. Автор изучила периодику и опубликованные материалы, привлекая одновременно обширную информацию, полученную в итоге собственных экспедиционных разысканий. Следует отметить при этом тщательную разработку типологии картографируемых явлений и многосторонний (сравнительный структурно-функциональный и территориально-пространственный, а также историко-стадиальный) их анализ. Одни только карты (даже без обращения к текстовой части работы) могут служить самостоятельным источником разнообразной информации. Они отражают наличие или отсутствие картографируемых объектов, множество их локальных форм (см., например, карты № 3, 4, 6, 7, 13 и др.) и, таким образом, дают читателю возможность самому решать определенные вопросы, связанные с этнической историей украинцев и историко-этнографическим районированием Украины. Многие карты (№ 5, 9—12, 14 и др.) одновременно отражают также динамику преобразования явлений на разных исторических этапах, что особенно важно для изучения механизма развития народных обычаев и обрядов, отражения в них конкретно-исторических особенностей этноэволюционных процессов. Эти сложные задачи Н. К. Гаврилюк удалось решить благодаря сочетанию картографического метода со сравнительно-историческим подходом к предмету исследования. Между тем, как уже отмечалось в литературе, «несмотря на несомненный интерес, который представляет подобное сопоставление (данных картографического и сравнительно-исторического методов. — Л. Т.), до сих пор проводилось мало исследований, в которых бы использовались оба метода»².

¹ См., например: Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 1976; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980.

² Кузнецова Т. О. Картографирование и сравнительно-исторический метод. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1978, с. 85.

Принципиально важно и то, что пространственная среда карты заполнена не только обрядовой реальностью, но и обрядовой терминологией. Автор дает, например, локальные названия бабки-повитухи (карта 2), термины обряда пострижения (карта 16). Такой подход закономерен, поскольку обряд и обрядовая лексика исторически взаимообусловлены и являются реалиями народного быта и языка. Думается, что вообще одним из условий картографирования обрядности должна быть фиксация лексики обряда. В определенных случаях язык обряда помогает проследить некоторые этноэволюционные связи, наметить переходные формы обряда в пограничных зонах смежных ареалов, указать на факты межэтнического общения и т. д. Довольно часто, например, в условиях сильно редуцированной структуры традиционного обряда и даже полного его исчезновения терминология продолжает жить, функционируя в бытовой лексике населения (наполняясь со временем новым содержанием (прекрасные материалы по этому вопросу Н. К. Гаврилюк публикует в рецензируемой книге). Таким образом, исследование терминологии, с одной стороны, помогает восстановить исчезнувшие звенья обряда, а с другой — проследить его эволюцию.

Опыт, накопленный советскими учеными в области историко-этнографического картографирования, позволил Н. К. Гаврилюку создать собственную методику картографирования динамики родильной обрядности украинцев, дающую возможность продемонстрировать соотношение традиций и инноваций. Разработка методики диахронного показа на картах структурно-функциональных изменений обычаев и обрядов — это неоспоримая заслуга автора. Положительной стороной исследования Н. К. Гаврилюк является сочетание анализа ретроспективных (в книге реконструируется состояние обычаев и обрядов, начиная с рубежа XIX—XX вв.) и современных черт развития родильной обрядности украинцев. Полевой этнографический материал, собранный автором в местах компактного расселения русского населения (Сумская, Харьковская, Запорожская области), позволил также коснуться этнокультурных связей украинцев и русских.

Необходимо подчеркнуть, что такие центральные в этнографической науке проблемы, как этногенез и межэтнические связи, все еще недостаточно отражены в историко-этнографических атласах. Поэтому итоги проведенного Н. К. Гаврилюком картографического анализа территориального распространения традиционных явлений и комплексов родильной обрядности украинцев на конец XIX — начало XX в. можно сравнить только с результатами создания антропологической и диалектологической карт украинского народа. Для этого есть определенные основания. Думается, например, что совпадение некоторых гено-географических зон, а именно центральноукраинской и северо-восточной, или полесской³, и таких выделяемых Н. К. Гаврилюком комплексов традиционной родильной обрядности, как северный (или полесский) и центральный (или среднеподнепровский), не случайно (см. карту 17). С картой географического распространения различных комплексов традиционной родильной обрядности совпадают и территориально-диалектные различия в украинском языке: в нем выделяются зоны среднеподнепровских, полесских, подольских, закарпатских и других говоров. Таким образом, данные этнографии, истории, языкознания, этнической антропологии позволяют ставить и решать вопросы картографирования комплексно. А это, в свою очередь, даже в рамках отдельной темы (как, например, исследование Н. К. Гаврилюк) дает выход на проблемы генетических и этнических связей между отдельными этническими общностями людей.

Изменение в советское время родильных обычаев и обрядов украинцев в структурно-функциональном и территориально-пространственном отношениях, тенденции их развития на современном этапе — следующая большая задача, решаемая в книге. Поскольку к настоящему времени комплекс традиционной родильной обрядности значительно сократился (например, за счет исчезновения очистительных обрядов), то, естественно, что автор основное внимание уделил наиболее значимым в общественном отношении обычаям и обрядам, посредством которых новорожденный приобщается к семье и общественно-бытовой среде: показаны изменения, происшедшие в структуре и содержании обычаев, связанных с проведением роженицы и празднованием родин; сравниваются особенности обычая кумовства в прошлом и настоящем и обеда в честь новорожденного, структурные изменения в бывшем обряде пострижения новорожденного. Эта часть работы может служить примером подлинно научного подхода к этнографической проблематике современности. Ее ценность определяется не только глубиной научных изысканий, но и обоснованием практической целесообразности бытующих ныне традиционных обычаев. В частности, заслуживает внимания исследование современных особенностей обычая кумовства. Так, говоря о консервативности традиционной терминологии, автор отмечает, что появление понятий «почетные» или «названные» родители, отражающих суть многовекового народного обычая, безусловно внесет изменения в соответствующую бытовую терминологию. Дискуссионен, на наш взгляд, вопрос о современных формах коллективного кумовства. Автор считает, что значительное расширение ареала бытования некоторых форм коллективного кумовства позволяет предположить, что это явление на уровне бытовых отношений станет типичным для сельского населения республики (с. 242). Вероятно, прогнозировать в этом случае следует с учетом и тех тенденций, которые развиваются в городской среде, значительно влияющей на культурно-бытовое развитие села (хотя ввиду существования сельской миграции и родственных контактов возможно и обратное влияние). В целом же не только в этом, но и в других случаях нельзя не пожалеть, что в книге нет ни одного выхода на бытовые модификации городского родильного обряда.

³ См. об этом подробнее: *Данилова Е. И.* Гематологическая типология и вопросы этногенеза украинского народа. Киев: Наукова думка, 1971.

Нужно отметить также, что в отличие от других работ рецензируемое исследование дает представление не об обобщенной модели современного обряда, а о его реальных типах, реальном бытовании и реальных локальных особенностях.

Обе главы книги максимально полно охватывают вопросы, касающиеся традиционной и современной родильной обрядности украинцев. Более того, намечены перспективы дальнейшего исследования. Например, в результате синхронного анализа распространения традиционных родильных обычаев и обрядов возникло немало вопросов, связанных с генезисом явлений украинской культуры как составной части восточнославянской культуры. Решение этой задачи соответственно требует картографических материалов по западноукраинским и смежным с Украинной областям России, Молдавии, Белоруссии и соседних стран. Правда, существующая литература уже могла бы частично послужить автору для плодотворного сравнительного изучения родильной обрядности на смежных территориях. Другая задача связана с изучением процессов этнической интеграции родильной обрядности как составной части духовной культуры украинского народа. Диалектика национального и интернационального в этом процессе, его комплексные культурно-этнические характеристики, в том числе первичные и вторичные формы обряда и его переходные формы между смежными ареалами,— все это требует еще своего изучения.

Книга Н. К. Гаврилюк — итог кропотливого и тщательного многолетнего труда. Она содержит разнообразнейший, вдумчиво отобранный материал, отличается четко аргументированными выводами и продуманной системой карт. Без сомнения, этот труд привлечет внимание специалистов многих смежных с этнографией дисциплин. Хотелось бы пожелать Н. К. Гаврилюк продолжить успешно начатое исследование, так как итоги работы и намеченные перспективы, бесспорно, принципиально важны и для практических работников, и для теоретических изысканий советских этнографов.

Л. А. Тульцева

С. С. Курогло. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980. 138 с.

Изучение обрядовой стороны жизни этносов, в том числе и семейной обрядности, остается одним из важнейших направлений этнографических исследований. Ежегодно публикуются работы, посвященные разным аспектам обрядности. Только в 1980 г. этнографическая наука пополнилась рядом разноплановых серьезных исследований семейной обрядности народов СССР. Изучению русской городской свадьбы посвящена монография Г. В. Жирновой; по-новому подошли к изучению свадебных и похоронных обрядов большого региона авторы коллективной монографии «Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения». Региональный подход характерен и для рецензируемой монографии, посвященной исследованию семейной обрядности гагаузов, одного из сравнительно немногочисленных народов нашей страны. От имеющих уже публикаций по гагаузской семейной обрядности книга С. С. Курогло выгодно отличается полнотой анализируемого материала. Ранее им уже был опубликован ряд статей о гагаузских родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах.

Рецензируемая монография представляет собой итог многолетних исследований. С. С. Курогло тщательно учитывает публикации других авторов, изучавших данную проблему, широко использует архивные материалы и произведения фольклора, однако основным источником для его работы послужили полевые записи, сделанные им в гагаузских селах Молдавии и Одесской области УССР в этнографических экспедициях 1970—1978 гг. Из-за недостаточной этнографической изученности гагаузов С. Курогло поставил задачу «как можно шире описать и дать сравнительно-исторический анализ традиционной семейной обрядности гагаузов, выявляя в ней элементы специфики, степень и характер межнациональных заимствований, уровень устойчивости традиции в новых условиях» (с. 10).

Книга состоит из введения, трех глав — «Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей», «Свадебная обрядность», «Похоронно-поминальные обычаи и обряды» — и заключения. В вводной части представлена историография проблемы, задачи и методика данного исследования, хронологические рамки которого определены источниками. Упоминания о гагаузах как отдельном народе встречаются начиная с первой половины XIX в., поэтому, отбирая сведения о семейной обрядности, С. Курогло должен был скрупулезно изучить практически всю литературу, хоть в какой-то степени касающуюся гагаузов. Во введении дается и небольшая историко-этнографическая справка о народе, что в сочетании с историографическим обзором позволяет составить цельное представление о народе, его истории и степени изученности и, безусловно, облегчает читателю восприятие конкретной темы — семейно-обрядовой стороны жизни гагаузов.

Первая глава знакомит читателя с обрядами, связанными с рождением и воспитанием детей. Она состоит из двух параграфов: в первом говорится об обычаях, обрядах и верованиях, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка, во втором — об обычаях и обрядах, посвященных принятию детей в семью и общество.

Последовательно описывая обряды, связанные с рождением ребенка, С. С. Курогло анализирует их в сравнительно-историческом плане, отмечая среди многочисленных обрядовых элементов специфически гагаузские и регионально-общие, свойственные бол-

грам, молдаванам, русским, украинцам, а также туркам. Автор раскрывает функциональное значение обрядов в прошлом и изменения, происшедшие в них к настоящему времени. В результате предпринятого анализа он приходит к выводу, что «по своему функциональному значению и структуре гагаузский обряд не отличается от аналогичных обрядов соседних народов» (с. 21). С. С. Курогло показывает, что большинство родильных обрядов были профилактическими и вытекали из многовековой практики людей. Вместе с тем значительная часть их имела магический смысл и была связана с представлениями об уязвимости роженицы и ребенка. Сохранение в родильных обрядах некоторых архаических элементов до настоящего времени С. С. Курогло объясняет консервативностью крестьянского быта и, в частности, влиянием христианской религии.

В конце главы излагаются основные выводы, вытекающие из исследования эволюции обрядности рассматриваемого цикла, которая выражалась в изменении состава участников обрядовых торжеств и подарков, в изменении удельного веса религиозно-магических и социально-бытовых обрядов. Высказываются рекомендации об использовании народной обрядности при современном чествовании новорожденного.

Глава о свадьбе по объему самая большая в книге. Все обряды свадебного ритуала, как это принято в этнографической литературе, автор подразделяет на предсвадебные, собственно свадебные и поссвадебные.

Описывая обряды, С. С. Курогло исследует их исторические корни, прослеживает эволюцию, в процессе которой под влиянием капиталистических отношений из ритуала выпали некоторые унизительные для молодоженов обряды (публичный показ рубашки новобрачной, мытье ног родителям и родственникам), а религиозно-магические обряды переосмыслились в развлекательно-игровые (разламывание калача, употребление овечьей шкуры в качестве подстилки). Сравнительный анализ свадебных обрядов гагаузов с обрядами других народов региона, проведенный автором, свидетельствует о том, что большинство гагаузских свадебных обрядов сходно с обрядами соседних народов, особенно болгар и молдаван, некоторые — с обрядами тюркских народов (заплетание невесте 12 кос, опоясывание ее специальным поясом). Отмечая локальные различия в отдельных элементах обряда, в их последовательности, числе участников, продолжительности свадьбы и в свадебной терминологии, С. С. Курогло приходит к выводу, что эти различия не имеют регионального характера и потому не могут быть выделены в качестве отдельных типов» (с. 90). В гагаузских селах в XIX — начале XX в., считает автор, существовал единый свадебный ритуал.

Глава о свадьбе также завершается выводами и рекомендациями об использовании отдельных традиционных обрядов в современном свадебном ритуале. В отличие от предыдущей она иллюстрирована 14 фотографиями, отражающими различные моменты свадьбы. Жаль только, что нет ни одной цветной фотографии и что все они не датированы.

Третья глава посвящена похоронно-поминальным обрядам и обычаям и состоит из двух разделов. В первом говорится об обычаях, обрядах и верованиях, связанных со смертью и похоронами, во втором — с поминовением усопших. С. С. Курогло обращает внимание на большую (по сравнению с родильными и свадебными) консервативность и устойчивость похоронно-поминальных обрядов, в основе которых лежат дохристианские представления о смерти, загробной жизни, душе, способности умерших влиять на живых и т. п.

Из сравнительного анализа похоронной обрядности гагаузов и народов Балканско-Дунайского ареала следует вывод о том, что «в обрядовом фонде похорон преобладали общебалканские черты» (с. 112). При этом наибольшая близость, как и в области родильной и свадебной обрядности, в похоронных обрядах наблюдается с болгарскими и молдавскими, хотя заметны черты сходства также и с греческими и с тюркскими обычаями. Характерной чертой гагаузских похорон XIX — начала XX в. С. С. Курогло считает использование большого числа (им выявлено 12 видов) обрядовых хлебов.

Поминки анализируются по двум циклам: первый, включающий 3, 9, 20, 40-й дни, полгода, год и три года со дня смерти человека; второй — в определенные дни народного календаря, а именно: в четверг накануне пасхи (*ак першембä*), в понедельник фоминной недели (*кйчйк паскеллä*), накануне праздника вознесения (испас), в субботу перед троицей (*моша*). Поминки первого цикла были связаны с конкретным умершим и носили семейный характер, второго — общественный. Большинство последних падает на весенний период, что говорит об их связи с культом мертвых.

В книге описываются ритуалы всех дней поминовения, прослеживается их сходство с соответствующими обрядами соседних народов, отмечается процесс изменения (уменьшение числа дней поминовения, исчезновение некоторых традиционных элементов) изучаемой обрядности в исследуемый период.

Глава иллюстрирована 17 фотографиями, на 16 из которых запечатлены основные типы надгробных сооружений с какими-то тамгообразными, но пока еще не расшифрованными знаками, по мнению исследователя, возможно, указывающими на принадлежность умершего к определенной родовой или семейной группе (с. 110).

Как и предыдущие, глава заканчивается конкретными рекомендациями об использовании отдельных традиционных обрядов при создании современного похоронно-поминального ритуала.

В кратком заключении изложены выводы, вытекающие из исследования семейных обрядов гагаузов, а также основные тенденции изменения в советский период.

Рецензируемая книга представляет собой первое обстоятельное исследование семейной обрядности гагаузов, рассматриваемой на широком общерегиональном фоне и на фоне обрядности тюркского мира, благодаря чему выявляется специфика гагаузской обрядности и ее место в обрядности данного региона.

К сожалению, в работе имеется ряд досадных недочетов, отчасти обусловленных общим состоянием понятийного аппарата, используемого при изучении обрядности. Так, понятия «обычай», «обряд», «ритуал», «традиция» и их различные сочетания (свадебный обряд, свадебный ритуал, обрядовый ритуал и т. д.) применяются в ней в качестве синонимов. Попытки упорядочения, ранжирования этих понятий в этнографической литературе предпринимались не раз¹, но все же единообразия в их употреблении нет до сих пор, что нашло отражение и в рецензируемой книге.

В работе встречаются логически не вполне корректные выражения типа: «одной из важнейших черт обряда являлось его бытовое назначение» (с. 76) — а можем ли мы назначение, т. е. функцию, квалифицировать как черту, т. е. свойство, признак? Или, например: «эволюция обрядности выражалась в сокращении архаичных и увеличении социально-бытовых элементов» (с. 34) — но ведь среди архаичных элементов есть и социально-бытовые, а социально-бытовые могут быть и бывают весьма архаичными.

Но эти погрешности не снижают общей ценности работы. Монография С. Курогло интересна и полезна не только исследователям. Рекомендации об использовании отдельных традиционных обрядов в современной обрядности могут быть использованы в практике работы государственных, общественных и культурных учреждений и обогащать формирующуюся социалистическую культуру быта. Кроме того, книга может быть рекомендована и широкому читателю, которого она познакомит с историей, обычаями и повседневной жизнью небольшого самобытного и интересного народа.

Л. С. Христовцова

¹ См.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, вып. 1, с. 7; Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. М.: Наука, 1966, с. 42; Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (По материалам Вологодской губ.). — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978, с. 72—88.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I. — Народы Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979, 340 с.; Ч. II. — Народы СССР (кроме Сибири) и Зарубежных стран. Томск. 1980. 250 с.

Большую и очень нужную для науки работу провели этнографы Томского университета, издав каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Над каталогом работала большая группа специалистов. П. Е. Бардиной принадлежит раздел «Тувинцы»; В. М. Кулемзину — «Ханты», «Манси», «Самоеды», «Кеты»; Н. В. Лукиной — «Селькупы», «Остяки», «Ненцы», «Эскимосы», «Долганы», «Эвенки», «Народы Амурского края», «Предметы с неопределенной этнической принадлежностью»; Э. Л. Львовой — «Чулымские тюрки»; А. М. Сагалаеву — «Ламаизм»; Д. П. Славнину — «Русские», «Украинцы», «Болгары», «Мордва», «Марийцы», «Коми-Пермяки», «Эстонцы», «Ненцы», «Имереты», «Персы», «Буряты», «Монголы», «Торгоуты», «Маньчжуры», «Эвены», «Корейцы», «Японцы», «Полинезийцы», «Алеуты», «Индейцы Северной Америки»; Н. А. Томилову — «Сибирские татары», «Алтайцы», «Шорцы», «Казахи», «Киргизы», «Уйгуры», «Узбеки», «Туркмены»; М. С. Усмановой — «Хакасы», «Якуты», «Китайцы».

Вводную статью «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» написали Д. П. Славнин и Н. А. Томилов. Иллюстрации к каталогу сделаны художником-этнографом В. Б. Богомоловым (большая часть) и художником С. Т. Бардиным. Общая редакция осуществлена Д. П. Славниным, Н. А. Томиловым (отв. ред.) и М. С. Усмановой. Ими же написаны «Предисловие» (ч. I, с. 3—7) и разделы: «Структура каталога» (ч. I, с. 14—15) и «Список собирателей и дарителей этнографических предметов и коллекций за период с 1882 по 1972 год» (ч. II, с. 228—237). Заканчивается каталог разделом «Предметный указатель» (ч. II, с. 238—249).

В «Предисловии» очень кратко сообщены ценные сведения о составе коллекций музея и об его иллюстративном фонде. Из этой части работы узнаем, что в 1975 г. в этнографическом фонде насчитывалось 2364 экспоната, а в фототеке музея — свыше 4000 единиц. В фототеке хранятся уникальные негативы и фотографии конца XIX — начала XX в., выполненные А. В. Адриановым (хакасы и казахи), С. П. Швецовым (русские «поляки» и алтайцы), А. И. Мельотидовым (якуты), Г. Н. Потаниным (разные народы), А. Н. Зиминым (быт китайцев), И. П. Кузнецовым (американские индейцы) и др.

В музее хранятся этнографические рисунки XIX — начала XX в., принадлежащие П. М. Кашарову, Г. Гуркину, Вороновой-Уткиной и др.

В специальном разделе — «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» (с. 8—13) рассматриваются вопросы комплектования фондов музея.

Наиболее полно этнографическими экспонатами в музее представлены народы Сибири — на их долю приходится 1420 предметов или около 60% всего фонда. Так, коллекции по этнографии шорцев насчитывают 373 предмета, хантов — 234, коллекции по культуре и быту эвенков — 73 предмета, алтайцев — 63, бурят — 38, сибирских татар — 35, кетов — 27, чулымских тюрков — 27, селькупов — 12, якутов — 10, манси — 8 предметов. Из народов Дальнего Востока в музее этнографическими материалами представлены лишь нивхи и начайцы (85 предметов).

В коллекции по культуре и быту русских — 264 предмета. По всем другим народам СССР в музее имеются лишь единичные предметы.

Есть в музее коллекции и по зарубежным народам, наиболее крупные из них — по этнографии китайцев — 131 предмет, североамериканских индейцев — 84, по культуре корейцев — 23, японцев — 17, маньчжуров — 11 предметов.

Коллекция предметов ламаистского культа из Бурятии, Монголии, Тибета, Тувы насчитывает 129 единиц.

Авторы каталога проделали большую предварительную работу по научной обработке коллекций, без которой немислима была бы его подготовка.

Рассматриваемый каталог впервые суммировал этнографические материалы, хранящиеся в одном музее. Начата работа по подготовке каталогов и в других сибирских музеях. То, что рецензируемая работа издана ротационной печатью и небольшим тиражом, позволяет рассматривать публикацию как предварительную, предлагающую обсуждение.

Опубликованный каталог может рассматриваться как начало работы над сводным каталогом по основным этнографическим материалам в музеях СССР.

В основу структуры рецензируемого каталога и описаний предметов правильно положен принцип разделения коллекций по народам, сами же коллекции сгруппированы по темам. Авторы разработали 15 тематических рубрик распределения экспонатов: 1) орудия труда и предметы разных видов хозяйства (охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, собирательство и др.), 2) народная техника, ремесла, 3) средства передвижения, 4) жилые и хозяйственные постройки, 5) одежда, 6) утварь, 7) пища, 8) украшения и связанные с ними предметы (штампы, палочки и т. д.), 9) народное искусство, 10) народные календари, 11) народная медицина, 12) спорт, игры, игрушки, 13) оружие и предметы вооружения, 14) культовые предметы, 15) разные предметы.

Авторы каталога в примечании отметили, что порядок описания орудий по отдельным видам занятий может меняться в зависимости от того, насколько важна та или иная деятельность для конкретного народа.

Мы считаем, что целесообразнее было бы придерживаться разработанной структуры во всех разделах и не менять ее, так как меняющаяся структура расположения материалов в разделах будет создавать неизбежные затруднения при работе исследователей. Не совсем понятно, какие вещевые экспонаты, кроме моделей, могут быть отнесены к рубрике «Жилые и хозяйственные постройки». Очевидно, сюда следует включить мебель в интерьере жилища.

При знакомстве с материалом рубрик 6 (утварь) и 7 (пища) возникает вопрос: не лучше ли объединить их под общим заголовком «Утварь и посуда»? Нам представляется также целесообразным объединение рубрик 10 (народные календари) и 11 (народная медицина) в одну — «Народные знания».

Если, как пишут авторы каталога, орудия охоты делятся на луки, стрелы, копья и дротики, то что же тогда отнесено ими в рубрику 13 — оружие и предметы вооружения?

К сожалению, в каталоге экспонаты по темам рубрик не разделены, это создает известное затруднение при чтении.

Для последующей обобщающей работы над сводным каталогом по музеям СССР и для удобства пользования такими изданиями каталоги этнографических коллекций музеев должны иметь единую структуру и единые правила описания экспонатов.

Нельзя признать удачной и структуру каталога и название его выпусков. Часть I названа «Народы Сибири», а часть II — «Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран». Получается, что народы Сибири в состав народов СССР не входят. Структурно следовало бы объединить народы СССР одним заголовком. Целесообразно избрать больший формат издания, чем рецензируемый (14×20 см), что позволит объединить оба выпуска в одну книгу, но с более четким размещением всех необходимых сведений об экспонатах.

Описание коллекций предваряют краткие справки со сведениями о времени их сбора и собирателях. Некоторые справки раскрывают и состав коллекций. Большинство справок написаны составителями каталога хорошо. Однако нельзя признать удачной краткую справку, предпосланную коллекции по русскому населению Сибири. Эта справка (названа она почему-то «Народы Европейской части СССР. Русские») не соотносится с характером экспонатов. В коллекции нет икон, нет также экспонатов, свидетельствующих о прямом или косвенном влиянии на русских культуры коренного населения; следовательно, писать об этом в краткой справке к разделу нет надобности.

Не совсем ясно, сколько экспонатов по русскому населению Сибири хранит университетский музей Томска? В первой части каталога названо 264 экспоната (ч. I, с. 8), в краткой справке к разделу сказано, что русская коллекция состоит из 251 предмета, а в фактическом перечне экспонатов их 259.

Как свидетельствуют данные каталога, 80% русской коллекции поступили в музей до 1917 г., а 20% приходится на период с 1923 по 1932 гг. Основу коллекции составляют экспонаты, переданные основателем музея В. М. Флоринским. Вот об этой коллекции, о ее составе, ценности, особой научной значимости, уникальности отдельных экспонатов (если таковые есть), а также о В. М. Флоринском и следовало бы подробнее сказать во введении к русской коллекции.

Фонд русской коллекции пополняли до 1917 г. многие дарители и собиратели, о чем свидетельствует список, приведенный на с. 225—236 каталога. Мы насчитали 28 лиц, передавших, как сказано в списке, коллекции по русскому населению. Список весьма солидный, но ни в справке к разделу, ни в перечне экспонатов он не раскрыт.

Совсем не лишним было бы написать, какие экспонаты по русскому населению

были переданы в 1907 г. в университетский музей из упраздненного Музея Алтайского горного округа, из Минусинского музея, а также из Сибирского областного музея, можно ли установить, на каких территориях бытовали те или иные предметы из этих коллекций.

Нередко в музеях старые поступления недостаточно датированы, и сегодня большого труда стоит их датировать. Это нам знакомо по другим музеям. Для определения времени изготовления и бытования вещей привлекаются архивные источники, изучаются клейма, сопоставляются материалы и т. п.

Одним из важнейших моментов при изучении этнографического предмета является его датировка — время и место изготовления и бытования; определение социальной принадлежности. Для одежды, украшений и некоторых бытовых предметов важно знать назначение (праздничный, повседневный, обрядовый, промысловый). Все эти данные обычно заносятся собирателями в научный паспорт экспоната и должны войти в каталог. К сожалению, даже в сравнительно недавних сборах экспонатов, представленных в каталог (Н. В. Лукина — «ханты», ч. I, с. 230—261, 1969 г., Э. Л. Львова — «чулымские тюрки», ч. I, с. 208—213, 1969—1970 г. и др.), эти сведения не всегда приводятся. Надо полагать, что еще не поздно дополнить описание экспонатов необходимыми сведениями, так как без этого каталог будет мало полезен исследователям.

Нас удивляет, что составители каталога (они же сегодняшние собиратели коллекций музея) и не ставили такой задачи, как об этом свидетельствует «перечень моментов», включаемых авторами в описание предметов (ч. I, с. 14). Мы считаем большим пробелом в каталоге этнографических экспонатов отсутствие указанных выше данных.

В коллекциях по разным народам приводятся русские названия предметов, национальные же не всегда (см. колл. по бурятам — ч. I, с. 219—227, сбор 1952 г. В. И. Матюшенко и Г. А. Петлякова, то же и в коллекциях других собирателей недавнего времени), что нельзя считать правильным. Хорошо обработана собирателем Н. В. Лукиной коллекция по хантам (ч. I, с. 230—260). Думается, аналогичную работу нужно провести по всем упомянутым в каталоге коллекциям.

В современном издании следует руководствоваться принятыми в современной науке наименованиями народов и территорий. Народы, проживающие по Енисею, именуются энцы и ненцы, а не самоеды, как указано в каталоге. Старое название лучше ставить рядом с новым в скобках. В этом же плане следует проверить имеющиеся в рецензируемой работе названия других народов (сарты, малороссы).

Каталог вводит в научный оборот весь вещевой фонд по этнографии народов СССР и материалы по зарубежным народам, хранящиеся длительные годы в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и мало известные в широких научных кругах.

Очень ценно, что каталог снабжен иллюстрированными тематическими таблицами. Было бы полезно снабдить его еще и цветными иллюстрациями и увеличить число черно-белых таблиц.

Высказанные замечания и пожелания несколько не умаляют большой работы, сделанной коллективом научных работников музея и университета. Надеемся, что в доработанном виде каталог в скором времени выйдет типографским изданием.

А. А. Лебедева

К. В. Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.; **И. А. Федосова. Избранное** (Составление, вступительная статья и комментарий К. В. Чистова. Подготовка текстов Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова). Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

Карельским издательством выпущены две книги, посвященные русским сказителям Карелии: книга К. В. Чистова, содержащая очерки об известных сказителях — Рябинных, И. А. Федосовой, М. М. Коргуеве и И. Т. Фофанове, и составленный им же сборник избранных произведений И. А. Федосовой, изданный к 150-летию юбилею со дня рождения знаменитой народной поэтессы. Обе книги рассчитаны на широкого читателя, но их с интересом и пользой прочтут и специалисты.

В первой книге в живо написанных очерках дается обзор жизни и творчества сказителей, причем сообщаются некоторые новые или малоизвестные факты из их биографий, говорится об истории записи и публикаций их произведений, проводится идейно-художественный анализ этих произведений.

Во введении автор справедливо отмечает, что рассказать в одной книге обо всех выдающихся русских сказителях Карелии невозможно, поэтому он остановился лишь на тех, о которых сохранилось достаточно сведений или которых автору посчастливилось видеть и слышать самому (с. 27). Нужно признать, что выбор сказителей сделан удачно: читатели получили возможность ознакомиться с жизнью и особенностями творчества сказителей разных типов и разного времени и с разными эпическими жанрами, бытовавшими в Карелии, — былинами, причитаниями, сказками, проследить в какой-то мере их судьбы со второй половины XIX в. почти до середины XX в.

В очерке о Рябинных рассматривается жизнь и творчество представителей знаменитой семейной династии сказителей былин, начиная от открытого П. И. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом Т. Г. Рябинина до ее последнего представителя П. И. Андреева-Рябинина, умершего в 1953 г. Перед нами предстают яркие образы талантливых сказителей, исполненных чувства собственного достоинства, охарактеризованы особенности рябининской семейной традиции. Мы узнаем, как хранилось и передавалось на севере

искусство сказывания былины. По-моему, однако, К. В. Чистов несколько переоценил П. И. Андреева-Рябинина: исполнение им былины наглядно демонстрировало угасание традиции.

В очерке об И. А. Федосовой рисуется обаятельный образ талантлившей русской крестьянки, обладавшей редким даром художественной импровизации. Она знала и мастерски исполняла произведения разных фольклорных жанров — песни, былины, духовные стихи; ее красочная, образная речь была пересыпана меткими пословицами и поговорками, но особенно прославилась она как вопленица. Еще при жизни ее знали не только в России, но и за рубежом. Сразу же после публикаций Е. В. Барсовым притчетов И. А. Федосовой их использовали в своем творчестве Н. А. Некрасов и П. И. Мельников-Печерский. Ее плачи (в частности, рекрутские), отличающиеся порою острой социальной направленностью, В. И. Ленин считал важным источником для характеристики народных воззрений и настроений. О Федосовой сохранилось немало воспоминаний, хорошо известна ее характеристика, данная А. М. Горьким; биографию вопленицы с ее слов записал Е. В. Барсов. Казалось бы, что ко всему этому мало что можно добавить. Но ряд заметок о Федосовой и ее выступлениях оставался неизвестным; они либо опубликованы в малоизвестных и труднодоступных периодических изданиях того времени, либо хранятся в архивах. К. В. Чистов, специально занимавшийся изучением жизни и творчества И. А. Федосовой, потратил немало времени и усилий, чтобы отыскать все эти материалы, записал свидетельства лиц, еще помнивших народную поэзию. Им были установлены и отдельные реальные факты, которые легли в основу плачей Федосовой, что дало возможность глубже понять особенности ее творчества.

Очерк, помещенный в данной книге, — наиболее полный обзор жизни олонечкой вопленицы, в нем найдут интересные материалы и специалисты-фольклористы. Например, очень ярко характеризует И. А. Федосову такой малоизвестный, поразительный по тому времени факт: из получаемых ею гонораров за выступления она не только помогала родственникам и бедным односельчанам, но и давала значительные средства на школу. По воспоминаниям бывшего учителя Ф. И. Прохорова, она в 1896 г. дала 300 руб. (по тому времени большие деньги) на постройку школы в Кузаранде, не имевшей до этого своего помещения (для занятий занимали частные дома). При этом неграмотная женщина особенно заботилась, чтобы в школе учились побольше девочек. «Ты девочек, девочек больше учи!» — говорила она учителю (с. 17). Во время празднования юбилея И. А. Федосовой в мае 1981 г. школе в Кузаранде было присвоено ее имя.

Много новых материалов содержится в очерке об И. Т. Фофанове, дожившем до Великой Отечественной войны, сказителе былин из с. Климово, расположенного на берегу Купецкого озера. К. В. Чистов хорошо знал Фофанова, много записывал от него, и в книге он делится своими воспоминаниями о сказителе, приводит выдержки из своих тогдашних полевых дневников. Это помогло создать живой образ И. Т. Фофанова и лучше понять особенности его творчества.

В очерке о выдающемся сказочнике М. М. Коргуеве охарактеризована сказочная традиция, занимавшая в русском фольклоре Карелии значительное место. Но на нее обращали мало внимания по сравнению с былинами и причитаниями; сказки здесь стали записывать лишь с начала XX в., а крупные сказочники, в том числе и Коргуев, стали известны уже после революции. К. В. Чистов раскрывает причины такого невнимания прежних собирателей к сказочникам бывшей Олонечкой губернии. М. М. Коргуева автор также знал лично. Записанные от него сказки позволяют не только показать, насколько значительна и своеобразна была местная сказочная традиция, но и поставить вопрос о взаимодействии русской сказки с карельской — Коргуев, у которого мать была карелка, хорошо знал карельский язык и карельские сказки.

Очерком о сказителях предшествует краткое введение, в котором в популярной форме говорится об основных особенностях фольклора, его отличиях от литературы, об известных сказителях Карелии (бывшей Олонечкой губернии), об истории собирания здесь фольклора и его публикации. Это вводит читателя в содержание книги. Но иногда, мне кажется, материал излагается излишне популярно. Надо ли, например, подробно разъяснять, что не все исполнители фольклора одинаково талантливы, что способности проявляются по-разному и в разных областях — кто же не понимает этого? Слишком расширительно толкуется термин «сказитель» — любой исполнитель традиционного фольклора, вошедшего в народный быт, песен, сказок, преданий и т. д. (с. 4). Сказителями обычно называют исполнителей эпических жанров; певцов же, особенно исполняющих хороводные, игровые и другие, песни, а тем более исполнителей народной драмы сказителями все же не назовешь.

Вторая книга — сборник избранных произведений, записанных от И. А. Федосовой, хорошо дополняет очерк о ней. Большим достоинством этого сборника является то, что в нем представлены произведения разных жанров, которые исполняла И. А. Федосова. В русской фольклористике и литературе она известна главным образом как вопленица. Отдельные ее похоронные и рекрутские причеты перепечатывались в сборниках и хрестоматиях. Менее известны даже специалистам ее свадебные причитания. Опубликованные в 1885 г. Е. В. Барсовым в двух выпусках «Чтений в Обществе истории и древностей российских» и в 1887—1888 гг. в записях О. Х. Агреневой-Славянской, тексты их ни разу не пересказывались. Поэтому можно быть только благодарным составителям данного сборника за то, что они включили в него хорошо подобранные тексты 22 свадебных причитаний, относящихся к разным этапам свадьбы. Но хотелось, чтобы здесь было дано и краткое описание местного свадебного обряда, тем более что он был записан от самой же Федосовой и Барсовым, и Агреневой-Славянской. Без этого не всем будет понятно, каким именно действиям соответствуют те или другие причитания. И хотя отдельные пояснения есть в комментариях, но они все же недостаточны и не дают представления

о свадебном обряде в целом (правда, К. В. Чистов отсылает читателя к работам Н. П. Колпаковой и сборнику «Русский свадебный обряд», но интересна свадьба именно в том варианте, который знала Федосова).

Помимо причитаний, в книгу включены 6 былин и баллад, и 24 песни и пословицы, записанные от И. А. Федосовой. Тексты эти извлечены из разных малодоступных изданий и в большинстве своем не известны даже фольклористам. Публикация их дает представление о разносторонней одаренности сказительницы, о многогранности ее творческого и исполнительского мастерства. Хорошо дополняет сборник рассказ Федосовой о своей жизни — своеобразная автобиографическая повесть о тяжелой жизни русской крестьянки, рассказанная образным народным языком, с присущим сказительнице юмором.

В комментариях содержатся все необходимые сведения о текстах и пояснения к ним. Издательство «Карелия» делает очень нужное, полезное дело, пропагандируя творчество известных северных сказителей.

В. К. Соколова

М. А. Дэвлет. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.

Рецензируемая работа, являющаяся итогом многолетней исследовательской деятельности автора по изучению древнего монументального искусства Енисея¹, посвящена одному из выдающихся археологических памятников — петроглифам Мугур-Саргола.

Урочище Мугур-Саргола находится на левом берегу Енисея, против устья реки Чинге (Тувинская АССР). Наскальные рисунки были обнаружены не только в самом урочище, но и по двум берегам этой небольшой горной речки.

Книга состоит из введения, в котором освещены вопросы открытия памятника и основные моменты истории его изучения, а также глав, посвященных описанию рисунков, их сюжетной и хронологической классификации. Одна из глав, написанная особенно ярко и лаконично, вводит читателя в мир идей наскального искусства Мугур-Саргола.

Петроглифы Мугур-Саргола ранее исследовали А. Д. Грач, М. А. Дэвлет, А. А. Формозов, С. И. Вайнштейн и Я. А. Шер.

Мы привыкли оценивать новые публикации в области этнографии и археологии по объему новых материалов, вводимых в научный оборот. Именно в этом аспекте проделанная автором работа представляет особую ценность: проанализированный в книге материал дает исчерпывающее представление о характере рисунков, сюжетах, о стратиграфии памятника. Первая традиционная задача исследователя-полевика — сбор материалов с возможно полной фиксацией рисунков — решена. Об этом красноречиво свидетельствуют не только обширная глава, посвященная описанию рисунков, в которой охарактеризованы все найденные камни (371), но и 76 таблиц с прорисовками изображений и их фотографии, следующие за описанием. В этой связи хотелось бы отметить высокое качество фотографий и тщательность прорисовок камней с петроглифами, которые не только украшают монографию, но и придают ей документальный характер. Трудности работы с таким «капризным» материалом, как наскальные рисунки, общеизвестны, но они были блестяще преодолены автором.

Вторая задача — интерпретация петроглифов, их периодизация и типология — неразрывно связана с первой.

Автор смело называет исследуемый памятник святилищем, неким храмом под открытым небом, со своей особой архитектурикой, о чем красноречиво свидетельствует топография святилища. Роль «иконостаса» играют вертикально стоящие скалы, которые покрыты иссиня-черным скальным «загаром». На них сохранились наиболее типичные и древние изображения: маски-личины и оградки — «дворы». На больших каменных глыбах, окружающих святилище, эти сюжеты встречаются реже, уступая место иным: животные, люди и т. п. О том, что скалы и камни древнего Мугур-Саргола были всегда почитаемы как святыни, а также об атмосфере сакральности их окружавшей, по мнению исследовательницы, свидетельствует тот факт, что мугур-саргольские писаницы стоят особняком среди других памятников наскального искусства, для которых такое явление, как палимпсест, весьма типично.

Судя по стратиграфии памятников наскального искусства, найденных на Горном Алтае, в частности в долине Катунь, рисунки эпохи неолита и бронзы бывают иногда перекрыты более поздними изображениями — и в петроглифах позднего периода это явление встречается почти повсеместно. Имея в виду бурные процессы этнической истории края, можно сделать предположение, что рисунки, оставленные одним народом и почитаемые им как святыни, истреблялись завоевателями, стремившимися уничтожить враждебное племя не только физически, но и нравственно: петроглифы аборигенов перекрывались новыми. Вероятно, отсутствие на Енисее палимпсеста среди произведений наскального искусства свидетельствует о том, что некий этнос, ставший ядром предков тувинцев, населял эти места в течение длительного времени и свято почитал древние рисунки на скалах, лишь время от времени добавляя новые к уже имевшимся.

¹ Перу М. А. Дэвлет принадлежат следующие работы по наскальному искусству рассматриваемого региона: Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976; Вдоль дороги Чингисхана. — Природа, 1977, № 12; Личины-маски и проблема культурных связей. — В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978; Мугур-Саргол — древнее святилище на Енисее. — В кн.: У истоков первобытного творчества. Новосибирск, 1978.

М. А. Дэвлет не могла обойти молчанием вероятностью появления у Чингисской воронки петроглифов с астральными сюжетами под влиянием падения метеорита, осколки которого были найдены в 1912 г. Естественно, это событие, которое по подсчетам ученых произошло примерно 2300 лет назад и сопровождалось яркими и сильными световыми эффектами, оставило след в памяти очевидцев. Но астральные сюжеты есть и в других памятниках наскального искусства обширного района срединной Азии: на Алтае, в Киргизии, на юге Казахстана, в Забайкалье и Монголии, хотя ни в одном из перечисленных регионов не было такой космической катастрофы, как в верховьях Енисея.

Характеризуя функции древнего святилища, автор впервые в советской археологической и этнографической литературе затрагивает вопрос о связях петроглифов с обрядами инициации, которые в глубокой древности были известны народам Сибири. О том, что рисунки на скалах являлись отражением некоторых моментов древних мистерий, связанных с шаманской и дошаманской практикой в области культа древних племен Сибири, писали многие ученые. Например, А. П. Окладников неоднократно обращался к рисункам на скалах Лены и Ангары. Но вопрос о возрастных инициациях в Сибири пока изучен недостаточно. М. А. Дэвлет склонна видеть в этих рисунках некую петроглифическую запись древних мифов, по которым, как по листам каменной книги, постигали основы космогонии и мифы о предках-прародителях многие поколения молодых людей, начиная еще с эпохи бронзы. Эта мысль исследовательницы кажется весьма интересной, если вспомнить, что одной из наиболее распространенных функций наскальных изображений индейцев Северной Америки, а также аборигенов Австралии была именно воспитательная — рисунки создавались либо самими неофитами, либо их наставниками, «вещими старцами», вождями, колдунами. Некоторые рисунки (обычно геометрические) имели посвятельный характер и выполнялись, когда речь шла о посвящении молодого человека в разряд взрослых членов общины. Если же посвящали в члены тайного общества, например союза каннибалов у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, то мотивом посвятельных рисунков на валунах и скалах становилось изображение Верховного духа-каннибала в виде антропоморфной череповидной маски-личины или иного духа-хранителя неофита в виде антропоморфной фигуры с зооморфными чертами.

Возможно, представления о личных духах-хранителях, которые чаще всего изображались либо в виде тотемных животных, либо в образе духа-предка, тесно связаны с культом мертвых не только у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, но и у обитателей Нижнего Амура.

Исследовательница не придерживалась строгой академической схемы публикации материала, одним из основных и необходимых моментов которой является классификация собранного материала по сюжетам. Поэтому читатель не найдет в книге специальной главы, посвященной традиционной сюжетной классификации. Автор просто перечислила один за другим основные сюжеты петроглифов, разделив их по группам, но ценность проделанной автором работы по изучению и систематизации материала, по нашему мнению, несколько от этого не уменьшилась.

Необходимые акценты были четко расставлены автором. Из всей массы рисунков она выбрала наиболее типичные и яркие, позволяющие датировать как памятники в целом, так и различные группы рисунков. Одним из наиболее интересных и распространенных сюжетов петроглифов Мугур-Саргола М. А. Дэвлет считает маски-личины. Она обнаружила их 250 экземпляров.

Это вдвое больше, чем было найдено среди петроглифов Сакачи-Аляна, который, по образному выражению А. П. Окладникова, является истинным царством масок-личин. Так же как и амурские петроглифы, личины Мугур-Саргола не портретные изображения, а маски. У них даже есть ручки-держалки, которые выполнены в виде прямого длинного отростка, расположенного в нижней части личин по принципу различия форм головного убора. Изображения масок-личин парциального характера (без головного убора) были предусмотрительно вынесены ею в самостоятельную группу. Интересны отдельные выводы автора, сделанные на основе анализа данных типологических классификаций, в частности о взаимозависимости сложности головного убора и декоративной насыщенности внутреннего пространства маски-личины. Она вывела следующую закономерность: чем сложнее головной убор, тем насыщеннее внутреннее заполнение контура личины, тем нереальнее ее облик. Декоративное же заполнение внутреннего пространства контура маски (скобки, полосы) она интерпретирует как изображение тауировки.

Убедительны рассуждения автора о хронологии личин: сходство с окуневскими памятниками позволяет определить примерную нижнюю границу времени возникновения этого сюжета эпохой ранней бронзы, а верхнюю — доскифской эпохой.

Выводы относительно датировки масок-личин как основного сюжета петроглифов Мугур-Саргола М. А. Дэвлет делает на основе собранного материала с привлечением широкого круга аналогий из области писаниц сопредельных районов. Среди них она называет рисунки на Бижектик-хая (Тува), Изрих-тас (Хакасия), г. Тенсей (Енисей), р. Камышта, маски на керамических сосудах из Самуси IV (р. Томь). В качестве одного из наиболее реальных прототипов наскальных изображений масок-личин Мугур-Саргола она называет маскоид из кости Глазковской эпохи в Прибайкалье (Усть-Белая).

Интерпретируя конструкцию и планировку древних жилищ, М. А. Дэвлет сделала интересное и смелое предположение о том, что нарисованные на скалах Мугур-Саргола квадратные оградки могут быть изображениями планов полуподземных или наземных срубных жилищ с крышей в виде усеченной пирамиды, которые получили распространение в традиционной архитектуре племен Енисея и дошли до настоящего времени наравне с войлочными постройками и другими типами сооружений.

Замечание автора относительно того, что рисунки колесниц сохранялись на камнях рядом с изображениями жилищ и являются картинами, «срисованными» с реальной действительности, например древний экипаж рядом с домом, свидетельствуют в пользу наличия реалистической тенденции в развитии художественного творчества тувинцев. Точки в оградках — жилищах, по мнению М. А. Дэвлет, — изображения животных, принадлежавших хозяину сооружения. Лунки или чашечные углубления, количество которых среди рисунков Мугур-Саргола превышает 3 тыс., как считает автор, связаны с астральной символикой. Точки могут быть трактованы и как изображения небесных светил. Такими светилами являются общепризнанные в качестве достойных поклонения в среде народов Центральной Азии и Сибири, созвездия Ориона, Большой Медведицы и Полярная звезда. Ежегодные моления небу были распространенным элементом религиозной жизни тувинцев в прошлом.

Горизонтальное деление плоскости с рисунками на два или три яруса, которое М. А. Дэвлет наблюдала при исследовании петроглифов Мугур-Саргола, является одним из универсальных приемов организации пространства плоскости рисунков во многих других памятниках наскального искусства Сибири; свойствен он и алтайским петроглифам. М. А. Дэвлет стала первым исследователем, который попытался объяснить появление этого художественного приема с помощью древней мифологии. Известно, что для шаманизма типичны космогонические представления о делении Вселенной на три мира: верхний, средний и нижний. Доказательство правильности своих рассуждений автор видит в факте наличия среди петроглифов нижнего яруса масок-личин, внутренний контур которых был сплошь забит точками, что, по мнению исследовательницы, могло передавать черную окраску лица. Известно, что устная традиция алтайцев рисует властителя преисподней, грозного Эрлика, в виде гиганта с черным лицом.

Выводы, сделанные автором в главе, посвященной семантике и хронологии памятника, важны для изучения наскальных рисунков соседних регионов, в частности петроглифов Алтая. Несомненный интерес представляет оригинальная трактовка колакообразных головных уборов масок-личин Мугур-Саргола, посохов, грибовидных головных уборов, охотничьих сумок «каптырга», которая дает ключи к интерпретации аналогичных мотивов в наскальном искусстве Сибири и того же Алтая.

Проблема маски-личины как самостоятельного сюжета наскального искусства вообще, а не только петроглифов исследуемого памятника, волнует автора книги в аспекте генезиса самого мотива. М. А. Дэвлет, придерживаясь традиций историзма, намечает генетический путь развития от маски-личины в наскальном искусстве племен бронзового века к шаманским маскам, сохранившимся до недавнего времени. Автор подтверждает уже высказанные С. В. Ивановым, П. И. Каралькиным, С. И. Вайнштейном гипотезы о путях и возможностях такого генезиса.

М. А. Дэвлет склонна видеть в петроглифах масок-личин Мугур-Саргола прототипы масок докшитов — участников ритуальных мистерий Цам.

На вопрос о характере прототипа масок-личин петроглифов Мугур-Саргола ответа в книге нет. А ведь на скалах изображены маски, видимо, реально находившиеся в употреблении. Но как выглядели источники вдохновения древних мастеров, какие идеи и представления стимулировали их появление? Об этом автор пока молчит.

Итак, в заключение хотелось бы сказать, что историческая, археологическая и искусствоведческая литература с появлением книги М. А. Дэвлет пополнилась оригинальным и полезным изданием.

Настоящая публикация, в полном объеме представляющая материалы великолепного памятника наскального искусства, — важное событие в нашей культурной жизни, новый шаг в науке. Опубликованный материал продемонстрировал оригинальность и многоплановость художественной жизни древнего населения Саянского каньона Енисея, что сделало книгу ценной для широкого круга специалистов в различных областях науки о человеке. Известно, что именно новый материал не только подтверждает и расширяет наши представления о предмете исследования, но, главное, ставит новые проблемы. Смелый новаторский подход автора к решению многих спорных и пока неясных вопросов интерпретации петроглифов дает творческий импульс мысли не только последователям М. А. Дэвлет в области изучения петроглифов Мугур-Саргола, но и наскального искусства вообще.

Е. А. Окладникова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Andrew B. Gonzales, FSC. Language and Nationalism. The Philippine Experience thus Far. Quezon City, Metro Manila; Ateneo de Manila University Press, 1980, XI, 179 p. Refs. p. 159—169.

Эндрю Б. Гонсалес, президент Университета Де Ла Саль в Маниле, — известный языковед и специалист в области этнической психологии, редактор «Филиппинского журнала языкознания», автор многочисленных работ по социолингвистике. В своей новой книге «Язык и национализм», весьма актуальной и своевременной в условиях Республики Филиппины, Эндрю Б. Гонсалес подводит итог почти столетним усилиям своих соотечественников в решении языкового и национального вопроса. Он критически

анализирует как имеющиеся социологические исследования, отчеты, интервью и за рубежом, так и законодательные акты, касающиеся использования и распространения общенационального языка на Филиппинском архипелаге. Значительную роль среди его источников играют неопубликованные еще материалы — стенограммы выступлений и докладов, варианты законопроектов, письма, мемуары, личные воспоминания государственных деятелей, писателей, ученых (это особо оговаривается в подстрочных примечаниях). В основу монографии положены лекции, прочитанные автором в Университете Васада в Токио в ноябре 1977 г.

Во вступительном разделе книги отмечается, что обретение политической независимости само по себе не приводит к независимости в области экономики и культуры, в чем филиппинцы убедились вскоре после провозглашения 4 июля 1946 г. суверенной Республики Филиппины. В процессе этнического развития нации поиск лингвистического символа [национального] единства, каковым здесь считается общенациональный язык, на Филиппинах были поставлены на законодательную основу с принятием Конституции Автономных Филиппин в 1935 г. Однако фактически языковой вопрос в этой полиэтнической и многоязычной стране возник, как показано в книге, одновременно с зарождением и развитием национального самосознания, ростом национализма и усилением антиколониального движения в последней четверти XIX столетия. Поэтому весьма важной представляется задача проследить историческую эволюцию языковой ситуации и особенно языковой политики на Филиппинах, наметить новые этапы решения языкового вопроса до настоящего времени. Этой проблематике посвящены четыре главы рецензируемой книги, последовательно охватывающие различные хронологические периоды минувшего столетия.

В первой главе «Первая республика: национализм без лингвистического символа» с. 1—23 рассматриваются движение пропагандистов в 60—90-х гг. XIX в., подготовка и ход Филиппинской революции 1896—1898 гг. Соответствующие документы и литература, которые анализируются в главе, свидетельствуют о том, что языковой вопрос в этот период еще не получил четкой интерпретации на первом этапе развития национализма. Языковая ситуация того времени была тесно связана с социальной стратификацией филиппинского общества: лица, происходившие из филиппинский и метисной помещичье-торговой элиты и получившие высшее образование на родине или в метрополии (т. н. *илустрадос* — «образованные, просвещенные»), участники пропагандистского движения во главе со своим духовным руководителем Хосе Рисалем, пользовались в основном языком колонизаторов — испанским. Члены же первой филиппинской революционной организации Катипунан, возглавлявшейся «великим плебеем» Андресом Бонифасио, по преимуществу различиями из тагалозычных провинций, пользовались тагалским, хотя большинство пропагандистов тоже были этническими тагалами из Манилы. По переписи 1870 в., из 4,6 млн. жителей Филиппинского архипелага только 114 тыс., или 2,4% могли говорить по-испански. Эти цифры отразили колониальную политику в области просвещения. Отношение к языку проявилось, как верно подчеркивает Э. Гонсалес, и в результате двух основных этапов Филиппинской революции. Биаконабатская конституция, принятая 1 ноября 1897 г. и завершившая первый, «разночинский» этап революции, сделала официальным языком тагалский, а Малолеская конституция первой Филиппинской республики, возглавленной «образованной элитой», принятая в январе 1899 г., признала официальным испанский язык (с. 1, 20—21). Частично этому способствовало и то обстоятельство, что на втором ее этапе к революции стали примыкать и представители нетагалозычных провинций — пампанганцы, илоканы, бикольцы и особенно бисайцы, что существенно изменило этнический состав революционеров (с. 17), хотя нередко по-прежнему языком выступлений ее руководителей был тагалский, и документы также разрабатывались на этом языке. Таким образом, Гонсалес впервые в филиппинской науке применяет классовый подход к решению национально-языковой проблемы в стране в различные исторические периоды.

Поражение Испании и захват островов американскими империалистами осложнили языковую ситуацию. Усиленная культурная американизация и распространение английского языка и американской системы образования вызвали естественный протест на Филиппинах, вылившийся в движение за возрождение национальной культуры и литературы, школьное обучение на родном языке и развитие общенационального филиппинского языка в процессе борьбы с новой колонизацией за обретение политической независимости, которая привела в 1934 г. к провозглашению Автономных Филиппин (глава вторая — «Автономия в поисках лингвистического символа единения» — с. 24—59). Согласно переписи 1939 г., уже 26,6% 16-миллионного филиппинского населения могли говорить по-английски, сфера же действия испанского языка значительно сократилась. В монографии показано, что типичным в это время становится трехязычие: родной язык — испанский — английский или родной язык — тагалский — английский. Однако на официальном уровне английский и испанский языки продолжали делить «гегемонию в гражданской службе» (с. 28). Несмотря на значительные трудности, пробивают себе дорогу издания на местных языках, в особенности на тагалском, а также дву- и многоязычные публикации. В частности, на тагалском с начала века создавалась «литература протеста» (сарсуэлы, романы, пьесы). Филиппинские языковеды в большинстве своем выступали за использование тагалского в качестве общенационального языка ввиду его более широкого распространения и определенной «тагализации» бисайских, илоканского, бикольского, пампанганского и некоторых других региональных языков (с. 36—44). Этого же мнения придерживался и ряд зарубежных лингвистов-филиппинистов (например, американец Фр. Р. Блэйк): Нелингвистическая «шумиха» по поводу «лингвистического символа» началась во время заседаний Конституционного съезда в 1934—1935 гг. В окончательном виде законодательное оформление языкового вопроса

нашло отражение в Конституции Автономных Филиппин 1935 г.: «Национальная ассамблея предпримет шаги, направленные на развитие и усвоение общенационального языка, основанного на одном из существующих языков. До утверждения его в законодательном порядке официальными языками продолжают оставаться английский и испанский» (ст. XIII, § 3). Таким образом, считает автор, была закреплена роль официальных языков «американского периода» (1899—1934 гг.).

В соответствии с принятым Национальной ассамблеей законом № 184 («Закон о национальном языке») в ноябре 1936 г. был учрежден Институт национального языка, по рекомендации которого в декабре 1937 г. президент М. Л. Кэсон провозгласил «основанный на тагальском язык национальным языком Филиппин», получивший в августе 1959 г. в связи с ростом национальной консолидации наименование «Филиппинский» (пилипино). В 1940 г. была издана написанная на тагальском языке «Грамматика национального языка» Лопе К. Сантоса, известного писателя и филолога, неоднократно переиздававшаяся.

В рассматриваемой главе Эндрю Б. Гонсалес указывает на истоки имеющего место ненаучного подхода к решению языкового вопроса в условиях современных Филиппин, в том числе и на законодательном уровне.

В третьей главе «Вторая республика: обретение символа единства» — с. 60—96 подробно характеризуется языковая политика японских оккупационных властей и марионеточной Филиппинской республики, существовавшей с октября 1943 по август 1945 г. во время второй мировой войны. В осуществление идей «нового национализма» тагальский язык был объявлен национальным языком, что закреплялось Конституцией 1943 г., и распространялся гораздо активнее, нежели в автономный период, хотя в целом сохранилось направление языковой политики, намеченное Конституцией 1935 г. и «Законом о национальном языке» (здесь особо подчеркивается роль его автора, общественного деятеля и филолога Норберто Ромуальдеса — с. 61 и др.). Следует заметить, что японские власти поощряли, использование тагальского языка в качестве общенационального не бескорыстно; такая политика вытекала из идеологии так называемой «Великой Восточно-азиатской сферы процветания» (Дайтоа Кэйзэн), на основе которой одно иностранное засилье в области языка и культуры (японский язык был объявлен основным иностранным в Филиппинской республике) сменялось другим, азиатским, более тонким и расчетливым¹. И пропаганда тагальского языка велась одновременно с пропагандой японского языка. Автор указывает, что в этот период проблема тагальского языка решалась более последовательно, нежели в период автономии.

Интересный ретроспективный анализ представлен в последней, четвертой главе — «Третья республика: взлет и падение основанного на тагальском филиппинского языка» (с. 97—147). Тагальский язык, — пишет Эндрю Б. Гонсалес, — как «эксплицитно утвержденный национальный язык по Конституции 1943 г.» получил дальнейшую поддержку с провозглашением суверенной Республики Филиппины 4 июля 1946 г. Институт национального языка (ИНЯ) издает в переводе на филиппинский (тагальский) официальные документы, создает методические пособия, терминологические глоссарии и пр. (в книге подробно описана деятельность ИНЯ в различные периоды — см.: с. 65, 71, 103—122 и др.). Однако постепенно на общественном и законодательном уровнях — в прессе, в Конгрессе, нарастает противодействие тагальскому как «основе филиппинского национального языка», преимущественно со стороны нетагалов и нелингвистов, вылившееся в «языковые войны» 60-х гг. в средствах массовой информации (Х. Лакуэста и др.)², в Конгрессе и даже в Верховном суде. Языковый вопрос был одной из причин студенческих выступлений в Маниле в 1969—1972 гг. (автор обращает внимание на то, что во второй половине 60-х годов 66% населения страны было моложе 24 лет). Ставится под сомнение правовое положение филиппинского языка, ИНЯ обвиняют в пуризме и «языковой диктатуре». Между тем приводимые в книге факты свидетельствуют о том, что вслед за ростом «экономического национализма» нарастает и «культурный национализм». Филиппинский язык широко изучается в начальной школе нетагалоязычных провинций, в ряде вузов, растет число и тираж изданий на этом языке, он все глубже внедряется в общественную жизнь страны. Перепись 1970 г. показала, что на этом языке может говорить уже свыше 56% филиппинцев (в 1918 г. их было около 20%, т. е. практически одни тагалы — с. 54)³. Новая Конституция 1973 г., как полагает Эндрю Б. Гонсалес, наметила компромиссное и не вполне реалистическое дальнейшее решение языкового вопроса в Республике Филиппины: создать общенациональный филиппинский язык (Filipino), основанный не на одном, а на всех существующих филиппинских языках. Таким образом, вся работа, проделанная в 1937—1973 гг., должна проводиться заново (с. 97, 146—147), хотя Комитет по науке, созданный в 1964 г., продолжает систематизацию филиппинской научно-технической терминологии (с. 117—122). Первая конституция была написана по-испански, конституция 1935 г. — по-испански и по-английски, конституция Республики Филиппины 1973 г. — по-английски и переведена на филиппинский (тагальский), ряд других филиппинских языков, а также на испанский и арабский языки (с. 137). «Филиппинцы снова начали поиск общенационального языка, — заключает последнюю главу своей книги Эндрю Б. Гонсалес, — поиск лингвистического символа единства и солидарности, но альтернатива, предложенная им их руководите-

¹ См. подробнее: Макаренко В. А. Языковая политика японских оккупационных властей на Филиппинах в 1942—1945 гг. — Японская филология/МГУ, 1981, № 6.

² См. рец.: Лакуэста Х. «Филипино» против «пилипино». — Народы Азии и Африки, 1971, № 6, с. 191—193.

³ Для сравнения укажем, что по переписи 1970 г., в СССР на русском языке говорило 53% населения; 7% нерусского населения говорило на нем как на родном.

лями, скорее разделила их, нежели объединила» (с. 147). Название «Filipino», как говорит автор, «ни имеет смысла, ни у него нет четкой характеристики».

В эпилоге, озаглавленном «К будущей четвертой республике и будущему филиппинскому языку» (с. 148—157)⁴, анализируя филиппинский опыт формирования национального сознания, единства и национального языка, автор приходит к оптимистическому выводу о неизбежности создания общенационального языка, основанного на одном (тагальском) филиппинском языке (заметим, кстати, что сам он по национальности пампанго). По его прогнозу, построенному при помощи экстраполяции переписных данных, к концу столетия этим языком будут владеть как родным и как вторым уже 97,1% филиппинцев. Он делается реальным символом национального единства независимо от его официального юридического признания или непризнания — де-факто. Эндрю Б. Гонсалес не согласен с тем, что языковое планирование ориентируется на некий искусственный язык в угоду политическим устремлениям руководящих представителей полиэтнического общества, а не на объективные научные изыскания в области языкового развития. Английский язык, по мнению автора, по-прежнему будет играть значительную социально-экономическую и культурную роль в стране; филиппинцы по-прежнему останутся многоязычными.

Критически оценивая в основных ретроспективных главах своей книги официальную языковую политику на Филиппинах на различных ее этапах, автор подводит читателя к бесспорному выводу, что она преимущественно базировалась на политических и престижных, а не на собственно научных, социолингвистических основах и потому, скорее, препятствовала, нежели способствовала более эффективному развитию общенационального филиппинского языка, роль которого, невзирая на это, все более и более успешно исполняет современный тагальский язык.

Аккумулированные в рецензируемой монографии социолингвистические взгляды Эндрю Б. Гонсалеса, высказывавшиеся и прежде в его многочисленных исследованиях языковой политики на Филиппинах, отличаются исключительной стройностью и последовательностью, а выводы глубоко научны и реалистичны. Они во многом перекликаются со взглядами советских социолингвистов периода языкового строительства 20—30-х гг. В них ощущается порой влияние ленинских идей (к работам В. И. Ленина по национально-языковому вопросу он прибегал в своих статьях неоднократно!). Достаточно привести здесь только одну цитату из «Критических заметок по национальному вопросу»: «...цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства... потребности экономического оборота сами *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений»⁵.

В кратком предисловии, написанном в июне 1978 г., ныне покойный «патриарх филиппинского языкознания» почетный профессор Университета Филиппин Сесилио Лопес (1898—1979 гг.) называет обобщающий труд Эндрю Б. Гонсалеса «наиболее исчерпывающим и современным» среди работ по языковой проблеме на Филиппинах. С ним, по моему, нельзя не согласиться.

В. А. Макаренко

⁴ Этим названием автор предвосхитил действительное провозглашение 4-й Филиппинской республики летом 1981 г., через год после выхода его книги.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 115.

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА

[1910—1982]

9 июня после продолжительной и тяжелой болезни ушла из жизни Людмила Николаевна Терентьева — известный советский этнограф, лауреат Государственной премии СССР, руководитель сектора этнографии народов Поволжья, Европейского Севера и Прибалтики, заместитель директора Института этнографии АН СССР — человек большой души, прекрасный организатор, ученый, прокладывавший новые пути в науке.

С именем Л. Н. Терентьевой связана разработка этнографии современности и прежде всего такого нового направления в этнографии и общественных науках в целом, как изучение этнических аспектов проблем семьи и брака. Широкую известность в нашей стране и за рубежом получила ее статья «Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях» (1969). Выводы ряда ее статей по проблемам современной семьи (часть их написана в соавторстве с О. А. Ганцкой) были обобщены в главе «Семья — микросреда этнических процессов» коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР», выдержавшей два издания и получившей высокую оценку советской общественности — монография была удостоена Государственной премии СССР за 1981 год. Изучение проблем современной семьи, которое Людмила Николаевна не прерывала буквально до последних дней жизни, выходило далеко за рамки этнографии. Л. Н. Терентьева принимала участие и в социологических исследованиях семьи, была членом Международной социологической ассоциации (членом Исследовательского комитета по проблемам семьи), неоднократно принимала участие во всемирных социологических конгрессах.

Один из ведущих советских специалистов в области этнографии народов Прибалтики, Л. Н. Терентьева занималась проблемами этногенеза, этнической истории, этнокультурных связей, материальной культуры, современного народного быта и современных этнических процессов у народов этого региона.

Большое место в научной деятельности Л. Н. Терентьевой занимали полевые исследования. В 1950-е годы она была заместителем начальника Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, позже руководила самой крупной из функционировавших в Институте этнографии (и крупнейшей из действовавших когда-либо в нашей стране) Комплексной экспедицией по изучению изменений социально-бытового и культурного укладов у народов СССР. Сама Людмила Николаевна была превосходным полевым работником, чему в немалой степени способствовало ее умение быстро находить контакт с людьми. Собранные Л. Н. Терентьевой полевые материалы легли в основу многих ее публикаций.

Последние пятнадцать лет Людмила Николаевна возглавляла необычайно трудоемкую, во многом первопроходческую работу по созданию «Историко-этнографического атласа Прибалтики». В состав авторского коллектива вошли практически все этнографы Прибалтийских республик и Москвы, занимающиеся этим регионом. Выход в свет Атласа, которому Л. Н. Терентьева отдала много сил и энергии и как организа-

тор, и как редактор, и как автор, будет достойным памятником ее научной деятельности, тем более, что в ходе его подготовки Людмиле Николаевне пришлось проделать немало предварительных частных исследований, прежде всего по разработке типологии тех или иных этнографических явлений.

В исследование любой из проблем, которыми занималась Л. Н. Терентьева, она вносила присущую ей страстность. Она не только самоотверженно работала сама, но и мобилизовывала специалистов из Института этнографии и этнографических учреждений союзных и автономных республик.

Организатором Л. Н. Терентьева была не только по должности (22 года — с 1959 г. — она проработала заместителем директора Института), но и в силу своих незаурядных личных качеств.

Людмила Николаевна любила и умела организовывать всесоюзные сессии, посвященные итогам полевых этнографических и антропологических исследований, и региональные совещания по различным проблемам этнографии. Она заботилась о том, чтобы эти совещания проходили на высоком профессиональном уровне, с участием авторитетных ученых и перспективной научной молодежи. Л. Н. Терентьева старалась, чтобы советские этнографы, в том числе и сотрудники Института этнографии, были всегда представлены на различных всесоюзных форумах и международных конгрессах.

Большое место в деятельности Л. Н. Терентьевой занимали развитие зарубежных научных связей в области этнографии и пропаганда советской этнографической науки за рубежом. Людмила Николаевна была членом Объединенной Международной редакции и председателем Советской национальной редколлегии реферативного органа ученых социалистических стран в области этнографии и фольклористики — журнала «Демос». Многие годы она была председателем советской части Смешанной советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области этнографии и антропологии, принимала самое активное участие в организации международных финно-угорских конгрессов. Л. Н. Терентьева немало сделала для развития и укрепления научных контактов между советскими и финскими специалистами. В 1980 г. за большую организационную работу финская сторона наградила ее памятной серебряной медалью. Людмила Николаевна была почетным членом Финно-Угорского общества и Польского этнографического общества.

Научная и организационная деятельность Л. Н. Терентьевой была отмечена правительственными наградами — орденом «Знак Почета» и медалями.

Немало сил отдала Л. Н. Терентьева подготовке научных кадров, в том числе и национальных, для работы на местах. С 1952 по 1958 год она заведовала аспирантурой Института этнографии АН СССР. Много внимания Людмила Николаевна уделяла ей и в последующие годы. Она знакомилась с каждым вновь принятым аспирантом, представляла его научному руководителю, заботилась не только о завершении научных исследований выпускников аспирантуры, но и об их личной судьбе.

Все, кому приходилось общаться с Людмилой Николаевной, помнят ее ярко выраженные общественные устремления, свойственные ей с ранней молодости. В 1931 году, сразу по окончании Исторического факультета Ленинградского университета, она была направлена в Горно-Алтайскую автономную область, в ее родные края (родилась Л. Н. Терентьева в Барнауле). На Алтае она начала работать в качестве инструктора Облсполкома и вскоре возглавила Комиссию по улучшению труда и быта женщин Востока. В те годы это был один из важнейших участков социалистических преобразований и культурной революции на далеких окраинах бывшей Российской империи. Таким образом, Людмила Николаевна приняла самое непосредственное участие в планомерном переустройстве условий жизни кочевого населения Алтая. Вместе с тем она не прерывала занятий этнографией, работая на общественных началах в Областном краеведческом музее в качестве научного сотрудника. В последующие годы Л. Н. Терентьева становится штатным сотрудником сначала (в 1933 г.) Новосибирского краеведческого музея, затем (в 1935 г.) — Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Вместе с защитниками Ленинграда Людмила Николаевна пережила трагические дни блокадной зимы 1941—1942 гг. Она принимала активное участие в гражданской обороне города — была начальником команды МПВО Музея, а в 1942 г. по ледовой трассе Ладожского озера была вывезена с маленькими детьми в эвакуацию.

В ноябре 1942 г. Л. Н. Терентьева приехала в Москву. С 1943 по 1948 год она работала освобожденным секретарем партийного бюро Треста «Цветметспецстрой» Министерства цветной металлургии СССР. В октябре 1948 г. Людмила Николаевна

изновь вернулась к занятиям этнографией, поступив в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где специализировалась по этнографии народов Прибалтики.

В Институте этнографии Людмила Николаевна постоянно вела большую общественную работу: с 1951 по 1960 год избиралась секретарем, а в последующие годы неоднократно — членом партийного бюро Института. Как человеку и коммунисту ей были присущи высокая принципиальность, бескомпромиссность, требовательность к себе и другим, верность высоким идеалам марксизма-ленинизма, преданность делу Партии, делу строительства социализма.

Людмила Николаевна умела по-деловому и принципиально выступить по серьезным проблемам производственной и общественной жизни Института. Обладая волевым характером, в сложных ситуациях она подчас не избегала конфликтов во имя справедливого решения самых разных вопросов. Но и в таких случаях неизменно проявлялись ее уважение к оппоненту, умение и желание внимательно выслушать его доводы.

В общении с людьми Людмилу Николаевну отличали большая скромность, душевность, отзывчивость. Ей как нельзя более было свойственно великодушное чувство юмора, умение найти дружеский контакт с сослуживцами. Все сотрудники Института знали, что и в беде, и в радости прежде других рядом с ними будет Людмила Николаевна. Часто, не дожидаясь, пока ее об этом попросят, она делала все возможное, чтобы помочь окружающим. В Институте этнографии среди сотрудников старшего и среднего поколений, пожалуй, не так-то просто найти человека, которому она не оказала поддержки в сложной житейской ситуации.

Светлый облик Людмилы Николаевны Терентьевой, большого ученого и замечательного человека, навсегда останется в памяти всех, знавших ее.

Список основных работ *

На пути к зажиточной и культурной жизни (Колхоз «Селия» Екабпилсского района Латвийской ССР) — Сов. этнография (далее — СЭ), 1951, № 2, с. 85—104.

Крестьянские поселения и жилище в Неретском и Акнистском районах Латвийской ССР. — В сб.: Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952). (Труды Института этнографии АН СССР — далее ТИЭ — т. XXIII). М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 89—113 (в соавторстве с А. К. Крастыня).

К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. — СЭ, 1954, № 1, с. 63—84.

Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года. — СЭ, 1954, № 3, с. 106—111.

Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики. — СЭ, 1956, № 2, с. 3—17 (в соавторстве с С. А. Тарakanовой и Н. Н. Чебоксаровым).

Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1956, № 3, с. 25—34 (в соавторстве с Т. А. Жданко и В. Ю. Крупнянской).

Опыт изучения семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства. — СЭ, 1958, № 3, с. 53—71.

Основные проблемы этнографических исследований в текущем семилетии. — СЭ, 1959, № 3, с. 3—10.

Редактирование (совместно с С. А. Тарakanовой) кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I. М.: Изд-во АН СССР, 1959, 580 с.; статья: Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики, с. 340—361.

Колхозное крестьянство Латвии (Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР). — ТИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. LIX, 371 с.

Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики. — СЭ, 1960, № 3, с. 3—20 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).

Некоторые итоги работы Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году. — СЭ, 1960, № 6, с. 153—158.

Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии. — СЭ, 1961, № 2, с. 24—40.

Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. Доклад на VI МКАЭН (Париж, июль-авг.: 1960). — СЭ, 1961, № 3, с. 3—12 (в соавторстве с В. Ю. Крупнянской и Л. П. Потаповым).

Семья и семейный быт латышских крестьян. — В кн.: Семья и семейный быт колхозников Прибалтики (ТИЭ, т. LXXVII). М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 62—93.

В дружной семье братских народов. — СЭ, 1965, № 4, с. 3—15.

Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. — СЭ, 1965, № 5, с. 3—19 (в соавторстве с О. А. Ганцкой).

Крестьянские поселения Прибалтики (История формирования, современное состояние, перспективы развития). — СЭ, 1966, № 1, с. 30—51 (в соавторстве с И. П. Буткявичусом и Н. В. Шлыгиной).

Распространение атеистического мировоззрения и безрелигиозных форм быта среди

* Полный список опубликованных работ Л. Н. Терентьевой включает более 100 названий.

кохозников-латышей.— В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.—Л., 1966, с. 53—78.

Fischersiedlung und Fischerhaus in Lettland und Estlands im XIX Jahrhundert.— Acta Visbyensia, II. Uppsala, 1966.

Gemeinderelikte in den Bauernsiedlungen Lettlands und Estlands im XIX Jahrhundert.— In: Die Bauerngesellschaft im Ostseeraum und im Norden um 1600 (Acta Visbyensia, II). Uppsala, 1966, (в соавторстве с Н. В. Шлыгиной).

Народы Прибалтики.— В кн.: Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, с. 243—313 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).

Балто-славянские культурные связи (по данным этнографии).— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады Советской делегации. М.: Наука, 1968, с. 168—191 (в соавторстве с О. А. Ганцкой).

Problematyka związków kulturowych ludności bałtyjskiej i słowiańskiej w pracach etnografów radzieckich.— In: Materiały Zachodniopomorskie, Szczecin, 1968, t. 14, S. 237—249.

Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3, с. 20—30.

Исследование семьи в аспекте этнических процессов. М., 1970, 10 с. [Доклад на VII Междунар. социол. конгрессе. Варна, 1970] (в соавторстве с О. А. Ганцкой).

Проекты регулирования казенных имений как источник для изучения сельских поселений Латвии (вторая половина XIX века).— В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 281—299.

В кн.: Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. М.: Наука, 1971, статьи: Крестьянские поселения Северной Латвии (Видземе) эпохи капитализма (1860—1917 гг.), с. 142—200; Крестьянские поселения Латгалии эпохи феодализма (XVIII—первая половина XIX в.), с. 201—219.

Erfahrungen bei der Erarbeitung regionaler historisch-ethnographischer Atlanten.— In: Studia Ethnographica et folkloristica in honorem Bêla Gunda. Debrecen, 1971, s. 69—85.

Этнические процессы и семья. М., 1972, 11 с. [Доклад на XII Междунар. семинаре по исследованию семьи].

Редактирование (совместно с З. А. Янковой) кн.: Аннотированная библиография работ по проблемам семьи в СССР (1957—1971 гг.). М., 1972, в. 1, 142 с.; в. 2, 257 с. [издана к XII Междунар. семинару по исследованию семьи. Москва, 1972].

Gegenwärtige ethnische Prozesse bei den Völkern des Wolga Gebietes, des Uralgebietes und des Europäischen Nordens der UdSSR.— Ethnologia Fennica. 1972, № 2.

Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР.— СЭ, 1972, № 6, с. 38—51.

Этнос и семья в СССР. М.: Наука, 1973, 17 с. [Доклад на IX МКАЭН. Чикаго, сентябрь, 1973 г.] (в соавторстве с О. А. Ганцкой).

No Latgales lauku armetnu vestures (18gs—20gs sakumis).— In: Archeologia un Etnografija. Rīga, 1973, X, lpp. 215—234. [Из истории сельских поселений Латгале (XVIII—начало XX в.)]

Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. М., 1974, 13 с. [Доклад на VIII Всемирном конгрессе социологов. Торонто, 1974 г.]

В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975 (1 изд.), 1977 (2 изд.), гл. X, раздел: Межэтнические браки и их роль в этнических процессах, с. 458—480, с. 460—483 (в соавторстве с О. А. Ганцкой).

В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975, статьи: Из опыта работы по этнографическому картографированию, с. 3—10; Формы крестьянского расселения и землепользования в западной и южной Латвии (XIX—начало XX в.), с. 183—234.

Крестьянские поселения Латвии (Земгале).— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1974. М.: Наука, 1975, с. 50—61.

Картографирование культуры населения Латгалии в связи с историей ее формирования.— В кн.: Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Л.: Наука, 1977, с. 200—211.

Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике: В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1979, в. 9, с. 136—160.

К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона.— В кн.: Проблемы типологии и этнографии. М.: Наука, 1979, с. 26—39 (в соавторстве с Н. В. Шлыгиной).

Межнациональные браки и их роль в этнических процессах в СССР: историографический очерк.— В кн.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М.: Наука, 1979, с. 216—245 (в соавторстве с М. Я. Устиновой).

Материальная культура народов Прибалтики как объект историко-этнографического картографирования.— В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980, с. 46—56.

Редактирование кн.: Советское финноугроведение. 1975—1980. Обзоры работ советских ученых [Материалы к V Междунар. финноугорскому конгрессу. Турку, 1980 г.]. М., 1980, 223 с.; разделы: Этнография, Введение, с. 54—77; Научная жизнь, с. 130—140.

Редактирование кн.: Советское финноугроведение. 1975—1980. Указатель литературы к обзорам [Материалы к V Междунар. финно-угорскому конгрессу. Турку, 1980 г.]. М., 1980, 174 с.

The Numerical Trends of the Russian Population and the Changes in Its Geographical Distribution Subsequent to the Great October Socialist Revolution

The numerical trends of the Russian population and the changes in its geographical distribution are analysed in the paper for the period subsequent to the Great October Socialist Revolution (the same processes were examined for the pre-revolutionary period in the previous issue of our journal).

During the whole post-revolutionary period the population of our country (in its present-day boundaries) has grown by 60.4 p. c., while the number of Russians increased by 79.6 p. c. The average annual increase was 7.7 p. c. for the population as a whole and 9.5 p. c. for the Russians. The proportion of Russians in the country's total population has undergone substantial variations: their percentage was 46.8 in 1917, 47.0 in 1926, 52.4 in 1939, 54.6 in 1959, 53.4 in 1970 and 52.4 in 1979.

The geographical distribution of the Russians has also considerably changed: in 1917 67.6 p. c. of all the Russians lived in five economic regions of the actual Russian Federative Republic: the North-Western, Central, Volga-Viatka, Central-Chernozem and the Volga regions; in 1979 the share of these five regions was only 48.3 p. c. (in spite of the fact that included within this area are the country's two greatest cities, Moscow and Leningrad, whose population grew several times in this period); on the contrary, the four eastern economic regions of the RSFSR (the Urals, West-Siberian, East Siberian and Far Eastern regions) held only 17 p. c. of all the Russians in 1917 and 26.4 p. c. in 1979. These changes are due to a number of causes: differences in the natural increase rates between different peoples, intensive ethnic processes, swelling migration flows caused by industrialization and urbanization.

Two periods may be distinguished in the country's ethnodemographic history. The first of them lasted up to the end of the fifties; in this period the proportion of Russians in the country's total population gradually rose owing to their fairly high natural increase and to intensive assimilation processes. Typical of the Russians in those years was their high mobility: a large number of them left the Russian Federative Republic for other Union republics, many others migrated from the western and central to the eastern regions of the Republic. The second period which fell on the sixties and the seventies shows a noticeable reduction in the Russians' natural increase rate and a diminishing influence of ethnic processes over the numerical trends of the various peoples. As a result, the proportion of Russians in the country's population has begun to fall: it was 54.6 p. c. in 1959, 53.4 p. c. in 1970 and 52.4 p. c. in 1979.

S. I. Brook, V. M. Kabuzan

The Content of the Concept «Anthropology» at the Present Development and Integration Level of Science in the Soviet Union

The integration of sciences is a comprehensive process that involves all fields of knowledge. This process is taking place side by side and in close connection with their continuing differentiation.

Anthropology as a whole is developing in conformity with the general trend in the development of knowledge; this ensures the stability of the main content of this science in spite of its internal ramifications, the changes in its techniques, the rise of marginal fields. Contrary opinions notwithstanding anthropology is not a system of sciences but a single science that has become formed through a process of natural growth, having its own professional specificity, its traditional approach to its subject, its own rich experience. It will in future be able to play the role of an «integrator» in the process of forming new complex scientific systems of a higher order for the study of man.

The term «antropologiya» in the USSR is analogous to «physical anthropology» in the West. The terminological difference is here a purely traditional one. There is no justification for changing an already established customary name of a science or for attaching it to some other broad systems of sciences studying man that have not as yet become finally formed.

A. A. Zubov

**The Wedding Ritual in Public Opinion
[on the Base of Ethnosociological Studies
of Soviet Peoples]**

The development of the modern wedding ritual is examined in the paper under two main aspects: 1) the proportion of the traditional and the novel elements in the wedding ritual and the tendencies and prospects of the further development of both these elements in our time; 2) the sociopsychological viewpoint, i. e. that of problems concerning people's personal interrelations, their types of behaviour in ritual situations. The author's interest is centred in particular upon the population's attitude to family rituals and to their actual prevalence in different age groups and socio-professional groups.

The paper is based upon materials of ethnographic studies, use being made of ethno-sociological quantitative methods.

Among their more important conclusions the authors stress their opinion that the presently functioning elements of the traditional wedding play a certain role in the values and norms that form elements of ethnic self-awareness. Further study of people's attitudes to rituals in general and to family rituals in particular as related to the changes that are taking place in social mentality and ethnic self-awareness and to the functioning of public opinion may considerably enlarge our ideas about the trends and prospects of their development.

L. M. Drobizheva, L. A. Tultseva

**The Reflection of Ethnosocial Processes in the Material
Culture of the Present-Day Rural Family
[as Exemplified by the Peoples of Middle Asia and Kazakhstan]**

Contemporary ethnocultural processes have, among other things, affected the material culture of our country's peoples including those of the Middle Asian (Soviet Central Asian) republics and Kazakhstan. Everyday life is tending to become standardized and modernized; modern urbanistic, so-called «city» forms of material culture common to all Soviet peoples are becoming increasingly widespread. At the same time, another process is taking place in material culture, that of the development and strengthening of the positive elements in the traditional national culture.

The degree to which new inter-national elements of culture and of everyday life as a whole are developed and to which traditional elements are changed is most clearly brought out in studying the family, that «microenvironment of ethnic processes». The author attempts to show how the above named processes are reflected in the everyday life culture of an individual family; the study of its material culture offers interesting important data for describing a number of deeply-rooted phenomena in family life, in the form and structure of the family.

As a result of her studies, the author comes to the conclusion that the ethnic processes taking place among our country's peoples find their reflection in the material culture of the individual family. The development of new Soviet and traditional elements of culture, the changes occurring within them depend to a high degree upon the ethnic and social environment; this is well illustrated by the examples adduced in the paper.

The paper is based upon the author's field materials collected in the sixties and the seventies.

G. P. Vassilyeva

The Rise of the Métis Population in Canada

The paper deals with the origins of the métis ethnic community of Canada. The process is described as it occurred in different historical-geographic regions of the country and particularly in the Canadian West. It was here, in the prairies that the first large compact métis group, the result of marriages between white men and Indian women, arose in the course of ethnic processes called forth by European colonization. The métis' mothers were women of different Indian tribes, their fathers were French Canadians, Anglo-Canadians, British (Scottish, English, Irish) and other European immigrants. Accordingly, two métis groups came into being; the first and more numerous one comprised French-speaking métis, Catholics by religion; the second, smaller group was constituted of English-speaking Protestants. Despite their religious and ethnic differences these groups

gradually drew together thus creating the necessary preliminary conditions for their merging into a single métis community. The growth of a common ethnic self-awareness, a prolonged and complex process, was decisively stimulated by the groups' common economic and political interests, their joint struggle for their lands and land rights, for independence and liberty within the framework of the Canadian Confederation. The most striking manifestation of this common struggle waged jointly by the French and the English métis and the Indians were the famous 1869-70 and 1885 rebellions in the North-West headed by Canada's national hero, the métis Louis Riel.

L. N. Fursova

The Gavli-Dhangars: the Ecology of a Pastoral Caste

The paper examines how vegetation, animal predators, diseases, rival social communities, and urban developmental schemes have participated in moulding the geographical distribution, settlement pattern, animal husbandry practices and shifting cultivation carried on by a traditionally buffalo herding pastoral caste, the Gavli Dhangars of Peninsular Western India. Extensive studies conclusively demonstrate that the non-sustainable commercial exploitation of forests and submersion of vast tracts has led to substantial deterioration of the ecological balance of the Gavli habitat. This is driving the Gavlis progressively through successive stages from that of buffalo-keepers to cattle-breeders, to goat-herders, to cultivators of marginal hill tracts and finally to landless labourers. This is inevitable so long as the present practice of equating development of natural resources with their commercial exploitation in the interest of the private urban-industrial sector continues.

M. Gadgil (Bangalore), K. Ch. Malhotra (Calcutta).

CONTENTS

S. I. Brook, V. M. Kabuzan (Moscow). The Numerical Trends of the Russian Population and the Changes in Its Geographical Distribution Subsequent to the Great October Socialist Revolution. *A. A. Zubov* (Moscow). The Content of the Concept «Anthropology» at the Present Development and Integration Level of Science in the Soviet Union. *L. M. Drobizheva, L. A. Tultseva* (Moscow). The Wedding Ritual in Public Opinion (on the Base of Ethnosociological Studies of Soviet Peoples). *G. P. Vassilyeva* (Moscow). The Reflection of Ethnosocial Processes in the Material Culture of the Present-Day Rural Family (as Exemplified by the Peoples of Middle Asia and Kazakhstan). *L. N. Fursova* (Moscow). The Rise of the Métis Population in Canada.

Communications

Ch. A. Bahyshov (Baku). Changes in the Ethnic Composition of the Azerbaijan SSR (according to 1897—1979 Census Data). *A. B. Dzadziyev* (Ordzhonikidze). Traditional Forms of Spending Leisure Time in the Social Life of Osset Peasantry in the 19th and Early 20th Centuries. *N. V. Lukina, L. M. Pletniova* (Tomsk). The Museum and the Student (to the Centenary of the Tomsk University Museum for the Archaeology and Ethnography of Siberia). *V. Ye. Gussev* (Leningrad). On the Fringe of Byelorussian Polesye Region. *M. V. Kriukov* (Moscow). Exhibitions Showing Eurasian Nomad Culture in Japan. *V. N. Shinkarov* (Moscow). Naga Sacral Community Leaders. *M. Gadgil* (Bangalore). *K. Ch. Malhotra* (Calcutta). The Gavli-Dhangars: the Ecology of a Pastoral Caste.

Searchings, Facts, Hypotheses

S. S. Savoskul (Moscow). The Russian Dramatized Game «The Boat» in Markovo Village, Chukotski Peninsula.

Academic Life

I. I. Zemtsovsky (Leningrad). An International Folklore Conference. *N. A. Dubova, N. A. Dolinova, L. T. Yablonsky* (Moscow). The Second All-Union Anthropological Conference in Minsk. *J. Laniauskaite-Morkunene, J. Mardosa* (Vilnius). A Conference of Lithuanian Ethnographers. *Ye. S. Soboleva* (Leningrad). The Fourth Maclay Readings. *N. Ya. Daragan* (Moscow). Methodological Problems in Ethnography: the Moscow Conference of Young Specialists in the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography. *B. V. Ivanov* (Leningrad). Ethnographers on the BAM (Baikal—Amur Railway under Construction). Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *L. Ye. Kubbel* (Moscow). Ethnography. Ed. by *Yu. V. Bromley* and *G. Ye. Markov. A. M. Reshetov* (Leningrad). *S. I. Brook*. World Population. An Ethnodemographic Handbook. *B. A. Frolov* (Moscow). *L. A. Fainberg*. At the Sources of Sociogenesis. *T. V. Yegorova, V. I. Kozlov* (Moscow). «Society and Nature. The Historical Stages and Forms of Their Interaction». *M. Ya. Golberg* (Drogobych). *Yu. D. Levin*. Ossian in Russian Literature. Peoples of the USSR. *A. A. Susokolov* (Moscow). *V. O. Rukavishnikov*. Urban Population (Social Composition, Settlement Patterns, Assessment of Urban Environment). *T. V. Lukyanchenko* (Moscow). *A. A. Kisseliov, T. A. Kisseliova*. Soviet Saams. Their History, Economic Life, Culture. *L. A. Tuftseva* (Moscow). *N. K. Gavriliuk*. Mapping Phenomena of Spiritual Culture (on Material of the Ukrainian Birth Ritual). *L. S. Khristoliubova* (Izhevsk). *S. S. Kuroglo*. Gagauz Family Ritual in the 19th and Early 20th Centuries. *A. A. Lebedeva* (Moscow). A Catalogue of the Ethnographic Collections of the Tomsk University Museum for the Archaeology and Ethnography of Siberia. *V. K. Sokolova* (Moscow). *K. V. Cistov*. Karelia's Russian Folk Tale Narrators: Sketches and Memories; *I. A. Fedosova*. Selected Works. *Ye. A. Okladnikova* (Leningrad). *M. A. Devlet*. The Mugur-Sargola Petroglyphs. Peoples of Asia outside the USSR. *V. A. Makarenko* (Moscow). *Andrew B. Gonzalez*. Language and Nationalism. The Philippine Experience Thus Far.

Ludmila Nikolajevna Terentjeva.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 12.07.82	Подписано к печати 04.10.82	T-10593	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 42,2 тыс.	Уч.-изд. л. 19,7
	Тираж 2693 экз.	Зак. 4224	Бум. л. 5,5

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

Кузьмина Е. Н. ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТСКОГО НАРОДА. 1980. 160 с. 1 р. 20 к.

В работе прослеживается развитие женских образов от зооморфных и антропоморфных персонажей, выявляются основные функции действующих лиц эпоса, типы улигерных героинь.

Книга рассчитана на фольклористов, этнографов и всех, кто интересуется устной поэзией бурятского народа.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ. 1978. Сборник статей. 1980. 263 с. 2 р. 80 к.

Сборник содержит статьи, освещающие результаты этнографических этносоциологических и антропологических экспедиционных исследований, проведенных сотрудниками института в разных районах нашей страны и за рубежом в 1978 г. Анализируются вопросы методики полевых исследований.

Книга хорошо иллюстрирована и представляет интерес для этнографов, социологов, историков, антропологов, фольклористов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев
проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский
проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск
Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрун-
зе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.